

О.В. СМЫКА

ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ

УДК 82-1-19
ББК 84стд10-50
С52

О.В. Смыка

Черновики переводов М. – Новый Хронограф, 2022. – 544 с.

ISBN 978-5-94881-535-0

Ольга Викторовна Смыка (1945–2022) – филолог-классик, переводчик. С 1972 по 2022 год она работала на кафедре древних языков исторического факультета МГУ. Наследие О.В. Смыки – научные публикации и переводы. Подготовленная книга содержит часть черновиков неопубликованных переводов, выполненных в основном в 1980-е гг. Эти переводы, в которых глубокое понимание языка оригинала сочетается с тонким поэтическим чутьем – путеводная нить для заинтересованного читателя в богатый мир древнегреческой и латинской поэзии.

ISBN 978-5-94881-535-0

© Смыка О.В., наследники, 2022
© Штерн А.И., составитель, 2022
© Издательство «Новый Хронограф», 2022

*Это черновики,
Не судите строго*

КВИНТ СМИРНСКИЙ ПОСЛЕ ГОМЕРА

Первая песнь¹

После того, как погиб от Пелида божественный Гектор,
Тело предали огню, а останки земля схоронила,
В граде Приама закрылись троянцы, объятые страхом.
Ужас внушал им один Эакид, дерзновенный душою.
5 Так же, как к логову грозного льва и быки, и коровы
Близко идти не хотят, но, объятые страхом, несутся,
В тесное стадо сомкнувшись, к лесной непролазной чащобе,
Так и троянцы бежали ко граду от грозного мужа,
Помня, что было – как много голов поносил он,
10 Возле потоков Скамандра Идейского, помня, сколь многих,
Бегством спасавшихся, он погубил под великой стеною,
Помня, как Гектора он, одолев, проволоч вокруг Трои,
Толпы воев других перебил близ немолчного моря,
Именно тут нанеся поражение троянцам впервые.

¹ Перевод выполнен по изданию Hesiodi Carmina: Apollonii Argonautica; Musæi Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenæ; Quinti Posthomerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetæ Anthomerica, etc. græce et latine, edidit F.S. Lehrs. — Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi Fragmenta, cum commentaries aliorum et suis, adjecit Fred. Dübner. Parisiis, F. Didot frat. 1840.

- 15 В памяти это держа, оставались троянцы во граде,
Всех их терзала тогда такая щемящая мука,
Будто уже запылал Илион многостенный пожаром.
Тою порой от широкоотекущей реки Фермодонта
Пентесилея явилась, подобная видом богине.
- 20 Равно ее побуждали – стремление к битве плачевной
Вместе с желаньем избежать молвы, позорной и злобной,
Чтобы никто из своих не срамил ее явной уликой
Из-за сестры, по которой она свою скорбь умножала,
По Ипполите, что крепким копьем погубила царица
- 25 Вовсе того не желая, когда промахнулась в оленя.
С этим она прибыла в многославную землю троянцев.
Кроме того, побуждало и сердце ее боевое
В битвах от скверны очиститься скорбного кровопролитья,
Жертвами милость богинь снискать, ужасных эриний,
- 30 Тех, кто, гневясь за сестру, невидимками мчались за нею.
Вечно они под ногами у тех, кто свершил преступленье,
Вертятся, их избежать никому из людей невозможно.
Прибыли также за ней и другие двенадцать прислужниц,
Все благородны, все алчут войны и кровавого боя;
- 35 Эти прислужницы были собой несказанно прекрасны,
Правда, своей красотой затмевала их Пентесилея,
Так превосходит все звезды луна средь широкого неба,
Ярко-преярко она, появляясь меж ними, сияет
В час, как очистится небо от туч, громыхающих гулко,
- 40 В час, как смирится порыв необузданно дышащих ветров;
Так меж стремительных дев выделялась и Пентесилея.
Были при ней Полемуса, Клоние, была Дэриона,
Также Эвандра, Антандра и дивная с ними Бремуса,
Там Гармотоя была темноокая и Гиппотоя,
- 45 Алкибиэ, Антиброта, а с ними и Дэримахея,
Также копейщица славная, с ними была Термодосса –

Вот кто явился совместно с воинственной Пентесилеей.
Будто бы Эос-Заря спускается с высей Олимпа,
В сердце гордясь красотой блестящих коней и упряжки,
50 С Орами вместе идя, чьи косы заплетены дивно,
Светлою блещет красой среди них, безупречно прекрасных,
Эос подобясь, Пентесилея явилась под Трою,
Ярко красой выделяясь из всех Амазонок. Троянцы,
К девам навстречу сбежавшись, немало дивились, увидев
55 Пышнопоножную дочь Арея, упорного в битве.
В том на богинь походила она, что лицо ее образ
Равно имело как ужас внушающий, так и прекрасный.
Мило улыбка цвела; под бровями чудесные очи,
Так и рождая любовь, лучистые ясно сверкали.
60 Скромность румянила лик, и, судя по внешнему виду,
Мощь облакалась ее божественной прелестью дивной.
Радость вселилась в народ, удрученный доселе печалью.
Так неотрывно глядят земледельцы с высокого берега
В море широкопучинное, где возникает Ирида
65 Радугой. Страстно они ожидают дождя, ведь посевы
Сохнут уже на корню, истомившись по Зевсовой влаге.
Вот, наконец, потемнело на небе, и люди, увидев
Доброе знаменье ветра и близкого сильного ливня,
Радости снова полны, хоть раньше стонали от горя.
70 Так же и Трои сыны, когда у себя увидали
Грозную Пентесилею, к сраженью влекомую сердцем,
Возликовали. Всегда в человеке гнездится надежда,
Что улыбнется удача и скорбная гибель отступит.
Да и Приама душа, претерпевшего много печали,
75 Много великого горя, немного отрады вкусила.
Словно слепой человек, страдающий тяжело без зренья,
Жаждающий свет увидеть, а без света уж лучше погибнуть,

Если уменьем врача или властью бессмертного бога
Чует, что мрак перед ним редеет и свет проступает,
80 Видит не так, как здоровый, но лишь постепенно крепчает
После великой беды, и пока еще сильные боли
Очи под веками жгут, – вот так, с подобным же чувством,
Отпрыск Лаомедонта взирал на Пентесилею.
Малой была его радость, а горе по сыну – огромным.
85 Пентесилею Приам к своему провожает жилищу,
Почести ей воздавая, как будто бы собственной дочери,
Снова вернувшейся в дом после двадцатилетней разлуки.
Пир задает в ее честь, роскошный – какими, бывает,
Гордые славой цари свои отмечают победы
90 Над племенами, когда веселятся до ночи глубокой.
Много Приам преподнес ей подарков прекрасных и много
Ценного дать обещал, если в битве поможет троянцам.
Дева же старцу сулила такое, на что еще смертный
Прежде надежд не питал – Ахилла сразить и ахейцев,
95 Сколько их есть, погубить и огонь на суда их обрушить,
Глупая! Был ей неведом Ахилл, бесподобный копейщик,
Самый могучий из всех в сраженьи, мужам смертоносном.
Слышала все Андромаха, прекрасная дочь Этиона,
И про себя, вероятно, она говорила на это:
100 «Что ты, бедняжка, вещаешь сейчас, возомнивши так много,
Где ж это сила в тебе, чтоб тягаться с Пелейоном в битве!
Будет тебе от него лишь кровавая скорая гибель,
Что за безумные мысли! Ведь близок уже, несомненно,
Смертный порог для тебя и судьба, предрешенная богом.
105 Гектор силен был копьем – тебе ли с ним мощью равняться,
Но и его, силача, одолел он на горе троянцам –
Все ведь на Гектора, словно на бога какого смотрели.
Гектор при жизни своей был и мне, и родителям славой,
Если бы скрыла земля под могильным холмом меня прежде,

- 110 Чем его душу исторгло копье, в подбородок уметив!
Так и стоит пред глазами мучительно и нестерпимо,
Как вкруг стены волокут его тело поспешные кони,
Кони Ахилла, который тогда меня сделал вдовою,
Так что теперь навсегда мой удел только горькое горе».
- 115 Так говорила в душе стройноногая дочь Этиона,
Вспомнив супруга. Ведь горе по рано погибшему мужу
Только растет и растет у преданно любящих женщин.
Солнце, свой круг совершив над пляшущей быстро пучиной,
Вновь в Океана потоки ушло, и заря догорела.
- 120 Только тогда они встали от чаш и прекрасного пира
И поскорее уютно устроили пышное ложе
В доме обширном Приама для доблестной Пентесилеи.
Дева едва прилегла, как сон обволок ее очи,
Крепко смежив их. И тут, по веленью Афины Паллады,
- 125 С высей эфира спускается Сон, и коварный, и лживый,
С тем, чтоб поверив ему, тогда на свою же погибель
Дева вскипела сражаться и в бой устремилась вернее.
Вот подстрекала к чему Тритогенея, умная в битвах.
Пагубный сон пред царицей предстал в отцовом обличье,
- 130 Ей приказал он бесстрашно на бой выходить с Ахиллесом
В беге проворном; и дева на слово отца таковое,
Радостно духом вскипев, решила великое дело
В этот же день совершить в цепенящем пылу столкновенья.
О неразумная! Это всего лишь был сон полуночный,
- 135 Сон, что морочит всегда многобедственный род человеков,
Веки смеживший, и тешит его и обман, и насмешка;
Он замутил ее разум, толкнул на тяжкое дело.
Розовой поступью вышла меж тем Эригенея-Эос,
Встала и Пентесилея, и мощно окрепшая сила
- 140 Билась в груди у нее. И она начала облачатся
В дивной работы доспех, что выдал Арес ей, родитель,

Прежде всего на свои серебристые ноги надела
Поножи чистого золота – сидели они как влитые;
Панцирь приладила – так и сверкал он; и меч свой огромный
145 В ножнах серебряных, гордость свою, чрез плечо привязала,
Ножны украшены были искусно слоновою костью;
Дева и щит подняла, луны повторяющий круглость
В час, как она восстает из глубоких пучин Океана,
Лишь вполовину заполнив пространство изогнутых рожек.
150 Щит нестерпимо сверкал; на голову шлем водрузила.
Конские волосы там золотые по ветру играли,
Все облачение девы, что в бой снаряжалась, сверкало,
Как светоносная молния, что низвергает с Олимпа
Зевсова мощь необорная, огонь устремляя на землю,
155 Вниз изливая тяжелые струи дождя или ливня
В шуме и вое ветров непрерывном и многоголосом.
Тотчас же Пентесилея спешит из дворца удалиться,
Дротиков пара при ней, под щитом, а в деснице зажато
То, что в подарок она от Эриды-Вражды получила –
160 Мощный двуострый бодец – чудовищный в битве помощник.
Радуясь этому дару, царица из башни выходит,
К битве, мужей покрывающей славой, троян призывая;
Ей повинуюсь, немедленно лучшие вои выходят,
Даже и те, кто доселе идти не хотели на бой с Ахиллесом –
165 Он ведь их всех укротил бы. Но Пентесилея-царица
С пылом своим горделивым красавца-коня оседлала,
В беге быстрейшего, он от Борея жены, Оритии
Был гостевым подношеньем, во Фракии принятым ею –
Конь сей блистал быстротой и средь Гарпий, стремительных в лете.
170 Вскачь удаляясь на нем, благородная Пентесилея
Города стены крутые оставила. Страшные Керы
Нудили кинуться в бой – что первым ей был и последним.

После Гомера

Толпами в битву троянцы пошли за несчастною девой,
Ноги несли их вперед, но назад им уже не вернуться,
175 Шли они следом за ней, как овцы идут за бараном,
Что за собой их ведет, пастухом деревенским приучен,
Так и за Пентесилеей пошли, побужденные к бою
Крепкие Трои сыны с амазонками, мощными духом –
Словно сама Тритонида, поднявшая длань на Гигантов,
180 Или Эрида, на войско летящая с шумом сраженья,
Пентесилея была меж защитников города Трои.
Славный и добрый потомок богатого Лаомедонта
Руки, страдавшие много, подъяв, простирает к Крониду,
Он обращает мольбу к святилищу Зевса-идейца,
185 Кто постоянно за Троей приглядывал собственным глазом:
«Выслушай, отче, меня, и народы ахейские ныне
Дай нам повергнуть рукою царицы, Ареевой дщери.
Мне сохрани ты ее, чтоб вернулась домой невредимой.
Чту я Арея весьма, твоего исполинского сына,
190 Чту я и деву, подобную видом небесным богиням,
Пентесилею – она по рожденью тебе сопричастна.
Сжался над сердцем моим – оно ведь так много страдало.
Видел я гибель детей, которых руками аргивян
Хищные Керы настигли среди самого пекла сраженья,
195 Сжался, ведь нас уже мало, в чьих жилах струится Дардана
Светлая кровь, и пока не разрушена Троя, наш город,
Дай отдышаться от тягот убийств и Ареева дела!»
Так говорил он, молясь. И тут же с пронзительным криком
Слева промчался орел, а в когтях его билась голубка,
200 Еле дыша. И всею душою Приам содрогнулся,
Понял он, что не видать ему Пентесилею живую,
Нет ей возврата с войны, и в этот же день подтвердилась
Истинность божьего знака. Ведь все, что должно было сбыться,
Керы свершили. И горе сломило Приамову душу.

- 205 Были аргивяне все удивленьем немало объяты,
Издали видя, как мчатся троянцы и с ними царица;
Те же, как дикие звери, несущие лютую гибель
Стаду овец рудоносных, иль как раздуваемый ветром
- 210 Пламени мощный порыв, что сухой разорвет кустарник,
Мчались вперед на аргивян, и кто-то промолвил невольно:
«Кто ж это снова троянцев собрал после Гектора смерти,
Мы-то считали, что им против нас никогда не подняться.
Ныне ж несутся они на великую битву, пылая,
- 215 Кто же сумел побудить их подняться на воинский подвиг?
Может быть, кто из богов замышляет великое дело?
Впрочем, знакома и нам отвага, что боги владеют,
И не без помощи вышних богов мы сразимся сегодня».
- 220 Рек. И ахейцы в блестящих доспехах, надетых поспешно,
Хлынули прочь с кораблей, и в тела их вливалась отвага.
Кинулись в битву, как звери, чья пища – кровавое мясо,
Все снаряженье их было прекрасно, оружие остро,
Крепкими панцири, вескими шлемы, и вот уже стали
- 225 Вои друг друга разить, ударяя оружием медным
Смело, и Трои земля потемнела от пролитой крови.
Пентесилея сразила Молона и с ним Персиноя,
Также Эйлисса и Антитеона, и храброго Мрия,
Эмонидея сразила Гиппалмона и Эласиппа.
- 230 Пал Лаогон от руки Дэрионы, Менипп – от Клонии,
С Протесилаем сей юноша прибыл сюда из Филаки,
Чтобы с могучими Трои сынами померяться в битве.
Гибель Мениппа на бой разожгла Ификлида Подарка,
В дружбе великой они состояли, и вскоре Клония
- 235 Пала, богине подобная, им сражена. Поразил он
Чрево насквозь ей тяжелым копьем, и на землю тотчас же

Черная хлынула кровь, а с нею и внутренность чрева.
Пентесилея, во гневе за гибель подруги, схватила
Длинное древко копья и метнула в Подарка, поранив
240 Мускулы правой руки и кровь проводящие вены.
Черная кровь заструилась из раны проворным потоком,
Он же отпрянул назад со стоном мучительно тяжким, –
Страшная боль необорно пронзала и тело, и душу.
Был филакеянкам отступ его несказанно приятен, –
245 Он, удалившись едва от сражения, замертво рухнул
На руки верных товарищей, гибелью быстрой охвачен.
Идоменей поражает Бремусу – под правую грудь ей
Длинное вникло копье, и сердце тотчас разорвалось.
Пала на землю она, как падает ясень прекрасный,
250 Срубленный где-то в горах, – раздается мучительный посвист
Листьев и мощный удар ствола при этом паденьи.
Так и Бремуса упала со стоном, и связь ее членов
Смерть развязала, и с ветром душа, отлетая, смешалась.
Кинувшись в смертную битву, сразил Мерион Термодоссу,
255 Также Эвандру. Одной он вгоняет могучим ударом
В самое сердце копье, а, столкнувшись в сраженьи с другою,
В низ живота поражает мечом – и мертвы уже обе.
Сын Оилея могучий сражает в бою Дериону,
Острым копьем под ключицу попав при удачном ударе.
260 Тут же Тидид Алкибе и доблестной Деримахее
Головы с шеями сносит, отрезав по самые плечи,
Меч смертоносный подъяв, и валятся обе на землю,
Словно телицы, которых юнец отрешает от жизни,
Крепким своим топором разрубая им шейные жилы;
265 Так на Троянской равнине под мощной рукою Тидида
Пали тела этих дев, а головы пали отдельно.
После погибели дев Сфенел поражает Кабира,
Мощного мужа, что прибыл из Сеста с желанием биться
Против аргивян – теперь уж ему не вернуться в отчизну.

- 270 Гибель Кабира наполнила гневом Парисово сердце,
Кинулся он на Сфенела, но ранить его не уметил –
Мимо стрела пролетела, туда, куда черные Керы,
Неумолимые Керы ее пожелали направить.
Пал от стрелы опоясанный медью Эвенор, который
- 275 Прибыл, покинув Дулихий, чтоб в битве с троянцами биться.
После убийства Эвенора сын благородный Филея
Встал и внезапно напал, словно лев на овечью отару –
Все содрогнулись тогда при виде могучего мужа.
Итимоней он сверг с Агелаем, Гипасия сыном,
- 280 Кто из Милета всегда представлял для данайцев угрозу,
Также преславного Наста с великим душой Амфимахом,
Тех, чьи владенья – Микала и Латмос с вершиною белой,
Бранга большие долины и берег удобный Панорма,
Глуби Меандра-реки текущего в землю карийцев
- 285 Полную лоз виноградных из Фригии стадообильной
(Воды Меандра текут, извиваясь в крутых поворотах).
Вот кого Мегес убил, схватившись в сражении; также
Стольких сразил он копьем, до стольких оно долетело.
Это сама Тритогенея в грудь ему смелость вложила
- 290 С тем, чтобы недругам день их погибели был бы ниспослан.
Тут Полипотес, питомец Арея, сражает Дресея –
Мудрому Феодаманту его породила Неера,
Слившись на ложе под кручей Сипила, покрытого снегом.
Там превратилась Ниоба в скалу, и обильные слезы
- 295 Все еще льются ручьями с высокого камня, и стоном
Им отвечает поток многошумного гулкового Герма,
Стоном ответственуют вышние кручи Сипила, в которых
Вечно гуляют туманы, враги овцепасов окрестных.
Эта скала для прохожих людей – настоящее чудо,
- 300 Вид ее сходен на диво с женою, объятаю скорбью,
Льющею тысячи слез, под гнетом страдания тяжким,

После Гомера

Издали глядя на гору, точь-в-точь эту женщину видишь,
Скажешь, ну, прямо она – когда же подвинешься ближе,
Ясно, что это – всего лишь скалистый обломок Сипила, –
305 Гневную волю богов выполняя, в скале она плачет,
Сходство с горящей женщиной даже теперь сохраняя.
Трои сыны и данайцы друг друга меж тем истребляли.
Видимо, сам Кидимос – этот демон смятения – взвился
В гуще народов. И стал близ него, как всегда, несмягчимый
310 Смертный Предел, а вокруг смертоносные Керы кружили,
Те, что с собою несут оглашенную стонами гибель.
Сердце стучать перестало у многих троян и ахейн
В прахе простертых, и плач начался неумолчный.
В Пентесилее, однако, великая мощь не иссякла.
315 Нет! Словно львица, что бродит в горах и стадо увидит,
Делает мощный прыжок через глубь каменистой лоцины,
Жаждою крови полна – и ее веселит эта жажда –
Так же Аресова дочь на данайцев тогда устремилась.
Тут отступили данайцы назад в изумленьи глубоком,
320 Пентесилея – за ними, подобна волне тяжкозвучной,
Мчащей на быстрый корабль, плывущий под парусом белым
В ветреный день, когда море протяжно ревет, изрыгая
На берег массы воды. А царица, напав на данайцев,
Так про себя изрекала угрозы, собой возгордившись:
325
«Вы мне, собаки, заплатите ныне за горе Приама!
Нет человека, который бы смог от меня уклониться,
И уцелел бы на радость родителям милым и детям,
Также и женам своим! И быть вам добычей
330 Птицам и диким зверям, и вам погребенья не будет!
Где там Тидидова сила, куда Эакид подевался?
Где же Аякс? Ведь слывут они лучшими в стане ахейском!
Что же они не дерзают прийти и сразиться со мною,
Чтобы могла я скорее отторгнуть их души от тела!»

- 335 Молвила и, чересчур на себя полагаясь, напала
Тут на аргивян она, и по силе равна была Кере.
Многих убила она – то стрекалом глубокоразящим,
То своим острым копьем, а конь ее быстрый носил ей
Лук необорный и стрелы в колчане – ведь в битве кровавой
- 340 Может возникнуть и в луке нужда, и в ранящих стрелах.
Следом за нею проворно помчались троянцы, которым
Гектор, знаток рукопашного боя, был другом иль братом.
Вот начинают трояне – под мощным дыханьем Арея
Копья о гладких стволах метать, поражая данайцев.
- 345 Начали падать данайцы, как быстрые легкие листья
Или как капли дождя, и страшно земля застонала,
Снова политая кровью под жуткою тяжестью трупов.
Жалами копий и стрел отовсюду пронзенные кони
Жизнь выдыхали свою в последнем мучительном ржаньи.
- 350 Люди впивались в песок в последних своих содроганьях.
Те же из них, на кого троянцы нахлынули сзади,
Валом морским, топтали упавших с убитыми вместе.
Радостно Трои сыны изумлялись на Пентесилею,
Видя, как мчится она, на фаланги врагов устремляясь,
- 355 Черному смерчу подобна, который бесчинствует в море,
В пору, когда с Козерогом сближается Гелия сила.
Тщетной надеждой охвачен, промолвил один из троянцев:
«Ясное дело, друзья, что ныне с небес появился
Некто бессмертный сюда, чтобы в битве с данайцами биться,
- 360 Нам на подмогу по воле могучего помыслом Зевса.
Вспомнил владыка, должно быть, про добрую силу Приама,
Гордого тем, что струится в нем кровь от бессмертного бога.
Мнится, что я пред собою не смертную женщину вижу,
Полную дерзкой отваги, в сияющих дивно доспехах.
- 365 Нет, то Афина сама! Энио, необорная духом!
Это Эрида-Вражда или славная дочь Латоны.

Думаю, ныне она нанесет поражение ахейцам,
Пламенем злым истребит корабли, на которых когда-то
Прибыли в Троию они, принеся нам несчетные беды.
370 Нет им возврата в Элладу и радостной встречи с отчизной!
Нет, никогда, если нынче сам бог помогает троянцам». .
Вот что промолвил троянец, в душе своей радость питая.
Глупый! Ему невдомек, что уже угрожало несчастье
375 Трое самой и ему, и троянцам, и Пентесилее.
Было пока неизвестно Аяксу о страшном сражении,
Также не знал ничего Ахиллес, городов разрушитель,
Ведь на могиле Патрокла свершали тогда возлиянье
Оба, товарища чтя, и рыдали, таясь друг от друга.
380 Волей бессмертного бога они оставались на месте,
С тем, чтобы больше ахейцев свою повстречали погибель,
Пав от ударов троянцев и доблестной Пентесилеи,
Той, что на них устремляясь, замыслила злое, и крепла
Стойкость в груди у нее, а отвага росла, и не тщетны
385 Были удары копья, но всегда настигали бегущих,
В спины разя их, и грудь нападающих метко пронзая.
Всю ее теплая кровь обливала, но были подвижны
Члены ее, не брала и усталость бесстрашную душу,
Сила была нерушима – ведь Айса, Прискорбная Участь,
390 Встав в отдалении от боя, пока даровала ей славу,
Что и сгубила ее – ведь Айса уже замышляла
Вскоре ее укротить Эакидовой мощною дланью.
Айсу окутывал мрак, и она, как всегда, невидимкой
Деву на злую погибель вела, даря напоследок
395 Славу, и та неустанно повсюду врагов убивала,
Словно телица, забредшая в сад, орошенный росой,
Ранней весной за мягкой травой, как пастух зазевался,
Носится взад и вперед, истребляя повсюду побеги,
Что зацветают едва, и щиплет, одни поедает,

- 400 Топчет другие копытами. Так же и дочь Энилая
- Насмерть разила одних, а другие спасались бегством.
Издали жены-троянки дивились на подвиги девы.
Тут Гипподамия к битве зажглась – Антимаху сестрою
- 405 Женщина эта была, и женой храбрецу Тисифону.
Смелой душой воспылав, она молвила дерзкое слово,
Сияясь подвигнуть троянок, ровесниц своих и подружек,
К битве, исполненной стонов, и дерзость ей сил придавала:
«Бьется и в нашей груди, о подруги, отважное сердце,
- 410 Нашим супругом под стать, которые ныне с врагами
В битву вступили за нас, за детей и за нашу отчизну.
Некогда им отдышаться – давайте, подруги, мы сами,
Храбростью душу наполнив, о битве такой же помыслим!
Нам ведь не так далеко уж до юношей, крепости полных,
- 415 Сила, которая в них, ведь и нам точно так же присуща,
Есть ведь у нас и глаза, и колени, и прочее также,
Зрим одинаковый свет, одинаковый чувствуем ветер,
Общую пищу едим. Так что ж, по сравнению с нами,
Лучшего дали им боги? Ведь битвы и мы не боимся!
- 420 Видите женщину эту? Она в рукопашном сраженьи
Юношей много сильней, а ведь рядом родных ее нету,
Нет и отчизны ее. За чужого царя она бьется
Всею своею душой, не смущаясь, что бьется с мужами,
Ум несмягчимый и душу ее обнимает отвага.
- 425 Мы же, куда ни посмотрим, повсюду увидим несчастье.
Гибнут у нас за стеной городской и супруги, и дети.
Кто-то из нас опечален кончиной любимого брата,
Кто-то скорбит о родне. Никого ведь беда не обходит!
- 430 Нечего нам ожидать, кроме дня обращения в рабство,
Мы истерзались, так пусть же отсрочки от битвы не будет!

Лучше погибнуть в бою, чем потом, после гибели Трои,
В рабство идти под кнутом чужеземцев – ужасная доля –
Вместе с собою ведя несмышленишей наших малюток,
435 Город же будет сожжен, и живыми не будут супруги!»
Так говорила она, и страстная тяга сражаться
Тут нападает на всех, и тотчас, одевшись в доспехи,
Жены на стены текут, объята желанием помощь
Граду подать и народу. И дух их воспрянул высоко.
440 Так же, как пчелы гудят по уходе зимы в своем улье,
В полной готовности вылететь в поле, и больше не могут
В улье своем оставаться, и все они рвутся наружу,
Выбраться все, призывая друг друга, – вот так и троянки
Все побуждали друг друга и все подгоняли друг друга
445 К схватке спешить боевой, а корзинки свои с рукодельем
Прочь отложили, и тяжким доспехом себя облачили.
Так бы они и погибли под стенами города Трои
В этом бою заодно с амазонками, вместе с мужьями,
Если бы их Теано разумная тут не сдержала,
450 Мчавшихся в бой. И вот как их мудро она наставляла:
«Бедные жены, зачем это вы загорелись сражаться
В страшной сумятице боя! Ведь прежде войны вы не знали,
Опыта нет никакого. А вы поднялись безрассудно
Делать великое дело. Да разве такая же сила
455 В вас, как в данайцах, которые знают военное дело?
Ведь амазонки с рождения любят езду верховую,
Также и битвы, и прочее то, что пристало мужчинам.
Дух постоянно живет в них Ареев, мужчин им не надо,
Сила рождается в них от великих трудов и усилий,
460 Также и крепость души, и бестрепетность быстрых коленей.
Молвят, что Пентесилея – Ареса могучего дочь,
Женщинам с ней не равняться в искусстве военного спора,

Или она из бессмертных на наши мольбы появилась?
Род же людской одинаков, но каждый при собственном деле
465 Делает каждый свое, и тот величайшую пользу
Делом приносит своим, кто делает то, что умеет.
Так что, подалее уйдя от шума и грохота битвы,
Лучше за ткацкий станок в своих мегаронах приняться.
Ваши мужья о войне позаботиться лучше сумеют.
470 Будет надежда на лучшее! Видите, гибнут ахейцы!
В наших мужах на глазах вырастает великая сила.
Нечего бед опасаться! Поскольку осадой не взяли
Города наши враги, и нужда не пришла еще злая
В том, чтобы жены взялись за оружие и вышли сражаться».
475 Молвила так. И вняли троянки ей, старшей летами.
Битву они созерцали, держась от нее в отдалении.
Пентесилея разила народы, и всюду ахейцы
Полнились страхом – ведь не было спаса от стонущей смерти.
Так же как козы, которые гибнут в зубах леопарда,
480 Вовсе данайцы уже не имели желаний биться.
Но кто куда разбежались со страху, одни побросали
Наземь оружие свое, а другие неслись без оглядки
В полных доспехах. Возницы бежали, спасаясь бегством,
Бросив коней. Нападающим радость заполнила души.
485 Слышали стоны они отовсюду врагов умиравших,
Но и троянцы без сил уже были, устав до упаду –
В пасти у жуткого боя людей ненадолго хватает.
Как после бури, напавшей внезапно со стоном и воем,
Много деревьев, цветами покрытых, повалено наземь,
490 Вырвано с корнем, у многих деревьев сломались верхушки –
И друг на друга древа непроглядным легли буреломом,
Так и данайское мощное войско лежало во прахе
Волею Мойр и искусством копья амазонок царицы.
Только когда вознамерилась сжечь корабли амазонка

- 495 Вместе с троянцами, шум и стенанья достигли Аякса,
Стойкого против врагов, и сказал он тогда Эакиду:
«О, Ахиллес, до ушей донеслись бесконечные крики,
Точно такие, какие бывают при вспыхнувшей битве.
Двинемся в путь, а то как бы к стоянке враги не пробрались
- 500 И не сумели поджечь корабли, истребляя ахейцев.
Будут жестоко тогда упрекать нас с тобою обоих.
Право, потомкам великого Зевса никак не пристало
Род опозорить священный отцов, ведь когда-то и сами
Город блистательный Трои они разрушали оружием,
- 505 Вместе с великим Гераклом убив население Трои –
Так же и ныне свершится подобное, думаю, нами,
Раз величайшая сила у нас у обоих окрепла».
Рек – и послушна ему Эакида отважная сила.
- 510 Бросились оба к доспехам, которые ярко сверкали.
В них облачившись, герои направились войску навстречу.
Гулко гремели доспехи, и дух разъярился Аресов
В них, – даровала огромную мощь Атритона обоим
Непобедимая, та, что щитом потрясает, Афина.
- 515 Радость объяла аргивян, когда они увидали,
Мощных, подобных собою могучим сынам Алоэя,
Тем, что когда-то хвалились, что смогут скалистую Оссу
И Пелион островерхий поставить на кручи Олимпа
С тем, чтобы в буйстве своем до высокого неба добраться.
- 520 Им-то как раз Эакиды, идущие к битве жестокой,
Были подобны. Отряды ахейцев прихода их ждали
Страстно затем, чтоб они истребили врагов поскорее.
Копьями неодолимыми многих они укротили,
Словно быков пожиратели львы, что, вдвоем напада
- 525 В чаще мгновенно наскоком на тучное стадо баранов,
Если защитник-пастух далеко, напиваются вдоволь

Черною кровью и чрева свои ненасытные полнят
Мясом – вот так и они истребляли бессчетное войско.
Деиохона Аякс погубил и Ареева Гила,
530 И Эвринома-бойца, и подобного богу Эвнея,
Отпрыск Пелея Антандру убил и сразил Полемусу,
Также поверг Антиброту, потом погубил Гиппотою,
Смелую духом, затем Гарматою, а после понесся
С мощным Аяксом на войско врагов, и у них под руками
535 Рухнули быстро фаланги, что были плотны и могучи,
Рухнули с легкостью, так, как в горах выгорает мгновенно
Лес, доставляющий тень, если ветер пожар раздувает.
Тут замечает обоих царица, искусная в битве,
Зрит, как бушуют они в ледящем пылу, словно звери,
540 К ним она держит свой путь, подобна коварной пантере,
В сердце замыслившей гибель; зловеще хвостом она вертит,
Вот на охотников встречных могучий прыжок совершает.
Те же в доспехи одеты и ждут от нее нападения,
Стоя на месте, на силу копья полагаясь всецело.
545 Так и Аресову дочь поджидали могучие мужи,
Копья подъяв. И вокруг раздавалось бряцание меди.
Первая Пентесилея копье свое дивное мечет,
Смелая дева. Оно достигает щита Эакида,
Но отлетает копье от него, как от твердого камня –
550 Щит этот был от умельца-Гефеста волшебный подарок.
Тут она снова кидает стремительный дротик в Аякса,
Целясь в него одного. И обоим вещает угрозы:
«Только что тщетным ударом копье я мое отпустила,
Но полагаю, что вскоре у вас у обоих разрушу
555 Силу и крепость души, хоть хвалитесь вы, что из данайцев
Самые храбрые вы. И тем облегчу я троянцам,
Дивным коней укротителям, тяготы конного боя.
Ну, подойдите поближе, тогда и узнаете сами,
Сколько у нас, амазонок, в груди поднимается силы.

- 560 Я ведь Ареева рода, отец мой – не смертный мужчина,
Я рождена от Ареса, который в войне ненасытен.
Значит, и сила моя намного мужей превосходит».
Так похвалялась она. И тут же Аякс, засмеявшись,
Кинул копьё и попал в серебряный девы ножник.
- 565 Вглубь не вошло острие, хоть и пущено с силою было,
Время еще не пришло, чтобы кровь амазонки смешалась
С кровью врагов среди пекла плачевного боя.
Тут перестал обращать Телемона потомок вниманье
На амазонку и кинулся в самую гущу троянцев.
- 570 Пентесилею оставил Аякс одному Ахиллесу.
Зная, что как ни была бы сильна амазонок царица,
Так же, как ястреб голубку, легко он ее одолеет.
Бросив копьё безуспешно, протяжно она застонала.
Тут обратился Пелид к царице с насмешливой речью:
- 575 «Женщина, ты ли хвалилась пустыми своими словами
Выйти на бой против нас, безумно желая сражаться
Против героев, сильнейших из всех, населяющих землю.
Мы ведь гордимся по праву, что род свой ведем от Кронида,
Мощно гремящего. Гектор, и тот трепетал перед нами,
- 580 Стоя поодаль и видя, как мы устремляемся к бою,
Полному воплей. Его, хоть и мощным он был, погубило
Все же копьё, что послал я. А ты, повредившись в рассудке,
Хвалишься ныне и шлешь мне угрозы, сулящие гибель.
Знай, что сегодняшний день для самой тебя станет последним,
- 585 Даже отец твой Арес от меня не спасет тебя больше,
Смертью ты злою заплатишь, такой же, как самка оленя
Платит, в горах повстречавшись со львом, истребителем стада.
Разве не слышала ты, что многие замертво пали
Возле течения Ксанфа под нашей могучей рукою?
- 590 Может, ты знаешь об этом, но боги твой разум отняли
С тем, чтоб тебя окружили собой несмягчимые Керы?»

Молвил и встал, и копье Ахиллес смертоносное бросил,
Длинное, то, что ему Хирон когда-то сработал.
Пентесилею оно под правую грудь поразило,
595 Хлынула черная кровь, устремляясь проворным потоком.
Тотчас же члены ослабли ее, и большая секира
Выпала наземь из рук, и ночь темнотою покрыла
Очи ее, и безмерная боль погрузилась в душу,
Но не иссякло дыханье. Она на врага посмотрела:
600 Он собирался как раз стащить ее с лошади быстрой.
Как поступить, размышляла – схватиться ль за меч свой огромный
И подождать, изготовясь, броска Ахиллеса Пелида,
Или же лучше скорей с коня соскочить вихревого,
К дивному мужу с мольбою припасть, посулить ему выкуп –
605 Целые груды и злата, и меди, и все что обычно
Смертным отрадно – хотя бы и дух был могуч и отважен,
Может, Пелид пожалеет ее – ведь ровесники оба, –
День возвращенья дарует – о, как ей хотелось спасенья!
Так размышляла она, но боги сулили иное.
610 Только она устремилась к Ахиллу, как тот, разъярившись,
Махом единым пронзил и ее, и коня боевого,
Так же бывает, – кто ужин готовит, нанижет на вертел
Лучшие части и жарит себе, над огнем приспособив,
Или охотник в горах копье посылает со свистом,
615 Метко оно попадает в оленя, пронзив ему чрево,
Выйдет наружу и в дерево вникнет, его пригвождая
К дереву этому, дуб ли то будь многолетний, сосна ли,
Так и Пелид пронзил копьем своим разъяренным
Пентесилею с конем ее вместе прекрасным. И тотчас
620 Пентесилея упала на землю, простершись пристойно,
С прахом и смертью смешавшись. При этом паденьи однако
Дивного тела ее ничто не порочило скромность,

Вся вокруг копья содрогаясь, она вниз лицом и лежала
Прямо на быстром коне, что грянулся замертво наземь
625 Словно когда при порыве студеного ветра Борея
Самая стройная в чаще сосна, что в глубокой лощине
Матерь земля в украшеньи себе близ ручья возрастила,
Падает, сломлена ветром – вот так же и Пентесилея
Пала, прекрасная видом и сила ее сокрушилась.
630 Лишь увидали трояне убийство ее среди боя –
Скопом помчались ко граду, бежали, дрожащие в страхе,
В сердце же их угнетала ужасная эта утрата.
Так средь широкого моря, когда разгуляются ветры,
Тонет корабль, и его моряки, избегшие смерти, –
635 Мало уж их остается – жестокую муку выносят
В волнах бурлящих, и вдруг и землю увидят, и город,
Тут напрягая последние силы, уставшие люди
Сиятся выбраться вон из воды, хоть и жаль им, конечно,
И корабля, и друзей, что сокрылись под темной водою,
640 Так и трояне – кто смог убежать ко граду из боя,
Горько оплакали все нерушимого дочь Аррея,
С нею и войско, погибшее в битве, исполненной стонов.
Сын же Пелея над мертвой сказал, похваляясь кичливо:
«Ныне во прахе лежи на добычу собакам и птицам,
645 Жалкая! Кто ж надоумил тебя в поединок со мною
Выступить? Ты и надеялась выйти из этого боя,
Думала, нас перебив, принять дорогие подарки,
Плату от старца Приама? Но замысел твой не исполнен
Волей бессмертных богов – ведь я из героев сильнейший,
650 Свет и надежда данаев, троянам же смерть и погибель,
Как и тебе. Это Керы, конечно же, мрачные Керы
Ум твой украли, что ты о женских делах позабыла,
В эту вступила войну, что и в мужа-то ужас вселяет».
Так говоря, вынимает копье Пелеев потомок,

- 655 То, что проникло в коня вихревого и Пентесилею –
Оба они трепетали, пронзенные древком единым, –
Снял Ахиллес с головы ее шлем, сверкающий ярко
Солнца подобно лучам или молнии вышнего Зевса.
Тут он увидел лица ее прелесть и чудные брови –
- 660 Мертвая дева в крови и во прахе сияла красою.
Близко ее обступив, дивились аргивские вои,
Как на бессмертных богинь походила она, – ведь лежала
В полном доспехе она на земле, Артемиде подобна,
Непобедимой Зевесовой дочери, как будто уснула
- 665 После погони за львами в горах, что ее утомила, –
Вот ведь какую красу умершей дала Афродита
Дивновенчанная, мощного бога Аррея супруга,
Дабы доставить печаль беспорочному сыну Пелея.
Многим, конечно, тогда захотелось, в отчизну вернувшись,
- 670 Рядом с подобной женой на ложе покоиться в спальне;
И Ахиллес испытал раскаянья приступ ужасный,
Что умертвил он ее, а не взял бесподобной супругой
В дом свой во Фтии, богатой конями – подобна богиням
Дева и видом, и ростом, и всей безупречной красою.
- 675 Сильно о дочери крушился Арес, – несказанная мука
Душу объяла его, поразив, как ударом, и мигом
Бросился вниз он с Олимпа, как молния в грохоте грома,
Что насылает Зевес необорный своею десницей
В землю и в море безбрежное – и раскаленная вспышка
- 680 Даже и вышний Олимп, содрогая, колеблет, – таков же
Был и Арей, что во гневе безмерном летел через небо
В полном доспехе своем, как слышал о доле плачевной
Дочери милой – поведали весть ему эту Ауры,
Быстрые дочери Борея, когда пребывал он на небе.
- 685 Мчался Арей словно смерч, – и вот он на Иде высокой,
Вся всколебалась земля под божьей могучей стопой,

- Дрогнули пропастей щели глубокие, реки всплеснулись,
Корни глубокие Иды самой всколебались ужасно.
Так бы тогда и пришел к мирмидонянам день их последний,
690 Если б с Олимпа Зевес не сдержал, устранивши, Арея –
Стал он потоком метать ужасные молнии с громом,
Под ноги прямо Арею летели они по эфиру,
Страшно, зловеще горя. И Арей, наконец, понимает
Грозно звучащий приказ отца, гремящего с высей.
695 Стал он недвижно, хоть весь устремляясь душой к истребленью,
Так и бывает – Зевесов перун среди ливня и ветра
Камень огромный отколет с крутого утеса, – и мчит он
Вниз, по отвесам катясь, гремя средь глубокой лощины,
Прыгает с грохотом страшным, несется и скачет, покуда
700 К ровному месту не выйдет – и вмиг как вкопанный встанет,
Так и Арей, сын Зевесов могучий, стоял недвижимо,
Сам не желая того – но никто из богов олимпийцев
Воли царя не перечит, – ведь он среди них наивысший,
Всех превосходит собой, и сила его беспредельна.
705 Множество мыслей кипело в уме возбужденном Арея.
То, содрогаясь от Зевса угрозы – ведь гнев его тяжек, –
Думал Арей возвратиться на небо, порою хотел он
Волю нарушить отца и свои необорные длани
В деле кровавом с Ахиллом смешать. Наконец, его сердце
710 Вспомнило, что ведь немало у Зевса сынов погибало
В битвах, но сам никогда он не шел погибавшим на помощь.
С тем и Арей отошел от аргивян, а если б остался,
Был бы сражен, как титаны, перуном карающим Зевса.
- 715 Зная, каков необорный родитель, Арей и смирился.
Чада аргивян, питомцы Арея, тем временем быстро
Стали повсюду доспехи снимать с врагов пораженных.
Сын же Пелея печалился пуще, взирая, какую
Дивную силу, какую красу распростер он во прахе.

- 720 Сердце его разрывали такие же острые муки,
Как по Патроклу его, недавно убитому другу.
Тут обратился к нему Терсит с издевательством злобным:
«Бедненький наш Ахиллес! Отчего это демон печалит
Сердце в груди у тебя из-за сей амазонки злосчастной,
725 Той, что бесстыдные беды на нас обратить затевала?
Ты же помешанный, видно, на женщинах – вот кто такой ты!
Возишься с ней, как с супругой почтенной, что с должным приданым
Чистой девушкой в дом собираешься взять для женитьбы.
Лучше б тебя самого копье поразило навывлет,
730 Слишком уж влюбчиво сердце твое и падко до женщин,
Дела тебе никакого до славных свершений отваги,
Нет, ты ведь сходишь с ума, как только бабенку завидишь.
Жалкий, ну, где твоя смелость, ну, где же хоть разум?
Где же царя беспорочного сила? Ведь ты и не слышишь,
735 Как опечалены горем теперь женолюбцы-трояне,
Пагубней нет ничего, чем страсть, что на ложе бросает,
Даже разумного мужа она обращает в безумца,
Сколь бы он ни был умен. А славе – с трудом по дороге,
Славный воитель в победе лишь честь обретает, услада –
740 Дело Арея ему, а трусу лишь ложе отрадно».
Так говорил он, глумясь, и Пелея могучий потомок
Гневом зажегся в душе и вмиг необорной рукою
Дал ему в ухо, в скулу – и тотчас посыпались зубы,
Выпали все они наземь, и тут же Терсит распростерся,
745 Хлынула кровь его ртом, и стекала обильно, а вскоре
Слабый дух ничтожного мужа и члены покинул.
Радость ахейцев взяла: ведь на всех нападал постоянно
- Этот Терсит, и всегда на пирах принимался браниться.
750 И произносит тогда какой-то из мужей ахейских:
«Да, не годится царей оскорблять ни тайком, ни открыто

- Худшему мужу – ведь это губительный гнев порождает,
Слышит Фемида, и Ата карает бесстыдные речи,
Злобный язык, что всегда только множит несчастья у смертных».
- 755 Так сей данаец вещал. А Пелид с раздраженной душою
Слово такое промолвил к Терситу, простертому в прахе:
«Вот и валяйся, лежи, позабыв о своем недоумстве.
Можно ли мужу худому перечить тому, кто отличен?
Раньше сумел ты ужасно разжечь Одиссеево сердце,
760 Хоть терпеливо оно – своей болтовнею сварливой.
Я же тебе показал, что с Пелидом тебе не равняться,
Душу тебе отрешил, – лишь слегка тебя дланью коснулся,
Тяжкою дланью моей, как тут же взяла тебя Участь.
Слабость твоя такова – так прочь от ахейн изыди,
765 В царстве умерших теперь свои извергай поношенья!»
Так говорил Эакида отважного славный потомок.
Только Тидид Диомед, средь ахейн единственный, гневом
Стал на Ахилла пылать за убийство Терсита, ведь оба
Были по крови родными – один от Тидея родился,
770 Тот же от Агрия богоподобного; Агрий же этот
Братом родным приходился Ойнею, преславному мужу.
Сей Ойней породил средь данайцев прекрасного сына –
То был Тидей, и сыном ему Диомед доводился.
Вот отчего взволновало Тидида убийство Терсита –
775 Он бы, конечно, немедленно вышел схватиться с Пелидом,
Но удержали его ахейские лучшие мужи,
Стали его утешать, уговаривать – также другие
Сына Пелея сдержали – ведь оба из первых ахейн
В мыслях имели свой спор разрешить, на мечи полагаясь –
780 Столь их злой гнев разъярил, – но товарищи их укротили,
И, наконец, уступили герои друзей увещаньям.
Сжалились оба Атрида-царя над Пентесилеей,

Сами дивясь на ее красоту, и отдали троянам
Тело ее унести во град многославного Ила
785 Вместе с доспехом ее, когда получили известье,
Что умоляет об этом Приам – ведь он собирался
Деву могучую вместе с конем и в полных доспехах
Похоронить на кургане богатого Лаомедонта.
Вот погребальный костер высочайший, широкий, сложили
790 Деве пред городом – сверху ее с достояньем богатым,

Что подобает сжигать с состоятельной вместе царицей;
Вот истребила ее великая сила Гефеста –
Быстрый огонь – и народы, костер окружив погребальный,
795 Стали скорее вином благовонным гасить его пламя,
Кости собрали потом, пропитали роскошнейшим маслом,
В полую урну сложив, а сверху коровьего жира
Густо налили, он взят был от лучшей коровы из стада,
Что, красотой блеща, выпасалась в подножии Иды.
800 Пентесилею трояне как милую дочь обрыдали,
В горе великом близ стен городских погребенье свершили
В башне высокой, вблизи погребения Лаомедонта,
Почесть Аресу воздав и самой амазонок царице.
Невдалеке от нее схоронили других амазонок,
805 Тех, что с царицей пришли и данайцами были убиты.
Ведь в погребеньи им также Атриды не дали отказа.
Выдали Трои сынам, воителям славным, оплакать,
Вынув оружие из тел – отдавали и прочих убитых.
Что же за гнев на убитых? Скорей сожаления стоят
810 Враг, как душа отлетит, врагом уже больше не будет.
Сами аргивяне тоже своим погребенье свершили,
Много героев погибло тогда от троянского войска,
В пасти у смертного боя, и все по убитым рыдали,
Горше же прочих Подарка оплакали, доброго воя, –

После Гомера

815 Он ведь в сраженьях ничуть был не хуже прекрасного брата,
Протесилая – его уже ранее, светлого мужа,
Гектора длань укротила. Подарка же Пентесилея,

Бросив копье, уложила на горе аргивскому войску.
820 Вот почему и свершили ему погребенье отдельно,
Труд приложили большой, поставили памятник видный,
Все оттого, что сей муж отважен был дивно душою.
Также отдельно потом Терсита злосчастное тело
Похоронили, а после, когда к кораблям возвратились,
825 Стали весьма прославлять Ахиллеса, потомка Эака.
В пору же, как в Океане сиянье зари схоронилось
И над землею широкой волшебная ночь распростерлась,
Тотчас в шатре Агамемнона, мужа богатств преогромных,
Сила Пелида за пир принялась – и другие герои
830 Тешились там же весельем, покуда заря не явилась.

Квинт Смирнский

Вторая песнь

Вот над вершинами кряжа, поросшими лесом шумливым,
Вспыхнул сверкающий свет вовек неустанного солнца –
Тою порой при шатрах ликовали ахейские мужи,
Радостно славя Ахилла, что устали в битве не знает.
5 Той же порой горевали трояне во граде и стражу,
Сидя на башнях, блюли – и всеми владела тревога,
Как бы воинственный муж не сумел через стену проникнуть,
Жителей всех погубить и огнем истребить остальное.
К ним, погруженным в печаль, обращается старец Тимойтес:
10 «Милые друзья мои, я не ведаю, что и придумать,
Что во спасенье от тяжелой войны себе нам измыслить.
Вот уж и Гектор повержен, знаток рукопашного боя,
Гектор, оплот наш – от Кер даже он не сумел уберечься,
Пал, Ахиллесом сраженный, – ведь сей Ахиллес, полагаю,
15 Может осилить в тяжелом бою и бессмертного бога,
Он ведь сумел поразить могучую Пентесилею –
А не была ли страшна! Остальные ахейцы дрожали
Все перед ней. А что до меня – лишь ее увидал я,
Сразу решил, что одна из блаженных с небес опустилась,
20 Нам на подмогу. Да только на деле сбылось по-иному.
Ныне давайте размыслим о том, что полезнее будет –
Станем ли долее биться с врагами свирепыми, или
Прочь удалимся от града, который уж скоро погибнет.
Сил не достанет у нас выдерживать натиск аргивян,
25 Раз ополчился на битву Ахилл, несмягчимо суровый».
Рек, и Лаомедонта потомок в ответ ему молвил:
«Друг мой! Троянцы-мужи и союзники храбрые наши!
Думаю, нам не пора, устрась, уходить из отчизны,
Но и с врагом, в отдалении от града, сражаться не надо.

- 30 Следует нам подождать, на стене поместившись и башнях.
Мемнон могучий идет – с племенами бесчисленными вместе,
Что Эфиопию, мать чернокожих людей, населяют.
Близко они, полагаю, уже от нашей отчизны.
Времени много уже истекло с тех пор, как послал я
35 Вести ему, удручаясь в душе величайшей печалью.
Мемнон же мне обещал, что все он охотно исполнит,
В Троию придя, и питаю надежду, что он уже близко.
Лучше еще подождем! Ведь будет намного почетней
40 Храбро погибнуть в бою, чем в бегство пуститься, и после
Жизнь на чужбине влачить, терпя и позор, и бесчестье».
Кончил Приам свою речь. Но мудрому Полидаманту
Битва была не по сердцу, и так он разумно промолвил:
«Ежели Мемнон тебе обещал непреложно и точно
45 Горькую гибель от нас отворотить, то тогда я согласен,
Чтобы божественный муж пребывал в нашем граде. Но все же
Страх у меня на душе, что погибнет и он, и дружина,
Также и многие наши в несчастье ввергнуты будут –
50 Мощь необорная, страшная вновь поднялась у ахейян.
Думаю, незачем нам из города бегством спасаться,
Дабы терпеть унижения в постыдном и тягостном рабстве,
В землю чужую уйдя – и незачем, здесь оставаясь,
55 Нам погибать от аргивян при натиске шумного боя.
Мыслью я так, что полезнее будет, хоть это и поздно,
Славную выдать данайцам Елену со всем достояньем,
Что привезла нам из Спарты она, и к сему же добавить
60 Вдвое другого добра в искупенье за нас и за город.
Все надлежит отослать, покуда враги не делили
Наше добро меж собой и огнем не спалили отчизну.
К сердцу примите совет мой, внемлите, послушайтесь ныне,
60 Лучшего нет у меня никакого совета троянцам.
О, если б Гектор моим наставлениям внял с послушаньем

Тою порой, как его удержать я старался во граде!»
Полидамантова мощная сила такое вещала.
Слушая, Трои сыны соглашались в душе, но открыто
65 Слова никто не сказал – пред владыкой они трепетали,
Также Елены стыдились, хоть шли за нее на погибель.
Тут на достойного мужа Парис ополчается с бранью:
«Полидамас, избегающий боя и трусости полный!
Бьется в груди у тебя не отважное сердце, а только
70 Страх и желанье сбежать! И хвалишься, будто в совете
Ты наилучший? Да хуже ты всех, ты и в этом не смыслишь!
Вот и держись-ка ты сам от боя подальше, и лучше
Дома себе оставайся – другие в доспех облачатся
В городе вместе со мной, куда мы все не сумеем
75 Средства благого найти от этой войны беспощадной.
Всякое дело вершится, и крепнет великая слава
Не без усилий труда, не без трудного боя для смертных.
Бегство же маленьким детям и женщинам слабым пристало,
Им ты подобен душой! И твоих уговоров нисколько
80 Я не послушаюсь, нет! Ты у всех отнимаешь отвагу!»
Вот что сказал он, бранясь. И гневно на это ответил
Полидамант, ибо он возражать не боялся Парису –
Мерзостен тот человек и преступен, и полон обмана,
Кто улещает приятным в лицо, а в душе ненавидит,
85 И за спиной потихоньку со злобой поносит другого –
Полидамант же в глаза обвинял Приаида-владыку:
«Самый пропавший из смертных мужей, населяющих землю!
Наглость твоя принесла нам беду, и, конечно, ты сносишь
Эту войну бесконечную, будешь и впредь ее жаждать,
90 Родины гибель пока не увидишь и гибель народа!
Нет, не настолько я смел, чтобы видеть, как гибнет отчизна!
Я постоянно за дом свой боюсь, как бы цел он остался!»

- Так он вещал, и на это Парис ничего не ответил.
Помнил ведь сам, какие несчастья навлек на троянцев,
95 Знал он, и что собирался навлечь. Ведь, пылая всем сердцем,
Он предпочел бы скорей умереть, чем врозь оказаться
С богоподобной Еленой. Ведь ради Елены троянцы
Стражу несли на высокой стене неприступного града
Все, ожидая ахейцев и внука Эака Ахилла.
100 Тут недолге прибывает воинственный Мемнон к троянцам,
Мемнон, что правит как царь среди черных людей Эфиопов,
Войско ведет он бесчисленное. В городе всюду троянцы
С той же отрадой взирали на них, что мужи-мореходы
Видят на небе Гелики-Медведицы свет закругленный
105 После погибельной ночи, которая их изнурила.
Так и народ, окружив эфиопов, испытывал радость,
Пуще же прочих Приам – в душе он надеялся ныне
Сжечь корабли при подмоге мужей-эфиопов, ведь с ними
Царь их пришел исполинский, и войско их было огромно,
110 Все они кинутся в дело Арея горели желаньем.
Принял с безмерным почетом Приам Эригенеи сына,
Щедро его одарил и веселье пиршества справил,
И на пирах между ними беседы велись за едою.
Царь о данайцах сильнейших поведал и всех своих бедах,
115 Мемнон в ответ говорил об отце и об Эос бессмертной,
Вел свою речь о могучих волнах в Океане бездонном,
О беспредельном потоке Тефии, о крае вселенной,
Где поднимается Солнце – весь путь свой Приаму поведал
От Океана дороги до Иды и города Трои.
120 Мемнон рассказывал, как поразил он могучей рукою
Необоримых солимов – они ему путь преграждали,
Сами себе на беду – настигла их злая судьбина.
Также поведал и то, сколь много он видел народов.

- 125 Слушал рассказы Приам, и сердце его веселилось.
За руку Мемнона взяв, с почтением старец промолвил:
«Мемнон! Выпало мне, конечно, по воле бессмертных,
Войско увидеть твое и тебя принимать в этом доме!
Вот бы судили мне боги увидеть своими глазами
- 130 Гибель ахейского войска всего под твоею десницей!
Ты на бессмертного бога во всем так дивноходишь,
Как ни один из героев земных – посему я надеюсь,
Гибель ты им принесешь, оглашенную стоном и воем.
Ныне прошу, усладь на пиру у меня свою душу,
- 135 Завтра же выйди на бой и сразись в свою полную силу!»
Рек и, подымая руками сосуд многоемкий, за гостя
Всю осушает до дна золотую массивную чашу,
Ту, что могучему Зевсу Гефест, хромоногий разумник,
Дал, уводя от него Киферею себе как супругу –
- 140 Зевс эту чашу Дардану вручил, боговидному сыну,
Тот – своему Эрихтонию, он же – великому Тросу,
Ил получил по наследству от Троса и сыну оставил,
Лаомедонту, а тот уж ее предоставил Приаму,
Детям в наследство – но боги сего не судили Приаму.
- 145 Чаше прекрасной дивясь, рукой ее Мемнон коснулся
И на Приамову речь такое он слово промолвил:
«Здесь, на пиру, хвалясь, обещать и сулить неуместно,
Здесь, в мегароне, уместно веселым пирам предаваться,
Все, что касается дел, обсуждая умно и спокойно.
- 150 Доблестен я или нет, могуч или вовсе бессилен –
Это покажет война – храбрецы познаются в сраженьи.
Лучше помыслим о сне – не пить же всю ночь до рассвета!
Трудно на бой с перепоею идти после ночи бессонной!»

- 155 Рек. Подивился Приам на такие слова и ответил:
«Будь на пиру сколько хочешь – ты сам себе полный хозяин,
Я никого не держу против воли – весьма неприлично,
Если уходят, держать или силой вытаскивать в гости
- 160 Тех, кто закрылся в дому. Мужам так делать не должно».
Рек, и, от пира восстав, удаляется Мемнон на ложе
Ночи последней своей. Разошлись на покой и другие,
Вскоре и сон ниспустился на всех беспробудный и сладкий.
Тою порой пировали у Зевса, метателя молний,
- 165 Боги бессмертные. Тут возвещает родитель Кронион:
«Ведайте, о божества: ниспосланы тяжкие беды
Завтрашней битве! Увидите вы: в бою колесничном
Кони падут без числа, и люди бесчисленно погибнут
С той и другой стороны. Но меня о любезных героях
- 170 Вы не просите, колени мои обнимая с мольбою:
Даже для нас никогда не смягчаются черные Керы».
Так провещал он богам, но они понимали и сами –
Кто бы ни стал вне себя от досады на ход этой битвы,
Кто бы ни умолял об участи сына иль друга –
- 175 Тщетно с этим идти на Олимп, пребывающий вечно.
Боги, внимая речам могучегремящего Зевса,
Сердце скрепили свое, и никто не осмелился слова
Вымолвить против царя – столь сильно пред ним трепетали.
- 180 Грустно пошли по чертогам своим олимпийские боги.
Ложа их ждали, и всем, хоть были они и бессмертны,
Сладостный сон на смеженные веки пролил сновиденье.
В час, как над краем обрывистых гор на небе широком
Ярко звезда засверкала, Эсфорос, утренний светоч,
- 185 Чтобы поднять на работу жнецов, еще сладостно спавших,
Утренний сон отлетел от могучего сына богини,

Рано рожденной, дарующей свет Эригенеи-Эос,
Сила взыграла в груди у него и возжаждал он битвы.
При появлении Эос (а вышла она против воли)
190 Тотчас троянцы в доспех боевой поспешили облечься,
С ними – мужи эфиопы, а также другие народы,
В помощь пришедшие силе Приамовой с войском союзным.
Спешно они собрались и быстро из города вышли,
Видом похожи на черные тучи, что в небе
195 Плотно сгущает Кронид, когда начинается буря.
Вмиг они поле заполнили, всю захлестнули равнину,
Так саранча, пожиратель пшеницы, кидается в поле
И навлекает затем на людей истребительный голод,
Неисчислима, как струи дождя над широкой землею –
200 Столь же и воинов было, и так они были могучи,
Что застонала дорога и пыль под ногами взметнулась.
Издали видя, как вышли враги, поразились ахейцы.
В медь побыстрее они облеклись, и благую надежду
Лишь на Пелида питали – пошел ведь и он вместе с ними,
205 Обликом схожий своим с великою силой Титанов,
Гордо красуясь конями и славной своей колесницей.
Молнии вспышкам подобно горели доспехи героя,
Он устремился вперед, выделяясь средь воев ахейских
Так же, как солнце, светящее смертным, восходит на небо
210 От обтекающих землю пределов Отца-Океана,
Зримое всем, и ему улыбаются суша и воздух.
Мемнон-воитель во стане троянцев блистал, выделяясь,
Сходный во всем со стремящимся к бою Ареем. Народы
Вслед за царем потекли, всем пылом пылая сразиться.
215 Вскоре схлестнулись друг с другом фаланги троян и данайцев,
В этом бою эфиопы блистали – они нападали
Скопом с неистовым криком, подобные валу морскому,

Что поднимается в море зимой, когда буйствуют ветры –
Крепкие копыя метали они, поражая ахейцев, –
220 В стане ахейском неслись ужасные стоны и вопли.
С шумом, подобным великой реке, изливающей в море
Воды свои при дожде проливном, насылаемом Зевсом,
В грохоте гулкого грома, рожденного при столкновениях
Туч непроглядных, когда взметается молния ярко, –
225 Вот как земля застонала под тяжестью страшного боя,
Нечеловеческий звук понесся по воздуху жутко –
Рев и скрежет такой поднимали два войска, враждуя.
В этом бою поразил Ахиллес беспорочного Мента
С Талием вместе, мужей благородных, и прочих немало.
230 Словно, когда при порыве подземного страшного ветра
Крыши слетают с домов и с фундаментов падают зданья
(Это бывает, когда содрогаются недра земные) –
Так же валились во прах, настигаемы роком внезапным,
Жертвы копыя Эакида – столь дух его буйствовал страшно.
235 Но, со своей стороны, и сын Эригены прекрасный
Так и косил аргивян, словно Айсы рука роковая,
Страшный урон и бесславную смерть причиняя народам.
Первым сразил он Ферона, копьем его в перси уметив,
Страшным копьем смертоносным, а следом убил он Эревта, –
240 Оба сраженные были горячие, страстные вои,
Оба они из Триона, омытого влагой Алфея,
Вместе с дружиною Нестора к стенам пришли Илионским.
Мемнон уж начал доспехи снимать их. Тут отпрыск Нелея
Нестор пошел на него, но, вперед забежав, успевает
245 Кинуть копьё Антилох – да Мемнон успел увернуться,
И Паррасида сразил Антилох, его милого друга.
В гневе за смерть эфиопа кидается Мемнон в атаку,
Будто на вепря кидается лев, незнакомый со страхом,
И человека, и зверя способный загрызть – столь силен его натиск,

- 250 Так же и Мемнон напал. Антилох с земли поднимает
Камень огромный и мечет в него – но все безуспешно!
Жив еще Мемнон, и сердце в груди у него невредимо –
Крепкий шлем, защищая его, отвращает погибель.
Мемнон, удар получив, вскипает чудовищным гневом.
- 255 Шлем у него загудел, он кидается в ярости пущей
На Антилоха, и сила его необорно окрепла –
Тут он сразил Несторида – хоть славным копейщиком был он, –
В грудь, повыше сосца. Копье через сердце проходит,
И, как всегда при раненье таком, наступает кончина.
- 260 Так погиб Антилох, и скорбь охватила Данайцев
Всех, а отцовское Нестора сердце исполнилось мукой –
Смерть Антилоха пришлось ему видеть своими глазами.
Самое горькое зло из зол, выпадающих смертным, –
Видеть родному отцу, как чадо его погибает.
- 265 Нестора твердое сердце, хоть был он душой непреклонен,
Скорбью объялось при виде сраженного Керою сына.
Нестор зовет Фрасимеда – ведь тот пребывал в отдалении:
«Славный мой сын Фрасимед, ко мне! Отгоним убийцу
Дальше от бранных останков убитого сына и брата,
- 270 Или найдем нашу гибель и сами, его защищая!
Если же робость и страх в груди у тебя шевелятся –
Ты мне не сын и не я породил тебя, стало быть, к жизни,
И не потомок ты Периклимена, великого мужа,
Что пред Гераклом самим никогда не испытывал страха!
- 275 Так соберемся к рывку! Нужда заставляет и слабых
Часто в бою проявлять великую стойкость и силу!»
Рек. Услыхал Фрасимед, и душа у него помутилась
Скорбью ужасной. С ним вместе на бой и Ферей выступает –
Гибель вождя причинила ему нестерпимое горе.
- 280 Оба они устремились на храброго Мемнона в битву.

Так на охоте, в долине меж черных склонов лесистых
За кабаном иль медведем – какой-нибудь крупной добычей –
Мужи-охотники в жажде убийства на зверя несутся,
Он же, ярясь, на обоих охотников смело кидаясь,
285 Силу людей отражает. Таков же и Мемнон был гордый.
Хоть и смогли подобраться поближе Ферей с Фрасимедом,
Но и теперь их могучие копья его не сразили.
Дроты метнули тогда – не попали в героя и дроты,
Мимо они пролетели, от Мемнона тела далеко
290 (Это сама Эригена от сына удар отводила).
Все же оружие летело не праздно – Ферей многосильный
Дротом своим поразил Полимния, сына Мегета,
В Лаомедонта-троянца попал Несторид многомошный.
В гневе великом своем за погибель родимого брата.
295 Мемнон, его погубитель, – теперь ненасытной рукою
Он всемедный доспех совлекал с Антилохова тела –
На Фрасимедову силу, на славного мужа Ферей
Даже не глянул – настолько сильнее он был их обоих,
Их, подобных шакалам, что к телу оленя крадутся,
300 Да, опасаясь огромного льва, подобраться не смеют.
Горько тогда зарыдал, наблюдая вблизи это, Нестор,
Стал он других призывать на сражение с Мемноном выйти,
Даже собрался и сам в колесницу подняться для боя,
Силам своим вопреки – сражаться его понуждала
305 К мертвому сыну любовь – и рядом с возлюбленным сыном
Замертво пал бы отец среди трупов, когда бы навстречу
Старца порыву не выступил Мемнон могучий со словом,
В сердце питая почтенье к тому, кто отцу его сверстник.
310 «Старец! – он рек. – Для меня неприлично сражаться с тобою,
Я не настолько безумен, чтоб драться с таким престарелым!
В юности ты, несомненно, отважно кидался навстречу

- Всяким врагам – и, когда б я с тобою в ту пору сошелся,
Славно бы мы потягаться смогли и копьем, и десницей!
Ныне ж изыди подале от боя сего и убийства!
- 315 Прочь удались, а не то неизбежно, хоть я не желаю,
Ты вместе с сыном падешь – ведь придется сразиться с сильнейшим.
Как бы тебя не назвали другие тогда безрассудным,
Ведь не пристало вести поединок при силах неравных!»
Рек. И на это отвечивал Нестор такими словами:
- 320 «Все твои, Мемнон, слова ты потратил сейчас понапрасну!
Кто же посмеет сказать, что глупо сражаться за сына,
Глупо вступить в поединок, стремясь отеснить и отбросить
Злого убийцу, когда совлекает он с трупа доспехи!
Был бы я в силе еще – моего бы копья ты отведал!
- 325 Ныне же ты торжествуешь, у юного дух горячее –
Правда, и ум легковесней, и вот, возомнив непомерно,
Речи со мной ты ведешь, говоря совершенно пустое.
О, если б в пору мою мы с тобою в бою повстречались,
Сколь ни силен ты – друзья бы отнюдь не твои ликовали!
- 330 Ныне же старость гнетет, и стал я как лев престарелый,
Пес его может нахально прогнать от овечьей отары,
Лев же отпора не даст, хоть и жаждет того бесконечно,
Жаждет – да прежних клыков в его пасти уже не осталось,
Сила не та, и подточено временем мощное сердце.
- 335 Тат вот и я – не подымется сила в груди, как бывало.
Все же и я, словно лев, между многих других – не последний,
Многих сильней я, и мало кому моя старость уступит».
Рек, и слегка отступил он назад, и оставил во прахе
Мертвого сына лежать – потому что не прежняя сила
- 340 В членах подвижных была, что когда-то их крепость питала,
Ныне же их тяготила несущая бедствия старость.
Тут Фрасимед, достолавный копейщик, ни с чем удалился,

С ним и могучий Ферей, да и все сотоварищи в страхе –
Мощным напором своим их теснил эфиоп-истребитель.
345 Тат в высоких горах, низвергаясь, летит с клокотаньем,
Весь в водовертях глубоких поток, и шумит бесконечно
В пору, когда, расстилая над смертными день непогожий,
Зевс подымает великую бурю, и часты раскаты
Грома и молнии вспышки средь туч, громоздящихся страшно.
350 Тут заливаются влагой в долине лежащие пашни –
Полнит их ливень рокочущий, полнят их также потоки,
С ревом летящие с гор, образуя овраги из русел.
Так же, потоком, неслись к берегам Геллеспонта ахейцы,
Мемнон их гнал – по пятам наступая, косил убежавших,
355 Многие там полегли под мощной рукой эфиопа
В прахе, смешавшемся с кровью, а кровь убиенных данайцев
Землю покрыла, и радостно Мемнона сердце взыграло,
Пуще напал он на вражьи ряды, и под тяжестью трупов
Трой земля застонала. Но Мемнон не вышел из боя,
360 Мня, быдто свет он троянам и гибель данайцам приносит.
Это сама многостонная Мойра его соблазняла,
Рядом витая, морочила, в бой понуждая кидаться.
С Мемноном рядом старались помощники, в битве лихие,
Нихий и Алкионей, Асиадес с бестрепетным духом,
365 Славный копейщик Менекл, а также Клидон с Алексиппом –
С ними другие – рвались они в дело и славно рубились,
Смело кидаясь вперед, на царя своего уповая.
Тут-то Менекла, что шел нападать на данайцев, сражает
Нестор Нелид престарелый – взъярившись за гибель Менекла,
370 Целое толпище Мемнон могучий тогда истребляет,
Словно охотник, когда среди гор в незаметные сети
Быстрых оленей загонит, и там, у этой ловушки,
Вместе с умелой подмогою сеть опускает поспешно,
Скопом добычу накрыв – такова уж охотничья хитрость.

- 375 Псы заливаются радостным лаем, а ловчий проворный
Насмерть пронзает копьем молодых быстроногих оленей –
Так же и Мемнон – он толпы сразил, и друзья ликовали,
Войско ж аргивское в бег обратилось от славного мужа.
Так огромный валун, что стоял на кремнистом утесе,
380 Если его с высоты неустанный Зевес низвергает,
Молнию мощно метнув, оглашенную громом ужасным –
С места сорвавшись, несется, ломая густую дубраву,
След за собой оставляя в своем сокрушительном лете,
Эхом ему отвечает лощина, и в страхе несутся
385 Прочь от него среди леса бродившие овцы и телки,
Все, что паслось на пути безотвратно катящейся глыбы,
Так и от Мемнона в страхе бежали спасаться ахейцы.
Тою порой отправляется Нестор к потомку Эака,
В скорби о сыне великой, и речь обращает такую:
390 «О Ахиллес! Ты – могучий оплот благородных ахейцев!
Сын мой убит, и доспех его Мемнон сейчас совлекает,
Но опасаясь, что тело достанется псам на добычу!
О, помоги поскорее! Ведь истинный друг о погибшем
Память хранит и скорбит по тому, кого нет уже боле!»
395 Рек. И Ахиллово сердце пронзилось мучительной болью –
Тут он заметил, что Мемнон в пылу многостонного боя
Толпами рушит ахейцев копьем истребительным верным.
Тотчас Пелейон, оставив троянцев, с которыми бился,
400 Стоя в фаланге другой, поспешил, возгоревшись сражаться,
К Мемнону прямо – неистовый гнев распалил его сердце
За Антилохову гибель, но Мемнон могучей рукою
Камень подьмет, служивший межою на ниве богатой,
Мечет и в щит попадает Пелейона, муж боговидный.
405 Но и не дрогнул Ахилл, а, выставив длинную пику,

Ближе к нему подошел и метнул неподъемную глыбу,
Пеший – ведь кони его далеко оставались за строем.
Мемнону правое рамо повыше плеча он поранил.
Тот, пораженный, в безумном порыве бесстрашного духа,
410 Ранит могучим копьём Пелейона в правую руку,
Хлынула кровь, и бесплодную радостью Мемнон зажегся –
Рек он надменно: «Теперь твоя участь, я думаю, близко,
Гибель от длани моей – ты из этого боя не выйдешь!
Что ты, злосчастный, бесцельно троян истреблял без пощады?
415 Все ты кичился, что смертных мужей превосходишь намного,
Все похвалялся, что мать твою Нерейда – бессмертна!
День твоей участи – вот, наступил! Я божьего рода –
Эос меня родила, и взрастили меня Геспериды –
Нежны, как лилии, девы сии – у струй Океана.
420 Вот почему я тебя в бою ни за что почитаю,
Зная, кто мать моя – и насколько она превосходит
Ту Нерейду, от коей рожденьем своим ты кичишься.
Мать сияет моя для блаженных и смертного люда,
Лишь с появлением ее вершат на вечном Олимпе
425 Светлое все и благое, что пользу приносит для смертных.
Мать же твою восседает в пучинах бесплодного моря,
Жизнь провождая с китами, владычит над рыбами славно,
Миру невидима и бесполезна – ее и не чту я!
Жителям неба бессмертным я равной ее не считаю!»
430 Рек. И ответил на это отважный потомок Эака:
«Мемнон! Зачем же безумные мысли тебя побудили
Выступить против меня и со мною померяться в битве!
Всем я сильнее тебя – и мощью, и родом, и статью!
Я унаследовал славную кровь сверхмощного Зевса,
435 Так же – Нерей могучего, давшего жизнь Нерейдам,
Девам морским, почитаемым даже богами Олимпа,
Всех их почтенней Фетида, что славится разумом мудрым.

Это она в чертоге своем приняла Диониса
В пору, как он трепетал перед силою злого Ликурга,
440 Это она и Гефеста, искусника в медных работах,
В доме держала своем, как был он с Олимпа низринут,
И самого Молневержца, когда разорвал он оковы,
В памяти это храня, всезрящие жители неба
Чтут высоко у себя на цветущем Олимпе Фетиду,
445 Так что узнаешь и ты, какова моя матерь богиня,
В час, как пронзит тебе печень копье под моею рукою,
Гектор уже заплатил за Патрокла – а ты мне заплатишь
За Антилоха – убитый был друг не бессильного мужа!
Впрочем, чего мы стоим и болтаем, как глупые дети?
450 Что говорить о деяньях родителей – сами за дело!
Вот тебе, вот он – Арес! И вот тебе, на – моя сила!»
Рек – и схватился рукою за меч длины непомерной,
Мемнон же выхватил свой – мгновенно вскипел поединок,
Яростно в жажде победы в щиты ударяли друг друга –
455 Оба владели щитами бессмертной работы Гефеста –
В схватку кидались они то и дело – и шлемов султаны
Между собою едва не сплетались при этих атаках,
Зевс, благомысля обоим, послал им огромную силу,
Ростом возвысил и усталъ отвел, и подобны бессмертным
460 Стали герои, и, глядя на них, веселилась Эрида,
Каждый старался врагу меж щитом и украшенным шлемом
В тело вогнать, исхитрившись, копья острие – многократно
Силились оба в рывке, – а порой норовили уметить
В место, чуть поножи выше, открытое, либо под панцирь,
465 Сделанный славно, прилаженный плотно на теле могучем.
Каждый другого спешил обогнать, и ужасно гремела
Медь о бессмертный доспех, и шум доходил до Эфира,
Это кричали троянцы, аргивяне и эфиопы,
Страшно схватившись, а пыль из-под ног поднялась, заклубилась

- 470 Прямо до самых небес – завязалось великое дело.
Словно туман на горах – как зарядят дожди проливные, –
Влагой они изобильно поят и ручьи, и потоки,
Звонко журчащие – гулом тогда наполняются доли,
Страшен тогда пастухам поток этой бурной стремнины,
475 Страшен для них и туман – покрыватель волков беспощадных,
С ними и хищников прочих, что бродят в лесах беспредельных.
Столь же опасная мгла поднялась, и от пыли подножной
Солнца прекрасного свет помутился за облаком плотным,
Воздух густой потемнел – и Злая Беда бушевала,
480 Толпами войско кося в пыли сей битвы злосчастной.
Словно некий блаженный бог удалился из битвы.
Керы же злые немедля слетели на обе фаланги,
Яростно всех подстрекая на бой, оглашаемый стоном,
Не прекращал и Арей истребленья, и скоро повсюду
485 Будто бы грязью покрылась земля от пролитой крови,
Смешанной с прахом подножным – и черная Смерть ликовала,
Трупы коней и людские тела переполнили поле –
Тесно стало меж вод Симоента потока и Ксанфа,
Что к Геллеспонту священному с Иды свой ход направляет.
490 Длился уже поединок героев неслыханно долго,
Силы же их, как и прежде, такими же равными были.
Сверху, с Олимпа взирали на них небожители-боги,
Радость одним доставлял Ахиллес, неслабеющий воин,
Мемнон других восхищал – порожденье Тифона и Эос.
495 Вдруг возгремело широкое небо – и гулом ужасным
Понт отвечал, под ногами героев земля содрогнулась
Черная страшно – то в страхе великом дрожали
За Ахиллеса с Фетидой Нерея могучие дочери,
Столь беспокойство их было огромно. А в небе высоком
500 Правя коней по Эфиру, сама Эригена робела
И трепетала за милого сына, и с ней Гелиады,

Дочери Солнца, сраженные страхом безмерным, стояли
В дивном сияющем круге, – награде великого Дия
Неутомимому Солнцу в его ежегодном кружении –
505 Все и родится, и гибнет под ним – а век непрерывно
День ото дня протекает при плавном годов обращении.
Тут, несомненно, зажглись бы и боги желанием боя,
Если б по воле Зевеса, владыки великого грома,
Керы две не явились внезапно – к обоим героям
510 Встали вплотную – близ Мемнона черная встала богиня,
Возле Ахилла отважного – светлым сиявшая блеском.
Вышние громко вскричали, и в горе одни погрузились,
Светлая радость объяла других, и они ликовали.
Свой поединок кровавый меж тем продолжали герои, –
515 Бились упорно, ведь Кер подошедших им не было видно, –
Силу и дух напрягая могучий в борьбе обоюдной.
Ты бы подумал – вершилась плачевная битва гигантов,
Несокрушимых в сей день, иль безмерно могучих титанов,
Столь исполинскую битву воздвигли, сражаясь, герои.
520 То они бились мечом, то метали огромные камни
Мощным рывком, но пока ни один из героев не дрогнул,
Не отступил ни на шаг, но стояли они нерушимо,
Словно утесы, как в камень, в свою облаченные силу,
Оба героя гордиться могли Зевесовым родом –
525 Вот почему Энио держала столь долго простертой
Равную долю в бою над героями и над дружиной
Каждой, что билась отважно и стойко совместно с вождями,
Натиск усталых врагов отражая покуда щитами,
Правда, никто из бойцов не остался без раны тяжелой
530 Все истекали и кровью, и потом, но все-таки каждый
Бился упорно. Земля же телами покрылась бессчетно,
Будто бы тучами небо, порой, как светило заходит
В край Козерога, и море бушует, страша морехода.
Кони со ржаньем и храпом вперед устремились за войском,

- 535 Мертвых топча на лету, словно листья опавшие в роще
Тою ненастной порой, как цветущая осень отходит.
Битва же двух, порожденных богинями, все продолжалась,
Мощные, средь окровавленных трупов они состязались
- 540 В злобе своей неослабной. Но вот полагает Эрида
Боя исход на весы – и не держат весы равновесья.
Тотчас Ахилл прекрасного Мемнона в грудь поражает,
В самое сердце – и черная кровь заструилась потоком,
Милая жизнь пресеклась – и могучий герой упадает
- 545 Наземь, в кровавую лужу при грохоте тяжком доспехов.
Рокот прошел под землей – и соратники в страхе отпряли,
Сняли доспех мирмидонцы с него, а трояне бежали –
Вслед им Ахилл устремился в погоню смерчком беспощадным.
Эос-Заря зарыдала и плотно закуталась в тучи,
- 550 Стало темно. И тогда собрались быстролетные ветры,
Матери волю блюдя, сообща по единой дороге
Все на приамово поле примчали, и, к Мемнону хлынув,
Подняли тело героя, рожденного Эос, и быстро,
Быстро его понесли сквозь воздух седой, и скорбели
- 555 В сердце о гибели милого брата. И стоном ответил
Окрест Эфир их стенанью. А кровь, что из ран источалась,
Каплями землю кропя – на память грядущим потомкам
Так и осталась – блаженные боги, собрав воедино,
Слили кровавые капли в поток, неумолчно шумящий.
- 560 Пафлагонейским его называют окрестные люди,
Те, что живут у подножий идейского длинного кряжа.
Сей поток по земле, дотоле сухой, заструился
В Мемнона день роковой, в тот день, как лишился он жизни.
Дух исходил тяжелейший, с ужасною силой оттуда –
- 565 Ты бы сказал, что еще и поныне смертельная рана
Мемнона страшно смердит пораженною гниlostью кровью.
Вот что свершилось по воле богов. А быстрые ветры

Мемнона, сына Зари, далеко уносили, окутав
Облаком плотным тумана, летя над землей невысоко.
570 Войско мужей эфиопских с утратой царя не осталось
Где-то блуждать от него вдалеке – под водительством бога
В путь понеслись и они, наделенные скоростью дивной,
В воздух поднявшись, они от царя ненамного отстали.
Так вот бывает – на ловле погибнет в чащобе охотник,
575 Лев ли, кабан растерзает его смертоносною пастью –
Мертвое тело друзья поднимают и скорбно уносят,
Псы же охотничьи, громко в тоске по хозяину воя,
Следом за ними идут с неудалой, плачевной охоты –
580 Так и мужи-эфиопы – внезапно свирепую битву
Бросив, они понеслись за стремительным ветром, стеная,
Скрыты божественной тьмой – а народы троян и данаев
Замерли, остолбенев – ведь у них на глазах эфиопы
Стали невидимы взору, исчезли вослед за владыкой –
585 И онеменье напало на всех. А вечные ветры
Мемнона-единоборца могучее тело слагают,
Тяжко вздыхая, на бреге глубокопучинном Эсепа,
Лес там стоит превосходный – владенье причесанных дивно
Нимф – он густо зарос древесами пород всевозможных,
590 Там-то Эсеповы дщери впоследствии знак надмогильный
Соорудили высокий и справили плач погребальный,
Пышную почесть воздав Зари-Эригенеи сыну,
Солнечный свет закатился, и Эос покинула небо,
Плача о сыне, спустилась на землю, ее окружили
595 Девы, числом их двенадцать, кудрявые – их попеченью
Вверены вышние Солнца пути при его обращении,
Ночи и зори, и все, что бывает по воле Зевеса –
Девы вкруг Зевсова дома, у врат нерушимых подворья,
Кружатся, год за собою ведя, отягченный плодами,

- 600 Так, своей чередой по кругу и катятся вечно
Холод суровый зимы и весна в ее пышном цветении,
Милое лето и осень, дарящая спелые гроздья, –
С высей Эфира и девы сии ниспустились на землю,
В тяжелой печали по Мемнону – с ними же вместе Плеяды
605 Горько рыдали – и вторили стонам высокие горы,
Вторил Эсепа поток – и плач неумолчный воздвигся.
А посредине припала с объятием к милому сыну
Эос и, страшно рыдая, меж стонов она восклицала:
«Милый мой сын, ты погиб! Ты пронзил несмягчаемой болью
610 Матери сердце своей! Без тебя я уже неспособна
Свет разливать населяющим небо бессмертным – и ныне
В страшные глубины подземных богов отправляюсь, в пределы,
Где, от тебя отделившись, душа твоя ныне витает.
Пусть на земле разливаются хаос и мрак непроглядный!
615 Пусть хоть такая печаль проникнет в Кронидово сердце!
Я не бесславней его самого и его Нереиды,
Я, светоносная, я, приводящая все к завершенью,
Это ль – ничто? Но свет мой Кронид не почтил уваженьем!
Вот и сойду я во мрак – вынимайте из моря Фетиду,
620 Пусть посияет она на Олимпе бессмертным и смертным!
Сын мой! В душе моей скорбная тьма поселилась навеки,
И никогда над убийцей твоим не пролью я сиянья!»
Так говорила, и слезы текли по бессмертному лику,
Словно ручей вечноструйный, вокруг тела земля увлажнилась,
625 Слезы впитав – и Ночь амврозийная с дочерью милой
Вместе печалилась – звезды небесные спрятала в тучи,
Небо одела туманом, приятное сделав для Эос.
В граде своем предавались печали Трояне, жалея
Мемнона душу – и с ними союзники все горевали.
630 Не было радости полной и в стане ахейцев – среди поля,
Близ убиенных мужей сотоварищи, на ночь оставшись,

Чувства питали двояко – Ахиллом гордясь копьеносцем,
По Антилоху же плача – смешались и радость, и горе.
Ночь напролет безутешно рыдала со стонами Эос,
635 Вкруг ее мрак разливался, – она появляться на небо
Не помышляла, в душе непомерно Олимп ненавидя.
Возле нее быстроногие дивные кони вздыхали,
Землю взрывали тяжелым копытом, хоть жалко им было
Видеть царицы печаль, но рвались они в небо вернуться.
640 Громом разгневанный грянул Зевес, и земля содрогнулась –
Тут уж бессмертная Эос почувала все-таки робость.
Тотчас вершат погребальный обряд чернокожие мужи
В скорби великой, и тут, у могилы могучего сына,
Мать волоокая Эос объятых тоской эфиопов
645 В птиц обернула и воздуху вверила, – так и поныне
Смертных людей племена называют сих птиц мемнониды,
Птицы же горько скорбят по владыке своем и поныне:
С громкими криками, плача, к могиле царя прилетают,
Прах насыпают на холм и бои свои птичьи заводят
650 Мемнону в честь. А герой в Аидовом доме подземном
Тешится ими, и мать, бессмертная Эос, взирая,
Душу врачует свою. Повелителя чтя состязаньем,
Птицы ведут поединок, покуда один не погибнет,
655 Или пока не падут истомленные битвою оба.
Так исполняют велье Зари быстролетные птицы.
Тою порой поспешила на небо бессмертная Эос,
С нею совместно туда вознеслись и прекрасные Оры,
Это они проводили ее к пределам Зевеса.
660 Ей не хотелось идти – но они в утешенье шептали
Речи такие, что острую боль ее сердца смягчили.

Третья песнь

С первым лучом появившейся в небе Зари дивнотронной
Вои пилосские без промедления труп Антилоха
С бранного поля к своим кораблям понесли, вздыхая,
Близ берегов Геллеспонта свершили ему погребенье,
5 Горько скорбя о вожде, аргивяне мощные с ними
Тяжко стонали, горюя, в сочувствии Нестору – старец
Был уважаем, – но сам же Нелид крепился душою,
Мудрому мужу пристало сносить свое горе достойно,
Духом не падать, главы не склонять, не растравливать раны.
10 Друг Антилоха Пелид запыхал истребительным гневом,
Стал снаряжаться он в бой на троян, а они уже сами,
Хоть трепетали весьма перед копейщиком славным Ахиллом,
Все же из стен городских устремились, готовые к битве –
Черные Керы вложили им в душу отвагу и дерзость!
15 В сем бою суждено было многим от длани Ахилла
К Аидонею сойти, утратив возврат, да и сам он
Должен был ныне погибнуть у стен Приамова града.
Вот с обеих сторон стекались к единому месту
Разноплеменное войско троянцев и сила аргивян,
20 Страстно пылая к Арееву делу, – и грянула битва.
Тут истребляет Пелид врагов бессчетные толпы, –
Матерь живого, Земля потемнела от пролитой крови,
Трупами наполнились Ксанф, Симоент, а отпрыск Пелея
В город троянцев теснил, пожиная кровавую жатву
25 Вплоть до ворот городских, и народы бежали во страхе,
Тут бы он всех перебил и врата опрокинул бы наземь,
Створки бы сшиб с косяков, на которых они закреплялись,
Все бы запоры разнес, и дорогу открыл для данайцев
В город Приама богатый, и тут захватили бы Трою,

- 30 Если бы Феб не вмешался: возжегся в нем гнев несмягчимый
Страшно при виде того, как толпами гибнут герои.
С неба сошел, как стремительный хищник: колчан за спиною,
Стрелами полный, от коих для смертного нет исцеленья.
Стал супротив Эакида, – и лук, и колчан прогремели,
35 Очи метали огонь, под ногами земля колебалась,
Чтобы воитель Ахилл отвратился от пагубной сечи,
Божеский лик увидав, – если б робость его оковала,
Троя и жители оной тогда б истребленья избегли.
Грянуло грозное слово великого бога, и рек он:
40 «Прочь, Пелид! Удались от троян! На сегодня довольно.
Многое зло принесли твои длани врагам, так смотри же,
Как бы тебя самого не преследовал кто из бессмертных!»
Рек Аполлон. Но не дрогнул Ахилл при бессмертном глаголе, –
Черные Керы его ведь уже окружили, витая,
45 Выкрикнул громко герой, не смущаясь стоять перед богом:
«Феб! Для чего угрожаешь ты мне поединком с бессмертным,
Я ведь к сему не горю. Что лелеешь троян вероломных?
Ты уже – было! – обманом меня отвратил от сраженья, –
Помнишь, как в первый раз от гибели Гектора спас ты?
50 Вот уж троянцы тогда не могли на него нахвалиться!
Ныне же сам уходи! Изыди к престолу блаженных!
Как бы и я не ударил тебя, хоть и бог ты бессмертный!»
Рек. И от бога отшед, устремился опять на троянцев.
Те, кто куда, без порядка, носились пред стенами града,
55 Тут-то он их и хватал. Осердилось Фебово сердце,
И про себя, в душе, тогда Дальновержец промолвил.
«Что же? Увы, как всегда, он безумен. Ему не поможет
Боле ничто. И Кронид не спасет, и никто из бессмертных,
Так он свирепствует, так божеству он противиться смеет!»
60 Рек Аполлон – и невидимым став, окутанный тучей,
Спрятан в тумане густом, пускает стрелу роковую.

Бог поражает Ахилла в пяту, – и в то же мгновенье
В сердце вонзается боль, и герой падает, как башня,
Оземь с подножья, когда под землею Тифон закружится
65 С силою страшной, и глуби земли содрогнутся ужасно.
Так же поверглось и дивное тело Эакова внука.
Взором алкая стрельца, вскричал он в неистовой злобе:
«Стой! Это кто там тайком стрелой меня страшной уметил?
Ну-ка, сюда выходи! Сразимся с тобою открыто!
70 Пусть уж наружу повыпустит черную кровь, да с кишками
Наше копье, и пошлет самого тебя к дому Аида!
Знай-ка, меня одолеть ни копьем, ни в бою рукопашном –
Нет никого среди героев, теперь населяющих землю,
Сколь бы бестрепетно сердце в груди у того не стучало,
75 Будь оно вовсе бесстрашно, хоть будь оно прямо из меди!
Слабые сильных всегда норовят поразить из засады.
Ну же, давай, выходи! Пусть бы даже гордился, что бог ты,
Злой на данайцев – мне сердце мое указывает правдиво,
Знаю я: ты – Аполлон! Ты скрываешься в туче коварно!
80 Милая мать моя давно уже мне предрекала
Встретить кончину мою от пагубных стрел Аполлона
Здесь вот, при Скейских вратах, – и слово то было не ложно».
Рек, и могучей рукой стрелу смертоносную бога
Вынул, и хлынула кровь, побежала потоком из раны
85 Неисцелимой, а к сердцу уже подступала судьбина.
Гневно отбросил стрелу Ахиллес, но проворные ветры,
Вмиг подоспев, подхватили ее и снесли к Аполлону –
Шествовал он, возвращаясь к священным пределам Зевеса, –
Сгинуть бессмертной стреле не дано, если пущена богом.
90 Принял стрелу Аполлон и назад поспешил возвратиться,
К сонму бессмертных богов, на великий Олимп он вознесся.
Там и другие сошлись божества, дабы лучше им видеть

Битву людей, – и одни о троянской победе радели,
К славе ахейцев стремились другие, и, разные мыслью,
95 Боги взирали, как смертные гибнут и губят друг друга.
Вот заприметила Феба премудрая Зевса супруга,
Тотчас к нему подступила, браня его злыми словами:
«Феб! Почто сотворил ты сегодня сие преступленье?
Разве забыл ты о свадьбе, что сами бессмертные боги
100 Справили, брак полубогу Пелею устроив, и сам распевал ты
Меж пировавших в сей день, как супругой герою Пелею,
Глуби покинув пучин, среброногая стала Фетида!
Сам ты играл на форминге – к тебе отовсюду стекались
Стаями птицы, стадами зверье, а глубокие горы,
105 Реки и чаща лесная к тебе подступали поближе!
Ты позабыл обо всем! Ты свершил нечестивое дело!
Дивного мужа сразил, а ведь в оное время предрек ты
Сам непреложно, нектар возливая с другими богами,
То, что Фетида Пелею родит его. Клятву забыл ты,
110 Ради подмоги народам могучего Лаомедонта –
Был ты его пастухом и смертный, тобой помыкал он,
Богом бессмертным, а ты своей неразумной душою
Все о троянцах радеешь, забывши, чего натерпелся!
Будто, зловредный, не знаешь в своей голове сумасбродной,
115 Кто нечестивец и должен нести в наказание расплату,
Кто же почтен от богов! И как будто тебе неизвестно,
Сколь почитал нас Ахилл – да и сам он был нашего рода!
Но, полагаю, троянам не станет от этого легче,
Хоть Эакид и сражен, – ведь с острова Скироса вскоре
120 Сын молодой Ахиллеса грядет на подмогу ахейцам
В битвах кровавых, а юноша сей и отвагой, и мощью
Равен родителю, – многих врагов ожидает погибель!
Впрочем, тебя не троянцы заботят, а зависть снедает
К доблести дивной Ахилла – сильнейшим он был среди смертных!

- 125 Глупый! Ну как поглядишь ты в глаза Нереевой дочери!
Шествует ныне с бессмертными к домам Зевеса Фетида,
Та, что тебя почитала, любила, как милого сына!»
Так, распаленная гневом, бранила рожденного Зевсом
Гера, а Феб Аполлон в ответ не промолвил ни слова,
130 Ведая страх пред супругой отца, необорного Зевса,
Сил не достало ему поднять на нее свои очи.
Прочь от бессмертных отшед, Аполлон в стороне поместился,
Взоры потупив. И все о данайцах радевшие боги
Гневом безмерно зажглись, а те, кто, стремился троянам
135 Славу победы доставить, немало в душе ликовали,
И про себя одобряли весьма Аполлона поступок,
Втайне, конечно, от Геры, – ведь все небожители боги
Гнева трепещут ее. А тою порою под Троей
Яростный гнев не оставил Ахилла, и в членах могучих
140 Черная кровь бушевала, и жаждал он, жаждал он боя,
Но не один из троян подойти к распростертому близко
Так и не смел, но держались они от него в отдаленьи,
Словно селяне, что стать нороят за деревья, подале,
Дабы за львом наблюдать, пораженным охотничьей дланью,
145 Зверь же, под сердце сраженный, – без сил, но поводит глазами
Дико, и грозная пасть исторгает рычание страшно,
Так и Пелид: его дух распаляли неистовым пылом
Гнев и смертельная рана – да божья стрела не пускала.
Вдруг он собрался в рывке и вмиг на врагов устремился,
150 Страшно копьё он потряс, и пал Оритаон прекрасный,
Гектора доблестный друг, в висок острием пораженный.
Шлем не сумел отразить удары копья боевого,
Вникло огромное вглубь и, кость сокрушив черепную,
В мозг погрузилось, и мигом цветущая жизнь раскололась.
155 Тут же сразил Ахиллес Гиппоноя: под бровь его ранил,
В самое сердце глазницы – и око из век выпадает,

- В сей же миг и душа Гиппоноя слетает к Аиду.
Замертво пал Алкатон, пораженный ударом под челюсть,
Сразу отсекившим язык, и герой, задыхаясь, на землю
160 Пал, а копья острие у него показалось из уха.
Дивный Ахилл продолжал умерщвлять на него нападавших,
Множество душ он отъял у врагов, устремившихся в бегство,
Ярая кровь клочкотала пока что в груди его буйной.
Но, лишь почуяв, что члены хладеют и дух отлетает,
165 Стал, опершись на копье. Враги ж врассыпную бежали
В страхе смертельном. И в спину бегущим он выкрикнул громко:
«Трусые вы, трусы, трояне дарданцы! Хоть я умираю,
Вам никуда не уйти от копья моего боевого!
Разом заплатите черною смертью Эриниям нашим!»
170 Рек, а они, услышав, задрожали, подобно оленям,
Львиный заслышавшим рык, – по чащобам в горах они бродят,
Робкие, мчатся готовые прочь от ужасного зверя, –
Так и трояне, и пестрое войско союзных народов
Дрогнули в страхе при звуке предсмертного крика Ахилла,
175 Мысля, что он невредим, – но его уже участь сковала.
Тяжесть сковала отважное сердце, могучие члены
Рухнули наземь на трупы, как будто утес обвалился.
Гул по земле прокатился, когда прогремели доспехи
В смертный час беспорочного сына Пелея. Враги же,
180 Взоры стремя на него, по-прежнему трепет питали,
Трои воители в страхе подобились трепетным овцам,
Овцам, что, видя сраженного юными ловчими зверя,
Хищника, – он неподвижно лежит близ овина, – боятся,
Не подойдут ни за что, опасаясь его как живого, –
185 Так и трояне дрожали, хоть не было боле Ахилла.
Стал Парис ободрять свое войско, объятые страхом,
Сам он душой ликовал, наконец возымев упованье,
Что, по кончине Пелида, аргивяне боле не станут
Битвы вести, – ведь был Ахиллес оплотом данайцев.

- 190 Рек он: «О други! Явите мне помощь на деле! Давайте
Ныне – иль примем кончину от дланей могучих данайцев
Иль, невредимые, в Трою доставим Пелидово тело,
Гектора кони его повлекут, – после гибели брата
Носят меня эти кони в сраженьях, – да носят понуро,
195 Сами же горько тоскуют о Гекторе, прежнем владыке,
Пусть же протащат теперь эти кони Ахиллово тело!
Честь им такую доставим! Доставим и Гектору радость,
Если в Аиде у смертных и разум, и суд остаются.
Зло замышлял он на Трою, – так пусть же троянские жены,
200 Радостью полнясь огромной, его в нашем граде обступят,
Кинутся яро на труп Ахиллеса, как самки пантеры,
Либо свирепые львицы, когда, защищая потомство,
С рыком летят на охотника, в деле нелегком умельца, –
Так же помчатся троянки, завидев Пелидово тело,
205 Толпами бросятся все, обуянные гневом безмерным,
Кто за убитых отцов, кто – за павших в сраженьи супругов,
Те – за погибших детей, а эти – за братьев почтенных.
Боле же всех возликует отец мой и прочие старцы,
Возраст преклонный их всех пребывать вынуждает в ограде,
210 Мы же, доставив сей труп в наш город, его предоставим
Птицам, ширяющим в небе высоком на пир и добычу!»
Рек, и труп Эакида тогда окружают поспешно
Те, кто недавно при виде героя испытывал ужас,
Главк, Эней и Агенор, известный могучей душою,
215 С ними другие умельцы в губительном деле сражений, –
Жаждут повлечь Ахиллесово тело в священную Трою,
Но от Аякса, подобного богу, сие не укрылось –
Вмиг подоспев, отгоняет он всех огромною пикой.
Прочь от Ахиллова тела, – они ж продолжают наскоки,
220 Взяв в окруженье Аякса, идут на него, нападаая
Скопом, подобно тому, как рой длинногубый пчелиный,

Вкруг пчеловода близ улья, гудя, разлетаясь, бессчетный,
Силась прогнать человека, а он, без вниманья оставив
Все их наскоки, медовые соты срезает, а пчелы,
225 Все с постоянным упорством, хоть муж отгоняет их дымом,
Снова напасть норовят, – но они не страшны пчеловоду.
Так и Аякс нападений троян не страшился нисколько.
Первый троянец упал, удар над сосцом приходился, –
То Меонид Агелай был, затем – божественный Фестор.
230 После погиб Окитой, а за ним – Агестрат с Аганиппом,
Зор и Нисс, а затем Эримант, знаменитый воитель,
Тот, что из Ликии прибыл в дружине могучего Главка,
Он обреталя в крутом Меланиппе близ храма Афины,
Что супротив Массикита, вблизи Хелидонского мыса;
235 Мыс сей, когда беспокойно на море, – гроза мореходов,
Если приходится им огибать эти острые скалы.
Смерть Эриманта тоской леденящей окутала сердце
Главку, что славным рожден Гипполохом, – он был его другом.
Кинулся Главк на Аякса, и щит многослойный бычачий
240 Тут же пронзил, но блестящую кожу героя не тронул,
Тело Аякса и шкуры щита защитили и панцырь,
Панцырь, что плотно облек незнакомые с усталью члены.
Главк не оставил тогда кровавого боя, но снова
Кинулся, тщась поразить Эакида Аякса смертельно,
245 И, неразумный, ему угрожая, промолвил чванливо:
«Ты, говорят, выдаешься, Аякс, средь прочих ахейцев?
Все постоянно тебя превозносят и молвят, что будто
Равен Ахиллу воителю ты! Так равняйся с Ахиллом!
В тот же день, что и он, тебе умереть помогу я!»
250 Так говорил, испуская пустые слова, ведь не ведал,
Сколь мощней его тот, на кого он копьем размахнулся.
Тут, исподлобья взглянув, отвечает Аякс многомогущий:
«Жалкий! Не знаешь, что Гектор, – а был он тебя посильнее,

- Гектор, и тот избегал копья моего боевого?
255 Он ведь в себе сочетал с отвагой большую разумность.
Видимо, ум у тебя помрачился, коль ты не страшишься
В схватку со мною вступить, при том, что я много сильнее.
Ты похвалиться не можешь, что узами гостеприимства
Наши связались отцы, и меня воздержаться от боя
260 Принятый дар не склонит, как могучего сына Тидея.
Хоть и сумел ты избегнуть его необорной десницы,
Я не позволю тебе из битвы живым возвратиться!
Иль на других уповаешь, на тех вон, кто рядом с тобою,
Словно ничтожные мухи, повсюду роятся и вьются,
265 К телу Ахилла стремясь, беспорочного сына Пелея?
Пусть лишь приблизятся! Смерти предам их и Керам зловещим!>
Рек Аякс Эакид и к троянам, как лев, обернулся,
Лев, что идет на охотничьих псов в лесистой лощине.
- 270 Тотчас же многих сразил и троян, и союзных ликийцев,
Славу пылавших стяжать, – заметалось троянское войско,
Будто бы рыбы в глубокой пучине с явлением опасным
Понта огромных исчадий – кита иль большого дельфина.
Так испугала троян Теламонова силища сына,
275 В бой устремленная без передышки с порывистым пылом.
Резал врагов как свиней, и они бессчетно валялись
В прах возле мертвого льва, и смертельная битва кипела.
Тут уложил Гипполохова сына, отважного воя,
Мощный душою Аякс, – близ Ахилла он навзничь простерся,
280 Словно исполненный крепости дуб, в горах возраставший,
Срубленный, валится, также и Главк, копьем укрощенный,
Грянулся возле Пелида, – и труп его отпрыск Анхиза
С крепкой дружиной своей, потратив немало усилий,
Смог оттащить от врагов, своим передать, и, печалась

- 285 Скорбью в душе, понесли его в град Илиона священный.
Сам же Эней продолжал воевать при Ахилле, да ранил
В мышцу десницы его Аякс, питомец Арея.
Тут поскорей от погибельной битвы Эней удалился,
В город назад поспешил, и его окружили с заботой
- 290 Мудрые мужи врачи, и кровь удалили из раны,
И остальное свершили, как надо, что следует делать
При исцелении страдающих тяжело от раны кровавой.
Битву Аякс продолжал, и был он как молнии вспышка,
Сеял и сеял он смерть – ведь теснилась душа его мукой:
- 295 Был он двоюродным братом Пелида и скорбью терзался.
Рядом с Аяксом врагов поражал Лаэртид беспорочный,
Мудрого отпрыск отца, – и народы пред ним содрогались.
Он Поисандра убил и сына Ареса Майнала, –
Сей герой обитал в земле достославной Абиде.
- 300 Предал он смерти Атимния: мать, дивнокудрая нимфа, –
Имя ее Пэгасис, – родила его Эматиону
В том краю, где Граник течет. С Атимнием рядом
Замертво пал и Протей, Орестова поросль, – близ Иды
Жил он в долине, – преславная мать его Панакея
- 305 Дома не встретит уже, – с войны ему нет возвращенья, –
Длань Одиссея его укротила, и многие вои
Жизнь порешили свою под копьем его буйно свирепым,
Всех, кто ему попадался, разил он у трупа Ахилла.
Правда, Алкон, рожденный Мегаклом, стремительным в битвах,
- 310 В правое ранит колено его, – из-под поножи яркой
Брызнула черная кровь, – Одиссей же, на рану не глянув,
Тотчас обидчику злом отвечает, – Алкону немедля
Щит прободает копьем и смертельную рану наносит.
Падает навзничь Алкон от удара чудовищной силы,
- 315 Гулко доспехи на нем при падении наземь взгремели,
В прах он упал, и пурпурную кровью окрасился панцирь.

Тут Одиссей копье смертоносное вынул из тела,
Вышло из членов копье, – и душа ему вслед излетела,
Жизни божественной век окончился для Мегаклида.
320 С Алконом кончив, напал Одиссей на друзей его бурно, –
Раненый, все ж не оставил он брани, исполненной криков,
Все ведь данайцы тогда с усердием бились и бились,
Труп защищая Ахилла великого, – много народу
Тотчас же пало от рук их и ясеней, струганных гладко.
325 Будто бы ветра порывы, что носятся в роще лесистой,
В пору, как год начался, а осень уже отступила –
Жадно срывают листву и ее по земле рассыпают,
Так и троян повергали на землю могучие копья
Воев Данайских, – они за Ахилла погибшего бились,
330 Всех же ретивей – Аякс, искуснейший в битвах, он вдосталь
Тешился смертью врагов, подобный погибельной Айсе.
Вдруг Парис на него направляет стрелу, но, приметив
Это, Аякс неожиданно быстро пустил в него камень,
В голову прямо, и шлем о двойном козырьке раскололся.
335 Ночь охватила Париса, глаза застилая, и пал он
В пыль, и не нужные боле, посыпались стрелы на землю,
В прах истекли из колчана, который упал с ними рядом,
Лук же скользнул из руки. Но Париса товарищи взяли,
Гектора кони его отнесли в Илионскую крепость,
340 Он же насилу дышал и тяжело стонал еле-еле.
Но не осталось на поле оружия его боевого, –
Все подобрали трояне и снова царю возвратили.
Издали зычно Аякс прокричал ему вслед, угрожая:
345 «Пес, ухитрился ты ныне уйти из-под тяжелой десницы
Смерти, но знай – последний твой день уже недалеко!
Скоро убьет тебя кто-то из наших, а может, и сам я,
Не до тебя мне теперь, и на сердце другая забота:
Как бы из битвы кровавой спасти Ахиллесово тело!»
Рек и у трупа Ахилла опять на врагов устремился,

- 350 Толпами их предавая свирепым погибельным Керам.
Столько народу легло под мощною дланью Аякса,
Что остальные душой содрогнулись и бросили битву,
Коршунам жалким подобны, которых во страх обращает
Царь пернатых орел, когда эти птицы пируют,
355 Заданных волком терзая овец на склоне лощины.
Храбрый Аякс, как орел, разогнал их, и все разбежались
В страхе пред мощью его, и копьем, и метательным камнем.
Кинулись все врассыпную из битвы, дрожа, разлетелись,
Словно скворцы, если сокол за ними летит истребитель,
360 В плотную стаю собьются и мечутся, ищут спасенья,
Сим пернатым подобно, троянцы из жаркого боя
Мчались к Приамову граду, влекомые бегством постыдным,
Гнал их чудовищный страх, схвативший им души бесславно,
А подгонял их воинственный крик боевого Аякса, –
365 Он ведь за ними летел с обагренными кровью руками.
Всех бы троян, одного за другим перебил он, конечно,
Если б не приняли их, распахнувшись, врата городские,
В них без дыханья влетели трояне, – Аякс загонял их
В город, как стадо овец пестрорунных в овчарню. А после
370 Вновь полетел на равнину, и шел он, земли не касаясь, –
Ноги ступали его по доспехам поверженных насмерть.
Всюду, – от града обширного до Геллеспонта, лежали
Грудами, сплошь, на широкой земле, обагренные кровью
Юношей мертвых тела, – их участь постигла от бога.
375 Словно снопы, что остались на поле порою, как скосят
Жатву жнецы, и колосья, зерном отягченные, стянут,
Радуя сердце при виде работы хозяину поля,
Мужу, что добрую ниву в своем обладанье имеет –
Так же лежали повсюду убитые – злая погибель
380 Их укротила, заставив забыть многослезную битву.
Но доспехи совлечь не спешили ахейские мужи

С них, что в крови и во прахе лежали – ахейцы желали
Прежде предать погребальному пламени тело Пелида,
Был он оплотом для них и в бою – величайшею силой,
385 Вот почему и стремились цари упасти его тело,
Труд беспредельный приняв, пока, наконец, не сумели
Взять и в шатер отнести, что был близ судов быстроходных.
Тут все ахейцы к нему собрались и заплакали горько –
В сердце безмерно крушась, ведь был он – сила ахейцев.
390 Сам же Ахилл возлежал, навсегда позабыв о сраженьи,
Близ Геллеспонтова берега, шумящего тяжким прибоем,
Титию был он подобен, который, надменный, когда-то
Силою взять попытался Латону, что шла из Пифона, –
Гневом возжегся к нему Аполлон, и скорой стрелою
395 Быстро его укротил, хоть Титий и был необорен.
Титий простерся в крови на многие плетры по полю
Матери-Геи – она застонала по мертвому сыну,
Что ненавистен богам, – и громко смеялась Латона.
С Титием схож, Эакид на вражьей земле распростерся,
400 Радость доставив троянам, ахейцам же – плач безутешный.
Горю войска предались, и пучина вокруг заревела.
Всех их объяло одно! В тот час показалось им сладко
Гибель свою повстречать в бою от дланей троянцев,
Вспомнили тут и родителей милых, что дома остались,
405 Вспомнили жен новобрачных, покинутых после женитьбы –
В спальнях своих одиноких и чахнут они, и горюют.
Ждут своих милых мужей, и с ними их дети младенцы,
Вспомнив, лишь горько вздыхали, и в душу любому проникло
Плача желанье – и все зарыдали они безудержно,
410 Пали на берег песчаный, кто где, при великом Пелиде,
Стали власы вырывать – вырывали их с корнем и бились
В горе о землю головой – и взрывая, песок возмущали.
Крик возвышался такой же, как в граде, захваченном с бою,

415 Вопли и стоны несутся, враги же, объятые пылом,
Град поджигают великий, и жителей рыща повсюду,
Смерти предать норовят – и повсюду добычу находят,
Крик таковой же тогда при ахейских судах воздымался,
Горестный вопль, что сын Эакида, спаситель данайцев,
Мертвым лежал при судах в оружье своем богозданном,
420 Словно Арес, что простерся, сраженный чудовищным камнем, –
Славная мощным отцом богиня тот камень метнула
Там, на Троянской равнине. Но более всех горевали
По Ахиллесу его мирмидонцы, лишившись владыки
Доброго и беспорочного – всем он был верный товарищ.
425 Не был надменным он с ними, и не был жестоким нисколько,
Но выделялся всегда и во всем и умом, и отвагой.
Громче же прочих Аякс рыдал и стонал безутешно,
Жаждал и сам умереть вместе с сыном любимого дяди,
Богом сраженным – из смертных никто не сразил бы Ахилла,
430 Сколько их всех ни на есть, земли населивших просторы.
Славный Аякс горевал об Ахилле, круша свое сердце,
То входил он в палатку убитого сына Пелея,
То на прибрежный песок упал, простираясь в рыданьях
И, переполненный скорбью, стеная, такое промолвил:
435 «О, Ахиллес! О великий оплот могучих ахейцев!
Пал ты под Троей, вдали своей Фтии широкоравнинной!
Пал, пораженный внезапно коварной смертельной стрелою
Исподтишка, как в сумятице трусы обычно пускают.
Нет у таких, кто, умея с щитом обращаться прекрасно,
440 Зная, как шлем на виски натянуть для Ареева дела,
Будучи в силах копьем потрясти и метнуть его ловко,
Или рассечь на груди у врага доспех его мощный, –
Стал бы бороться с врагом, стреляя в него из засады.
Если бы тот, кто нанес тебе рану, в открытую вышел –
445 Вряд ли избегнул копья твоего по добру, по здоровью –

Нет! Вероятно, Зевес замышляет на всех нас погибель
Раз положил бесполезными сделать усилия наши!
Он уж троянам, должно быть, главой помахал, посуливши
Скорую дать им победу, разрушив защиту Ахейцев.
450 Горе! О, как опечалится дома Пелей престарелый!
Бедный, теперь обречен он безрадостно дни свои кончить!
Может он с жизнью проститься, заслышав ужасные вести, –
Впрочем, – оно бы и лучше, – быстрее беду позабудет!
Если же участь сыновья на месте его не прикончит,
455 Жалкий! Замучает старость его тяжелейшею скорбью,
У своего очага лишь слезами он станет питаться!
Он, кто прежде блаженным богам был мил и угоден!
Да! Небожители смертным не все до конца выполняют!»
Так, сокрушаясь, Аякс оплакивал сына Пелея.
460 Плач воздымал несказанный и Феникс, преклонный летами,
Обнял он тело прекрасное доблестного Ахиллеса,
И говорил сквозь рыдания, крушась в своем сердце разумном:
«Умер ты, сын мой любимый, и горе навек мне оставил,
Как я уйду от него! О, если бы был погребен я
465 Прежде, чем смог увидеть удел твой жестокий! Доселе
Горшее горе меня не крушило, терзая мне сердце,
Даже когда я покинул отчизну, родителей дряхлых
И, через Элладу пройдя, как изгнанник к Пелею явился.
Принял меня, одарил он, доверил Долонами править
470 В доме своем, принеся на руках и тебя мне доверил,
Был ты малюткой совсем, – и тебя заключил я в объятия!
Мне повелел он лелеять тебя, словно милого сына,
Я подчинился. И часто, бывало, ко мне прижимаясь,
«Папа» меня называл ты, едва лепетать начиная,
475 И у меня на руках, как с детками часто бывает,
Вдруг орошал мне и грудь, и хитон, несмышленный младенец.
Я же лелеял тебя и носил на руках, уповая:

Будешь заступником мне, и ращу я под старость опору.
Всем упованьям моим, однако же, срок был недолог.
480 Вот ты погиб и во мраке сокрылся, – и старое сердце
Рвется от боли, и душу жестокое горе терзает.
О, если б мог я сейчас умереть от рыданья и плача,
Прежде, чем сведал Пелей обо всем беспорочный, – безмерно
Горе охватит его, я знаю, при этом известьи.
485 Ты и отцу своему, и мне, – нам обоим доставил
Скорбь жесточайшую, оба мы, горем крушась беспредельно,
После кончины твоей под землю сойти не замедлим, –
Жребий Зевеса таков непреложный, – оно бы и лучше,
Нежели жизнь проводить, защиты лишась и опоры!»
490 Так говорил, и в душе его боль умножалась безмерно.
Рядом со старцем скорбел и Атрид, заливаясь слезами,
Жгло его горе внутри, и со скорбью сказал он, стеная:
«Умер ты, отпрыск Пелея, сильнейший из всех нас, данайцев,
Умер, и лагерь широкий остался у нас без защиты.
495 Нету тебя – и легче врагам теперь будет сражаться,
Нету тебя – и троянцам теперь несказанная радость, –
Ужас ведь ты им внушал, словно лев пестрорунной отаре.
Ныне близ наших судов они, ободрившись, воюют.
Отче Зевес! Опять ты морочишь обманною речью
500 Смертных! Ведь ты мне сулил, что город Приама-владыки
Я сокрушу! А ныне ничто из того не свершилось,
Лишь оморочен мой ум. Теперь ведь уж, я полагаю,
После кончины Ахилла, войне подойдет окончанье».
Так говорил он, в душе сокрушаясь. Кругом же народы
505 Плакали все от души, скорбя по отважном Пелиде.
Так морские валы под чудовищной силою ветра,
Вспучив соленую гладь, устремляются на берег страшно
И, разыгравшись по всей ширине побережья, о скалы
Бьют бесконечным накатом, и рев воздымается в небо –

- 510 Столь ужасающий стон стоял вокруг тела Ахилла,
Плач таковой, бесконечный, данайцы по нем поднимали.
Так бы и черная ночь застала их в стогах и плаче,
Если б слово к Атриду не молвил Нелид благородный,
Нестор, вдвойне отягченный мучением в сердце –
- 515 Помня свежо Антилоха погибель, разумного сына,
Рек он: «О, скиптра держатель, властительный муж Агамемнон,
Лучше бы нам воздержаться теперь от безмерного плача,
После ведь также никто помешать не сумеет ахейцам
Плакать по нем, и душу свою насыщать гореваньем.
- 520 Ныне же надо омыть Эакидово тело от крови,
Надо на ложе его водрузить – ведь нельзя, не пристало
Мертвого так оскорблять, небрежение долго являя».
Вот каково наставление разумного сына Нелея.
Тотчас тогда повелел Агамемнон друзьям поскорее
- 525 Ставить котлы со студеной водой на огонь для согрева,
Дабы омыть Ахиллесово тело – а после, омывши,
Дивным покровом облечь – морской его пурпур окрасил,
Милому сыну дала его мать, провожая под Трою.
Быстро исполнено царское слово – усердно, с любовью
- 530 Тело Пелида, как должно, убрав, положили в палатке.
Жалость при виде сего Тритогену объяла Афины –
Лоб окропила Пелиду амврозией – молвят, без порчи
Долго тела сохраняет она укрошенных судьбиной.
Лик освежила богиня Ахиллу – как будто дышал он,
- 535 Брови же грозно свела, нахмутив – и мертвый таким же
Был, как тогда, по кончине Патрокла, любезного друга:
Ужас внушало лицо Ахиллеса, печать его гнева.
Весь он и телом казался громадней, и видом прекрасней.
Только взглянули ахейцы – и замерли все в изумленьи,
- 540 Взор не могли оторвать от Пелида – ну, точно живого,
Чудилось, будто прилег он и сладкому сну предавался.

Пленницы, жены несчастные – некогда их полонил он,
Лемнос святой захватив и град Киликиян высокий,
Фивы царя Этиона – и девушек взял как добычу –
545 Ныне, обстав Ахиллеса, стнавали и в нежную кожу
Ногти вонзали, и в грудь ударяли себя исступленно
Дланями – всею душою о добром Пелиде горяю.
Их, хоть и с бою добытых, всегда почитал он высоко.
Всех же сильней убивалась, сраженная в самое сердце,
550 Та, кто ему, бранолюбцу, супругой была – Брисеида.
Вкруг Ахиллеса виясь, царапая дланями кожу,
Раня себя, причитала – прекрасное юное тело
Стало покрыто рубцами распухшими – кровь источалась,
Густо текла, и казалось, как будто мешалась со млеком –
555 Так белизною сияло прекрасное тело – и в скорби
Прелесть светилась ее – а скорбела она невозможно.
Горько рыдая, сквозь слезы вещала тогда Брисеида:
«Горе мне, горе! Из всех моих бед жесточайшее ныне!
Не было хуже беды, хоть много меня их постигло,
560 Даже тогда, как лишилась отчизны своей я просторной!
Смерть твоя – горше всего! Ведь ты же и день мне священный,
Ты мне и солнечный свет, в тебе моей жизни услада,
Все упованья мои и надежный заслон от несчастий!
Свет и тепло ты давал даже больше родителей милых,
565 Ты один был все для меня, как рабыней я стала,
Ты меня сделал супругой и спас от повинностей рабских,
Ныне ж меня на своем корабле один из ахейцев
В Спарту к себе увезет, а, может быть, в Аргос безводный,
Стану там жалкую долю влачить без тебя, горемыкой,
570 Я, кто в неге жила при тебе! О, если б я прежде
В черной сокрылась земле, чем твою увидала погибель!»
Так по Пелеевом сыне, в толпе удрученных невольниц
Плач воздвигала она – господином он был ей и мужем,

- Жгучие, горькие слезы из глаз беспрестанно катились,
575 Так и текли по щекам и капали, капали наземь, –
Так и горный родник источает темную воду, –
Каплет по каплям она, стекая на твердую землю,
Вниз по утесу, покрытому льдом, и под каплями тает
Снег при падении, как под солнцем иль Эвра порывом.
580 Сей воздымавшийся плач по Пелиду тогда достигает
Слуха Нереевых дочерей, чьи дома – морские глубины,
Сердце у каждой пронзив несказанно жестокою болью.
Страшно вскричали они – Гелеспонт им отвечал стоном,
В иссиня-черные пеплосы быстро они облачились,
585 К месту стоянки ахейских судов устремились поспешно
Вместе сквозь волны седые. А им уступая дорогу,
Море само расступилось, и на берег ринулись девы,
Звонко крича, журавлям, стремительным птицам, подобны,
590 Чующим близость зимы – что с пронзительным криком жалеют
Чудо морское, кита. Вот так nereиды припали,
Кинувшись к сыну сестры и скорбя по нему безутешно.
Также явились на берег, поспешно слетев с Геликона,
Музы-богини – их души объяло бескрайнее горе,
595 Почесть воздать пожелали они Нереевой дочери.
Сам же Зевес в аргивян вложил нерушимую смелость,
Дабы не стали трепетать перед сонмом бессмертных,
В лагерь открыто сошедших – а сами богини стонали
Возле Ахиллова тела, и все заливались слезами –
600 Хоть и бессмертны – и берег в ответ им ревел Гелеспонта.
Вся увлажнилась земля от слез вокруг Эакида,
Дрогнули стоном глубины морские, и войско рыдало,
Вооруженье слезами залив, доспехи, палатки,
Все корабли – таково было горе их скорби великой.

- 605 Матерь Фетида, к Пелиду прильнув, в уста целовала
Милого сына и молвила слово, залившись слезами:
«Радость тебе, Эригена, одетая в розовый пеплос,
Радость тебе в небесах, и тебе за Астеропею
Аксий широкотекущий, и радость потомкам Приама.
- 610 Я же теперь на Олимп отправляюсь к бессмертному Зевсу,
В ноги я лягу ему и стану рыдать безутешно.
О, для чего дал он мужу меня укротить против воли?
Мужу, которого жалкая старость уже поразила!
Керы стоят у порога его, уговомя кончину.
- 615 Но не заботит меня он – а горе мое по Ахиллу!
Зевс обещанье мне дал возрастить Эакидову дому
Мощного сына за то, что брак мой не был приятен,
В облако я превращалась, затем я водой обернулась,
Птицей летучей была, и даже пламенем стала.
- 620 Смертный сей муж не мог сочетаться со мною на ложе,
всем я могла обернуться, что есть на земле и на небе,
Но обещал Олимпиец, что сына мне даст – небывало
Будет силен он и дивен – и это свершилось на деле,
Стал мой сын и впрямь из всех мужей наилучшим, –
- 625 Но, кратковечным его сотворив, меня же сразил он.
Вот почему я на небо иду. В чертоге Зевеса
Милого сына оплакивать стану, и все мои муки,
Все, что пришлось за него мне стерпеть незаслуженно, Зевсу
В горе припомню своем, и трону Зевесову душу», –
- 630 Горько рыдая, рекла морская богиня Фетида.
Разумом сердце скрепив, сказала в ответ Каллиопа:
«О, богиня Фетида, сдержись, и, сгорая от горя,
Тяжкий гнев не питай на того, чьи помыслы движут
Все у людей и богов, – ведь гибли великого Зевса
- 635 Дети – под Керами злыми – владыки, гремящего мощно.
Сын мой Орфей – погиб, а я ведь тоже бессмертна,

Мой Орфей – за песней его вослед устремлялись
Все древета и суровые скалы, и быстрые реки,

- 640 Воющий ветра порыв погибельно воющих ветров,
Стаи порхающих птиц на быстрых летающих крыльях.
Горе свое я стерпела – ведь нам, богам, не пристало
Душу свою омрачать печалью, страданьем и горем.
Ты, как и я, хоть скорбишь, оставь рыданье по сыну.
- 645 Славу и доблесть его певцы населяющих землю
Станут отныне вовек воспевать, побуждать же их будем
Я и сестры мои – Пиэриды. Отринь же кручину
Черную прочь и не вой, подобная женщинам смертным.
Разве не слышала ты, что всех населяющих землю
- 650 Смертных людей безвозвратно разит смертоносная Айса,
Всех, не смотря на богов – такова их плачевная участь.
Вот и Приамов-то град многозлатный она же порушит,
Столько троянских мужей и ахейских сгубив, сколько хочет.
Нет никого из богов, кто б ее отвратить был способен».
- 655 Так Каллиопа рекла, разумные мысли питая.
Солнце меж тем погрузилось в глубокий поток Океана,
Тут на великий Эфир взошла в темноте непроглядной
Ночь, что для смертных мужей несет облегчение мукам.
Мужи ахейские здесь же, при теле Ахилла, вповалку
- 660 Так на песке и уснули – сломило их тяжкое горе.
Но не смежились вежды Фетиды и дочерей Нерее,
Смерти не знающих – рядом с Ахиллом они восседали
Музы-богини при них, и порой то одна, то другая
Скорбную мать утешала, стараясь ее успокоить.
- 665 Вот и Эос на небо взошла, смеясь и ликуя,
Свет лучезарный неся для троянцев с владыкой Приамом –
Но продолжали Ахилла оплакивать дети данайцев
Многие дни – и берег протяженный ответственвал ревом

Бурного моря – то скорби великой Нерей предавался,
670 Дщерь свою чтя глубоко – а с ними скорбели другие
В Понте живущие боги, рыдая о смерти Ахилла.
Но наконец, порешили ахейцы, что время сожжению
Тело Ахилла предать – и бессчетно снесли древесины,
Брали ее на Иде горе, а носили все вместе, –
675 Так повелели Атриды, ахейцев они побудили
Леса несметно снести, для костра нарубив его много,
С тем, чтобы быстро горело Ахилла погибшего тело.
Вкруг же костра положили доспехи юнцов убиенных –
Видом прекрасных и мужества полных, и в летах цветущих,
680 Ибо в огромном числе при костре закололи троянцев,
Также храпящих коней и быков, выдававшихся силой,
Много овец и свиней, отягченных питательным жиром
Много одежда из ларей – рыдая, несли их служанки,
Все без числа – и все в погребальный костер полагали,
685 Золотом и янтарем убирали его и, туда же
Кудри обрезав свои, мирмидонцы владыку укрыли.
Даже сама Брисеида скорбя, убиваясь у тела,
Пышные кудри остригла как дар господину последний.
Много поставили амфор в костер – со светлым елеем
690 Были одни и медом – другие, а третьи – сладчайшим
Чистым вином, аромат источавшим, подобный нектару.
Много еще положили затем благовоний различных, –
Лучшие моря дары и земли – и все им дивились.
После, когда устроенье костра, как должно, свершили,
695 Конники вместе с пехотой в своем боевом облачении
Встали, костер окружив многослезный. И тотчас с Олимпа
Зевс на Пелидово тело излив, амброзию каплет,
Почесть явив богине, Нереевой дщери Фетиде.
Бог же Гермес отдает приказанье Эолу, чтоб тотчас

- 700 Силу порывистых ветров призвал он святую – и быстро
Огонь погребальный возжечь Эакиду – и это свершилось,
Долго не мешкал Эол — немедля призвал он Борея,
Ветер суровый, а с ним и Зефир с дыханием мощным
В Трою послал – и дохнули они, понеслись ураганом,
705 Мчась над поверхностью моря порывом безмерно могучим.
Им, поспешавшим, и суша, и море ответили гулом,
По небу тучи, громадясь, клубились гонимые бурей,
Ветры же, волей Зевеса, дохнули в костер погребальный
Бурным дыханьем своим – и тотчас же вспыхнуло пламя,
710 Ярко Гефест запылал – и крик несказанный воздвигся,
Вопль мирмидонского войска – а ветры, напавшие бурей,
Стихнув, затем оведали костер и денно и ночью
Так, чтоб он ровно горел. И дым вздымался высоко
Плотный, густой в священный эфир, и бревна трещали
715 Громко, когда пожирал их огонь, в головни обращая.
Неутомимые ветры свою завершили работу
И по домам, по пещерам своим унесли с облаками.
Вот погребальный огонь истребил исполинское тело
- 720 Сына Пелеева, с ним и тела умерщвленных при трупке
Отроков пленных, коней и все, что туда положили
Ценного мужи ахейцы вокруг колоссального трупа –
Тут погасили костер, залив вином благовонным,
Явственно стали видны среди пепла Ахилловы кости,
725 Были они ни на что не похожи, как остов гиганта,
Да и лежали они отдельно от прочих останков –
С бычьими, конскими или людскими они не мешались,
Те ведь лежали по краю, собою костер обрамляя,
Он же лежал посредине, сожженный порывом Гефеста.
730 После дружья со слезами собрали из пепла останки
В емкую, из серебра, тяжелую урну – с отделкой

Тонкой из яркого злата она красотою сияла.
Дщери Нерей в нее и елей, и амврозию влили,
Почесть великую сыну Пелея воздать пожелавши,
735 Бычий добавили тук, смешав его с медом душистым, –
Амфору эту им мать дала, а сама получила
Некогда от Диониса, рожденного Зевсом, в подарок.
В амфору эту, работы Гефеста премудрого, кости
Духом великого сына Пелея, Ахилла, сложили,
740 После аргивяне холм вокруг нее исполинский воздвигли,
Памятник сей сотворив у самых вод Геллеспонта,
Все продолжая рыдать по бесстрашном царе мирмидонян.
Кони бессмертные внука Эака, не знавшего страха,
Возле судов пребывать не могли – и они со слезами
745 Плакать пришли, о своем господине погибшем жалея.
Боле они не желали средь скорбных мужей оставаться,
Между аргивских коней – мечтали они устремиться
Через поток Океана, к пещере священной Тефии,
Прочь от несчастных людей отлетев, затем обретаться
750 Там, где они рождены Подаргой божественной были,
Оба не кони, а вихри – от брака с шумливым Зефиром.
Так бы и сделали кони, чего их душа пожелала,
Если бы их не сдержало богов решение – прибудет
Сын Ахиллеса со Скироса – ведали кони и сами
755 То, что ему суждено появиться когда-нибудь в войске.
Им пред рождением на свет грядущее Мойры соткали,
Хаоса дщери святого, что им, хоть они и бессмертны,
Выпала доля сперва покориться, служа Посейдону,
После – Пелею отважному, дальше – Ахилловой силе,
760 После ж, в четвертый раз, могучему Неоптолему –
Было коням суждено его к Елисейской равнине
Препроводить, по велению Зевеса, в пределы блаженных,

После Гомера

- Вот почему, пересилив тоску и сердечную муку,
Все же остались они при судах – об одном господине
765 Сильно скорбя, а другого желая скорее увидеть.
Вот, покинув пучины ужасно гремящего моря,
Энносигей появился на берегу незримо для смертных,
Видимый только богам, подошел он к Нереевой дочери
И обратился к Фетиде, скорбевшей о сыне Ахилле:
770 «Плач прекрати бесконечный теперь о родимом дитяти,
Ныне твой сын не с умершими – он к божествам сопричис-
лен
Так, как благой Дионис и могучая сила Геракла.
Доля его – не во мраке плачевном вовек обретаться,
И не Аид – но воссядет Ахилл на глазах у Зевеса,
775 Я же ему приготовил в подарок божественный остров,
Остров на Понте Эвксинском, и богом там будет вовеки
Сын твой – окрестные люди отныне во всех поколениях
Станут его почитать, принося приятные жертвы,
Словно бы мне самому — а ты осуши поскорее
780 Слезы свои и душу свою не тягчи огорченьем».
Рек и, как ветер, исчез, погрузившись в пучины морские,
Словом утешив Фетиду – она с замиранием сердца
Слушала, еле дыша, – обещание Бог ей исполнил!
- 785 Тут по своим кораблям разошлись, рыдая, ахейцы,
На Геликон поднялись Пиэриды, и в море спустились
Дщери Нерея, о славном Пелейоне тяжело вздыхая.

Квинт Смирнский

Четвертая песнь²

Робкие Трои сыны не оставили без погребенья,
Плач похоронный подняв, Гипполохова мощного сына,
Нет, – на костер погребальный они многославного мужа,
Сложенный возле Дарданских ворот, водрузили, и тотчас
5 Бог Аполлон, из огня запыхавшего выхватив Главка,
Ветрам его повелел отнести на Ликийскую землю.
Быстрые ветры его донесли до склонов Теландра,
В местность отрадного вида – и там на скалу опустили.
Тотчас из мертвой земли зажурчали священные воды
10 Вечной реки – сотворили то нимфы, – а люди поныне
Светлые воды ее называют по имени Главка, –
Чести такой владыку ликийцев сподобили боги.
Тою порою аргивяне близ кораблей продолжали
Плач по Ахиллу могучему – всех изнурила кручина,
15 Горькое горе они горевали, как будто бы каждый
Сына родного утратил – и не было в войске бесслезных,
Но ликовали безмерно троянцы, на скорбь их взирая,
Видя, как тело Ахилла в огне погребальном исчезло.
Тут же один из троян разразился такими словами:
20 «Всем нам неожиданную радость послал олимпиец Кронион,
Нам, в уповании нашем Ахилла увидеть сраженным.
Я со своей стороны, полагаю – теперь, как убит он,
Смогут вздохнуть, наконец, племена благородных троянцев,
Кончив кровавые битвы и все смертоносные схватки.
25 Буйствовал страшно Ахилл, десницей копьё потрясая,
Вечно в крови – ни один ведь из наших, кто с ним повстречался,
Света Зари-Эригены уже не увидел назавтра.

² Строки 61-595 (погребальные игры в честь Ахилла) опубликованы в окончательном варианте в издании «Олимпийские игры в политике и культуре». М.: РУДН, 2013. С. 170–186.

Мыслю я – пустятся в бегство могучие дети ахейян,
Их понесут корабли с красиво обточенным носом.
30 О, кабы Гектора сила доньше меж нас пребывала,
Всех бы аргивян сумел он сгубить на их же стоянке!»
Так сей троянец вещал, в душе безмерно ликуя.
Тут другой из троян ему возражает разумно:
«Молвишь ты – войско данайское злое отправится в бегство?»
35 Скоро на быстрых судах, распустив паруса, удалится?
Нет, не из робких они, но битвы алкают ужасно,
Есть меж них и другие, могучие, грозные мужи,
Оба Атреевых сына, Аякс и рожденный Тидеем –
Их-то вот я и боюсь, хоть уж нет среди них Ахиллеса.
40 О, если б их укротил, поразив, Аполлон сребролукий!
То был бы день исполнения наших молитв и обетов,
Мы бы свободно вздохнули от войн и резни недостойной».
Так говорил. А на небе вздыхали бессмертные боги,
Те, что привыкли подмогу нести данайцам могучим,
45 Горестно в плотные тучи свои попрятали главы,
Но ликовали другие, кто сердцем болел за троянцев,
Те, что пеклись о желанном троянам войны окончаньи.
Славная Гера тогда обратилась к Крониону с речью:
«Отче Зевес о перуне серебряном! Что ты радеешь
50 Все о троянцах, забыв о прекрасноволосой богине,
Той, что некогда дал ты Пелею в желанные жены
Там, в Пелионской долине – и свадьбу бессмертную справил?
Все мы на ней пировали, даров принесся им бесчисленно, –
Все позабыл ты! И столько Элладе несчастий промыслил!»
55 Кончила. Зевс необорный в ответ не промолвил ни слова,
В сердце кручинясь, сидел, а в уме своем думы ворочал,
Град замышляя Приама отдать в истребленье ахейцам.
Их же самих осудил на бесчисленные беды и муки,
Как на кровавой войне, так и средь многошумного моря.

- 60 Вот что замыслил Зевес, и впоследствии так и свершилось.
Тою порою сошла в глубокий поток Океана
Эос, и мрак несказанный на черную землю излился,
Только тогда отвлеклись понемногу ахейские мужи,
Хоть и скорбели, пошли вечерять к кораблям быстроходным, –
- 65 Средства иного ведь нет унять ополчившийся голод,
Чрево сосущий, бурля, если он нападет на утробу,
Силы лишая проворные члены – и нету лекарства,
Надо скорее насытить терзаемый резью желудок.
Вот и ахейцам пришлось, хоть и в скорби своей, подкрепиться.
- 70 Злая потребность принудила всех их к еде обратиться.
Все напिताлись, а после и сладкому сну предались,
Что, отрешив от забот, возвращает окрепшие силы.
Вот обернулись главою к востоку медведицы в небе,
Солнечных быстрых лучей ожидая, и Эос явилась.
- 75 Тут же и войско могучих ахейян приходит в движенье,
Все, замышляя в душе для троянцев плачевную гибель,
Были в волненьи, подобно огромному морю Икара,
Либо движенью высоких хлебов, на ниве созревших:
- 80 Будто бы волны по ней пробегают под силой Зефира –
Ветра, сбирателя туч – так и войско сие волновалось,
Жарко пылая к сраженью. И молвил потомок Тидея:
«Други! Когда мы на деле владеем искусством военным,
Ныне давайте такое с врагами затеем сраженье,
- 85 Чтоб не нагтели они, раз уж мы без Ахилла остались,
Вденем доспех и затем окружим колесницами город,
Выйдем из них на конях, и труд наш венчает победа».
Так он данайцам вещал, и ответил Аякс многомощный:
«О Тидид! Поднимаешь ты нас на достойное дело,
- 90 Славно пойти б нам и, пылая к сраженью, схватиться
С добрыми воями Трои – они ведь пылают не меньше,

Только теперь подождать надо нам при судах – ведь из моря
Светлая выйти Фетида должна – пожелала богиня
Возле могилы любимого сына поставить награды
95 Дивные – «мне перед тем, как в пучину спуститься,
Прочь отойдя от данайцев», сама она это сказала.
Скоро богиня грядет. А трояне, как умер Пелейон,
Много отваги не имеют, ведь я-то пока что не умер!
Так же и ты невредим, в живых и Атрид беспорочный».
100 Рек Аякс, Теламона прекрасный потомок, – не ведал
Он, что за эти награды ему уготована гибель
Страшная демоном злым. А в ответ ему отпрыск Тидея:
«Друг, коли верно, что ныне сюда прибывает Фетида
Возле могилы любимого сына поставить награды,
105 Я остаюсь на судах – и другим возбраню удалиться.
Стоит всегда блаженным богам являть послушанье,
Впрочем, Ахиллу и так, без внушения божьего свыше,
Сами явили бы мы для души его милую почесть», –
Так отвечало Тидида отважного мощное сердце.
110 Тою порой из пучин появилась супруга Пелея,
Утренней дымке подобна, и тотчас к собранью аргивян
Шествует – те же уже, ожидая ее, наготове:
Часть к состязанью готова, к борьбе бесконечной упорной,
Часть на атлетов глядит и умом приковавшись, и сердцем.
115 В черном своем покрывале Фетида слагает награды
В полном собраньи ахейцев – и просит начать состязанье
Тотчас, не медля. И те подчиняются слову бессмертной.
Первым в средину выходит преславный потомок Нелея,
Не для кулачного боя он вышел, охваченный пылом,
120 Не для иных состязаний, что требуют силы могучей,
Члены его отягчала давно злополучная старость –
Твердым лишь ум пребывал в нем, и сердце незыблемым было –
И ни один из Ахейцев не мог потягаться с Нелидом,
В пору, когда красноречий борьба возникала в собраньи,

- 125 Даже преславный потомок Лаэрта – на что уж речистый –
Все ж уступал он Нелиду, и царь меж царей, Агамемнон,
Славный метатель копья, уступал, предводитель ахеян.
Вот отчего, поместившись в средину, Нелид начинает
Речью своей воспевать Нереиню, что всех превосходит
- 130 В море живущих божеств и красою, и разумом вещим.
Та же внимает с отрадой. Затем обращается Нестор
К свадьбе прекрасной, что справили сами бессмертные боги
Некогда возле вершин Пелиона, вкушая с отрадой
Там, на пиру, амвросийную пищу – ее раздавали,
- 135 Все разложив в золотые корзиночки, дивные Оры
Сами своими руками, – столы ж золотые для пира
Ставила, радостью полнясь, Фемида, сего не гнушаясь,
Чистый огонь разжигал сам Гефест, а бессмертный напиток
Нимфы мешали во кубках златых, и богини Хариты
- 140 В пляску прелестную вместе пошли, услажденье для сердца,
Музы же песнь завели, услаждая высокие горы,
Реки, зверей, и вторили песне пещера Хирона
Милая, вечный эфир и сами бессмертные боги –
Все по порядку сие напомнил пред слухом аргивян
- 145 Славный потомок Нелея, – они же с отрадой внимали
Речи похвальной. Затем о бессмертных деяньях Ахилла
Грянуло слово его – и крик одобрения громкий
Дружно издали ахейцы, а Нестор, начав преудачно,
Дивно слова подбирая, прославил великого мужа.
- 150 Все он напомнил — как тот по дороге двенадцать немалых
Взял городов, а приплыв – и одиннадцать новых,
Как сокрушил он Телефа, как мощного сверг Гетиона
В Фивах просторных, и как укротил Посейдонова сына
Кикна, копьем – как убил он Троила, убил Полидора,
- 155 Как беспорочного Астеропея сразил он, и кровью
Воды Ксанфа реки обагрил, до краев напитавши,

- Бурный поток сей заполнив бесчисленными телами убитых,
Как близ шумящей реки Ликаону он душу исторгнул,
Вспомнил, как Гектора он укротил и Пентесилею,
160 И, наконец, как убил Ахиллес прекрасного сына
Рано рожденной Зари-Эригены о троне прекрасном –
Ведали сами аргивяне все, что Нелид воспевал им,
Ведали, сколь исполинская сила пылала в Ахилле,
Не было равных ему, и никто не посмел бы равняться
165 Ни в состязаньях, ни в беге, ни в конных ристаньях, ни в играх,
И красотой он всех затмевал, и огромной отвагой,
В деле Арея великий, безмерный, не знающий равных,
После к богам взмолился Нелид, чтобы дали увидеть
Сына Ахилла, что с острова Скироса к ним направлялся.
170 Кончил. Слова одобренья к нему обратили ахейцы,
А среброногая мать Фетида ему подарила
Выведя, быстрых коней, – копьевержцу Ахиллу когда-то
Дал их в подарок Телеф – у Каика вод это было:
- 175 Мучился раной Телеф, в бедро Ахиллесом сраженный,
После же тем же копьем, что раненье сие причинило,
Вникнув, огромное, в плоть – исцелил ему рану Пелейон.
Этих дареных коней Нелид сотоварищам славным
Дал увести к кораблям, и пошли они, слава премного
180 Богоподобного старца-царя. А Фетида в средину
Десять выводит коров – состязателям в беге награду,
С каждой – прекрасный теленок, что к вымени матери жметя,
Некогда с Иды угнал их высокой Пелид многомогущий,
Взял их отважно себе, на копье полагаясь большое.
- 185 Двое пошли состязаться за них, о победе мечтая,
Тевкр Теламонов, а с ним и Аякс, но не сын Теламона, –
То был другой Аякс, что средь локрских стрелков выделялся.
Прежде всего бегуны поскорее полотнище взяли,
Опясаив свои бедра, его вокруг себя обернули,

- 190 Скрыв, что положено скрыть, из стыда пред супругой Пелея
И остальных Нереид, обительниц моря, стесняясь –
Вместе с Фетидой явились они посмотреть состязанья.
Мету предельную быстрого бега для них обозначил
Сам Агамемнон Атрид, что над всеми данайцами правил,
195 Ревность к победе зажгла в них Эрида – и оба помчались,
Словно два ястреба кинулись прочь от начальной отметки,
Мчались пока наравне, а с обеих сторон обступая,
Криком аргивяне их ободряли, того и другого,
Мета обоим близка уж была, как бессмертные Тевкру
200 Члены опутали вдруг и силу его оковали –
То ли само божество, то ли злая обманная Ата –
В куст тамариска толкнули его о корнях глубочайших
В ветках злосчастных запутался Тевкр, и на землю он рухнул,
Вывернул левую ногу – и вены болезненно вспухли.
205 Вскрикнул аргивский народ, обступивший бегущих героев,
Локрский Аякс, веселясь, обогнал его тут же, и локры,
Те, что вослед продвигались ему, догнав, подбежали,
В сердце своем несказанную радость питая, и тут же
Славных погнали коров к кораблям – дабы те выпасались.
210 К Тевкру уже подоспели друзья, запыхавшись, на помощь,
И увели – он хромал – а мужи врачеватели вскоре
Кровь удалили с ноги, приложили на место больное
Мазью целебной натертый лоскут, прикрепили умело,
Плотно повязку приладив – и страшные боли утихли.
215 Двое затем поднялись в богатырской борьбе состязаться.
Вышли, не мешкая, оба могучие, крепкие мужи, –
Отпрыск Тидея, коней укротителя, с мощным Аяксом,
Встали в кругу – и ахейцы, взирая на них, поразились –
Столь на блаженных богов на вид походили герои.
220 Начали схватку они, как звери накиннулись оба,
Что среди гор на оленя летят, алкая добычи.

Равной их сила была – ни один, отступившись, не дрогнул.
Были грозою врагов и тот, и другой, и кипела
Равная мощь в их телах – и долго борьба продолжалась
225 Без перевеса, но вот Аякс схватил Диомеда,
Сияясь дыханье сдавить, а тот умелым приемом
Выскользнул вниз и тотчас Теламонова славного сына
Поднял, схватив за плечо и подсеки бедро его сзади
Мощным ударом ноги – а затем и поверг его наземь,
230 Мощного мужа свалил, и уселся верхом на простертом.
Вскрикнули все, и Аякс, нерушимо могучий душою,
На ноги встал, осердившись душою, и вновь пожелал он
Боя, отрясши лишь прах со дланей, внушающих ужас,
Тяжко от гнева дыша, Тидида он кликнул на схватку,
235 Тот, и не дрогнув, предстал – и облако пыли взметнулось
Мощное вверх из-под ног – устремились они друг на друга
Словно быки-исполины, когда, среди гор повстречавшись,
Двигутся, землю взрывая копытом, ужасные оба
Силу друг друга узнать – и кругом оглашаются доли
240 Ревом могучим, что оба они испускают, быки же
В неукротимом волнении стремятся навстречу друг другу,
Мощные главы склонив, несут свою страшную силу,
Яростью пыша взаимной – вражда распирает их бурно,
И в напряженьи жестоком вздымается тяжело дыханье,
245 С пастей на землю стекает обильная белая пена –
Эти, подобясь быкам, великие сшиблись герои,
Мощно руками трудясь, и громко звучали удары,
Что наносили они по спинам и шеям могучим,
Словно в горах дровосеки рубили древесные ветки.
250 Мощные длани Тидида по бедрам Аякса могучим
Много ударов отбили – но были не в силах ослабить
Крепкие ноги его, на которые тот опирался.
Сверху Аякс наседал на него и толкал его в плечи,
Силился Теламонид повергнуть Тидида на землю.

- 255 Так вот – по своему каждый – боролись герои руками,
Зрители, их обступив, то одни, то другие, кричали –
Те ободряли преславного сына Тидея, другие –
Силу Аяксову – он же не раз многомогущего мужа
За плечи взяв, потрясал, как вдруг, схватив ему чрево,
260 Мигом на землю поверг умелым и точным приемом.
Рухнул он, словно утес, и гул по троянской равнине
Мощный прошел при паденьи Тидида – и вскрикнуло войско.
Он же восстал, вознамерясь опять продолжать поединок,
В третий раз с Аяксом сойдясь, но выступил Нестор,
265 Встал посредине и слово такое к обоим промолвил:
«Славные дети! Оставьте свою богатырскую схватку!
Ведомо нам, что вы оба всех нас, аргивян, сильнее,
Лучшие оба теперь, как скончался великий Пелейон».
Рек, и они воздержались от боя, и мощною дланью
270 Оба утерли с лица потоки соленого пота,
И обменялись лобзаньем, закончив борьбу полюбовно.
Тут богиня богинь, Фетида пресветлая, пленниц
В дар им дает четырех – и герои, бесстрашные вои,
Враз обомлели, увидев красавиц – из прочих невольниц
275 Лучшими были они – веселы, и в делах искусенны –
Всехпревзошли, кроме дивнокудрявой одной Брисейды – когда-то
С Лесбоса взял их Ахилл, дабы душу ему услаждали.
Первая ведала пищей, когда пировать он садился,
Сладким вином на пиру гостей угощала другая,
280 Третья же после еды умывала пирующим руки,
И уносила всегда четвертая стол после пира.
Этих-то пленниц тогда разделили Аякс с Диомедом,
И увели за собой к кораблям с изукрашенным носом.
Дальше на битву кулачную Идоменева сила
285 Первой выходит – герой сей был сведущ в любых состязаньях.
Против него же никто не идет – сохраняя почтенье

К возрасту Идоменея – в годах был владыка немалых.
Ставит Фетида в средину ему колесницу с конями,
Быстрыми в беге – великая сила Патрокла гнала их
290 Некогда с боя из Трои, сразив Сарпедона ликийца.
Их поручает прислужникам Идомений – и уводят
Славных коней к кораблям, но царь остается на играх.
Тут обращается Феникс к аргивянам мощным и молвит:
«Идоменею досталась награда блестящая даром
295 Волей богов – не напряг для борьбы не рамен он, не дланей –
Дали бескровно ему, уважая почтенные лета.
Ныне же вы, молодежь, выходите сюда, потягаться
Те, чьи руки привычны к сраженьям кулачного боя,
Вы поборитесь друг с другом, Пелейона душу потешьте».
300 Рек, а они, услышав, друг на друга в молчаньи взирали,
Так бы ахейцы совсем отказались от битвы кулачной,
Если бы к ним не воззвал прекрасного отпрыск Нелея:
«Други! – он возгласил. – Не годится мужам искушенным
Славного боя кулачного так избегать – он приятен
305 Юношам сильным – ведь слава венчает и труд, и мученье.
О, кабы в членах моих оставалась сила бывшая,
Та, что была той порой, как Пелия мы погребали
С братом двоюродным вместе, Акастом, и правили игры.
Почести равной я был удостоен с самим Полидевком, –
310 С ним мы сошлись для кулачного боя, – и равной награды.
Что ж до искусства борьбы – предо мной оробел и сильнейший
В этой забаве Анкей – не посмел он со мной состязаться.
Все потому, что допрежь еще средь всех эпейских
Я одолел его, как ни силен был Анкей многомогущий,
315 На спину в пыль он упал – а случилось нам вместе бороться
Некогда в честь погребенья погибшего Амаринкея.
Многие силу и крепость мою тогда лицезрели,

- Стало быть, он не посмел в этот раз на меня воздвигаться,
Хоть и силен был, и взял я награду, в пыли не валяясь.
- 320 Ныне же давят меня и годы, и болести, – вас же
Я призываю – к лицу вам награду добыть в состязаньи!»
Старец умолк, и отважился муж благородный подняться
Сын Панопея, подобного богу, могучего духом,
- 325 Тот, кто впоследствии сделал коня на погибель троянам,
Храбрый Эпей – но опять ни один не отважился выйти
Биться в кулачном бою – никто не считал себя равным
С ним в искусстве сраженья, во вспыхнувшем деле Арея.
Так бы прекрасный Эпей, не проливши и капельки пота,
- 330 Эту награду бы мог унести к кораблям быстроходным,
Если б не вышел к нему прекрасный потомок Тезея,
Славный копьем Акамант – взыграла в нем сила младая,
Быстрые руки его ремни охватили сухие,
Эвенорид Агелай те ремни приладил умело,
- 335 Руки ему обмотав, снаряжая царя в поединок.
Так же владыку Панопеиада друзья обрядили,
В бой отправляя, ободрив. И встал он, как лев, на середине,
Руки его обтянули ремни из кожи бычачьей,
Кожи сухой, и громкие крики пошли раздаваться –
- 340 Это войска побуждали смешаться могучую силу,
Крепкие руки о кровь обагрить – и оба героя
Сами пылали к тому, в кругу для борьбы поместившись,
Оба пощупали руки свои – каковы, не ослабли ль,
Так ли, как прежде, проворны, не стали ль от битв тяжелее.
- 345 Вдруг они, стойку заняв боевую, закрылись руками
И, на носках, друг на друга пошли и, сойдясь, еще долго
Сильных ударов могли избегать, уклоняясь, при этом
Сблизились так, что почти что касались друг друга колени
Вдруг они сшиблись – подобно тому, как сшибаются в небе

- 350 Быстрые тучи, гонимые ветра порывом, друг с другом
Молнии вспышку рождая, все небо приходит в движенье
При столкновении туч, и тяжкие слышны раскаты –
Так же стучали по их подбородкам глухие удары
Кожей обмотанных дланей – и кровь заструилась потоком.
- 355 Залиты потом кровавым цветущие были ланиты,
Битва упорная шла – Эпей нападал неустанно,
Опытный отпрыск Тезея, знаток рукопашного боя,
Много ударов впустую потратил – ведь тот уклонялся.
- 360 Вдруг, расставивши руки, умелым приемом наносит
В бровь он Эпею удар – до кости пересекается кожа,
Кровь истекает потоком, глаза заливая, герой же
Все-таки, силы собрав, в висок поражает Тезида.
Члены его подкосились, осел он на землю, но вскоре
- 365 Снова поднялся и ринулся в бой на могучего мужа,
В голову дал он ему, но Эпей отклонился немного,
Кинулся сам на Тезида и в лоб его левой рукою
Сильно ударил, а правую в нос вогнал что есть силы,
Но и Тезид не бесславно в кулачном бою подвизался, –
- 370 Тут оторвали ахейцы бойцов друг от друга насильно –
Биться желали они до победы – и верные слуги
Ремни кровавые сняли с могучих, натруженных дланей.
Те же едва отдышаться могли от тяжелого боя,
Перистой губкой от пота и крови лицо утирая,
- 375 Тут подвели их друг к другу друзья, увещая разумно
Тягостный гнев подавить и припомнить их дружбу былую.
Вняли советам друзей, уговоров послушав, герои –
В муже премудром всегда незлобивое кроткое сердце.
- 380 Тут обменялись лобзаньем они и вражду позабыли.
Им же немедля тогда Фетида в пеплосе черном

Два преподносит кратера, согласно желанью героев,
Эти кратеры Эвней Язонид в искупление отдал
За Ликаона подобному богу Ахиллу – когда-то
385 Было на Лемносе это, вокруг омываемом морем,
Сделал же эти кратеры Гефест и вручил как подарок
Славному их Дионису, когда на Олимп уводил он
Миноса дивную дочь, Ариадну – Тезей ее бросил,
Сам не желая того, на Дии, пучиной омытом,
390 Сыну Фоасу их дал Дионис как подарок, наполнив
Сладким нектаром, а он своей дочери дал, Гипсипиле,
С прочим богатством большим, а царица вручила их сыну,
Сын же Эвней Ахиллесу их дал, Ликаона спасая.
Отпрыск Тезея теперь завладел одним из кратеров,
395 Славный Эпей стал владельцем другого, и оба героя,
Радуясь, шли к кораблям. А ушибы на них и раненья
Стал Подалирий лечить: сначала он высосал раны,
Дальше своими руками умело их сшил и лекарства
После поверх приложил – все целебные снадобья эти
400 В прежнее время родитель его передал ему в руки,
Равно и жгучие боли они утоляли, смягчая,
В тот же день исцеляли, спасая от муки кровавой,
Раны на лицах мужей иль на главах прекраснокудрявых
Тотчас от них заживали, а тяжкие боли смягчались.
405 Вышли тогда меж собой в стрельбе состязаться из лука
Сын Оилеев и Тевкр, что в беге уж мерялись силой.
Тут Агамемнон, прекрасный копейщик, поставил далеко
Шлем о султанине высоком и рек, что признает сильнейшим
Лучника, что умудрится отсечь его острою медью.
410 Первым тогда поскорее Аякс стрелу выпускает,
В шлем попадает она, и звон раздался от удара
В звонкую медь, затем, горя нетерпением в сердце,
Тевкр посылает вторую стрелу – и султан опадает,
Срезанный острой стрелой, и народы воскликнули ревом,

- 415 Шумно его прославляя, – хотя у него и болела
Рана на быстрой ноге – но это послать не мешало
Быструю в лете стрелу без промаха дланям могучим.
Тотчас супруга Пелея дарует герою доспехи
Богopodobного видом Троила – его, молодого,
420 В Трое Гекуба на свет родила, – но потомства он не дал,
Сила Ахилла копья уже отрешила от жизни
В возрасте юном Троила, и пал он, поверженный наземь,
Так же, как в пышном саду, ухоженном, вспоенным влагой,
Вырастет прямо близ клумбы прополотой мак или колос,
425 Но не успеет еще возрасти он и силы набраться,
Кто-то возьмет да и срежет его серпом наостренным,
Так и не дав расцвести ему сладко и прыснуть потомством,
Срезают его сверкающей медью пустым, бессемянным,
Срезают – хоть так он подняться успел росистой весною!
430 Так же и отпрыск Приама, красою подобный бессмертным,
Был недоспелым сражен – Пелид умертвил его юным,
Он и жены не познал, и водил еще детские игры,
Все же втянула ребенка в войну душегубица Мойра,
Нежного, только вступавшего в юность, в ту пору, в которой
435 Смелость пылает в сердцах, и силами полнятся души.
После метательный шар преогромный и тяжести страшной
Многие стали пытаться проворными дланями кинуть,
Но ни один не сумел – до того этот шар был тяжелый,
Только Аякс, из аргивян единственный, грозный в сраженьях,
440 Мощною дланью своей метнул без труда, словно бросил
Ветку засохшую дуба, возросшего в местности сельской,
В пору, как летнее солнце палит нестерпимо, и сохнут
В поле хлеба и растительность вся, что землю покрывала.
Кинул – и ахнули все, как из рук его медь полетела,
445 Ибо сей шар и поднять-то двоим удалцам было тяжело,
В оное время его, ведь Антеева сила метала,

С легкостью дланью своей, играя великою мощью,
В пору, пока не сразили его Геракловы руки, –
После Геракла получил этот шар среди прочей добычи,
450 Неутомимым в награду рукам – от него Эакиду
Дар сей почтенный достался, когда Теламон с Гераклесом
Град дивнобашенный Троию преславную взяли совместно,
Отдал затем Эакид его сыну – а тот, отправляясь
В Троию на быстрых своих кораблях, и шар взял с собою,
455 Дабы с троянами биться смелее, отца вспоминая,
Также чтоб было бойцам упражненье растить свою силу, –
Вот каков был шар, что Аякс забросил далеко.
Тотчас ему Нереида доспех знаменитый дарует
Мемнона, равного богу, и все изумились ахейцы, –
460 Столь непомерно огромными были доспехи героя.
Сгордостью принял прославленный муж подношенье, ведь впору
Только ему одному и пришлось они, тело облекши,
Столь был велик он, и снова тот шар герой поднимает, –
Было по нраву ему упражнять им безмерную силу.
465 Многие вышли затем в прыжках меж собой состязаться,
Всех за собой позади Агапенор, копейщик, оставил,
Прыгнул он так далеко, что вскрикнули все в изумленьи.
Светлая Тетис его одарила прекрасным оружием
Кикна – великого Кикна, сразившего Протесилая,
470 Также у многих других отнимавшего душу, покуда
Не укротил и его Ахиллес на горе троянам.
Начали копьё метать, и далее всех пролетело
То, что пустил Эвриал – и народы воскликнули громко,
Все полагали, что он лишь пернатые стрелы пускает
475 Лучше других, и тогда Эакида могучего мать
Кубок огромный ему отдала как награду, который
Сам Ахиллес приобрел, копьем укротивши Минита,

В пору как грабил Лернесс, прилежащий Троянскому граду.
Тут многомогущий Аякс, побуждаемый сильным желаньем
480 Руки и ноги свои поразмять, на борьбу вызывает
Выйти сильнейшего в войске – и все в изумленьи взирали
Молча на силу и мощь неборного мужа, и выйти
Против никто не посмел, и мужество в каждом из воев
Страхом неложным сковалось – и каждый в душе опасался,
485 Что неборные длани Аякса могучим ударом
Тотчас лицо разобьют, нанесут и другие увечья.
Так и стояли они, а затем обратились все взоры
На Эвриала – он опытен был во всяческом бое,
Но Эвриал, трепеща пред Аяксом, ответил собранью:
490 «Други, с любым из ахеян другим, кого назовете,
Я без опаски сражусь, но Аякс для меня – это ужас.
Что я пред ним? Коль рассердится он на меня в своем сердце,
Тотчас от жизни меня отрешит – ведь от этого мужа
Мне невредимым к своим кораблям ни за что не вернуться!»
495 Молвил. И все засмеялись, Аякс же, воитель могучий,
Всею душой взвеселился – и принял затем два таланта
Блещущего серебра, что ему положила Фетида
В дар за труды боевые и милого вспомнила сына,
Взор на Аякса подняв, и скорбь ее душу объяла.
500 Стали затем состязаться в искусстве вести колесницы,
Вышли желавшие все, и награды назначены были.
Сам Менелай, Эврипил, отважный в опасных сраженьях,
С ними Эвмел и Фоас с Полипойтом, бессмертным подобны.
Тотчас коней запрягли, подведя к колесницам прекрасным,
505 Все торопились идти, и победа им тешила душу.
Вот колесницы сошлись для ристанья на месте песчаном,
Встали у меты начальной участники этой забавы,
Вожжи схватили скорей в свои сильные руки, а кони,
Кони, впряженные в их колесницы, уже с нетерпеньем

- 510 Вскачь устремиться рвались – а пока что лишь били копытом,
Уши стояли торчком, и узда покрывалась пеной.
Тут колесничьи хлестнули коней быстроногих кнутами –
Те же взвились наподобие Гарпий, сердясь на удары,
И понеслись с колесницами вскачь, над землей пролетая,
515 Не было видно следов от колес и копыт их проворных,
Вот как неслись эти кони в своем удивительном беге –
Пыль из-под ног их взметнулась, как плотная туча к Эфиру –
Будто бы дым при пожаре густой иль туман, что бывает
Тою порой, как задует Зефир или Нотова сила
520 При наступлении зимней поры, и окутает гору,
И увлажнит ее склоны, густые дожди проливая.
Вырвались кони Эвмела вперед – поспевали за ними
Кони Фоанта, подобного богу, и вслед им кричали,
Их ободряя, они же неслись по широкой равнине.
525
«Тот, кто боле всего врагам опасенье внушает,
Он, на священной Элиде свершивший великое дело,
Он обогнал колесницу, что гнал Ойномай злоковарный.
Тот, кто младым женихам замышляя жестокою гибель,
Дочери браку мешая своей, Гипподамии славной.
530 Все же таких не имел он коней, заботливый конник,
Тише бежали его, а эти, как ветер, летели».
Рек Менелай, прославляя и силу коней, и возницу,
Тот же, внимая ему, душой предался ликованью.
- 535 Тяжко дышавших коней прислужники тут распрягают,
Тут и другие участники тоже коней вихреногих
От колесниц отрешили, на коих вершилось ристанье.
Врач Подалирий скорей принялся за лечение –
Мощных в бою Эврипила с Фоантом от ран и ушибов,
540 Что при паденьи своем с колесниц получили герои.

После Гомера

- Радость безмерную в сердце Атрида победа вселила,
Он получил от Фетиды прекраснокудрявой в подарок
Кубок изящный золотой – достоянием он был Этиноя,
Равного богу, пока не разрушил Ахилл его Фивы.
- 545 После сего началось в езде верховой состязанье,
Скачки верхом – наездники взяли бичи, что из кожи,
Вмиг оседлали коней – а те удила закусили,
Пеной покрытые, били копытом, в своем нетерпеньи
- 550 В бег припуститься. И вот от начальной черты полетели,
Каждый стремясь обогнать, и в движении были подобны
Вихрям, что мощный вздымает Борей при своем дуновеньи,
Или же Нот – завыватель, когда поднимает на море
Смерч с ураганом, подобный курильнице жертвенной страшной,
- 555 Смерть неизбежно суля морякам, если их настигает.
Всадники также летели, и быстрые конские ноги
Смерч воздымали песчаный на поле, – и каждый наездник,
Громко коня своего погоняя, прикрикивал лихо,
Плетью их часто стегал, другою рукой неустанно
- 560 Крепче и крепче сжимая узду, охватившую морду.
Кони неслись, как стрела, и крик несказанный воздвигся,
Войско кричало, а кони неслись по широкому полю,
Первым бы конь прибежал, подгоняемый мощным Сфенелом,
Всех далеко позади он оставил и взял бы победу,
- 565 Если б не сбился с пути, забежав далеко на равнину,
В сторону – сын Капанея при всем своем конном искусстве
Все же управить не смог, – непривычен был конь сей к ристаньям,
Молод еще – неиспорченной крови, но славного рода,
- 570 От Ариона рожденный, которого ветру Зефиру
Гарпия в свет извела – и был из коней он быстрейшим,
Скоростью ног уподобясь отцу вихревому, и боги

- Дали Адрасту его – такой вот был конь у Сфенела.
Отпрыск Тидея его в подарок товарищу отдал
575 В Трое цветущей, и он хозяина поступью верной,
Быстрый, носил на ристаньях, когда состязались кони,
И, полагаясь на скорость коня, и теперь уповал он
Славу победы стяжать, в Ахиллесову честь состязаясь,
Но не пришлось ему сердце потешить на этом ристаньи –
580 Был он вторым – хоть и быстро он шел, обогнал его все же
Гонщик умелый Атрид – и народы восставили громко
Равно Сфенела с Атридом, а также коня удалого.
Хоть и вторым он пришел – но не раз за черту состязаний
Конь убежал от Сфенела, бушуя недюжинной силой.
585 Тут на радость Атриду Фетида ему предлагает
Панцирь, серебряный весь, Полидора, подобного богу,
Шлем же из меди, два крепких копья и пояс могучий –
Астеропея доспехи – богиня дарует Сфенелу.
Всадникам всем остальным, что тогда состязались в ристаньи
590 Тут, при могильном холме Ахиллеса, богиня Фетида
Много подарков дала, один Лаэртид многоумный
Горько крушился в душе, ведь ему, хоть и был он могучим,
Все же пришлось в стороне оставаться от игр достославных –
Рана его отягчала, что Алкон нанес Одиссею
595 В пору, как труп отбивал он могучего внука Эака.

Пятая песнь

Вот завершилися многие подвиги игр погребальных.
Тут на средину Фетида бессмертная вносит доспехи
Мощного сына Ахилла – среди них выделяется ярко
Щит преискусной работы – ведь славная сила Гефеста
5 Изобразила на этом щите богозданном такое:
Были там небо, эфир, уместились и суша, и море,
Были там тучи и ветры, и яркое солнце с луною,
Все различимо одно от другого – там были созвездья,
Те, что блуждают по небу, кружа по нему ежегодно,
10 Был там и воздух, меж звезд и созвездий безбрежно разлитый,
Птицы о клювах точеных по воздуху вольно летали,
Ты бы сказал, как живые носились с порывами ветра,
Все ж окружал глубочайший поток Океана с Тефией,
Реки бессчетную влагу со звоном в него изливали,
15 Он же катил свои воды, всю землю кругом обтекая.
Были там сделаны горы искусно – в горах же высоких
Страшные львы и шакалы бесстыдные также виднелись,
Были еще и медведи свирепые, и леопарды,
И кабаны, что с урчанием острые зубы точили
20 В пастях ужасных своих, наносящих глубокие раны.
Были и мужи-охотники – свору собак направляя,
Шли на охоту один за другим – копьем и камнями
Били зверей, во всем живым, настоящим, подобясь.
Были и войны на этом щите, губящие мужей.
25 Были и страшные битвы – где кони и вои, смешавшись,
Гибли повсюду – и бранное поле, залитое кровью,
Точно начертано было на этом щите нерушимом.
Также и Ужас, и Страх, и сама, оглашенная стоном,
Яростных битв божество – Энио, обогрелая кровью,
30 Там и Эрида была, и Эринии с духом свирепым –

К битве Эрида мужей побуждала, толкая в сраженье,
Пыл распяляли Эринии в них, приносящий погибель,
И несмягчимые Керы повсюду летали – и с ними
Танатос – страшная смерть, а возле него Поединок,
35 Стоном смертельным овеян – и всюду из членов на землю
Пот истекал, и потоками кровь проливалась людская.
Страшные были Горгоны на этом щите, у которых
Змеи ужасные вместо волос на главах шевелились,
Жала свои показуя зловеще – и щит сей преславный
40 Чудом был неким, – ведь все там живому подобилось видом,
Страх на людей наводя, словно все это было по правде.
Щит сей показывал полно все ужасы войн беспощадных.
Правда, с другой стороны – и славные радости мира:
Были там дивные грады с бесчисленным людским населеньем,
45 Дика, сама Справедливость, блюла их дозором надежным,
Все были заняты делом, поля урожаем богатым
Полнились тяжко, и черная почва покрылась цветеньем.
На богозданном щите расположен был также вершины
Труднодоступной горы – Добродетели – пик высочайший,
50 Где и сама поднялась Справедливость на пальме высокой,
Неба касаясь главой; и доступ на гору был труден,
Тропы, ведущие к ней, заслоняли большие утесы,
Смертным свободный проход затрудняя – и многие люди
Вниз отправлялись опять, крутого пути убоившись.
55 Только немногие, в поте, взошли по священной дороге.
Были жнецы на щите, что двигались рядом широким, –
Быстро серпами, недавно остренными, жатву снимали.
Рядом другие вязали снопы – и спорилось дело!
Были на этом щите и быки, носящие иго, –
60 Эти тащили повозки, груженные тяжко снопами,
Те продвигались с плугами по полю и землю пахали.
Там, где они проходили, чернела земля, а за ними

Юноши следом, быков погоняя бичами, шагали,
Руку меняя с бичом – и виднелась большая работа.
65 Изображался и пир под звуки кифары и флейты,
Юношей пляс хороводный и женщин, они же подобны
Были живым и как будто бы впрямь танцевать припустились.
Рядом же с этим весельем и общею пляской из моря,
С пеной на влажных власах, появлялась Киприда-богиня,
70 Дивновенчанная, рядом Желанье летело с богиней,
Также Хариты о дивных кудрях улыбались прелестно.
Изображались и дщери могучего старца Нерея, –
Глуби широкопучинного моря покинув, на свадьбу
С храбрым потомком Эака сестру провожали родную, –
75 На Пелионе высоком бессмертные пир учиняли,
Изображались луга, поросшие влажной травой,
В пышном цветеньи бесчисленных цветов – и темные рощи,
Были еще на щите ручьи с прозрачной водою,
Были на нем и суда о скрипящих снастях – по пучине
80 Плыли они, кто куда, устремляясь кто вбок, а кто прямо,
Море ж вокруг волновалось, и страшные волны вздымало,
В страхе глядели, что близится шторм, мореходы, и снасти
Белые быстро они собирали, как должно при буре,
Всем им хотелось, конечно, избежать погибели мрачной,
85 Но налегали на весла другие, и частые всплески
Весел по черной воде белоснежную пену вздымали.
Вслед кораблям вместе с чужаками моря, большими китами,
Энносигей на щите был преславном – и кони морские,
Словно живые, несли по пучине его, поспешая,
90 Бог же кнутом золотым погонял, а высокие волны
Вкруг поднимались за ними – хоть гладь впереди расстилалась.
Радостно возле владыки собравшись, резвились дельфины,
С той и с другой стороны из воды вылетая, скакали,
Льнули, ласкаясь, к царю – и, казалось, как будто бы плыли,

- 95 Скрытые темной волной, хоть серебряной были работы.
Много другого еще бессмертной рукою Гефеста
Мудрого, щит украшавшего, изображалось искусство.
Все же венчал, обтекая, широкий поток Океана.
Он был и краем всего, к нему ведь и щит прикреплялся,
100 Так что собой обрамлял он и все остальные картины.
Кроме щита положила богиня и шлем неподъемный,
Высечен Зевс был на нем, казалось, разгневанный будто,
На небесах восседавший – вокруг его боги трудились
В битве с Титанами страшной, Зевесу во всем помогая.
105 Тех же огонь охватил, бесконечно летели перуны,
Сыпались прямо дождем с небес беспрестанным потоком –
То поднималась вовек необорная сила Зевеса,
В этом палящем огне свой дух испускали Титаны.
Панцырь был также положен с другими доспехами рядом
110 Несокрушимый, огромный – в него облакался Пелейон.
Были и поножи там исполинские – лишь Ахиллесу
Впору их было одеть – уж так они были огромны.
Меч богатырский поблескивал рядом с доспехами вместе.
Был он повязкой украшен золотой и в серебряных ножнах.
115 Кости слоновой в камнях драгоценных его рукоятка
Так и блистала, среди прочих доспехов заметная ярко.
Рядом копьё преогромное вдоль по земле растянулось,
Что с Пелиона, поросшего лесом густым и ветвистым, –
Все еще запах оно сохраняло от Гектора крови.
120 Горько скорбя по Ахиллу, Фетида, укрытая черным,
Слово бессмертное тут обратила к собранью ахейян:
«Все уже взяты награды, что я назначала на игры
В горькой тоске бесконечной по сыну умершему. Ныне
Пусть же ко мне подойдет, кто более всех из ахейцев
125 Сил положил при спасении тела – доспех сей бессмертный,
Дивный ему я вручу – да навеки он им завладеет.

Этим доспехом владеть и бессмертным богам не зазорно». Молвила. Честь таковую оспорить выходят герои – Отпрыск Лаэрта и сын Теламона, подобного богу,
130 Храбрый Аякс, что всех превзошел из данайцев, подобно Гесперу, светлой звезде при ее восхожденьи на небо, Что средь сверкающих звезд всегда выделяется ярко. Так и блестящий Аякс предстал у доспехов Пелида, Требуя их от Нелеева сына, от Идоменей
135 И Агамемнона мудрого – мнил он, что знают неложно Эти мужи, какова была славная битва за тело. Но и потомок Лаэрта на них полагался не меньше, Ведь средь данайцев они, безупречные, мудрыми слыли. Раз за оружие поспорили двое, то Нестор отводит
140 Идоменей с Атридом в сторонку и молвит им слово: «Други! Какая беда! Несносное дело послали Нам небожители-боги, неймущие бед и печалей! Может вражда запылать невозможная, страшная ревность Между великим Аяксом и умным Лаэртовым сыном.
145 Коль одному из них даст божество эту честь и награду, Сердце возрадует он, но другой оскорбится безмерно, Станет данайцев во всем обвинять – и более прочих Именно нас, мои други. И биться уж больше не будет Так же, как прежде, за нас – и большою бедой нам, ахейцам,
150 Станет неистовый гнев, если он хоть в одном запылает, Оба ведь блещут они и в совете, и в поле сраженья. Слушайтесь ныне меня – я старше вас всех и namного, Значит, по многим летам и опыт, и разум имею, – Многое я пережил как славного, так и худого –
155 Муж престарелый в совете полезней, чем тот, кто моложе. Старец чего не видал, и чего только в жизни не знает. Вот почему говорю – предоставим разумным троянам Суд совершить и сказать, который из наших героев Вынес Ахиллово тело – Аякс или отпрыск Лаэрта.

- 160 Много троянцев у нас захвачено в этом сраженьи,
Сами рубились они и своими глазами видали,
Вот рассудят пускай, а затем и решение объявят.
Им никого из ахейцев бояться не нужно, ведь равно
Всех они нас ненавидят за то, что мы им причинили».
- 165 Рек, и в ответ ему молвил Атрид, знаменитый копейщик:
«Старец! Воистину нет никого из данайцев, кто был бы
В мудрости равен тебе, будь он стар или молод годами!
Ты говоришь, запылает к аргивянам гневом ужасным,
Если другой кто победу получит от милого бога.
- 170 Тяжба ведь эта идет меж лучших из нашего войска.
Сердце мое и меня к твоему предложенью склоняет!
Пленным троянам должны мы решение сие предоставить.
Пусть же на них обратит свой погибельный гнев проигравший,
Мстя беспощадно не нам, а отважным воителям Трои».
- 175 Рек, и вожди, одинаково мысля, с единой душою,
Громко, при всех, отказались судить неприятное дело.
После сего преславные дети могучих троянцев
В центре воссели, хоть были и пленные, взятые с бою –
Им надлежало закон соблюсти в сем воинском споре.
- 180 Стоя в толпе, возмутился Аякс и вымолвил слово:
«Ах, Одиссей злоковарный! Зачем тебя демон толкает?
Что это вздумал ты с силой моей необорной равняться?
Разве ты вправе сказать, что сумел от Ахиллова тела,
В прахе простертого, толпы врагов отбивать – нападали
- 185 Скопом они отовсюду и смерть от меня принимали,
Ты же, боясь, уклонялся! На что родила тебя мать
Трусом бессильным таким? Ведь тебе до меня, как собаке
Жалкой до мощного льва, исторгателя страшного рыка!
Смелое сердце бойца в груди у тебя не трепещет,
- 190 Бьется лишь наглость одна, да стремленье к делам нечестивым!
Иль позабыл ты уже, как боялся поехать под Трою,

Город священный, когда отправлялись другие ахейцы, –
Ты ж уклониться хотел, и тебя повели против воли
Оба Атрида. О, если б ты все же сюда не доехал!
195 Ты ведь потом подучил нас покинуть Поантова сына,
Тяжко страдавшего там, на богами излюбленном Лемне!
Но не один Филоктет пострадал от погибельных козней,
Позже ты гибель принес и божественному Паламеду,
Мужу, что лучше был много, чем ты, и умом, и отвагой.
200 Ныне ж ты смеешь пойти на меня, забыв совершенно
Все, что благого я сделал тебе, и стыда ни на каплю
Ты не имеешь пред тем, кто сильнее тебя. Разве не помнишь? –
Спас ведь тебя я в бою, оробевшего в натиске вражем,
Все разбежались твои, и остался ты в месиве боя,
205 В гуще врагов, и тогда-то и сам устремился ты в бегство!
О, если б в этом бою напугал меня с высей эфира
Сам Зевес, устрояя отважное сердце, о, если б
Там на куски разрубили тебя мечами трояне
В пищу собакам своим! Тогда бы теперь не посмел ты
210 Против меня выходить, на коварство свое полагаясь!
Жалкий, и ты похвалялся, что силою всех превосходишь!
В центре твои корабли – и еще до того обнаглел ты,
Что говоришь, что суда твои, как и мои, быстроходны!
Что ж ты тогда оробел? Почему же не стал защищать ты
215 Флот от огня? А вот я со своею бесстрашной душою
Вышел и против огня, и на Гектора – он уступал мне
В битвах всегда – а ведь ты его страх как боялся.
О, если б было дано за доспехи с тобой потягаться
В том бою, как боролися мы за Ахиллово тело,
220 Ты бы увидел, как я выносил из кипящего боя
Эти доспехи прекрасные вместе с Ахиллом могучим,
Как относил я к палаткам его. – А теперь вот
Ты, полагаясь на козни и хитрость речей, посягаешь
Взять их! При том, что и сил у тебя неостанет надеть-то

- 225 Тяжкий доспех Эакида, копьё ты его не подымешь,
Мне же они по плечу, мне впору доспех сей блестящий,
Не посрамил бы уж я подарка прекрасного бога.
Впрочем, чего говорить, воюя лишь злыми словами,
Стоя близ дивных доспехов прекрасного внука Эака?
- 230 Кто еще лучше меня в бою мужегубном? Фетида
Сереброногая эту награду за бранное дело
Нам выставляет в средину отнюдь не за бранные речи.
Люди отводят речам на собрании место обычно,
Мне ведь известно, что я и знатнее тебя, и храбрее,
- 235 Род мой оттуда ж идет, что и род самого Ахиллеса». .
Рек, и на это в ответ говорит, раздражения полный,
Отпрыск Лаэрта премудрый, питающий хитрые мысли:
«Что ты болтаешь, Аякс? К чему эти речи пустые?
Вот, говоришь, я труслив и ничтожен, и в битвах бессилён.
- 240 Я же гордиться могу, что тебя несравненно сильнее
Речью и разумом – сила от них у людей возрастает.
Вот ведь мужи-камнетесы, свой ум прилагая способный,
Крепкий утес раздробляют, высокий, вовек нерушимый,
Правя разумно судами, идут мореходы чрез море,
- 245 Хоть и огромно оно, и бушует, – плывут, куда надо,
Умной уловкой охотники львов уловляют огромных
И кабанов, и пантер, и другое звериное племя.
Воля людей и быков-исполинов в ярмо запрягает,
Их укротив, – ведь разуму всякое дело подвластно!
- 250 Умный всегда неразумного лучше – и в деле во всяком,
И на совете, в собраньи, поэтому мне предпочтенье
Отдал Ойнеев внук Диомед, отважный душою,
Выбрал из всех он меня, чтобы с ним я отправился вместе
Выйти в дозор, и тогда мы свершили немалое вместе.
- 255 Я же привел самого многославного сына Пелея
В помощь Атридам – никто из аргивян того не осилил.

Что, разве кто-то другой, скажи, совершил это дело?
Или Ахилл приведен был под Троию твоими руками?
Или по мысли аргивян других? Это я его вывел,
260 Я лишь один, убедив его речью, склонил его выйти
В бой среди юных мужей. Великая сила бывает
В слове мужском, если смешано с яростью слово – напротив,
Та бесполезна, пускай и огромная, крепость у мужа,
Если к ней ум не добавлен – она ни к чему не послужит.
265 Боги меня наделили умом в сочетании с силой,
Сделали так, что теперь я – оплот для аргивян могучий.
Что ж до того, будто спас ты меня, как сейчас говоришь ты –
Я же как будто бежал – так не было этого бегства.
Сдерживал натиск троян я с другими – они нападали,
270 Страшно бушующая, но я многих своими руками
Души отъял, и сейчас ты вещаешь неверное вовсе,
И не меня ты спасал, а себя защитить ты старался,
Чтоб самого, побежавшего с поля, копье не пронзило.
Да, корабли по середине мои я поставил, но только
275 Волею не в страхе пред силой врагов, а затем, чтобы быстро
Помощь Атридам всегда подавать разумным советом,
Ты же свои корабли поставил у самого края.
Сам подверг я себя добровольно тяжелым побоям,
В Троию избитый пришел, дабы выведать планы троянцев,
280 Те, что питали они меж собой о войне этой тяжкой.
И перед Гектором я не дрожал – выходил среди первых
Встретить его боевое копье и пылал с ним сразиться
Сам я, когда вызывал он на бой, полагаясь на силу.
Да и теперь я премного сразил при Ахилловом теле
285 Насмерть врагов – и доспехи его вместе с ним сохранились.
Нет, твоего я копья не боюсь – но меня укрощает
Тяжкая рана, что я получил, как по смерти Ахилла
Тело его и вот эти доспехи спасал от врагов я.
Род свой, горжусь, – как Ахилл, веду я от высшего Зевса».

- 290 Рек Одиссей. И могучий Аякс отвечал ему тотчас:
«Ах, Одиссей злоковарный, негоднейший из негодяев,
Нет! Не видал я тебя, чтоб за тело Ахилла ты бился,
Также никто из аргивян, кто ратовал в этом сраженьи,
В деле тебя не видал, когда и копьем, и руками
295 С ног валил я одних, других же в постыдное бегство
Я обращал, нападая – я отступать заставлял их,
Словно каких журавлей иль гусей, что уносятся в страхе
С дуга, где травку щипали, когда к ним орел подлетает,
Так и трояне – бежав, закрылись скорей в Илионе,
300 Силясь спастись от меча моего и копья боевого.
Что ж тебя смелость тогда не объяла, чего же не вышел
Биться с врагами совместно со мной, а держался подале,
Где-то на крае фаланги, а вовсе не в схватке близ тела,
Там, где всего горячее сражались мы все за Ахилла».
- 305 Рек. Одиссеево хитрое сердце ему отвечало:
«Слушай, Аякс! Не слабей я тебя, и не хуже нисколько
Ни головою, ни силой, хоть ты и блестящ несомненно.
Впрочем, умом я тебя превзошел – так аргивяне мыслят –
Силой же мы иль равны, или даже и тут я сильнее.
- 310 Ведомо се и троянам – они предо мною трепещут
Страшно, едва лишь завидят меня с расстоянья большого.
Знаешь и сам ты отлично, и знают другие ахейцы
Силу мою – ведь со мною в борьбе ты с трудом состязался,
Помнишь, когда погребальные игры Патроклу справлялись,
315 Дивные ставил тогда награды могучий Пелейон».
Так говорил сын Лаэрта, бессмертному богу подобный.
Тою порой свершили и суд свой печальный трояне,
Тяжбу героев решив, – доспехи бессмертной работы
Единодушно они Одиссею отдать присудили.
- 320 Возликовал Одиссей, и ахнуло войско ахейцев.
Похолодело Аяксово сердце – и тотчас объяла

Злая обманная сила его – и от хлынувшей желчи
Кровь закипела пурпурная в нем, а желчь охватила
Печень и внутренность всю – и страшная боль подступила
325 К самому сердцу – и тотчас пошла, разрастаясь ужасно,
Вверх, и до мозга дошла, и его целиком охватила,
Разум затмив у него. И стоял он, уставившись в землю,
Словно не мог шелохнуться. Друзья поскорей подбежали
В сильном волнении, его повели к кораблям, утешая,
330 Он же последний свой путь совершал, против воли ступая,
Ноги едва волооча – близ него уже Мойра витала,
Тут и аргивяне к морю пошли, по судам разбредаясь,
Жаждали ужин вкусить и сном поскорей насладиться.
Тут и Фетида в глубины великого моря спустилась,
335 С ней Нереиды другие сошли, а вослед устремились
Стадом огромным киты, питомцы соленой пучины.
Гнев Нереиды питали тогда к мудрецу Прометею,
Помнили – это ведь он потомку великого Крона
Подавал совет, дабы он против воли Фетиду Пелею
340 Отдал – и в гневе великом тогда Нереида сказала:
«О, Прометей, ты достоин, преступный, того наказания,
Что присудили тебе, к скале приковав, и недаром
Печень орел тебе страшный клевал, а она нарастала».
Так Нереида сказала моревнам прекраснокудрявым.
345 Солнце меж тем опустилось, и нивы кругом потемнели.
Ночь наступила, спеша, и на небе сверкнули созвездья.
На кораблях остроносых ахейцы давно предавались
Отдыху – сон и вино благовонное их укротили.
Это вино привезли на судах с благородного Крита
350 Идоменеевы люди по волнам шумливого моря.
Только Аякс, разъедаемый гневом, не мыслил о пище,
Сидя в своем благовонном шатре, он сна и не ведал,
Бешенством злым обуян. И вдруг он в доспехи облекся,
Меч наостренный схватил и двоился в чудовищных мыслях:

- 355 То ли поджечь корабли и всех погубить в них ахеян,
То ли пойти разрубить на куски одного Одиссея,
Острым мечом поскорей лишь его, хитреца, уничтожить.
Выбрал он это решенье и все бы свершил несомненно,
Если б ему не послала ума помраченье Афина.
- 360 Об Одиссее всегда Тритонида заботилась сердцем,
Помня, сколь частые жертвы он ей приносил благочестно.
И от аргиев тогда отвела Теламонову силу
Страшную также она – и напал он, как смерч быстролетный,
Смерч, что, ужасный, вздымается в небо средь молний и грома,
- 365 Носится всюду, где хочет, бесстыдному зверю подобно,
В пору, как скроются с неба Плеяды в бездонные глубины
Вечной реки Океана, спеша избежать Ориона –
Это созвездие в страх моряков повергает холодный,
Воздух в смятенье, и зимнею бурей безумствует море.
- 370 Так взвился и Аякс – и кинулся, что было силы,
Стал он повсюду носиться, бесстыдному зверю подобясь,
Зверю, что бродит по склонам ущелистой горной долины,
Пена на морде, и многие беды охотникам мужам,
С псами их, мысля – за то, что из логова взяли потомство
- 375 И умертвили его. И носится с ревом и рыком,
Ищет повсюду в лесу, по купам детенышей милых.
Если же встретит кого в безумном своем озлобленьи,
Тотчас настигнет того печальнейший день его жизни.
Так и Аякс бушевал, и сердце его клокотало,
- 380 Словно на кузне Гефеста стук молота по наковальне.
Словно вода, что кипит в котле средь Гефестова жара,
И над горящим огнем, охватившим все днище сосуда,
В пламени крупных поленьев, клокочет и булькает шумно –
Это прислужник очаг растопил, с нетерпением в сердце,
- 385 Борова жирного, крупного, шерсть опалив, приготовить, –
Так и в груди у Аякса кипело великое сердце,

Словно свирепая буря, что в море безумствует сильно,
Или безудержной силы огонь, от лесного пожара –
Он среди гор бесконечно свирепствует – силою ветров
390 Все раздувается пламя и чащу лесов пожирает.
Так и Аяково сердце от муки сильней распалялось,
Страшным бушуя пожаром – и пена с ланит истекала.
Сжатые зубы его издавали чудовищный скрежет,
Грозно гремели доспехи, и все, кто его лицезрели,
395 В ужас пришли – издавались Аяксом ужасные звуки.
Эос, держа золотые поводья, сошла к Океану,
Сон возлетел к небесам, подобный движению ветра,
Встретил он Геру в пути – на Олимп возвращалась богиня,
Что накануне ходила к пределам священным Тефии:
400 Встретясь, лобзаньем они обменялись – он зять был ей милый,
Это ведь он ей помог опочить с Кронидом на ложе
Там, на Иде высокой, как гневался Зевс на ахейцев.
Гера достигла чертогов Зевеса, а Сон к Пасифее,
Дивной супруге, взлетел, и смертных народы проснулись.
405 Тут заметался Аякс, помраченный неистовством ярым,
Ум застилавшим ему, полетел, Ориону подобно,
Кинулся в овчье стадо, напав, словно лев разъяренный,
В пору, как дикое сердце крушит ему глад несмягчимый,
Стал он овец повергать во прах, – и они упали
410 Словно листва, что слетает под мощным дыханьем Борей,
В пору, как вновь наступает зима после теплого лета.
Так и бушуя, Аякс на отару овец устремлялся,
Мнилось ему, что данайцев он шлет к всепогибельным Керам.
Тут, поспешив, Менелай к Агамемнону тайно явился,
415 Тайно от всех остальных, и слово он брату промолвил:
«Ныне, пожалуй, для всех нас погибельный день наступает.
Видишь – великий Аякс, умом повредившись, бушует,
Скоро суда подождет он, и нас при шатрах уничтожит –
Столь распаляющий гнев за доспехи обьял его душу.

- 420 Если б Фетида об этих доспехах вражду не зажгла бы,
Если б не стал Лаэртид против мужа, что много сильнее,
Спорить за эти доспехи своею душой неразумной!
Ныне же всем нам конец, оморочил нас пагубный демон!
После кончины Ахилла оплотом нам в деле военном
- 425 Храбрый один оставался Аякс – а теперь и Аякса
Боги отъяли у нас, замышляя нам горькие беды.
Вскоре, конечно, постигнет нас всех бесславная гибель».
Так говорил Менелай, и ответил ему Агамемнон:
«О, Менелай! Не крушись ты безмерно встревоженным сердцем
- 430 И на царя кефалейцев премудрого гнев удержи свой!
Он не виновен ни в чем – а бывало, сколь часто давал он
Дельную помощь советом, врагам на великое горе».
Так, о данайцах крушась, меж собою цари говорили.
Стадо Аякс избивал – пастухи побежали от страха
- 435 К Ксанфу, в кусты тамариска, спасаясь от смерти ужасной.
Как разбегаются в заросли зайцы, дрожа, с появлением
Мощного в небе орла, что снижается с клекотом громким,
И, простирая огромные крылья, повсюду их ищет,
Так пастухи трепетали пред яростью мощного мужа.
- 440 Остановился Аякс, наконец, пред убитым бараном,
И, засмеявшись ужасно, такое вдруг вымолвил слово:
«Вот и лежи тут во прахе пернатым и псам на съеденье,
Славный Ахилла доспех не смог защитити твое тело,
Славный доспех, за который ты глупо с сильнейшим поспорил.
- 445 Вот и лежи ты, о пес! И супруга тебя не оплачет,
Пав близ тебя на колени, скорбя вместе с сыном малюткой,
Мать не оплачут с отцом – и не будешь ты тешить их старость,
Как уповают они – далеко от отчизны погиб ты,
Птицы тебя расклюют, и собаки тебя растерзают».
- 450 Так говорил в упованье, что хитрого сверг Одиссея,
Что уложил его в прах, обогрленного кровью обильной.

Тут Тритонида снимает, от глаз отряхнув и рассудка,
Бешенство злое его, что вдыхало в Аякса погибель.
Бешенство вмиг отлетает к ужасным стигийским пределам,
455 В край, где Эринии быстрые вечные дома имеют.
Эти богини преследуют тяжело людей согрешивших.
Видит Аякс – на земле, содрогаясь, кончаются овцы.
Тут его сердце застыло – постиг он обман от бессмертных.
Все его члены ослабли – а смелую душу пронзила
460 Страшная боль – и шагу шагнуть его сил не достало.
Так он стоял – ни вперед, ни назад – уподобясь утесу,
Пику высокому, что среди прочих вершин наивысший.
Вот постепенно опять в груди его дух шевельнулся,
И зарыдал он тогда, и сквозь слезы в отчаяньи молвил:
465 «Горе мне, горе, когда ненавистен я стал для бессмертных,
Разум восхитив, они ниспослали безумие злое,
Дабы овец я побил, предо мною ни в чем не повинных.
О кабы мог я сразить Одиссеево злостное сердце,
Это ведь он на меня напустил всеобманную силу,
470 Вечно зловредный во всем. Так пусть же пронзят его душу
Самые страшные муки из тех, что Эринии людям
Шлют! Да получат ахейцы последнюю, смертную битву!
Сам же Атрид Агамемнон пускай и страдает, и плачет,
Пусть невредимым домой не придет, хоть того он и жаждет!
475 Разве я, доблестный, стану с преступными здесь оставаться,
Да пропади все ахейское войско проклятое! Сгибни
Жизнь нестерпимая, если наградой владеет не лучший,
Нет, почитают и любят они негодя! Данайцы
Чтят Одиссея, а я ... – обо мне – и о том, что свершил я, –
480 Все позабыли, не помнят, что вынес для них я и сделал!»
Рек благороднейший сын Теламона, прекрасного силой,
Гекторов меч из ножен достал он и к горлу приставил.
Хлынула кровь, заблистав, и Аякс распростерся во прахе,

Словно Тифон, пораженный горячим перуном Зевеса.
485 И при падении его земля застонала ужасно.
Тут подоспели данаи толпой – и открылся их взорам
В прахе простертый Аякс. И никто не решился поближе
К телу его подойти, лишь глядели, объятые страхом.
Разом затем подбежали, припали с объятием к телу,
490 Головы стали песком посыпать и волосы разрывали,
Плач воздымался такой, что дошел до святого Эфира.
Так, если люди отняли у маток овец руноносных
Маленьких глупых ягнят, дабы ужин себе приготовить,
Жалобно матери блеют, кидаются на стены с силой,
495 Бьются, тоскуя о детях, в загонах своих опустелых,
Так по Аяксу в тот день рыдало и билось войско,
Ида тенистая эхом на крик отвечала им громко,
Поле шумело, и снасти скрипели, и море ревело.
Тевкр по Аяксу, за брата крушась, вознамерился было
500 Керам себя добровольно придать – но его оттащили
Прочь от большого меча – и упал он, и, к телу припавши,
Слезы потоком лия, и заплакал он горше ребенка, –
Близ очага, перемазан золой, он сидит и рыдает,
Плачет весь день напролет, в сиротстве его провожая –
505 Мать умерла, что растила его без отца, в одиночку.
Столь безутешно и Тевкр оплакивал мертвого брата,
Ползал у тела его, и средь горьких рыданий промолвил:
«Мощный Аякс! О, зачем у тебя повредился рассудок!
Сам ты зарезал себя, плачевную встретил кончину.
510 Верно, хотелось тебе, чтоб трояне свободно вздохнули,
И погубили аргивян по смерти твоей несомненно.
Смелость у наших уж будет не та, раз смерть предстоит им
В этом бою – ведь был ты от наших бедствий спасеньем.
Я же теперь не желаю, как прежде, домой возвращаться,

- 515 Сам я хочу здесь погибнуть, и, черной покрывшись землею,
Вместе с тобою полечь в плодородную черную землю.
Мать и отец не волнуют меня, коль они еще живы
На Саламине, коль властью над ним как цари обладают.
Важен лишь ты для меня, ты слава моя и отрада!»
- 520 Так говорил он, стеная. И светлая рядом Текмесса, –
В плен беспорочный Аякс захватил ее с прочими вместе,
После же сделал супругой законной и в доме хозяйкой
Полной над всем, каковою бывает супруга, что мужем
Девушкой взята из дома с приданым, с каким подобает.
- 525 В мощных объятьях ее укротил он – и вот Эврисака,
Сына она понесла, и малютка в отца уродился –
Крошечный, он в колыбели своей пока оставался,
Мать же, Текмесса, на труп дорогой повалилась со стоном,
Билась о землю в пыли, прекрасное мучила тело,
- 530 Жалобный крик издавала, круша свое сердце безмерно:
«Горе мне, бедной, ты умер, погиб не от вражеских дланей,
В жарком бою, но себя поразил ты своею рукою.
Горе мне нестерпимо – теперь никогда не видать мне
Трои последнего дня – а как я об этом мечтала!
- 535 Все упования мои рассеяли черные Керы!
Вот бы кормилица наша земля меня прежде сокрыла,
Нежели я увидала кончину твою! В мою душу
Большее горе еще не входило – и даже в ту пору,
Как уводил ты с отчизны меня, от родителей милых,
- 540 Взяв полонянкой, как прочих – о, как же тогда я скорбела,
Прежде почтенной царевне досталась рабская доля.
Ни об отчизне любезной, и ни о родителях милых,
Их потеряв, не крушилась я так, как теперь сокрушаюсь.
Ты ведь одно лишь отрадное мне предоставил, бедняжке,
- 545 Стала твоей я женой – и всегда мы в согласии были.
Ты обещал, что царицей в прекрасном твоём Саламине

Сделаюсь я, как вернемся домой после Трои паденья.
Боги же нам не судили увидеть, как это свершится.
Вот, ты ушел от меня, ты исчез, и тебя не заботят
550 Больше ни я, ни дитя, что отцовское тешило сердце,
Царскую власть он не примет твою – посторонние люди
Сделают нашего сына рабом – как скончался родитель,
Дети под власть попадают людей несравненно жестоких,
Тяжка сиротская доля для смертных, когда выпадает,
555 Горе за горем идет, и беда лишь беду накликает,
Так же и я, многобедная, рабское время увижу
После тебя – а ведь ты почитал меня, словно богиню».
Молвила. Ей же в ответ дружелюбно сказал Агамемнон:
«Жено! Никто никогда тебя не увидит рабыней!
560 Тевкр покуда живой, да и сам я пока что не умер.
Будем тебя постоянно бесчисленными славить дарами,
Будешь у нас как богиня почтенна, и сын твой не мене,
Чем при Аяксе живом, боговидном, оплоте ахейян.
О, если б он не нанес нам, ахейцам, подобного горя,
565 Если б себя не сразил! Ведь стоил он целого войска,
В пору, когда выходил с бесчисленными биться врагами!»
Так говорил, сокрушаясь в душе. И вокруг их народы
Плакали жалобно – вторил рыданиям брег Геллеспонта.
Всех поразили тогда тоска и душевные муки,
570 Даже Лаэртова мудрого сына в печаль обратило
Самоубийство Аякса, и, всюю душой сокрушаясь,
Слово к печальным ахейцам тогда Одиссей обращает:
«Други! Что лютого гнева бывает страшнее и хуже,
Если средь смертных его раздор и вражда раздувают?
575 Вот и Аякса могучего ныне в безумие ввергло
То, что питал он свой гнев на меня. О, если б трояне
Пленные мне не судили доспехи забрать Ахиллеса!
Если бы чести я сей не имел! Оскорбившись на это,
Тяжко душой запылал благороднейший сын Теламона,

- 580 Сам себя он поразил – но не я в его гневе повинен,
Айса виновна одна многобедная, ей он подвластен,
О, если б сердце мое могло подсказать мне неложно,
Что не сумеет он тяжбу снести без вреда для рассудка,
Я бы тогда ни за что не участвовал в том состязаньи,
585 Я бы не вышел к награде, не спорил бы с ним о победе,
И никому из данайцев стремиться к тому не дозволил
Сам, добровольно отдал бы доспех я ему и оружие,
Бога изделье, а также и все, что он пожелал бы,
Я ведь никак и не думал, что станет он гневаться тайно,
590 Прежде ему никогда не бывал я соперником в споре –
Не было спора у нас никогда ни за жен, ни за город,
Ни за богатства – а вот из-за доблести стали тягаться,
Умным же, право, всегда за нее потягаться приятно.
Злая от бога судьба в прегрешение ввергла Аякса,
595 Хоть он и доблестный муж – но безумствовать в гневе не должно.
Мужу разумному следует скорби свои и напасти,
Сердце скрепив, выносить, а не полностью им предаваться».
Так говорил Лаэртид, отца боговидного отпрыск.
Вот наконец, как данаи насытились горем и плачем,
600 К ним, еще полным печали, Нелид обращается с речью:
«Друзи мои! Жестокие Керы с безжалостным сердцем
Беды одну за другой насылают и горе за горем.
Умер Ахилл многомогущий, теперь мы лишились Аякса,
Много погубло аргивян других, среди них – Антилох мой.
605 Все же нельзя о друзьях, что погубили на поле сраженья
Цельми днями рыдать и душою крушиться безмерно.
Плач недостойный забудьте! Намного полезнее будет
Все совершить, что погубшим воздать подобает у смертных.
Жгите костер погребальный, курган для останков насыпьте.
610 Мертвый не встанет от ваших рыданий – он их и не слышит,
Неукротимые Керы-богини его поглотили».

Так увещал их Нелид. И цари поднимались поспешно,
Сразу же все, хоть еще и кручинились в сердце немало.
Множество рук подхватило Аякса – столь был он огромен,
615 К быстрым судам понесли его тело, омыли от крови,
К членам могучим присохла она с доспехом и пылью,
После, омыв, погребальным покровом накрыли Аякса,
С Иды горы наносили бесчисленно в костер древесины
Юноши, труп обложив отовсюду, ее громоздили.
620 Множество бревен пошло на костер, и овцы бесчисленно,
Много прекрасных одежд, и немало быков наилучших,
Так же и кони Аякса, что ног быстротою блистали,
Золота яркого много, бесчисленно вражьих доспехов,
Снятых своею рукою блистательным мужем с убитых,
625 Дивный, прозрачный янтарь – о нем существует поверье,
Будто им сделались слезы, что пролили Гелия дочери,
Бога всезрящего, в пору, как плакали в скорби великой
По Фазтону, что умер, сгорев близ реки Эридана, –
Гелиос в почесть бессмертному сыну в янтарь обратил их,
630 Дивный янтарь, что для смертных мужей драгоценней бальзама,
Даже его положили в костер погребальный данайцы
С самого верху, желая почтить после смерти Аякса,
Славного мужа, а рядом с великими стонами клали
Кость дорогую слоновую, из серебра украшенья,
635 Множество амфор, наполненных в край дорогим благовоньем,
Великолепные вещи, предметы большого богатства.
Вот запалили огромный костер – дуновением с моря
Мощно дохнуло – его ниспослала богиня Фетида,
Дабы быстрее горела Аяксова сила – до утра,
640 Ночь напролет, при судах колыхалось при веянье ветра
Мощное пламя, подобно тому, что перуны Зевеса
Высекли мощно, сразив Энклада, загнав его в море,
Прямо под остров Тринакию, весь запылавший пожаром,

645 Столь же великий костер пожирал Гераклесово тело,
Хитрыми кознями Несса свершилось ужасное дело.
Эта гора, на которой себя предавал он сожженью,
Вопль исторгала, когда его дух примешался к эфиру,
Мужа покинув великого – был он богам сопричислен,
Тело ж, принявшее подвигов столько, в земле схоронили.
650 Так и Аякс возлежал на костре, позабыв о сраженьях,
В полном доспехе военном. А войско безмерно скорбело
На берегу, и ахейское горе троян веселило.
Вот наконец погребальный костер поглотил его тело.
Стали огонь затушать, заливая вином – в золотую
655 Урну собрали останки его – и курган высочайший
Сами ахейцы воздвигли Аяксу на бреге Ройтейдском.
После сего разошлись они все по судам быстролетным,
С сердцем тяжелым, ведь чтити Аякса они, как Ахилла.
Черная ночь наступила, что сон на людей напускает.
660 Тут они что-то поели и стали зари дожидаться,
Сияясь усталые вежды свои не смежать – ведь немало
Все они в сердце боялись, что после кончины Аякса
Теламонида им следует ждать нападения троянцев.

Шестая песнь

Эос, покинув поток Океана и ложе Тифона,
Вновь на великое небо взошла, разливая повсюду
Брызжущий свет – и тогда и земля засмеялась, и воздух,
Племя ж легко погибающих смертных к делам обратилось.
5 Всякий взялся за свое – а данайцы пошли на собрание –
Все, устремясь, потекли, – Менелай повелел им явиться.
Видя, что в лагерь уже сошлись все ахейские вои,
Встал посредине Атрид и к собравшимся речь обращает:
«Слушайте слово мое, цари, порожденье бессмертных!
10 Вот что сказать я хочу – душе моей нету покоя,
Гибнут, я вижу, народы, что ради меня принимают
Тяжкие муки в бою – и дом их родимый не встретит,
Мать не обнимут с отцом – поразила их участь от бога.
О, если б смерти десница схватила меня неотвратно,
15 О, если б сам я погиб до того, как собрались народы!
Ныне же бог наложил на меня постоянные муки –
Видеть бессчетные беды – и впрямь, для кого же отрадно
Столь продолжительный срок наблюдать бесполезные битвы?
Слушайте! Сколько осталось нас, все – на судах быстроходных
20 Каждый к себе, по домам, да отправимся без промедленья.
Нет Ахиллеса меж нас, погиб и Аякс многомощный,
Как же теперь нам без них от смерти спастись – и не знаю,
Все мы погибнем от дланей троянцев – и сам я причина,
Я да Елена, бесстыжая псица – теперь, как я понял,
25 Сколько вас гибнет в бою – и она мне уже безразлична.
Да пропади она вовсе с любовником вместе ничтожным!
Ведь у нее божество совершенно похитило разум,
Раз она бросить могла и дом наш, и брачное ложе,
Пусть же теперь пекутся о ней Приам и трояне!
30 Мы же скорей поспешим по домам – несказанно полезней
Страшной избегнуть войны, чем в ней безвозвратно погибнуть».

Рек он, пытая ахейцев, – на деле в душе его бурно
Сердце стучало, и ревность его распалась безмерно,
Жаждой троянцев сгубить, и стены градские разрушить
35 До основанья, и досыта кровью упиться в сраженьи,
Смерти предав Александра Париса с другими врагами –
Ревности более жгучей ни в ком никогда не вскипало.
Так Менелай, разжигая, сказал и уселся на место.
Тут потрясатель копья, Тидид, на средину выходит –
40 С бранью кидается он на Атрида, питомца Арея:
«Ах ты, трусливый потомок Атрея! Чего задрожал ты?
Смеешь вести ты подобные речи в собраньи аргивян,
Словно дитя иль жена! Может, сила в тебе поиссякла?
Нет! Не пойдут за тобой аргивян сыны боевые!»
45 Прежде сравняем с землей троянские мощные стены!
Смелость в почете у смертных, а бегство меж ними позорно.
Если хоть кто-то из них посмеет тебе подчиниться –
Тотчас главу отсеку своим потемневшим железом,
Тело же брошу в добычу пернатым, ширяющим в небе.
50 Лучше подумать о том, что дух у мужей поднимает,
Ныне прикажем-ка всем при судах заниматься делами –
Копья острить, и прочий доспех подготовить к сраженью
В должном порядке, и пищу себе и коням изготовить.
Кони ведь наши готовы всегда устремиться на битву, –
55 В поле же брани Арес отличает того, кто быстрее!»
Рек Тидид Диомед и уселся на прежнее место.
После него Фесторид начинает вещать, поместившись
В центре, на месте, где следует всем выступать на собраньи:
«Слушайте, милые дети аргивян, могучих в сраженьи!»
60 Я возвещу вам теперь предсказанье неложное бога –
Я уж и прежде вещал: на десятом году воеванья
Град Илион мы возьмем – и сие исполняется ныне
Волей богов – и победа уже под ногами ахейцев.
Ныне давайте скорей снарядим к отплытью на Скирос

- 65 Черный корабль, и пошлем Лаэртида с Тидеевым сыном,
Пусть привезут нам оттуда могучего сына Ахилла,
Уговорив нам помочь – для всех это будет спасеньем!»
Рек Фесторид многоумный Калхас – и народы вскричали,
Радуясь, громко, и каждому в сердце проникла надежда, –
- 70 Верили слову Калхаса, что он произнес перед всеми.
Тут Одиссей Лаэртид обращается с речью к ахейцам:
«Други! Теперь неуместно пускаться в пространные речи
Здесь, перед вами, – устали вы все и подавлены скорбью.
Знаю ведь я – утомленным не мил ни речистый оратор,
- 75 Ни сладкогласный певец – Пиэрид бессмертных любимец.
Любо тогда для людей короткое, сжатое слово.
Ныне свершим же мы дело, что всем по душе аргивянам –
Лучше всего, если я это сделаю вместе с Тидидом.
Мы с Диомедом пойдем и воинственного Ахиллесса
- 80 Мощного сына сюда приведем, уговором склонивши,
Если удерживать мать его станет в дому, причитая,
Мы переманим его – у родителя столь боевого,
Сердце мне верно вещает, и сын небывало воинствен».
Рек Одиссей – и ему Менелай отвечает разумно:
- 85 «О Лаэртид, о великий оплот многомоощных ахеян!
Если б со Скироса к нам могучего отпрыск Ахилла
Мощный явился – и дали б нам боги, живущие в небе,
В землю Эллады вернуться, с победой для всех вожденной,
Я бы тогда предоставил в супруги ему Гермioniу,
- 90 Деву, известную всем, благомысля к нему, и, конечно,
Много богатства при ней. Полагаю – с такою женою,
Впрочем, и с тестем таким не откажется он породниться».
Так говорил Менелай, и данайцы одобрили слово.
- 95 Завтрака жаждали все – ведь пища есть сила людская.
После того, как они насладились обильной едою,
Тотчас тогда Одиссей вместе с сыном разумным Тидея

- Стали свой быстрый корабль готовить к выходу в море,
Без промедленья еду и другое, что надо, грузили,
100 Сами взошли, и при них еще двадцать мужей отправлялось,
Сведущих в деле гребцов, что умеют и в сильную бурю,
И при безветрии полно корабль продвигать по пучине.
Вот по скамьям корабельным, прилаженным крепко, расселись,
Стали гребцы ударять по волнам – белоснежная пена
105 Тут же вскипела под веслами, влажный их путь обозначив.
Судно летело вперед, и в поте гребцы напрягались,
Словно быки, что под игом своим с непомерным усилием
Тащат вперед, упираясь, повозку, груженную тяжко,
Оси колесные громко трещат от огромного веса,
110 Тянут быки, напрягаясь, по шеям крутым им на плечи
С той и с другой стороны потоками пот истекает,
Землю кропя – вот так же трудились при веслах огромных
Юноши – судно проворно по шири морской продвигалось.
Взором его провожали другие ахейцы, а после
115 Принялись копья и дроты острить для грядущего боя.
В граде своем трояне отважно готовились к битве,
Жаждали боя они – и молитвы к богам обращали,
Чтоб от убийств отдохнули и отдых от битвы вкусили.
Им, в исполнение желаний, бессмертные помощь послали –
120 Прибыл суда Эврипил, Геракла могучего отпрыск,
С ним и огромное войско, умелое в деле военном,
Все обитали они близ Каика длинных потоков,
Ныне под Трою пришли, на оружие свое полагаясь.
Чада троянцев безмерно радостью возликовали.
125 Словно домашние гуси, что заперты в тесном загоне,
Видя, что входит к ним тот человек, кто их кормит обычно,
Радостный гомон поднимают, ласкаются, машут крылами,
Так ликовали и Трои сыны при встрече с могучим
Сыном Геракла – и он веселился отважной душою,

- 130 Видя их радость – и жены из окон высоких глядели,
Дивному мужу дивясь – выделялся ведь он среди войска,
Будто бы лев меж шакалов, бродящий по склонам лощины.
Принял Парис Эврипила и Гектору чтил его равным.
Был он двоюродным братом и отпрыском общего рода,
135 Ведь Эврипила Приама сестра родила, Астиоха,
В крепких объятьях смешавшись с Телефом, которого Авга,
Нимфа о дивных кудрях, родила самому Гераклесу,
Мощному мужу, тайком от отца своего, а ребенка –
Был он малюткой еще и нуждался во млеке, конечно, –
140 Быстрая лань воспоила своим молоком, и любила
Как олененка родного его, по велению Зевса:
Гибели жалкой Зевес не желал для потомка Геракла.
Славного сына его Парис с величайшей охотой
К дому повел своему по стогнам просторного града.
145 Гекторов дом миновали, прошли Ассарака могилу,
Храм Тритониды блестящий, а рядом, со Храмом, жилище
И непорочный алтарь Геркея, Оградного Зевса.
Тут расспросил Эврипила о братьях, родителях, близких
С полным вниманьем Парис, – да и сам рассказал ему много –
150 Так вот, беседу ведя, и шли они вместе, и вскоре
В дом они входят большой и богатый, а там восседает,
Словно богиня, Харитам подобная видом Елена.
Рядом с царицей четыре служанки сидят за работой,
Не было прочих рабынь в покое блестящем, но в доме
155 Заняты были они, исправляя, что должно служанкам.
На Эврипила Елена в большом изумленьи взирает.
Он на Елену дивился – и словом привета друг с другом
Тотчас они обменялись в покоях его благовонных.
Тут служанки поставили два близ Елены сиденья,
160 С нею воссел Александр, Эврипил – к Александру поближе.
Тою порой троянцы пред городом ставили лагерь,

Там, где стояли могучие стражи Троянского града,
Быстро доспехи на землю сложили, коней распрягли –
Кони от прошлого боя еще не вполне отдышались,
165 Все им насыпали в ясли, что быстрых коней укрепляет, –
Ночь наступила меж тем, и земля, и эфир потемнели.
Трои сыны и кетейцы близ стен городских неприступных
Ужин вкушали и громко вели на пиру разговоры,
Шум поднимался ужасный, костры при палатках горели
170 Ярким огнем, раздавались громко напевы сиринги,
Звук тростниковых свирелей пронзительный всюду поднялся,
Слышался сладкий напев улаждающей душу форминги.
Сильно дивились агривяне, слышались им издалека
Музыка флейт и форминг, голоса, лошадиное ржанье,
175 Шум, что тогда пировавшие иль пастухи подымали.
Было дано приказанье тогда, чтобы каждый посменно
Нес караул при судах, до утра на посту оставаясь,
С тем, чтоб трояне, напав, поджечь корабли не сумели,
Те, что сейчас пировали как будто у стен неприступных.
180 Тою порой Телефид Эврипил в Александра чертогах
Пир пировал, восседая совместно с другими царями.
Сам Приам и другие преславные чада троянцев
Все, со своей стороны, пожелали, чтоб он поскорее
В битве аргивян поверг. И все обещал он исполнить.
185 Кончился пир, и народ по домам на покой разошелся.
Спальный покой отвели Эврипилу поблизости, в доме,
Дивно отделанный – там незадолго покоился ночью
Сам Александр боговидный с преславной супругой своею.
Был сей покой небывало красив и из всех наилучший.
190 Там-то и лег Эврипил. И все, опустившись на ложа,
Сну до утра предались, до Эос о троне прекрасном.
С первым лучем ее встал Телефид и отправился к войску
Вместе с другими царями, что были тогда в Илионе.
Тотчас народы поспешно в свои облачились доспехи,

- 195 Каждый хотел в нетерпении первым пуститься в сражение.
Сам Эврипил возложил на свои богатырские члены
Дивный доспех, что сверкал, словно молния, блеском ярчайшим,
Взял он и щит преискусной работы – на нем начерталось
Множество подвигов славных Геракловой силы отважной.
- 200 Вот, как живые, на нем шевелились, разинув ужасно
Страшные пасти свои, чудовищных пара драконов –
Сияясь удар нанести – но их, и того, и другого,
Маленький мальчик, Геракл, укротил, – ведь не ведали страха
Ум и душа у него с младенческих дней от Зевеса.
- 205 Мощью он был наделен, – никто из небесного рода
Быть бесполезным и робким не может – великая сила
Всех облакает от бога еще в материнской утробе.
Изображалась немейского льва непомерная сила –
Мощные длани Геракла огромного зверя сжимали
- 210 Крепко – и львиная пасть исторгала кровавую пену,
Морду ему заливая – казалось, уж он издыхает.
Рядом другая картина – на ней многоглавая гидра
Страшно разинула пасти и жалом грозила – и наземь
Пало уж несколько глав, но другие тотчас вырастали,
- 215 Несколько вместо одной – и трудились Геракл с Паламедом,
Мужем отважным, могучие оба бестрепетным духом:
Резал серпом искривленным один эти головы быстро,
Тотчас другой прижигал их мечем раскаленным – и вместе
Одолевали герои угрозы чудовищной гидры.
- 220 Изображалась затем кабана неборного сила –
С пеной на рыле – и нес к Эврисфею его, как живого,
Мощный душою потомок Алкея Геракл многосильный.
Изображалась искусно и лань быстроногая, та, что селянам
Страшный урон постоянно несла, разоряя их пашни.
- 225 Храбрый герой Геракл за рожки ее золотые
Крепко держал, а она выдыхала губительный пламень.

- Рядом – ужасные птицы, известные всем Стимфалиды,
Стрелами в прах повергал их герой, и одни издыхали,
Прочь устремлялись спасаться другие, скрываясь в тумане.
230 Гневаясь в сердце, стрелу за стрелой посылал в быстролетных
Птиц Стимфалийских Геракл, и казалось, спешил, торопился.
Изображались и стояла огромные Авгия – сделал
Мастер искусный на крепком щите и конюшни умело.
Смелый Геракл в эти грозные стояла проточные воды,
235 Их отведя от Алфея, направил – а нимфы дивились,
Труд наблюдая гигантский. Поодаль немного виднелся
Бык, изрыгающий огонь – ведь его, сколь ужасен он ни был,
Все же осилил герой, за крутые рога ухвативши,
Бык же уперся ногами могучими, силы напрягши.
240 Так и казалось, что рык его слышен. А рядом картина
Щит украшала другая: одетая, словно богиня,
Там Ипполита была – ухватил ее сильной рукою
Прямо за кудри Геракл, с коня-скакуна повергая,
Пояс искусный желая отнять, что ее опоясал.
245 В страхе поодаль стояли воительницы амазонки.
Были еще на щите Диомедовы страшные кони,
Те, что людей пожирали – ведь их при чудовищных яслях
Вместе с царем, замышлявшим худое, герой истребляет,
Было еще на щите Гериона огромное тело –
250 Он близ быков был убит, и, в пыли разметавшись, лежали
Головы, кровью сочась, отсеченные палицей мощной.
Тут же сраженный полег и пес препогибельный рядом.
Ортром его называли, и полностью был он подобен
Керберу, брату родному, – такое же чудище злое.
255 С ними полег Эвритион пастух, весь залитый кровью.
Изображались и яблоки там Гесперид золотые,
Так и сияли на ветке они – а под деревом простерся

- Замертво павший дракон – охранитель ужасный – сами ж
Девы от сына Зевеса огромного в страхе бежали.
- 260 Изображался и Кербер на этом щите преискусно,
Пес, на которого в страхе и вышние боги взирали,
В мрачной пещере близ Ночи жилищ породили Эхидна
С мощным Тифоном его – и у врат многослезных Аида
Толпища мертвых он гнал в туманную, темную пропасть.
- 265 Сын же Зевеса его без труда укротил, погоняя,
Вывел от Стиксовых вод о крутых берегах, и отважно
К новым местам потащил, хоть мотал он главой, упираясь.
Изображались еще на щите и кручи Кавказа –
Звенья цепи Прометеевой в пропасть летели глубоко,
- 270 Как разбивал ее Зевсов потомок – и тело титана
Освободил от оков – а орла, что терзал его страшно,
Насмерть пронзил, поразив его метко могучей стрелой.
Изображалась еще на щите возле Фолова дома
Мощная сила кентавров. Вино и огромная злоба
- 275 Выйти с Гераклом на бой побудили диковинных чудищ –
Многие, им сражены, полегли уж, руками сжимая
Древко копья – вспомогателя в битве, – от них в отдаленье
Прочие все еще бились еловыми копьями буйно.
Бой не кончали кентавры, хоть головы их заливала
- 280 Кровь, что лилась как по-правде у них в этой схватке свирепой,
С кровью мешаясь, вино пролилось, заливая закуски,
Чаши, столы, что для пира, точеные, ставлены были.
Чуть в стороне на щите и Несс-кентавр был показан,
С битвы хотел он сбежать, но его при потоках Эвпея
- 285 Все же Геракл застрелил за супругу любезную в гневе.
Изображалась еще и Антея могучая сила,
Всех он в борьбе побеждал, но его Геракловы длани
Подняли вверх, от земли оторвав, и сразили гиганта.
Изображался еще на щите и кит исполинский,

- 290 Близ Геллеспонта полег он, свирепый, сраженный стрелой,
Пущенной славным Гераклом, когда он спасал Гесиону,
Цепи ее разрубил и избавил от чудища злого.
Подвигов много еще и других, совершенным Алкидом,
Щит Эврипилов являл – несказанно великих деяний.
- 295 Сам Эврипил был подобен Арею, спешащему в битву,
И на него с ликованием троянские мужи взирали.
В бой ободряя его, Парис обратил к нему слово:
«Радостен твой мне приход! Упование сердце объяло –
Ныне погибнет все войско ахейское, все без остатка,
- 300 Вместе с судами своими – ведь мужа подобного прежде
Ни среди троянских сынов, ни среди войска ахейцев не зрели.
Ты же столь сходен с великим и мощным душою Гераклом,
Ростом огромным своим, красотой блестящей и силой!
Помня деянья его, что свершил он, преславнейший, храбро
- 305 Войску троян, изнемогшему в битвах, приди на подмогу!
Дай нам немного вздохнуть! Полагаю, тебе лишь под силу
Город наш, к гибели близкий, от Кер защитить многобедных!»
Так говорил, побуждая, Парис, Эврипил же ответил:
«Славный потомок Приама, собою подобный блаженным!
- 310 В лоне бессмертных богов пребывает, решенное твердо,
Кто среди тяжкого боя падет, а кто и спасется.
Смертным же, нам, подобает, как можем, – во всю свою силу
Град Илион защитить. Но одно обещаю, поклявшись –
С боя уйду, победив, и не раньше – иначе – погибну».
- 315 Рек он отважно, и радость большую троянцам доставил.
Тут Эврипил отбирает себе воителей славных,
То Александр был Парис и Эней с бестрепетным сердцем,
Полидамант, умелый копейщик, Паммонас преславный,
С ними пошел Деифоб и Этик – сей воин известный
- 320 Среди пафлагонцев блистал, выделяясь военным искусством –
Вражеский строй был способен сдержать, – таковые герои,

В первый поспешно продвинулись ряд Эврипилова войска.
Выйдя из града охотно, пылая к сраженью, за ними
Многие воины следом – подобно пчелиному рою,
325 С шумом, жужжаньем летящему вслед за своими вождями,
Славно построенный улей покинув, в весеннюю пору, –
Так и воители Трои вослед за вождями стремились.
Шум поднялся несказанный до самого вышнего неба
Топот и ног, и копыт, и грохот доспехов с оружием.
330 Так вот бывает, когда воздвигается страшная сила
Ветров морских, и она, будоража морские пучины,
Прямо до самого дна приводит в движение воды,
Черные волны бесплодного моря несутся на берег,
С шумом немолчным дробясь, изрыгают морские растенья,
335 Грохот и рев бесконечный над берегом диким несутся,
К Трое с другой стороны аргивяне хлынули – вел их
В бой Агамемнон пресветлый, и крик поднимался великий –
То ободряли друг друга народы ахейцев к сраженью,
Дабы никто не страшился погибельной битвы, не трусил
340 Перед угрозой врага, у судов оставаясь во страхе.
Жадно стремились ахейцы сойтись поскорее с врагами,
Словно спешили телята к коровам из леса в загоны
Или же с горного дуга, где вешней порой выпасались
Средь зеленеющих пашен и полных цветенья лужаек,
345 В пору, как полнит ведерки коровье и овчье млеко,
И раздается и здесь, и там протяжно мычанье
Спаренных крав и быков – на сердце у пастыря сладко –
Так, поднимая чудовищный шум, друг на друга стремились
Вражьи войска, и с обеих сторон были страшные крики.
350 Вот завязалась бескрайняя битва. Смятенье воздвиглось,
Стало носиться оно по рядам с кровавым убийством.
Вот в рукопашную сшиблись щиты и копья, а шлемов

- Пламени вспышкам подобно блестящая медь засверкала,
355 Черную землю покрыла, струясь на убитых героев,
Из быстроногих коней, что среди колесниц упали,
Те, пораженные в спину, в предсмертном трепете бились,
Те – полегли, сраженные в грудь, и вопли вздымались.
В медь облачившись, вражда объяла противные войска,
360 Кто-то уже воевал, меча в противников камни,
Кто-то и дроты пускал, и тонкие острые стрелы,
Вот и ножами дрались, топорами двуострыми также,
В дело пошли и мечи, и остроги для ближнего боя,
Всяк как умел, находил себе нужное в битве подспорье.
365 Войско аргивян вначале фаланги троян потеснило,
Малость прогнав от себя, – но трояне ответным ударом
В натиске кровью Арея вспоили, напав на аргивян,
Будто бы черный смерч, меж них Эврипил выделялся,
Смело аргивян разил он, по фронту всему нападая,
370 Зевс в сей день, уважив великую славу Геракла,
Силу вселил в Эврипила ужасную неодолимо.
Тотчас Нирея поверг он, подобного видом бессмертным –
Он нападал на троян, Эврипил же, копьем замахнувшись
Длинным своим, языка повыше уметил Нирея.
375 Пал он на землю, и хлынула кровь, заливая доспехи,
Лик заливая прекрасный его и пышные кудри.
Лег он во прахе, в крови, средь мужей, убиенных в сраженьи,
Пал он, как хрупкий маслины побег, возросший на бреге,
В полном цвету, внезапно размытом шумливой рекою,
380 Рушится с почвою вместе, лишь корни торчат из разлома,
Древо ж, цветами покрытое густо, волны уносят.
Так же, в полном цвету, упал на широкую землю
Телом прекрасный Нирей, красотой молодою блиставший.
И над поверженным рек Эврипил, издеваясь, хвастливо:

- 385 «Ныне во прахе лежи, завлекательный вид не поможет
Боле тебе, как того ни желай! Ты хотел защититься,
Смерти уйти, но тебя все равно отрешил я от жизни!
Жалкий! Неужто не видел, что вышел сражаться с сильнейшим,
Ведь в поединке военном краса не равняется с силой!»
- 390 Рек Эврипил и славный доспех убитого мужа
Взять потянулся уже, – тогда Махаон выступает
Мстить за Нирея, но ждет его в скорости близкая участь.
Скорбь приносящим копьем Махаон поразил Эврипила
В правое рамо широкое, хоть и могуч был противник.
- 395 Брызнула кровь, но не сим завершил Эврипил поединок,
Нет, как бывает в горах или лев, иль кабан среди ловчих
Буйствует яро, пока не уложит охотника-мужа,
Первым нанесшего рану из всех, кто его окружили, –
Так вот, как раненый зверь, Эврипил Махаону навстречу
- 400 Кинулся быстро, и ранил огромным копьем претяжелым
В правую мышцу его ягодичную. Тот не уходит –
Нет, не бежит от него Махаон, истекающий кровью, –
Он неожиданно камень огромный руками хватает
И Телефиду, великому духом, на голову мечет.
- 405 Выдержал шлем и отвел от героя плачевную гибель
И оглашенное стоном убийство. Лишь пуще взъярился
Мощной душой Эврипил на мужа, отважного сердцем.
Грудь Махаону немедленно пикой насквозь он пронзает,
Вышел ее наконечник в спине, запачканный кровью.
- 410 Рухнул герой, словно бык, кого львиные челюсти сжали,
Переливаясь, доспехи с падением тела взгремели,
Вынул копье Гераклид тотчас же из тела героя,
В ранах ужасных, и громко сказал Эврипил, похваляясь:
«Жалкий! Отвага к уму у тебя не прилажены, видно.
- 415 Ты, никудышный боец, пошел на сильнейшего мужа.
Демон злосчастной судьбы помрачил тебе, видно, рассудок.

- Вот она, помощь твоя – лежишь среди бранного поля,
Будущей пищей для птиц. И теперь ты еще уповаешь
Выйти из боя, избежать и силы моей, и десницы?
- 420 Ты врачеватель и ведаешь многие сильные средства.
Может, ты думал, что с ними избежешь ты смертного часа?
Ныне уже не спасет тебя сам обитатель Олимпа,
Твой родитель не сможет у смерти отнять твое сердце,
Если бы даже нектар и амброзию лил на тебя он».
- 425 Рек, и на это ответил ему Махаон еле слышно:
«Жить и тебе, Эврипил, уже остается недолго.
Гибель несущая Кера твоя за тобою, и скоро
Ты на троянское поле падешь, где кощунствуешь ныне».
Молвил и дух испустил, отправляясь к пределам Аида.
- 430 Но продолжал к неживому ему Эврипил свои речи:
«Вот и лежи под землей. А меня не заботит нисколько,
Что ни грядет – даже если уже под моими ногами
Гибель и день мой последний, – ведь вечно мы, люди, не будем
Жить на земле, и когда-то над каждым свершается участь».
- 435 Рек и ударил по мертвому телу. А Тевкр, как увидел
Труп Махаона во прахе, вскричал – от него в отдалении
Бился он храбро весьма – ведь Вражда среди воев кружилась,
Шли друг на друга стеной, – но тут не оставил небрежно
Тевкр убиенного мужа, прекрасного видом Нирея –
- 440 Он недалече лежал – но замечен был позже, а прежде
Тевкр углядел, что лежит Махаон, распростертый во прахе.
Зычно тогда он вскричал, поскорей призывая аргивян:
«Эй, поспешите сюда! Не подпустим врагов, не уступим!
Будет ахейцам позор несказанный, когда мы позволим,
- 445 Чтоб Махаона прекрасного с дивным красою Ниреем,
В Трою вернувшись, враги-илионцы с собой притащили.
Ныне давайте, ахейцы, сразимся, со всем нашим пылом,
Мертвых своих отобьем, или сами за них и погибнем.
Людам Фемида сама законом своим повелела –

- 450 Надо своих защищать, и врагам не давать на добычу.
Смертным же славу стяжать не дано без соленого пота». Молвил,
данайцам же тяжело пока приходилось, и часто
Кровью сраженных Ареем земля обагрялась, – ведь гибли
Вои, сражаясь с обеих сторон, – ибо бились на равных.
- 455 Вот наконец, Подалирий увидел убитого брата
В прахе простертым – ведь сам он при быстрых судах оставался,
Чтоб исцелять получивших ранения в битвах ахеян.
В гневе за брата доспехи надел он, и страшная сила
Грозно в груди возросла, понуждая его поскорее,
- 460 Кинуться в бой, оглашаемый воплем и стоном ужасным,
Рвение к битве зажглось – и под сердцем жестоко и властно
Черная кровь закипела, и он на врагов устремился,
Быстрой рукою копье острожалое грозно потрясши.
Сразу же он поразил Агаместора славного сына,
- 465 Клита – его породила прекраснокудрая нимфа
Возле Парфения струй, что текут, как потоки елея,
К понту Эвксинскому плавно неся свои дивные воды.
Сверг Подалирий, за брата отмстив, и враждебного мужа
Ласса – Проная его родила, боговидная мать,
- 470 Возле Нимфея – реки, близ дивно просторной пещеры.
Стоит взглянуть на пещеру сию, ведь о ней говорится,
Будто святилище в ней помещается нимф пафлагонских,
Тех, что близ круч пафлагонских живут и близ Гераклеи,
Славной своею лозой. И поистине эта пещера –
- 475 Место богов: невозможно простор ее взором окинуть,
И чрез нее протекает вода чистейшим потоком,
Что холодна словно лед. А в нишах пещеры угрюмых
Выступы скал как столы, а на них, будто чаши, кратеры
Тоже из камня, но мнится, – то дело рук человека,
- 480 Кажется, будто поблизости нимфы прелестные с Паном, –
Гладкие есть там станки, веретена и много другого,

Что сотворяется смертными – вот что за дивное диво
Взорам людей предстает, сию посетившим пещеру.
В глубь же ее ведут два входа, два разные спуска,
485 В сторону шумного ветра Борей один обращенный,
К Ноту повернут другой, дождей приносящему влагу.
Первый в пещеру богинь открыт для смертного люда,
Но для блаженных – второй, не пройти по нему человеку –
Здесь зияет во мраке широкая страшная пропасть –
490 Дно ее прямо во глубях бездушного Аидонея.
Только блаженным позволено в глуби заглядывать эти.
Многие пали с обеих сторон в упорном сраженьи,
Трупы стремясь захватить Махаона и сына Аглаи,
Все же данайцы отбили своих, претерпевши немало,
495 Трупы затем к кораблям понесли уцелевшие вои,
Мало их было – ведь всех остальных сковала погибель
В схватке жестокой, – но все совершили, что долг повелел им.
Вот напились уже вдосталь свирепые черные Керы
Крови людской среди смертного боя, несущего горе.
500 Тут наконец, устремились аргивяне многие в бегство,
Мчались к судам, Эврипил же их гнал и косил, нападая.
Только немногие в битве еще оставались с Аяксом
И при Атридах, но вскоре и те полегли бы на поле,
Пали б от вражьей руки в сумятице этого боя,
505 Если бы сын Оилея премудрого Полидамаса
В правое рамо не ранил, совсем от сосца недалеко.
Кровь потекла – и Полидамас отступил понемногу.
Славный Атрид Менелай раненье нанес Деифобу
В правый сосок – но его унесли его быстрые ноги.
510 Славный Атрид Агамемнон сражает огромные толпы
В полчище яром врагов – и вот он на Этিকা мчится,
Грозно копьем потрясая – но тот за друзьями укрылся.

Тут Эврипил, спаситель народа, приметил, что войско
В битве теснят, и оно отступает, терпя поражение.
515 Тотчас же бросив ахеян, которых к судам отгонял он,
Быстро помчался, пылая напасть на могучих Атридов
И Оилеева сына, что в беге всегда отличался,
В деле же бранном того еще более был он полезен.
Мчался на них Эврипил, копьем угрожая огромным,
520 Следом за ним поспешали Парис с благородным Энеем.
Тут неожиданно мечет Эней в Оилида Аякса
Камень огромный – и в шлем попадает – Аякс растянулся
В пыль, но душа не исторглась, ведь день его смертный настанет
Лишь при возврате домой, вблизи Кафарийских утесов.
525 Ныне ж его, что едва лишь дышал, подхватили, подъяли
Слуги, любимцы Арея, к ахейским судам потащили
Тут уж пришлось отступать и Атридам – царям многославным,
Их отовсюду толпа неприятеля плотно обстала,
Все в них стреляли, и было возможно схватить их руками.
530 Стрелы со свистом летели дождем, и падали камни,
Многие дроты летели, – Атриды же, заперты в центре,
Лишь успевали от них уклоняться – совсем как бывает,
Если хозяин жестокий людей запирает в загоне,
Львов выпуская туда иль больших кабанов, уготова
535 Лютую смерть для людей от когтей и пастей звериных.
Страшно кидаются звери на всякого, кто попадетсЯ,
И загрызают, и рвут, и терзают рабов за оградой.
Так же Атриды на всякого, кто приближался, кидались,
Но не достало бы силы у них, сколь они ни пылали,
540 Всех отразить, но Тевкр подоспел и Фоант с Мерионом,
С ними был Идоменей с Фрасимедом, бессмертным подобный.
Всех устрашала, конечно, ужасная мощь Эврипила,
Вспять к кораблям побежали б они, несомненно, спасаясь,
Но не посмели, Атридов боясь, и схватка вскипела.

- 545 Тевкр, знаменитый копейщик, Энею во щит загоняет
Мощным ударом копье, но задеть его тело не смог он –
Щит, что четырежды кожей покрыт, беду отражает.
Все же Эней, содрогнувшись, назад поскорей отступает.
Тут Мерион подлетел к беспорочному сыну Пеона
- 550 Лаофоонту – его Клеомеда, чьи локоны пышны,
В свет извела возле Аксия вода, – к Илиону святому
С Астеропеевой ратью пришел он троянам на помощь.
Ранит его Мерион, над срамными частями уметив,
Внутренность чрева копье извлекает – и тотчас слетает
- 555 Дух Пеонида во мрак, к беспросветному царству Аида.
Тут Алкимед, сподвижник в бою Оилида Аякса,
Камень быстро метнул, умело вращая пращою,
Камень, несущий погибель, в отряд могучих троянцев,
В самую гущу врагов, столпившихся в схватке кровавой.
- 560 Кинулись все врассыпную, заслышавши свист и завидев
Камень летящий, что гибель принес вознице Паммона,
Храбрый упал Гиппасид, – его, что правил конями,
Камень ударил в висок, и он с колесницы свалился,
Пал под колеса ее, отпрянули кони в испуге
- 565 И повлекли колесницу назад, по простертому телу
Павшего их господина колеса прошли, и тотчас же
Смерть оковала его, кто и кнут свой оставил, и вожжи.
Скорбь охватила Паммона, к тому же нужда заставляла,
Дабы он сам, хоть и царь, теперь колесницею правил.
- 570 Тут бы, конечно, настал для Паммона и день его смертный,
Если б один из троян не успел средь кровавого боя
Все ж, в колесницу вскочив, взять вожжи, владыку спасая,
Ибо едва их держал он в руках, натрудившихся в битве.
Нестора отпрыск могучий пошел Акаманту навстречу,
- 575 Мужу, подобному богу, и ранил его под колено.
Боль этой пагубной раны смогла укротить Акаманта,

Он отступает из строя, оставив друзей средь смятенья,
Полного стонов и слез, – самому-то ему не до боя.
Тут помощник один Эврипила, преславного мужа,
580 Ранит в бою человека, что бился в дружине Фоанта.
Чуть пониже плеча проникло копье и достигло
Сердца почти – и немедля потоками кровь заструилась,
Члены покрылись потом холодным, назад повернул он,
Думал спастись, но ему Эврипилова мощная сила
585 Ноги тотчас подсекла, и они, непослушные, стали
Там, где удар получил он, и век его дивный пресекался.
Тотчас Париса Фоант, напав, копьем поражает,
В правое ранит бедро, но Парис отступает немного,
Хочет нацелить свой лук, что висел у него за плечами.
590 Идоменей же, что силы достало, подняв преогромный
Камень, метнул его, в руку попав Эврипила – роняет
Тот от удара копье смертоносное, чуть отступает,
Чтобы другое копье получить и назад возвратиться, –
Только тогда отдышались от боя слегка и Атриды.
595 Быстро прислужники тут к Эврипилу с копьем подбегают,
Несокрушимым копьем, подкосившим у многих колена.
Принял его Эврипил и опять устремился, бушуя,
Всех убивать, кто ему попадался, и многих сразил он.
Тут ни Атриды, ни кто-то другой из отважных ахеян
600 Больше стоять не могли – охватил их неистовый ужас.
Каждому гибелью был Эврипил, что на них ополчился.
Сзади преследуя их, он разил и разил, догоняя,
Словом таким ободрял он дружину свою и троянцев:
«Други, вложите же в грудь себе дерзкую смелость, давайте
605 Бойню данайцам устроим, воздвигнем им черную Керу!
Ныне глядите, – как овцы бегут они, бегству предавшись,
Прямо к своим кораблям. Так вспомним же наше искусство

- Пагубной битвы, которому сызмальства нас обучали!>
Рек, и по слову его на аргивян они устремились
- 610 Скопом, и те понеслись из сумятицы страшного боя
В страхе, а следом – враги, как собак белозубая свора
Мчится оленям во след на охоте, сквозь чащу лесную.
Многих повергли во прах, хоть они и пытались избегнуть
Стоном овейной смерти при кликах погибельной брани.
- 615 Буколиона убил Эвришил, беспорочного мужа,
Несса, Антифа и Хромия – первые жили в Микенах,
В Лакедемоне вторые, однако, имели жилища, –
Столь многознатных мужей отрешил от доспехов и жизни.
Неисчислимо огромно число Эврипилом сраженных.
- 620 Если бы я возжелал убитых воспеть поименно,
Силы б моей не достало, хоть будь моя грудь из железа.
Храбрый Эней поразил Антимаха, а с ним и Ферета,
С Идоменеем совместно из Крита герои явились.
Светлый Агенор сразил беспорочного Молона насмерть.
- 625 Он со Сфеленом-царем из Аргоса прибыл под Трою.
Был позади убежавших Молон, и в правую ногу,
В нижнюю голени часть попал Агенор, уметив
Дротом, недавно востренным, и врезалось лезвие в кожу,
Прямо прошло сквозь нее, и кости ноги раскололись
- 630 Страшно, и с болью смешалась смерть, и мужа не стало.
Тут же Парис Мосила пронзил и отважного Форка,
Братьями были они и с Аяксом пришли с Саламина
На кораблях, но обратно уж им никогда не вернуться.
Так же сражает Парис Клеолая, Мегетова друга,
- 635 Прямо под правый сосок он уметил его, и тотчас же
Черная ночь охватила того, и душа отлетела,
Сердце ж пока колотилось предсмертно, мучительно часто,
С ним оперенье стрелы колебалось, когда умирал он.
Новой стрелой поразил он отважного Ээтиона –

Квинт Смирнский

- 640 Медный ее наконечник вонзается в челюсть героя,
Громко герой застонал, и слезы смешались с кровью,
Так истребление шло, и широкое поле покрылось
Трупами павших аргивян, что толпами падали наземь.
Тут бы, пожалуй, трояне поджечь корабли ухитрились,
645 Но ниспустилась внезапная ночь, и воздух сгустился.
Прочь Эврипил отступил от судов, с ним другие трояне,
Встали они недалеко от них, у вод Симоента,
Лагерь разбили, ликуя. А возле аргивской стоянки
Плач несказанный звучал – на песок упали ахейцы,
650 Бились, рыдая о павших, – ведь ныне их сгибло несчетно,
Множество пало во прах, сраженное участью черной.

Седьмая песнь

Небо попрягало звезды, и тьма отступила ночная,
Эос-Заря поднялась и ярко для всех засияла –
Тотчас одни из ахейян, пылая Ареевым рвением,
Кинулись вновь воевать с Эврипилом, вперед устремившись
5 Прочь от судов, а другие остались на месте стоянки.
Дело их было – обряд погребенья свершить Махаону
Вместе с Ниреем, что равен был вышним богам красотой
Дивной своей, а вот воинской силой большой не блистал он –
Боги не всем, что равно совершенно, людей наделяют –
10 Так уж бывает, что рядом с прекрасным живет и худое,
Вот и владыка Нирей, наделенный красой несравненной,
Был как воитель – ничто. Но данаи его не презрели,
С должным почтением его погребли и оплакали горько
Равно с самим Махаоном, кого как бессмертного бога
15 Чтили всегда, столь великим умом Махаон выдавался.
Хоть и разнились герои, курган им насыпали общий.
Тою порой бушевал погубитель Арей на равнине,
Рати враждебные скрежет и крик поднимали безмерный,
С грохотом падали камни и острые копья стучали –
20 Яростно бились бойцы в многотрудном Ареевом деле.
Лишь Подалирий, простершись во прахе, рыдал беспрестанно,
Не прикасаясь к еде, лежал на могиле у брата,
Мыслью одной обуянный – он жаждал скорейшей кончины.
Руки хотел на себя наложить Подалирий от горя:
25 То рукоятку меча он сжимал, то смертельного зелья
Было пытался испить – но друзья, удержав, не давали.
Все утешали его, а сердечная боль не стихала.
Так бы себя, несомненно, сгубил он своими руками
Здесь же, на свежей могиле безмерно любимого брата,

- 30 Если бы Нестор Нелид не прослышал об этом – и старец
В горе его не оставил. К нему подошел он поближе –
Тот на могиле лежал без движенья, ее обнимая,
Только порой посыпал землю главу иль жестоко
В грудь себя горестно бил, выкликая любимое имя
- 35 Милого брата — вокруг же, столпившись, друзья и дружина
С плачем стояли, и всеми владело жестокое горе,
Нестор тогда обращает к страдальцу слова утешенья:
«Воли, дитя, не давай ни воплям, ни тягостной скорби!
Муж благородный не должен – нисколько ему не пристало –
- 40 Горе по-женски свое выражать, на могиле простершись.
К свету его не вернуть – уже улетела на воздух,
Став невидимкой, душа, а тело его истребилось
В пламени жарком костра, и земля поглотила останки.
Сгнуло все, что цвело. Но крепись в этом горе безмерном!
- 45 Ты на меня посмотри – свое выношу я несчастье,
Хоть и утратил я сына, что был Махаона не хуже –
Пал он в бою от врагов. Другого такого не сыщешь
Юноши, кто бы отца почитал и любил, как меня он.
Он и погиб за меня, родного отца защищая
- 50 В битве, однако же я, и утратив его, не гнушался
Пищи вкушать и, покуда живой, на зарю любоваться, –
Я хорошо сознавал, что все мы, смертные люди,
Общей дорогой к Аиду пойдем, ведь для всех нас положен
В горестях наших предел, и должно, коль скоро мы смертны,
- 55 Все выносить, что бог ни пошлет – и радость, и горе».
Молвил. И старцу на это сказал Подалирий печальный
(Слезы текли у него, увлажняя прекрасные щеки):
«Отче! Не в силах унять я кручину, что сердцем владеет,
Скорбь по премудрому брату! Ведь он возрастил меня, словно
- 60 Сына родного, когда удалился родитель на небо.
Брат мой в объятых своих возледелял меня и премудрость

В деле целенья внушил, обучая от чистого сердца.
Все было общим у нас – и стол, и единое ложе,
И сообща наслаждались всегда достоянием нашим.
65 Вот и крушит меня скорбь несмягчимо. Без милого брата
Я не желаю взирать на сияние белого света!»
Рек. И на это страдальцу отвечивал старец почтенный:
«Бог наделяет людей одинаковой мерой сиротства,
Поровну всех, и покроеет земля одинаково всех нас.
70 Мы совершаем свой жизненный путь по разным дорогам,
Но никому не дано пути, что себе он желал бы.
В высях, на лоне у Мойры-богини покоится наше
Благо и зло вперемешку – и даже бессмертные боги
Зреть их не смеют – лежат они, скрыты глубоким туманом.
75 Мойра одна их руками берет и бросает, не глядя,
Вниз, на землю с Олимпа – и носятся, ветру подобно,
Зло и добро по земле, и, бывает, достойному мужу
Часто большая беда выпадает, ничтожному – счастье,
Хоть и не чают того эти люди. Ведь жизнь человеков
80 Вся такова, и бывает она и кривой, и неровной.
Гладко по ней не пройти – без конца спотыкаются ноги,
Всюду препоны, и облик у жизни всегда переменчив,
То все – на злую беду, а то неожиданно к счастью.
Жизнь из начала в конец пройти в совершеннейшем счастье
85 Нам никому не дано – то одно, то другое мешает.
Жить же, скорбям предаваясь, не должно – ведь век наш недолог,
Надо на лучшее нам уповать постоянно, а горем
Душу себе не терзать. Ведь как у людей говорится –
Добрый на небо идет и там пребывает вовеки,
90 Злой же повержен во мрак. Так что же с твоим стало братом,
Ключам столь добрым, ктому ж – порожденьем бессмертного бога?
Думаю, он несомненно с богами, – раденьем отцовым».
Рек, и с земли Подалирия против желанья подьмет
Нестор и, словом его утешая, ведет от могилы

- 95 Прочь – и пошел Подалирий, еще сотрясаясь в рыданиях,
Так и пришли к кораблям. А другие ахейские вои
Бились с троянской ратью в боях, что вспыхнули снова.
Неукротимо пылая душою, подобный Аресу,
Вражьи полки сокрушал Эврипил и копьем, и руками,
100 Что незнакомы с усталостью – горами трупы валились.
Вот и земля застонала под страшною тяжестью мертвых –
Но Эврипил, устремляясь по трупам, сражается храбро.
Кровь уж его залила, обагрив и руки, и ноги,
Он же никак не кончает своей истребительной сечи.
105 Вот Пенелая сразил Эврипил, могучего духом, –
Тот в поединок вступил с ним жестокий, и прочих героев
Также немало убил, но рук не насытил убийством.
Яростью пыла, теснил он аргивян, как в прежнее время
Мощный Геракл кентавров теснил на высоких вершинах
110 Фоловых гор, и душою своей разгулявшись могучей,
Всех до единого их перебил, хоть быстры они были,
Мощи великой полны и в гибельной битве искусны.
Так и герой Эврипил данайских копейщиков войско
Рушил, напав, и данаи, кто где, неисчетной толпою
115 Горами падали в пыль и заполнили бранное поле,
Словно разлив полноводной реки, что в месте песчаном
Брег размывает – и рушится он огромною глыбой
С той и с другой стороны ее русла, – и катятся волны
Далее в море, клокочут и пенятся, бурным потоком
120 Берег высокий крушат и ломают любые преграды –
Так же крушил Эврипил отважных потомков Арея,
Славных в сраженьях ахейян, и много их пало, простершись
В прахе, кого он догнал в этой сече кровавой –
Те лишь сумели спастись, кто на силу в ногах положился,
125 Но Пенелая ахейцы сумели исторгнуть из боя,
Взяли к своим кораблям – унесли их проворные ноги,

- Кер помогли избежать смертоносных и Участи страшной.
Кинулось войско к своим кораблям – никому не хватило
Более духа вести этот бой, с Эврипилом сражаясь.
- 130 Это Геракл послал им такое злосчастное бегство,
Внуку родному придав необорно могучую силу.
Прячась за стены своих укреплений, ахейцы дрожали
В страхе, как овцы, когда обдающие хладом порывы
Ветров студеной приносят и град, и снежную бурю,
- 135 Прячутся, встав за скалой, хоть на пастбище хочется к пище,
И не выходят за выступ горы, что их прикрывает,
Но терпеливо стоят, ожидая конца непогоды,
Сбившись в огромное стадо, в долине кусты объедают
Плотной толпой, покуда не стихнет свирепая буря, –
- 140 Так и данаи, под башнями стоя своими, дрожали,
Все поджидали они нападения Телефова сына.
Он бы, конечно, и войско сгубил, и суда уничтожил,
Но Тритогена аргивянам дух подняла, хоть и поздно.
Стали они беспрестанно со стен укрепления высоких
- 145 Быстрые стрелы метать во врагов, посылая погибель.
Били они нападавших – со стен смертоносные камни
Сыпались градом, – и громкие стоны неслись погибавших.
Стало быть, день и ночь напролет беспрестанно сражались
Трои сыны и кетейцы с данайцами, сильными в битвах.
- 150 Битва велась без конца то близ стен протяженных стоянки,
То у самих кораблей, но вот, наконец, порешили
На двое суток враги от битв и убийств воздержаться, –
Это посольство данаев пришло попросить Эврипила
Битву на время прервать, дабы им даровалась возможность
- 155 Павших в сражении бойцов положить на костер погребальный.
Тотчас согласие дал Эврипил, и, прервав истребление,
Стали противники мертвым своим, что лежали во прахе,
Должным порядком справлять погребение. Ахейские мужи
Горше других Пенелая оплакали – холм надмогильный

- 160 Выше и шире других на память потомкам воздвигли,
Против него погребли они множество прочих героев,
Павших в бою, и оплакали их с величайшею скорбью, –
Их они разом на общий костер положили, а после
Общий курган сотворили для них. А трояне отдельно
165 Мертвых своих погребли. Но злая Эрида не стихла,
Снова к сраженью зажглась Эврипила отважного сила,
В бой понуждая с врагами – и все близ судов он сражался,
Там оставался, биясь, разжигая данаев на битву.
К Скиросу тою порой пристали посланцы данаев,
170 Сына Ахилла нашли – тогда перед собственным домом
Он упражнялся, то острые стрелы и пики кидая,
То выезжая коней. И радостью сердце объялось,
Как увидали посланцы, что он занимался прилежно
Делом ужасной войны, хоть душа его скорбью терзалась
175 Из-за кончины отца – ведь недавно узнал он об этом.
Тотчас к нему устремились послы, изумляясь неложно,
Сколь на отца походил он отважного телом прекрасным.
Он же, завидя гостей, обращает им слово такое:
«Радуйтесь, добрые гости! Пришли – так пожалуйте в дом наш,
180 Молвите, кто вы, откуда, и что за нужда через глуби
Моря бесплодного вас привела повидаться со мною?»
Так спросил, и ему отвечал Одиссей боговидный:
«Знай же – друзья мы Ахилла, воителя, славного в битвах.
Ходит молва, что ему ты рожден Деидамией скромной.
185 Видим и сами – ты видом похож на великого мужа,
Он же во всем был подобен богам беспредельно могучим.
Я уроженец Итаки, он – Аргоса конелюбивца.
Если тебе доводилось услышать о сыне Тидея
Иль Одиссее премудром – то знай, что они пред тобою.
190 Да, это я. А пришел я сюда, получив прорицанье.
К нам поимей состраданье, явись на подмогу данаям,

В Трою приди поскорее – настанет войне окончанье,
Будет бессчетно тебе подарков от славных ахейцев,
Я же отдам тебе сам боевые отцовы доспехи,
195 Сладостно будет тебе их носить – ведь они подобают
Только бессмертным – они равны лишь оружию Ареса.
Злата немало пошло на доспехи, к тому же искусно
Все изукрашено сплошь – ведь этой прекрасной работой
Тешил сам Гефест средь блаженных великую душу,
200 Чудный доспех сотворяя – увидишь, и сам подивишься, –
Бог ведь сумел на щит положить и небо, и море,
Сделана там и земля – все кругом сей щит обрамляет,
Звери на нем – как живые, похоже, они шевелятся,
Даже бессмертным на диво, а смертным – того наипаче,
205 Ведь ни один меж людей никогда и не видел доселе,
Что там носил лишь один твой отец – а его, как Зевеса,
Чтили ахейские мужи. А я уж любил его страстно,
Я ведь и тело его к кораблям после смерти доставил,
Выдержав страшную битву со множеством недругов сильных, –
210 Вот в награду за что и дала мне богиня Фетида
Славный доспех Ахиллеса, но я этот дар вожденный
Выдам охотно тебе, когда в Илион ты прибудешь.
Кроме сего, Менелай, как, город Приама разрушив,
Мы возвратимся в Элладу, на быстрых судах устремившись,
215 Тотчас же сделает зятем тебя, коль того пожелаешь,
Дабы за доброе все отплатить, и с красавицей дочерью
Злата и всякого много добра в приданое выдаст,
Все, что положено сделать царю, чьи богатства огромны».
Рек, и на это ему отвечала Ахиллова поросль:
220 «Если, оракулу вняв, меня призывают ахейцы,
Завтра же в путь я пущусь по глади глубокого моря.
Лишь бы и впрямь в ожиданьях ахейцев просвет появился.
Ныне же в дом поспешим, ведь трапеза нас ожидает –
Пир, что священный закон велит выставлять пред гостями.

- 225 Что же до брака – о нем да заботятся боги в грядущем!»
Рек и повел их с собой – и шли они, радуясь в сердце.
Гости вступили в просторный чертог и в прекраснейший дворик,
Где Деидамия, скорбью объятая, им повстречалась.
Таяла с горя она, как снег на горных вершинах
- 230 Под дуновением Эвра в лучах неустанного Солнца, –
Так и царицу сводила на нет супруга кончина.
Слово приветя цари знаменитые тут обратили
К скорбной царице, а сын, подойдя к ней, подробно поведал
Каждого имя и род, о гостях повествуя неложно,
- 235 Только причину, что их привела, и цель их приезда
Скрыв до утра, чтобы мать не стала средь слезных рыданий
В путь поспешавшему сыну чинить для отъезда помеху.
Пир они кончили скоро и сну свои предали души.
Все заснуло кругом, что полнит Скироса землю, –
- 240 Воды его омывают, и вечные плещутся волны,
С ревом валы разбивая Эгейского моря о берег.
Лишь к Деидамии сладостный сон не спускался на вежды,
Вспомнилось ей хорошо Одиссея коварного имя,
Помнился и Диомед – ведь именно эти герои
- 245 Сделать сумели ее вдовой храбреца Ахиллеса, –
Парочка эта тогда, искушая отважное сердце,
Выступить в Троию подвигла его – несмягчимая Мойра
Нить обрубилась возврата, вселив неутешное горе
В сердце Пелея-отца и самой Деидамии славной.
- 250 Вот отчего и теперь охватил ее ужас холодный –
Что, как и сын дорогой поспешит на поле сраженья,
К страшному горю ее добавляя и новую муку?
Эос взошла на великое небо. Герои поспешно
С ложа встают – но теперь Деидамия все понимает.
- 255 К сыну на грудь припадает она, обнимая за плечи,
И поднимаются к небу пронзительный плач и стенанье.

- Так среди гор и лощин, ища дорогого теленка,
Бродит корова, протяжно мыча беспрестанно, и эхом
Ей отвечают повсюду долина и горные кручи.
- 260 Так же и плач Деидамии эхом звучал по чертогам,
Слышался в самых укромных покоях. Она причитала:
«Сын мой, почто от тебя отлетел твой здравый рассудок!
В Трою зачем многослезную ты за гостями стремишься?
Там ведь кончину нашли средь боев беспредельно жестоких
- 265 Столько мужей, что в военном искусстве тебя превосходят!
Ты же совсем еще юн, ты не ведаешь бранного дела,
В том не искусен, что гибель у смертных людей отгоняет.
Слушайся лучше меня и в доме своем оставайся!
Да не дойдет никогда до ушей моих страшное слово
- 270 Вести, что ты среди боя погиб! Не надеюсь ведь вовсе
Видеть, как ты возвратишься с войны домой невредимым!
Ведь и отец твой – и тот не избежал гибели черной,
Пал он в сраженьи жестоком, хоть был он намного сильнее
Всех остальных и тебя – и богиней была его мать,
- 275 И получилось сие из-за козней все тех же пришельцев,
Что и его, и тебя увлекали в плачевную битву.
Вот почему я боюсь, и душа содрогается в страхе,
Как бы тебя не пришлось мне утратить и стать сиротою,
Как бы, оставшись одной, не пришлось испытать поношенья.
- 280 Нету горчайшего зла, чем то, что жене выпадает –
После кончины супруга детей пережить своих гибель,
В доме своем прозябать, разоренном жестокою смертью.
Пашню-кормилицу тотчас себе отрезав, соседи
Весь урожай оберут, не страшась ни богов, ни закона.
- 285 Вот отчего говорю, что всего-то несчастней и жалче
И беззащитнее всех – жена, что вдовою осталась».
Так говорила, рыдая, а сын ей на это ответил:
«Матерь моя, ободришь и оставь зловещие мысли!
В деле Арея сверх Кер не дано человеку погибнуть.

- 290 Если уж мне суждено быть убитым – умру за ахейцев,
Но перед смертью свершу, что достойно Ахиллова сына».
Молвил. И тут Ликомед подошел к нему, старец почтенный.
Внуку, алкавшему боя, такую он речь обращает:
«Мощное духом дитя, что отвагой в родителя вышло!
- 295 Хоть понимаю умом, что ты – и могучий, и храбрый,
Все же боюсь за тебя – страшна мне кровавая сеча!
Страшно и море – моряк же всегда на волос от смерти.
Будь же, дитя, осторожен, когда соберешься к отплытью
После Троянской войны, иль откуда еще. Ведь нередко
- 300 Нам по хребту беспредельного моря блуждать выпадает.
Осени бойся – когда с Козерогом встречается солнце
В тучах, уже миновав Стрельца, что стрелы пускает, –
Этой порою до звезд поднимаются страшные волны
Средь Океана, когда Орион нисходит на запад.
- 305 Бойся, дитя, опасайся поры равноденствия страшной,
В море широком тогда восстают из глубей безмерных
Страшные бури и мечутся буйно по водным просторам.
Будь и тогда осторожен, когда заходят Плеяды,
Море они бередят – вообще же внимателен к звездам
- 310 Будь неизменно – для смертных людей постоянно опасны
Их и восход, и заход над широкой пучиной моря».
Смолкнув, целует он внука, преград не чиня к отправленью
Юноше, боя алкавшему, что, просиявши улыбкой,
Делал движенье скорей устремиться к судам быстроходным,
- 315 Но разговор, исполненный слез, в материнском чертоге,
Не дал немедля уйти, и он в нетерпении топтался.
Ноги его торопились в дорогу – так конь быстроногий
Вскачь устремиться пылает – да держит зачем-то наездник,
Конь же кусает, храпя, удила, что его не пускают,
- 320 Пена обильно стекает на грудь, а проворные ноги
Смирно не могут стоять, копытом он бьет то и дело,

Топчется с шумом глухим и, в жажде в полет устремиться,
Шею подьемлет, и, морду задрав, и тряхнув головою,
От нетерпенья храпит – и пылом наездника тешит –
325 Неоптолем был таков же, могучий потомок Ахилла, –
Матерь держала его, а ноги бежать понуждали,
И, сквозь печаль, на сына невольно она любовалась.
Расцеловал он бессчетно ее и покинул – осталась
Скорбью объята она в чертоге отца дорогого.
330 Стала скорбно по дому метаться царица, подобно
Ласточке-птице, что в горе ужасном о пестренских детях,
Пожранных змеем огромным, летает и мечется жалко,
Осиротелое гнездышко все облетает, порою
В двери высокого дома влетев, и по дому порхает,
335 С жалобным плачем малюток ища – вот так и царица,
Скорбью о сыне томясь, горевала и плакала горько.
То, на ложе упав, стенала она громогласно,
То устремляясь обратно к дверям и косяк обнимала,
То попадалась игрушка, с которой играл он малюткой, –
340 К сердцу она прижимала ее и крепко держала.
Если же видела где-то копье, забытое сыном,
Тотчас его целовала бессчетно и прочие вещи
Сына, слезами залив, поцелуями сплошь покрывала.
Он же не слышал уже рыдания матери скорбной,
345 Быстрые ноги его уносили к судам быстроходным,
Шел он, подобный звезде светоносной – его окружали,
Рядом идя, Одиссей и отпрыск Тидея отважный.
Следом же двадцать мужей, друг с другом сплоченные в сердце,
Шли из числа наиболее верных в дому у царицы.
350 Сыну она их дала, дабы были быстры в услуженьи.
Все они вместе с Ахилловым сыном теперь торопились,
Он же спешил к кораблям через город и, гордо ступая,
Так и сиял среди них – и радостью сердце объялось
Всех nereid вокруг Фетиды – и тешился сам Черновласый,

- 355 Глядя, сколь мощного сына родил Ахиллес беспорочный.
 Он же душою безмерно алкал многослезного боя,
 Хоть по летам был и отрок пока, бородой не поросший.
 Сила кипела и к бою звала – покидал он отчизну,
 Богу Арею подобный, когда на кровавую сечу,
360 Яростью пыша, летит и буйствует духом великим,
 Грозны угрюмые брови его, а глаза источают
 Блеск, что подобен огню, и ланиты прекрасного бога
 Вместе с красой излучают тогда и ужас холодный, –
 В пору, как в бой он летит, содрогаются даже и боги, –
365 Был сын Ахилла таков же. А жители города всюду
 Вышних молили хранить благородного их господина,
 С боя возврат даровав – и мольбы их услышаны были,
 Сын же Ахилла из свиты своей выдавался преярко.
 Вот и на берег пришли они моря, гремящего тяжко,
370 Там уж гребцы на судах, что гладко обтесаны были,
 Ладили парус и все, что к отплытию надобно справить,
 Вскоре и Неоптолем на корабль поднялся, и немедля,
 Как он взошел, отошли от причала, и подняли быстро
 Якорный камень огромный, что вечно сопутствует судну.
375 Делает море спокойным для них супруг Амфитриты,
 По благосклонности – он ведь в душе сокрушался немало,
 Видя, сколь много страдают они от троян с Эврипиллом.
 Сына Ахилла вожди, усадив посредине, беседой
 Тешили, перечисляя ему деянья отцовы,
380 В долгом под Трою пути, и в пределах Телефа, и после,
 Град осаждая владыки Приама во славу Атридам.
 Отрока сердце в груди замирало в надежде, что сам он
 Будет силен, как отец, и стяжает такую же славу.
 Дома же слезы лила, о сыне своем сокрушаясь,
385 Славная мать Деидамия, тяжко, со стоном рыдала.
 Плавилось сердце в груди у нее от горя и муки,

Таяло, словно на углях свинец или воска кусочек.
Слезы не в силах унять, безотрывно глядела на море,
Стон излетал из груди – ведь вечно в тревоге о сыне
390 Всякая мать, даже если пойдет он гулять на пирушку.
Вот уж от взора ее паруса корабля исчезают –
Скрытые далью, слились они с дымкой морской постепенно,
А Деидамия день напролет и тоскует, и плачет.
В море же тою порой корабль при ветре попутном,
395 Словно воды не касаясь, несется вперед, разрезая
Носом бурливые волны, что с плеском в него ударяют.
Он же по шири безбрежной проворно свой ход устремляет,
Ночь наступила, а он и во мраке летит себе прямо,
Ветер и кормчий его направляют над глубиью морскою,
400 Снова на небе божественный облик Зари появился –
Путники тут различили вершины идейских утесов,
Хрису, святыню Сминфея, и мыс увидали Сигейский,
Там, где Ахиллов курган – но отцову могилу покамест
Неоптолеу решил Одиссей не показывать, мысля,
405 Что не ко времени душу его теперь растревожить
Приступом скорби. Затем проплывают они мимоходом,
Быстро Калидны, а вот Тенедос позади остается.
Вот Элеунт перед ними – святыня, где холм погребальный
Протесилея – высокие вязы его затеняют.
410 Ветви дерев, дорастая до места, с которого Троя
Видима – вянют мгновенно: макушки у вязов сухие.
Весла и ветер подогнали корабль к троянскому берегу.
Стал он туда, где другие суда на причале стояли,
Прочих ахейян, что ныне вели безуспешную битву,
415 Стену свою защищая, что сами построили раньше,
Дабы служила заслоном судам, да и храброму войску,
В этой войне. А ведь дело тогда уж к тому приближалось,
Что Эврипиловы длани вот-вот бы разрушили стену.

- Просто сравнивали с землей, но могучий потомок Тидея
420 Лишь приметил, что стену крушить Эврипил начинает, –
Мигом слетел с корабля и крикнул, что было в нем мочи:
«Други, большая беда накатила теперь на аргивян!
Ну-ка, скорее в доспех переливчатый все облачайтесь!
Все мы быстрее ворвемся в сумятицу трудного боя!
- 425 Гляньте – трояне уже под нашими башнями бьются!
Эдак уж скоро и стены они сокрушат, и сумеют
Нам на беду корабли на стоянке огнем уничтожить,
Но ведь тогда мы желанный возврат потеряем навеки,
Сами ж, судьбе вопреки, укрощенные смертью, поляжем
- 430 Здесь вот, под Троей, вдали от детей и от жен наших милых».
Рек – и по слову его с кораблей устремились поспешно,
Речь Диомеда на всех навела устрашающий ужас –
Неоптолем лишь один был бестрепетен – в нем бушевала
Отчая сила – и страстная жажда войны запылала.
- 435 Быстро прибывшие с моря приходят к шатру Одиссея –
Он недалеко стоял от судов с темносиней кормою,
Там было собрано множество самых различных доспехов,
Что с побежденных врагов совлекал Одиссей многоумный,
Да и другие, подобные богу герои, добыли.
- 440 Тотчас же муж благородный облекся в доспех превосходный –
Менее ценное те получили, кто духом слабее,
В свой привезенный с Итаки доспех Одиссей облачился,
Дал Диомеду Тидиду доспехи отличные, кои
Некогда в прежнее время совлек с могучего Сока.
- 445 Сын же Ахилла надел на себя доспехи отцовы –
В точности стал он похож на Пелида – и впору пришеялся
Сыну доспех, что Гефестовы длани творили – столь ладно
Члены облек он ему, хоть другим был велик непомерно.
Шлем исполинский тяжелый приладил на голову славно –

- 450 Шлем неподъемный, хранивший следы запекшейся крови,
Поднял легко и надел – а другим бы давил на голову он.
Как увидали ахейцы его – захотели немедля
Ближе к нему подойти, но никак не могли – не давала
Битва, что возле стены повсюду кипела ужасно.
- 455 Так моряки у бесплодного острова в море широком
Терпят нужду средь безлюдных просторов, когда не пускают
Ветры противные в путь, налетая все снова и снова
Долгое время подряд – и несчастные люди на судне
Мечутся, всячески страдают – припасы уже истощились,
- 460 Силы теряют – и вдруг начинается ветер попутный, –
Так же и племя ахейцев – средь мук и терзаний воспряло,
Неоптолемову силу завидев, что к ним направлялась.
Вспыхнула в сердце надежда, что будет им в тяготах продых.
Сын же Ахилла очами сверкал, словно лев кровожадный,
- 465 В пору, как он среди гор на охотников прыгнуть крадется,
Яростью пыша в душе – ведь они подобраться желают
К логову льва, где детеныши-львята одни оставались
В глуби пещеры большой, без родителей. Лев же, учуяв,
Стал караулить с уступа скалы – и, глаз не спуская
- 470 С ловчих, что гибель жестоко готовят родному потомству,
Делает страшный прыжок, и рык его грозный ужасен, –
Так и Ахилла стремительный сын, незнакомый со страхом,
Воинским духом пылая, на храбрых троян устремился.
Кинулся прежде всего он туда, где ярая битва
- 475 В поле кипела ужасно – ведь там на стене у ахеян
Были зубцы, что ее укрепляют всего ненадежней,
Стало быть, тут было легче врагам и победы добиться,
Так что сюда они все устремились, зажегшись Ареем,
Здесь обрели Эврипила могучего – вместе с дружиной
- 480 Он поднимался на башню, уже в душе уповая
Длинные стены разрушить и всех уничтожить ахеян.

Боги, однако, не дали свершиться сему упованью –
Их отогнали от стен, бессчетные стрелы пуская,
Мощный Тидид Диомед, Одиссей и подобный бессмертным
485 Неоптолем с Леонтеем, пресветлым героем, совместно.
Так от загонов скота усердные псы с пастухами
Криком и силою рук своих львов прогоняют могучих, –
Те же напасть норовят и, яро вращая глазами,
Взоры блестящие мечут туда и сюда в нетерпеньи
490 В челюстях сжать поскорей быка иль теленка, но все же
Прочь отступают, назад – неохотно отходят, тесными
Сворой отважных собак, и пастыри тоже их гонят,
Стоя подальше, насколько летает метательный камень.
Дальше троян не пустил Эврипил от судов удалиться,
495 Всех заставляя держаться к врагу как можно поближе,
Сам он пока собирался суда истребить на стоянке,
Вышний Зевес наделил его ныне безмерною силой.
Вот Эврипил поднимает с земли чудовищный камень,
Мечет он с силой его в высокое стен укрепленье.
500 Страшный послышался грохот, качнулася до основанья
Круча высокой стены – и страх на ахеян нахлынул,
Словно и впрямь уж стена, рассыпавшись в прахе, лежала.
Но и тогда не покинули тяжкого боя ахейцы,
Твердо стояли, подобно тому, как шакалы иль волки,
505 Наглые стад разорители, в пору, как псы по приказу
Ловчих, хозяев своих, из логова их изгоняют,
В норы их влезть норовят, щенков разорвать беспощадно, –
Звери ж, хоть в них и стреляют, от нор ни на шаг не отходят,
Насмерть стоять остаются, щенков до конца защищая –
510 Так и ахейцы в бою оставались, суда защищая,
Равно и жизни свои. Эврипил же, отважный воитель,
Пред кораблями им всем прокричал, угрожая прегромко:
«Эй, вы, ничтожные трусы, в груди вашей слабое сердце!
Тщетно меня стрельбой отгонять от судов – не сробею,

- 515 Раз уж стена не смогла устоять пред натиском нашим!
Вы, как собаки, от льва убежавшие в страхе в чащобу,
Будете биться, укрывшись, спасаясь от смерти жестокой.
Вам от судов никогда уж теперь на троянское поле
Не отойти, никогда уж не выйти в открытую битву.
- 520 Вас и никто теперь не спасет от смерти ужасной,
Все вы поляжете скопом во прахе, вас всех перебью я!»
Так говорил, испуская пустое – ведь он и не ведал:
Катит большая беда на него, и она уже близко,
Неоптолема отважного руки ее направляют и скоро
- 525 Бурным свирепым копьем навсегда укротят Эврипила.
Неоптолем же тогда не остался в бою безучастным,
Нет, со стены поражал он троян, и они убегали,
Сверху разимые мощно, – и злая нужда собирала
Близ Эврипила их всех, охваченных страхом жестоким.
- 530 Словно малютки несутся скорее к отцовским коленям
В страхе припасть при страшных раскатах Зевесова грома,
Что раздастся из туч, когда в бурю Эфир завывает, –
Так и трояне спешили к кетейцам и жались поближе
К мощному их властелину – столь Неоптолема боялись,
- 535 Гибели злой предавал он все то, на что обращался,
Главы врагов поражая Ареем, залитым слезами.
Души троян сковала беспомощность – всем им казалось,
Будто опять Ахиллес исполинский пред ними явился
Сам, в боевом облачении своем – но они подавляли,
- 540 Молча сносили свой страх, дабы ужас тяжелый не вникнул
Ни кетейцам в сердца, ни в грудь Эварипила-владыки.
Сами же все цепенели от страха сверх всяческой меры,
Сжатые тесно и злою бедой, и ужасом хладным.
Их и позора боязнь держала, и страх непомерный.

- 545 Так вот бывает – идут себе путники горной дорогой –
Вдруг перед ними поток, что с высей несется кремнистых,
Шумом огромным утес обдавая, – и странники встанут,
В бурные воды войти не решаясь, стоят оробело,
Видя опасность большую, забудут, куда направлялись –
- 550 Это ведь гибель сама перед ними, у всех под ногами –
Так же трояне застыли на месте, хоть жаждали боя,
Там, под ахейской стеной. Побуждал Эврипил боговидный
Их неустанно к сраженью – ведь сам он питал упование:
Будет чудовищный муж утомлен в сей битве свирепой,
- 555 Длани свои утрудив, – но тот без устали бился.
Тут Атеная-богиня, узрев их труд многосильный,
Тотчас Олимп благовонный покинув и дом свой высокий,
Быстро сошла на вершину горы – и земли не касались
Ноги ее в торопливом движеньи, – но воздух священный
- 560 Нес богиню, подобную облаку, ветра скорее.
Вскоре и Трои достигла она, и ступила на склоны
Ветром овейной кручи Сигея – и взор устремила
На рукопашную битву, ахейцев возвысив немало.
Сын же Ахилла из всех выделялся и храбростью дерзкой,
- 565 Равно как силой, а их сочетанье в одном человеке
К славе великой ведет – и юноша сим был украшен,
Был он Зевесова кровь, и похож на отца дорогого,
Вот отчего нестрашимо разил он народы у башен.
Словно рыбарь, что в море выходит, алкая улова,
- 570 Гибель готовя для рыб, возжигает Гефестову силу
Прямо на судне – и факела этого яркое пламя
Светит кругом над водой, и рыбы из черной пучины
Тотчас к сиянью стремятся наверх, и свет свой последний
Видят тогда – ведь их своим острожалым трезубцем
- 575 Он убивает, подплывших, душой веселясь на добычу,
Так и преславный потомок Ахилла, могучего в битве,

Возле стены из камней поражал несметные толпы
К ней подбежавших врагов – а другие ахейцы разили
Возле других укреплений, и шум раздавался ужасный,
580 Море ревело, и снасти скрипели, и страшно гремели
Раненых насмерть доспехи – и усталь уже нападала
Страшная, тех и других истомила – игнулись колени
Юных бойцов – но сын Ахиллеса, отважный воитель,
Вовсе не чувствовал страха – его премогучее сердце
585 Было нельзя сокрушить, и усталь его не касалась.
Неодолимостью Неоптолем был подобен потоку
Вечнотекущему, что не страшится палящего жара,
Всесожигающей мощи огня, разжигаемой ветром,
Чье дуновенье крепит Гефестову силу святую.
590 Все же огонь, как дойдет до воды, затихает и гаснет,
Страшная сила его – ничто пред водой неустанной,
Так же и сын благородный Пелида, могучего в битвах,
Воинский труд, оглашенный стенаньями, вел без усилий.
Бился он, страха не зная, и вел за собою дружину,
595 Сыпались стрелы дождем – но его ни одна не достала,
Дивное тело задев – и они понапрасну летели,
Часто, как хлопья в метель на скалу — ведь щит отражал их,
Равно и шлем боевой – преславного бога подарки.
В дивном доспехе красуясь, преславный потомок Ахилла
600 Возле стены ободрял аргивян на бой ополчаться,
Громким воинственным кличем бесстрашным – и был он, конечно,
Лучшим из всех, и дух его битвы алкал ненасытно –
Замысел был у него отомстить за отцовскую гибель,
Так что мужам-мирмидонцам отраден был новый владыка.
605 Битва же возле стены разгоралась все жарче и жарче,
Неоптолем поразил сыновей Димантида Мегета,
Мужа богатого золотом, – сыны его оба умели
Дротики славно метать и конями владели искусно,
Также со знанием дела копьем потрясали в сраженьях.

- 610 Жизнь им дала Перибоя на бреге Саггария светлом,
Роды же были одни близнецов Эвбиою и Кельта.
Но не дано было им насладиться безмерным богатством –
Мойры жестокие скорый конец положили их жизням.
Как родились в один день, так и умерли вместе от длани
615 Неоптолема отважного – в сердце один поражен был
Длинным копьем, а второй убит был чудовищным камнем –
В голову страшный пришелся удар, и шлем раскололся,
Череп его проломился, и мозг показался наружу, –
Неоптолем после них поражает и многие сотни.
620 Так и вершилось великое дело Арея, покуда
Время быков распрягать не пришло – и день богоданный
Кончился – только тогда бесстрашный отряд Эврипила
Хоть ненамного назад от судов отошел, а ахейцы
Отдых близ башен вкусили недолгий, и сами троянцы
625 Тоже вздохнули от страшного боя – ведь выдался ныне
Бой не из легких у башен. Возможно, пришлось бы ахейцам
Вместе со всеми судами погибнуть в сей день поголовно,
Если бы к ним не пришел Ахиллеса могучего отпрыск,
Толпы врагов отогнал, оттеснил самого Эврипила.
630 Вот приближается к Неоптолему почтеннейший Феникс,
Видит его и дивится – какое с Пелейоном сходство!
В сердце взыграли отрада и боль несказанная разом,
Боль поразила, как вспомнился сам Ахиллес быстроногий,
Радость – что сына его пред собою, отважного, видел.
635 Сладостно он прослезился – ведь род человеков бесслезно
Быть вообще не способен, и даже от радости плачет.
К юноше старец приник, как отец к родимому сыну, –
Долго от дома вдали пропадал он по воле бессмертных,
Бедствовал, все же вернулся отцу на великое счастье.
640 Так же и Феникс тогда обнимал, целовал бесконечно
Неоптолема и молвил ему в восхищении слово:

«Радуйся, светлое чадо Ахилла, – его ведь когда-то
Принял я крошкой в объятья и вырастил с нежной заботой,
Он же по воле богов, словно сильная ветвь молодая,
645 Быстро крепчал – и с отрадою в сердце тогда наблюдал я,
Как набирает он рост, как речью владеть начинает.
Был он всего мне дороже, любил я его, как родного.
Правда, и он почитал мое сердце, как сердце отцово,
Впрочем, и был я отцом, а он мне – поистине сыном,
650 Были мы духом едины настолько, что ты бы подумал,
Будто мы крови одной. А в доблести равных не знал он,
Телом ж силой своей подобный бессмертному богу.
Как на него ты похож! Вот гляжу на тебя я и мнится –
Он меж аргивян! А я-то по нем и ночами, и днями
655 Горькой терзаюсь тоской, проводя невеселую старость.
Быть бы мне скрытым землею, покуда в живых еще был он!
Честь и хвала воспитателю, ежели руки питомца,
Нежно возвращенного им, погребенье ему отправляют!
Вот отчего, дорогое дитя, я его не забуду,
660 В сердце крушась постоянно. А ты не печаль свою душу!
Лучше приди поскорей на подмогу мужам-мирмидонцам,
Равно ахейцам, коней укротителям, – их утесняют.
Мсти же врагам за отца дорогого, не зная пощады!
Слава – сразить Эврипила, в бою ненасытного мужа.
665 Ты превосходишь его и, конечно, его одолеешь,
Как и Ахилл одолел отца его, мощного в битве».
Рек. И на это в ответ белокурого сын Ахиллеса:
«Старец, о доблести нашей решать будет грозная Айса
Вместе с неистово бурным Ареем во время сраженья».
670 Вымолвив, тотчас хотел поспешить за стены ограда,
В отчий доспех облаченный, да ночь помешала, спустившись,
Быстро она с Океана пришла в покрывале из мрака,
Смертному люду неся трудов их дневных прекращенье.
Чествовать стали тогда при судах аргивские мужи

- 675 Сына Пелида с самим наравне Ахиллесом могучим, –
Неоптолем ведь пришел, готовый немедленно в битву,
Вот и дарили его с уваженьем дарами бессчетно,
Были награды блистательны, то, что у смертных – богатство,
Золота и серебра давали одни, и служанок
- 680 Дали другие, а третьи – бессчетно железа и меди,
Красного дали вина в изобилии в амфорах емких,
Быстрых коней и доспехи военные, снятые с пленных,
Шитые славно одежды – прилежную женщин работу, –
Все это наполнило радостью Неоптолемово сердце.
- 685 После за ужин они принялись и опять прославляли
Богopodobного сына Ахилла ахейские мужи,
Славили и небожителей вечных. И вот Агамемнон,
Радостью полнясь в душе, с таким обращается словом:
«Истинно ты – порожденье Ахилла могучего, отрок,
- 690 Столь на него ты похож своей необорною силой,
Видом и ростом большим, и отвагой, и сердцем, и духом.
Ты мне – великая радость, ведь вновь я теперь уповаю
Город преславный Приама повергнуть и полчища вражды,
С помощью, чадо, твоей и копья твоего боевого.
- 695 Столь ты похож на отца своего, что мне показалось,
Будто я вижу его при судах, и грозит он троянам
В гневе своем за Патрокла, – а он ведь уже пребывает
Вместе с бессмертными; видно, тебя от богов посылая
Помощь ахейцам сегодня подать – ведь мы погибаем».
- 700 Рек, и на это сказал могучий потомок Ахилла:
«Если б в живых, Агамемнон, застать мне его довелось!
Если бы смог он взглянуть на милого сына, – узнал бы –
Не посрамил бы я силы отцовой! И мысляю, так будет,
Коль сохранят меня жители неба, беспечные боги!»
- 705 Молвил. И все, обступив, удивлялись на юного мужа,
В ком бестрепетный дух укрепляли разумные мысли.
Вот, наконец, усладились они питьем и едою,

- Вставши от пира, потомок отважный Ахилла Пелида
Прямо в палатку отца своего отправляется, – там же
710 Было бесчисленное множество воинских всяких доспехов,
То, что досталось отцу от героев, им в битвах сраженных.
Все было в полном порядке расставлено, – пленницы-жены,
Все овдовевшие разом, хранили сие достоянье
Точно, как было оно при жизни владыки Ахилла.
715 Неоптолем зарыдал, увидев и жен, и доспехи,
Жгучее чувство тоски по родителю им овладело,
Так вот, средь чащи густой в ложине горной лесистой
Детище грозного льва, который убит на охоте,
Львенок – заходит к себе в родимое логово, видит
720 Там, в затемненной пещере, натасканы крупные кости
Задранных только недавно коней и быков – и детеныш
Тычется, ищет родителя – льва, и жалкий, тоскует –
Так же тогда тосковал и отпрыск отважный Пелея.
Пленницы-жены, столпившись, дивились ему непомерно,
А Брисеида сама, увидав Ахиллесова сына,
725 То замирала от счастья в душе, то снова крушилась,
Вспомнив Ахилла, – и сердце в груди ее часто стучало,
Хоть и немели уста – и казалось бедняжке, как будто
Ожил пред нею Пелид Ахиллес, не знающий страха.
В стане своем ликовали трояне, и дружно в палатках
730 Пир пировали, и чтили они Эврипила-владыку,
Словно пресветлого Гектора, – столько сразил он аргивян,
Град Илион защитил и троян, и все достоянье.
В пору, когда ниспускается сладостный сон к человекам,
Трои сыны и аргивяне, мощные в битвах свирепых,
735 Все, кроме стражей своих, опочили, ему покорившись.

Восьмая песнь

Вышнее солнце едва разлило над землею сиянье,
С края земли восходя, от пещеры Зари-Эригены,
Тотчас троянские мужи и смелые дети ахеян
Каждый во стане своем поспешали на бой снарядиться,
5 Доблестный сын Ахиллеса ахейцев бодрил, побуждая
Дух укрепить и, не ведая страха, идти на троянцев.
Отпрыск Телефа – великая сила – троян подгоняя,
В мыслях имел и стену разрушить, и в пламени бурном
Все корабли погубить, а народы сразить своей дланью –
10 Впрочем, надежды его, как ветер, бесплодными были,
Керы же, близко к нему подступив и став за спиною,
Ведали мысли его, усмехаясь пустым упованьям.
Вот Ахиллеса бесстрашный потомок к своим мирмидонцам,
Их побуждая на бой, промолвил отважное слово:
15 «Слушайте, слуги Арея, душой наклонные к брани,
Мне повинуйтесь, и мы спасеньем аргивянам станем
В тяжкой войне, а врагов обречем на беду – не робейте.
Каждый исполнись отваги! Ведь силу рождает отвага
В смертных, а робость и страх и силу, и ум отбирают.
20 Ныне же все мы себя укрепим на Ареево дело,
Дабы троянцам не дать и вздохнуть – пусть думают лучше,
Будто живой Ахиллес меж аргивских мужей пребывает!»
Рек и на плечи свои возлагает отцовы доспехи,
Ярком горящие блеском, и радостью сердце Фетиды
25 Вспыхнуло, как из пучин взглянула на сильного внука.
Быстро он встал на свою колесницу – отцово наследство
И, устремившись вперед, за крепкую выехал стену.
Был он подобен тому, как выходит с краев Океана
Гелиос-Солнце и дивный огонь над землей возжигает

- 30 В пору, когда вместе с ним, с колесницей его и конями,
Сириус всходит на небо, несущий болезни для смертных,
Так же и сын Ахиллеса явился пред войском троянцев,
Мощный герой, и несли его кони, бессмертные кони,
Автомедон их подвел к Ахиллиду, горевшему тотчас
35 Войско врагов отогнать, и он же повел колесницу.
С радостью кони несли господина, что схож с Ахиллесом –
В сердце бессмертном своем полагали премудрые кони,
Что Ахиллеса не хуже нисколько их новый хозяин.
Вкруг собиралась несчетная сила могучих ахейн,
40 К Неоптолему стекаясь, и все уже к бою пылали,
Злобным подобные осам, что прочь из гнезда вылетают,
В жажде скорей человека ужалить в открытую кожу,
Носятся роем в теснине, ища, на кого бы напасть им,
И на беду человеку бывает подобная встреча, –
45 Так и ахейцы, пылая к Арею, суда покидали,
Хлынув за стену – заполнилось тотчас широкое поле,
Все до краев от блеска оружия оно засверкало
В солнечных ярких лучах, разливавшихся сверху, с эфира.
Словно под мощным дыханьем Борея широкое небо
50 Вмиг закрывается все облаками, гонимыми ветром,
Тучи сгустятся, и тотчас же мраком затянется небо
В пору, как снег выпадает в ненастное зимнее время,
Так и противников рати собою заполнили землю,
Близ кораблей – и в широкое небо взметнулася вихрем
55 Пыль из-под ног – и мужей боевые доспехи гремели,
Скрежет стоял колесниц, и кони храпели и ржали,
В бой устремляясь – и каждого доблесть его погоняла
В битву пуститься скорее, в ужасную, страшную сечу.
Так, по огромным просторам пучины, колеблемой бурей,
60 Встречные два урагана валы преогромные катят
С яростным воем, и мощные волны сшибаются страшно

В пору, как злая зима беснуется в море широком,
Стонет безбрежная глубь Амфитриты, а волны свирепо
Мчатся одна за другой, взгромождаясь стеной непомерной,
65 Будто бы горные гряды, и рев поднимают ужасный
В страшном движеньи своем, и море исполнено гулом,
Так же ахейцы и Трои мужи устремились к Арею
В страшном порыве – сама ведь Эрида их в бой подстрекала,
Сшиблись войска – словно гром прогремел вслед за молнии вспышкой
70 В пору, как жадные ветры борьбу заведут среди лета,
Рвут облака и огромные тучи – и слышатся тяжело
Грома раскаты – то гнева Зевесова знак непреложный,
Гнева на смертных, творящих дела против строгой Фемиды,
Так же напали тогда друг на друга, враждуя, народы –
75 Щит на щит, копье на копье, на война воин.
Отпрыск могучий Ахилла-воителя первым сражает
Доблестного Меланея и славного Алкидаманта,
Алексинома бойца порожденье – он в Кавне долинном
Жил, возле светлых берегов прекрасного озера, – в Имбре,
80 Снегом венчанном – под ним, у подножья утесов Тарбела.
После чего умертвил он Кассандра, проворного в беге,
Сына Менета, – его породила Креуса на берегу
Славном Лидийском в пределах карийцев, любителей брани,
Там, где встают в небесах ликийские горные кручи.
85 После убил он копейщика Мора – из Фригии был он,
С ним же Полиба сразил, а следом и Гиппомедонта,
Первого в сердце ударил, другому попал под ключицу.
Пали на месте они – и земля застонала от трупов
Трои сынов, что валились, как в зарослях ветки сухие
90 Быстрым дыханьем огня истребляются с легкостью в пору,
Как налетают порывы Борея, осеннего ветра –
Неоптолемово так нападение косило фаланги.
Аристолоха Эней поразил, метательным камнем
В голову прямо попав, и кость раскололась со шлемом,

- 95 Тотчас же дух воителя славного тело покинул.
Быстрого мужа Эвмея сразил Диомед – обитал он
Возле Дардановых круч, вблизи от Анхизова ложа,
Где Киферею когда-то Анхиз укротил, обнимая.
Тут Агамемнон Стратона убил, что из Фракии прибыл
- 100 Биться в войне, и погибель нашел вдалеке от отчизны,
Насмерть сразил Мерин Пейсенора, отпрыска Хлема,
Он боговидного Главка был друг и товарищ любимый,
Дом же имел, говорят, вблизи Лимирийских потоков,
Жители местности сей его как царя почитали.
- 105 После того, как Главк был убит и не царствовал боле,
Хлема все признавали, кто жил в земле Финикийской
Близ Массикитской горы, где дымом курится Химера,
Так истребляли друг друга они, Эврипил же особо
Много врагов отправлял к губительным Керам-богиням.
- 110 Первым от рук его пал Эврит, многосильный воитель,
После Менетия он поразил, о пестрой повязке, –
Богopodobных друзей Элефенора – с ними же вместе
Гарпал погиб, Одиссея разумного друг и товарищ –
Был Одиссей далеко, и не смог подоспеть на подмогу
- 115 Другу, попавшему в злую беду, но за смерть его тотчас
Гневом Антиф закипел – ведь Гарпала был он товарищ,
Кинул копье в Эврипила – но ранить его не сумел он,
Мимо чуть-чуть пролетело оно, и близ Эврипила
В Меланиона впилося, того, кого некогда мать
- 120 Возле прекраснейших Каика струй породила когда-то,
Клита с красивым лицом, покоровшись любви Эрилая.
В гневе за гибель товарища тут Эврипил на Антифа
Кинулся тотчас, но тот, положившись на быстрые ноги,
Кинулся в гущу своих, избегая копья Телефида –
- 125 Ведь суждено ему было погибнуть ужасною смертью
Позже, и страшную смерть от Киклопа принять людоеда –

- Ныне же Мойра жестокая милость к нему проявила.
Снова кидается в бой Эврипил, на других нападает,
Многие толпы ахейцев копьем боевым повергая.
- 130 Словно деревья, что срублены силой великой железа
В горной лощине, лесами заросшей, лежат, распростершись,
Так же валялись на землю ахейские славные мужи,
Свержены мощным копьем Эврипила, свирепого в битве.
Он же рубил и рубил их, покуда не вышел навстречу
- 135 Сын Ахиллеса к нему, замыслив великое дело.
Длинными копьями друг перед другом они потрясали,
Крепко сжимая их в дланях, готовые кинуться в схватку,
Но Эврипил обратился сперва с испытующим словом:
«Кто ты такой и откуда явился сражаться со мною?»
- 140 Неумолимые Керы ведут тебя, что ли, к Аиду?
Муж ни один ведь живым не ушел из схватки со мною, –
Все отправлялись к Аиду, ужасную встретив кончину –
После их кости вот здесь, на берегу у Ксанфа потока,
Псам на добычу остались, и трупы они растерзали.
- 145 Кто ты: открой мне скорей, и чьими гордишься конями». .
Рек, и на это отвечив доблестный отпрыск Ахилла:
«Я в поединок кровавый желаю вступить поскорее –
Ты же, мой враг, вопрошаешь меня, словно дружески мыслишь,
Род мой каков – а ведь многие знают об этом прекрасно,
- 150 Я Ахиллеса великого сын – что в прежнее время
В бегство отца твоего обратил копьем своим длинным –
Черные Керы его, несомненно, бы предали смерти,
Не исцели мой родитель немедля тяжелую рану,
Кони, что носят меня, отца моего достоянье
- 155 Богоподобного – Гарпия их породила Зефиру,
Кони сии по бесплодному морю способны промчатся,
Края касаясь волны, и скорость их ветру подобна.
Знаешь теперь ты мой род и знаешь ты, кони откуда –
Лишь остается узнать тебе это копье боевое,

- 160 Что на тебя я нацелю – оно Пелионского рода,
Выросло в высях его, и тень от него там осталась».
Молвил и прыгнул тотчас с колесницы отважный воитель,
Длинным копьём потрясая – тогда Эврипил поднимает
Дланями мощными камень огромный – и в Неоптолема
165 Мечет, и в щит золотой попадает метательный камень,
Но и не сдвинул противника с места удар сей могучий –
Нет, как скала он стоял, что высится в месте гористом, –
Силой потоков речных, что Зевса дожди наполняют,
Хоть бы все вместе слились – ее им с места не сдвинуть,
170 Вросшую словно корнями – вот так же стоял нерушимо
Страха не знающий сын Эакида, могучего духом.
Дерзкая мощь Эврипила ничуть утратить не сумела
Сына Ахилла, безмерного силой – ведь был он во власти
Собственной мощи и Кер – и они его нудили к бою.
175 Оба героя пылали сразиться – доспехи взгремели,
Переливаясь, они же, воззрившись, как лютые звери,
Взоры стремят друг на друга, когда среди горной лощины
В них закипает взаимная ярость – у каждого чрево
Голод жестокий сосет, а они за быка иль оленя
180 В схватку вступают, грызутся, и рык раздаётся в лощине, –
Так и герои схватились, сплелись, и вражда закипела,
Битва взметнулась с неистовым пылом – то сшиблись фаланги,
Сеча пошла бушевать, и жестоко они воевали.
Бурным порывам стремительных ветров подобны, герои
185 Копья свои боевые бросали – к пролитию крови
Их Энио неустанно, поблизости встав, побуждала,
Пыл разжигая в обоих – и битва ничуть не стихала.
Часто в щиты приходились удары – порой удавалось
В ногу врага своего, повыше поножи поранить,
190 То ухитрялись слегка поцарапать друг друга – и труд их
Множился тяжкий – тогда ликовала душою Эрида,

Мощных бойцов наблюдая, что потом сплошным заливались
Оба, но сила пока ни в том, ни в другом не слабела –
Оба ведь крови божественной были. И боги с Олимпа
195 Бой созерцали – одни Ахиллесовой славы желали,
И Телефиду — другие, герои же все продолжали
Свой поединок – подобные двум преогромным утесам,
В горной высокой гряде. Раздавался чудовищный грохот
Копий о вражьи щиты, – как вдруг Пелионское древко
200 Под подбородок вошло Эврипила ужасным ударом –
Пурпурным быстрым потоком оттуда вся кровь устремилась,
Тело покинув, душа излетела из раны открытой,
Очи затмила ему смертельная тьма, и упал он
В полном доспехе на землю, как будто под силой Борея
205 Пышная падает ель или сосна, что вырвана с корнем
Ветра студеным порывом – вот так Эврипилово тело
Наземь упало – и шум невозможный прошел по равнине
И по троянской земле – а труп смертельная бледность
Быстро покрыла, и вмиг посинело цветущее тело.
210 Неоптолем, усмехнувшись, тогда говорит горделиво:
«Ты, Эврипил, похвалялся данайцев суда и самих их
Всех уничтожить, и смерти жестокой предать обещал нас?
Боги, однако, не дали свершиться твоим упованиям,
Я вот тебя укротил, хоть и был ты герой необорный!
215 Отчим великим копьем ты сражен – от него не спасался
В битвах из смертных никто, хоть бы весь он из чистой был меди».
Рек и из мертвого тела поспешно копье исторгает,
Страшная бледность покрыла троян, как они увидали
Мощного мужа. А он, с Эврипила совлекши доспехи,
220 Тотчас проворным друзьям отдает унести их к стоянке
Флота ахейцев, а сам, вскочив на свою колесницу,
Далее мчит на бессмертных конях, как, бывает, несется
Молния в небе широком, что послана Зевсом великим
В грохоте грома, и в ужас приходят бессмертные боги,

- 225 Все кроме Зевса – а молния, вмиг до земли долетая,
Острые скалы крушит и валит большие деревья –
Так вот и Неоптолем на троянцев помчался грозой –
Всюду, куда ни влекли колесницу бессмертные кони,
Всех он разил, и кровью густой земля заливалась.
- 230 Так же как тысячи листьев, что ветер сдувает с долины,
Падают с дрв и лежат на земле ворохами густыми, –
Так без числа упали на землю троянские вои.
Неоптолем поражал их, а также аргивян дружина,
Черная кровь, и людская, и конская, всех заливала,
- 235 Так и текла между рук, колесницы ж в своем продвиженьи,
Кровью пятнали свои кузова при колес обращеньи.
Так бы троянцы в сей день добрались до ворот и сокрылись,
Словно телицы от льва или свиньи от сильного града,
Если бы злостный Арей, порадеть за троян пожелавший,
- 240 Тайно от прочих блаженных Олимп не покинул, и кони
С кличками Этон и Флогий, а также Конабос и Фобос,
Мчали его – а этих коней на свет породили
Страшно свистящий Борей и Эриния с ликом ужасным –
Кони огонь выдыхали – Эфир простонал многоцветный,
- 245 Как полетели на битву они и вскоре достигли
Трои – земля загудела протяжно под дивным копытом
Божьих коней. И Арес, подступая к сраженью поближе,
Страшное поднял копье – и чудовищно крикнул троянам
Кинуться снова навстречу врагам – и они онемели,
- 250 Божий слышавши глас – ведь не были видимы взору
Ни амвросийное тело, ни кони бессмертного бога –
Облако их покрывало – но мудрый Гелен-прорицатель
Бога почуял и понял, откуда сей глас раздавался,
Что прозвучал прямо в уши троян и отдельно, и внятно, –
- 255 С радостью громко вскричал он народу, что в бегство пустился:
«Жалкие трусы, куда вы бежите от сына Ахилла,

Смелого мужа? Он храбр, но, конечно, и сам не бессмертен!
Разве способен по силе равняться он с богом Ареем?
Ныне за нас и Арей! И крик сей ужасный – Ареев!
260 В битву с данайцами нас он зовет! Укрепитесь душою,
Смелость вложите в сердца, ведь другого помощника в битве
Лучшего нам не сыскать – и подобного боя не будет –
Может ли кто-то Арея полезнее быть среди боя,
Бога, что смертным в их войнах победы всегда доставляет,
265 Ныне он к нам снизошел! Но и вы не забудьте, как биться,
Помните дело свое, а страхи отбросьте подальше».
Рек, и трояне опять на ахейцев тогда повернули.
Так, на охоте, собаки, от волка бежавшие в страхе,
В заросли снова идут на него, подчиняясь приказу
270 Властному пастыря-мужа, что их понукает сурово –
Так и троянские вои, откинувши все опасенья,
Снова пошли на Ареево дело – и храбро сражались
Муж против мужа, и тяжело бойцов громыхали доспехи,
Как попадали в них стрелы, мечи ударяли и копья,
275 Дроты разили тела, и кровью густой обливался
Страшный Арес – и мужи умерщвляли друг друга, и гибли
Те и другие враги – и равной была эта битва.
Так молодежь, среди сада большого работая дружно,
Средь виноградника пышного, плотные гроздья срезает
280 Острым железом – и к общему делу рождается ревность, –
Все ведь равны меж собой и силой, и возрастом юным, –
Так и в сраженьи кровавом – противники равными были,
Равно стояли и боя весы. Полагались трояне,
В сердце горя, на поспешество в битве Арея – и бились
285 Смело – ахейцы на сына Ахилла надеялись прочно.
Так и разили друг друга – среди них Энио подвизалась,
По уши залита кровью, носилась, свирепая, в битве, –
Пот отвратительный тек, заливая ужасные члены –
Но никому не радела она, наслаждаясь убийством –

- 290 Страх на уме ее был пред Фетидой и дивным Ареем.
 Неоптолем поразил Перимеда, известного мужа –
 Возле Сминфеевой рощи герой сей построил жилище –
 С ним он и Кестра сразил, и могучего в битве Фалера,
 Славного крепким копьем, Перилая, а также Меналка –
295 Сей порожден был при Киллы подножьях священных Медонту
 Мужу умельцу, а мать была его – Ифианасса,
 Дома остался отец, в пределах любезной отчизны –
 Сыну теперь не вернуться, и все достоянье отцово
 Люди чужие по смерти отца меж собою разделят.
300 Там Деифоб поразил Ликона, хоть был тот могучим,
 В пах он ударил его – и обратно копье извлеклося –
 Вынул ему он кишки – излилось содержимое чрева.
 Храбрый Эней поражает Диманта, который в Авлиде
 Прежде обитель имел – и отправился биться под Трою
305 С Аркесилаем – ему не видать уже милой отчизны.
 Мощным ударом копья Эвриал поражает Астрея –
 Страшное жало копья, сквозь грудь пролетев, отсекает
 Все пути, что к желудку ведут, мгновенным ударом,
 Гибель Астрею неся, – и с кровью смешалась пища.
310 Здесь же, поблизости, Гиппоменея Агенор свергает,
 Был же сей муж товарищем славным могучего Тевкра,
 Пал, под ключицу сраженный, – и тотчас душа излетела
 Вместе с потоками крови – и ночь его злая объяла.
 Гибель товарища вызвала скорбь у могучего Тевкра,
315 Мечет свое он копье, порываясь Агенора свергнуть,
 Тот уклонился умело – и мимо копье пролетело,
 На волосок от Агенора, вникло оно Деифону
 В левое око, сквозь правое ухо насквозь оно вышло,
 Глаз его вытек. Так Мойры движенье копья направляли,
320 Так захотели они. А он, на ногах еще стоя,
 Так и подпрыгнул – но тут, пораженный другою стрелою,

Пал – ведь она ему в горло вонзилась, разрезав
Шейные нервы и связки, – и злобная Мойра смеялась.
Смерти бойцы предавали друг друга – а Керы и Участь
325 Радостью полнились, злая ж Эрида все больше и больше
Пыл разжигала во всех – и снова чудовищным криком
Страшный Арей отозвался – вдыхая отвагу в троянцев,
Бегства желанье в ахеян, и вспять повернули фаланги,
Сын же Ахилла не дрогнул, но там, где стоял, оставался,
330 Храбро сражение вел, одного за другим поражая,
Словно дитя, что без устали мух предает истребленью,
Руку свою то и дело подьемлет, они же кружатся
Вкруг кувшина с молоком, но, сраженные слабым ударом
Детской руки, издыхают одна за другой. Постепенно
335 Всех их один перебьет он, своей наслаждаясь работой, –
Так и Ахиллов потомок – испытывал радость средь трупов,
Не обращая вниманье на то, что Арес ободряет
Снова троянцев на брань – одного за другим поражал он
Всех нападавших, а сам, как утес под порывами ветра,
340 Неколебим был и тверд – Арес же исполнился гнева,
Было хотел он напасть на преславного сына Ахилла,
Тучу священную прочь оттолкнув, – но богиня Афина
Спрыгнула тотчас с Олимпа и встала на Иде высокой –
Вся содрогнулась земля и звонкие Ксанфа потоки,
345 Так сотрясла их богиня – и нимфы объялися страхом,
Ведь за Приамову Трою боялись в душе они сильно.
Ярким, как молния, блеском, доспехи Афины сверкали,
На некрушимом щите у богини огонь выдыхали
Змеи ужасные – шлем же божественный выше вздымался
350 Туч – и она уж хотела тотчас же напасть на Ареса,
В бой порываясь, но промысел Зевса благой помешал ей –
Страху нагнав на обоих богов – ведь с высей Эфира
Зевс прогремел, угрожая, – и тотчас Арес удалился,
Мигом постигнув, что сердце разгневал великого Зевса –

- 355 В край неприятный фракийский ушел и не думал уж боле
В сердце своем неумном о Трои сынах – и Паллада,
Славная дева, не мешкала боле на Трои равнине –
В землю афинян святую ушла и о битве забыла.
Так и остались троянские мужи опять без подмоги,
360 Снова аргивяне кинулись в бой и помчались за ними,
Стали преследовать их по пятам, как бурные ветры,
Что, паруса раздувая судов, подгоняют их в море,
Или как сила огня, что по веткам сухим пробегает,
Иль как собаки, что резво преследуют ланей в лощине –
365 Так и данаи неслись на врагов, подстрекаемы бодро
Сыном Ахилла, который повсюду копьем преогромным
Каждого бил, кто ему попадался, – и в бегство пустились
Трои сыны, вот и приняли их городские ворота.
Тут отдохнули аргивяне малость от тяжкого боя –
370 В город Приама загнавши троянское племя, как будто
Пастырь в овчарню отару загнал и как следует запер.
Словно быки, что усталые, дух тяжело переводят,
Груз непомерный втащив на высокое место крутое
В упряжи, часто дыша, – вот так же ахейские мужи
375 Тяжко дышали в доспехах, усталые, но не слабела
Страсть продолжения боя – и башни они окружили.
Скрылись трояне в воротах, и заперли их за собою.
И под защитой стены ожидали подхода ахейцев.
Так пастухи закрываются плотно в овчарне, бывает,
380 Пережидая, покуда свирепствуют черные смерчи
В зимнюю пору, и град выпадает, и гром раздается,
Пастыри ж в стойлах отару хранят, хоть не терпится снова
Выйти на пастбище им – но покуда шумит непогода
И разливаются реки, они на местах остаются.
385 Так и трояне, за стенами кроясь, врагов бушевавших
Пережидали, а полчища вражьи их град окружили.

Так вот бывает – скворцы быстролетные или же галки
Стаей густой налетают на древо созревшей оливы:
Плод маслянистый, вкуснейший склевать они шумно стремятся –
390 Как ни пугают подростки – прогнать их из рощи не могут,
Прежде чем все не склюют – ведь голод в них дерзость рож-
дает,
Так и данайцы тогда облепили Приамову Трою,
Даже ворваться пытались, сорвавши большие ворота,
Несокрушимой работы могучего Энносигея.
395 Но и троянцы не бросили боя – хоть страх и сжимал их,
Стоя на башнях высоких, они воевать продолжали
С полным упорством – и стрелы умелой работы пускали,
Камни большие кидали со стен, и быстрые копья
Вниз на врагов посылали – то Феб наделил их отвагой,
400 Силы придав, ведь теперь, когда Гектора больше не стало,
Бог постоянно радел о защите троян-бранелюбцев.
Кинул копье Мерион – и его острие поразило
Филодаманта, товарища сильного мужа Полита,
В горло, под челюсть вонзилось копье – и камнем упал он,
405 Так же как коршун, когда попадает точеной стрелой
Юноша, целясь в него – и, убитый, летит со скалы он –
Так же и Филодамант свергается с башни высокой,
Дух его тело покинул – и громко доспехи взгремели.
Отпрыск могучего Мола другую стрелу посылает,
410 В сердце ликуя, – теперь ему хочется сына Приама,
Мощного мужа Полита, сразить за товарищем следом –
Тот же успел уклониться и в сторону бдительно прынул –
Дивное тело его стрела и задеть не сумела.
Так вот бывает – на море соленом при ветре попутном
415 Судно несется вперед – вдруг видит моряк: среди зыбей
Выступ скалистый – и тотчас на руль что есть сил налегает,
Свой отклоняя корабль, куда ему сердце подскажет,

Малую силу потратив, великой беды избегает,
Так и Полит – отпрянув, избегнул стрелы смертоносной.
420 Битва упорная длилась – уж кровью окрасились стены,
Башни высокие и укрепления, – на них погибали
Трои сыны от копий и стрел, что ахейцы метали.
Впрочем, и сами данаи уйти от потерь не умели,
Кровью убитых земля заливалась, враждебные рати
425 Страшно разили друг друга – и вновь Энио ликовала,
Та, что Войны родная сестра, бойцов распаляя.
Тут бы разбились ворота и стены обрушились Трои,
Силой аргивян, что в них поднялась необорным накатом,
Если бы, се в небесах не узрев, Ганимед знаменитый
430 Не возопил, за отчизну любимую страхом объявшись:
«Отче Зевес! Коли я – твоего продолжение рода,
Коли и вправду по воле твоей я, покинув отчизну,
Ныне живу средь бессмертных, и век бесконечен мой будет,
Ныне внемли же, молю, сокрушенному горем ужасным –
435 Нет моих сил наблюдать, как жгут дорогую отчизну,
Видеть, как милая наша семья погибает средь боя,
Муки острее не бывает, и горше быть горя не может!
Если уж в сердце своем сие сотворить ты решился
Делай, но так, чтобы я не увидел – и мне будет легче,
440 Если своими глазами взирать я на это не стану.
Жалостней нет ничего, ничего не бывает ужасней
Нежели видеть, как гибнет отчизна под вражеской дланью».
Так говорил Ганимед, благородное сердце, со стоном.
Сразу тогда посылает Зевес непроглядные тучи
445 Город Приама преславный сокрыть совершенно из виду –
Бой мужегубный тотчас погрузился в густые потемки,
Стены высокие видеть никто уже не был способен –
Все за туманом исчезло, окуталось облаком плотным.
С неба же громаы взгремели, и молнии вспыхнули ярко.

- 450 Зевсов слышавши гром, поразились данайские вои –
Нестор же, старец Нелид, во мраке возвысил свой голос:
«Вы, предводители славные войска аргивян, внимайте!
Цельми нам не бывать, раз троянцам, отважным душою,
Зевс поборает всемерно – на нас он пошлет истребленье,
455 Ныне скорее к своим кораблям сообщая поспешите,
Битву теперь прекратим – удалимся от трудного боя,
Как бы Зевес не пожег корабли нам, бушуя во гневе.
Знамений столько тревожных! Послушные воле Зевеса,
Лучше смиримся – ему подчиняются все – и сильнейший
460 Между могущих богов, и мы, слабосильные люди.
Было ведь – Зевс, на титанов надменных разгневавшись страшно,
Силу огня устремил с высокого неба на землю,
Вся запылала земля без остатка – а мощные воды,
Что Океан наполняли, до дна истребились от жара,
465 Высохли реки, потоком широким струившие воды,
Все существа, что земля возрастила, погибли немедля,
Вымерло все, что и море вскормило, и вечные реки,
Весь бесконечно высокий Эфир наполнился дымом,
Пепел ужасный стоял, как туман, Земля опустела.
470 Вот отчего страшит меня ныне Зевесова сила –
Лучше вернемся к судам, коли он поборает троянцам
Ныне – а завтра и нас он, быть может, украсит победой.
Эос приводит то черные дни, то, порою, благие.
Видно, еще не исполнился срок нам город разрушить,
475 Как непреложно Калхас возвестил нам в своем прорицаньи,
Некогда всем нам, ахейцам, в собраньи большом сообщенном –
Он говорил – на десятый де год завоюем Приама».
Вышли из боя во страхе большом пред угрозами Зевса,
Вняли старинному сказу, что муж им премудрый поведал,
480 Но не оставили павших в бою в небреженьи постыдном,
Вынеся с бранного поля, свершили своим погребеньем –

После Гомера

Облако Зевса окутало мраком лишь вышнюю Трою,
Стены ее непреступные – где совершалось сраженье,
Где убивали друг друга трояне и войско ахейцев –
485 После данаи пошли к кораблям, снимали доспехи,
Пот и пыль, и присохшую кровь отмывать принялся,
В волны тела погрузив Геллеспонта, о струях прекрасных.
Солнце за тучи уже четверку свою загоняло,
Ночь ниспустилась на землю, мужей от трудов отрешая,
490 Стали данаи тогда Ахиллеса отважного сына
Славить с отцом наравне – и он в палатке с царями
Ужин вкушал, веселясь, – ведь труды ему не были в тягость,
Тяжкую смертным усталость Фетида снимала со внука,
Тем одарила, что вечно в нем свежие силы кипели.
495 Неоптолем же, насытив едою могучее сердце,
В отчий шатер удалился и в нем опочил на покое.
Прочие вои данайцы уснули, оставивши стражей,
Что при судах пребывали посменно – ведь все опасались,
Как бы троянцев бойцы или кто из союзных народов,
500 Сделав поджог, не лишил их возврата в родимую землю.
В граде Приама народы троян пребывали на страже,
Все, соблюдая черед, со стен наблюдали и башен,
Как бы аргивяне снова на них не пошли в наступленье.

Квинт Смирнский

Девятая песнь

В пору, когда, прогоняя потемки ночные, явилась
Эос от края земли, и Эфир озарился сияньем,
Неутомимое племя воинственных духом ахейцев
Жадно взглянуло на поле – и в небе, безоблачно чистом,
5 Иды узрело вершины, и знаменью все изумились.
Тою порою трояне решили, что больше не станут
Битвы вести пред высокой стеной – овладел ими ужас.
Вот обращает Антенор молитву к владыке бессмертных:
«О, Зевес, царящий на Иде и в небе лучистом!
10 Внемли молитве моей, отвори необорного мужа
С мыслями злыми его – прогони от родимого града!
То либо сам Ахиллес, не сошедший под своды Аида,
Либо ахеец иной, но во всем Ахиллесу подобный.
Войско царя богородного гибнет во множестве страшном
15 В городе славном, и нет избавленья от бедствия злого,
Нет – и резня, и убийство лишь день ото дня воскресают.
Отче Зевес! Неужто тебя не заботит, что гибнем
Мы от ахейских мужей, неужто совсем позабыл ты
Сына родного, Дардана, что столь побораешь ахейцам?
20 Если настолько ты в сердце своем распаляешься гневом,
Чтобы трояне бесславно погибли от дланей данаев,
Кончи ты с нами скорей и не дли наши тяжкие муки!»
Так говорил он, моля, и услышал Зевес его в небе –
Тотчас одно ниспослал, но другое свершить и не мыслил:
25 Зевс помахал головой, соглашаясь, что сгинут трояне
Множеством, вместе с детьми – но не двинул главы, обещая
Мощного сына Ахилла от града просторного Трои
Прочь отгонять – но напротив, разжег его, в сердце желая
Славу доставить и честь Нерейне Фетиде премудрой –

- 30 Вот таковое решение принял владыка бессмертных.
Тою порой на равнине меж града и вод Геллеспонта
Павших в сраженьи тела аргивяне, как и дарданцы,
Вместе с конями огню предавали – бои прекратились,
Царь ведь Приам к Агамемнону, также и к прочим ахейцам
35 Просьбу свою обратил – предать погребению мертвых,
Вестника к ним, Менета, послав – и они согласились,
К мертвым имея почтенье – на них они гнев не питали.
Справив, как должно, умершим костры погребальные, вскоре
Мужи-ахейцы вернулись к палаткам своим, а трояне
40 В царский дворец многозлатный Приама явились, горя
Об Эврипила кончине, которая всех удручала, –
Чтили в народе его наравне с сыновьями Приама,
Вот почему погребли его кости отдельно от прочих,
Перед вратами Дарданскими, там, где струится потоком
45 Водоворотистый Ксанф, умножаемый Зевсовым ливнем.
Тою порою пришел Ахиллеса бесстрашного отпрыск
Неоптолем на огромный курган отцовской могилы.
Горько рыдая, покрыл поцелуями стройную стелу –
Памятник павшему – и говорил среди слез и стенаний:
50 «Радуйся, отче, и в глубях земли. Тебя не забуду,
Хоть и спустился ты ныне к чертогам Аидова дома.
О, если б я средь ахейцев обрел бы тебя невредимым –
Мы бы с тобою тогда друг другу потешили душу,
Сколько бы вместе мы взяли богатств из Трои священной!
- 55 Ныне ведь ты и взглянуть на милого сына не можешь,
Мне ж, хоть и жаждал того, с тобой не пришлось повидаться.
Пусть ты уже средь умерших – как прежде врагов устрашают,
В трепет ввергая, в бою и копье твое, отче, и сын твой,
Мужам данайцам на радость – они ведь любят меня мною,
60 Столь на тебя я похож и телом своим и делами!»
Так говорил, отирая с ланит горячие слезы,

После пошел торопливо, к отцовским судам направляясь –
Шествовал он не один – двенадцать мужей-мирмидонцев
Следом за ним торопились, а с ними и старец почтенный,
65 Феникс, шагал, со слезами вздыхая о славном Ахилле.
Ночь поспешила на землю – рассыпались звезды по небу,
Ужин вкусили герои и сну предались, а наутро
Быстро броню оделись ахейцы, и блеск их доспехов,
Издали видный, сверкал, достигая высокого неба.
70 Хлынули вмиг из ворот бесчисленные вои аргивян,
Словно снежинки, когда они зимней порою несутся
В сильных порывах студеной метели от низкого неба.
Так же ахейцы к стене устремились, и шум невозможный
Вновь поднялся – и от ног их земля застонала ужасно.
75 Только трояне слышали крики и войско узрели –
Остолбенели, и замерло сердце в предчувствии тяжком
Близкой напасти – вокруг же враги, словно тучи, клубились,
Звонко гремели доспехи тяжелые их при движении,
Пыль из-под ног поднималась столбом и в воздухе висла.
80 Тут будто бог в Деифобово сердце влагает отвагу,
Делает твердым душой и страх совершенно отводит.
Впрочем, не бог, а собственный дух побуждал его к бою,
Чтобы копьем боевым отогнал он врагов от отчины.
Полный отваги, герой обращается с речью к троянам:
85 «Друзи! Воинственный дух в груди у себя укрепите!
Помните, друзи, какая печальная, страшная доля
Ждет побежденных и пленных всегда, как окончатся войны.
Не Александр теперь уже этой битвы причина,
Не за Елену мы бьемся – себя и супруг защищаем,
90 Бьемся за милых детей, за родителей наших почтенных,
Бьемся за нашу отчину – любимую, полную блеска,
Полную всяких богатств! Уж лучше погибнем в сраженьи,
Прежде, чем взору предстанет отчина под вражеским игом, –
Я полагаю, что злейшего зла не бывает на свете,

- 95 Худшей беды не случается с родом людским многобедным.
Страх ледящий отриньте! За мной! Укрепитесь душою
К битве жестокой! Вперед! Живой Ахиллес не восстанет
С нами теперь воевать – потому что его истребило
Жадное пламя костра. Но есть и другой меж ахейян,
100 Он-то народ и ведет. Но нам не пристало бояться
Ни самого Ахиллеса, ни причих ахейских героев –
Бьемся за родину мы! Не бегите от дела Ареса,
Раньше ведь нам доводилось выдерживать многое стойко.
Разве не ведомо вам, что дел процветанье и счастье
105 Часто рождается из самых тяжелых мучений для смертных,
Разве не знаете вы, что Зевес после бурного ветра
Злобной зимы посылает безоблачный день лучезарный,
Вслед за опасной болезнью приходят здоровье и сила,
Мир – после войн, ведь со временем вещи меняются местом».
110 Смолк. И зажглись трояне к Арееву делу, поспешно
Стали на бой собираться, и город наполнился громом –
То облакались в доспехи мужи для погибельной брани.
Жены, от страха дрожа перед боем за милых супругов,
Слезы ручьями лия, подносили спешащим оружие,
115 Малые дети к отцу подбегали, неся торопливо
Все, что в бою будет нужно – и он любовался неволью
С горькой улыбкой на них – хоть крушился, что плакали дети.
Это его понуждало с особой отвагою в сердце
Кинуться в бой, постоять за себя, постоять за потомство.
120 Вот и почтенный старик – на сыне умелой рукою
Все, что в жестоком бою защищает, надежно приладив,
В бой посылает его с наказом врагу не сдаваться –
Старые шрамы свои открывает, что густо покрыли
Тело его, оставшись на память о давних сраженьях.
125 Вот, наконец, снарядились, и толпы троянского войска
Вырвались вон из ворот, пылая к губительной брани.

Тут полетели вперед на врагов быстроногие кони,
Конница вражья – навстречу, пехота пошла на пехоту,
Шли колесницы вперед, колесницам навстречу – и страшно
130 Вся загремела земля, когда они в битву пустились,
Крик поднимался – ведь каждый боец бодрил себя криком.
Сшиблись. Взгремело оружие, смешались с грохотом вопли,
Множество сразу оружия друг в друга метнули две рати,
Страшный, невыносимый гром издавали, ударившись, копья,
135 В щит боевой попадая, мечи громыхали и дроты,
Лезвия острых секир изранили множество воев –
Кровь истекала ручьями и сплошь заливала доспехи.
Жены-гроянки со стен наблюдали, как юноши бились
В битве, исполненной криков, и в страхе всем телом дрожали,
140 К небу молитвы свои вознося о детях и братьях,
Вышним обеты творя за супругов – и древние старцы
Бой со стены лицезрели, о милых сынах беспокоясь.
Но пребывала одна со служанками в доме Елена,
Стыд непомерный ее не пускал на стене показаться.
145 Бились противники перед стеною – а черные Керы
Вкруг ликовали, и злая Эрида чудовищным криком
Тех и других подстрекала – и пыль под ногами от крови
В красный окрасилась цвет, – а воины гибли и гибли.
Тут Деифоб Гиппасида убил – боевого возницу,
150 Падает он с колесницы своей бысролетной на трупы –
Скорбь овладела его господином, а с ней – опасенье,
Как бы теперь Приамид и его умертвить не сумел бы.
Не ускользнуло сие от Мелантия – он в колесницу
Впрыгнул тогда поскорей на ходу и крикнул прегромко,
155 Сильно вожжами коней понукая, хлестнул он,
И, не имея меча, погонял их копьем своим длинным, –
Вот Приамид и отстал, и отсюда отправился дальше,
В самую гущу сраженья, и, ратуя, многих заставил
Встретить погибели дань, и носился средь вражьего строя,

- 160 Словно губительный смерч, и многие тысячи воев
Собственной сверг он рукой, и поле от трупов стонало.
Так устремляется с выси гористой в густую ложину
Муж-лесоруб и, работая быстро, срубает и валит
Лес молодой на уголь древесный – для этого надо,
165 В яме костер разведя, наложить огромные бревна,
После засыпать землей – и радует сердце работа.
Так под проворной рукой Деифоба ложились ахейцы
Замертво толпами, грудями наземь валясь, простирались.
Многие бились с троянами, но побежали иные
170 К берегу широкого Ксанфа, и, в самую воду загнав, их
Бил Деифоб – и в реке продолжал и резню, и убийство.
Так на берегах Геллеспонта, обильно богатого рыбой,
Сеть рыбаки из воды, напрягаясь усиленно, тянут
С моря на сушу, но все же покуда в воде еще сети,
175 Юноши прыгают быстро туда и большими баграми
Рыбу-меч истреблять начинают, и там, где настигнут,
Красным окрасится тотчас вода от пролитой крови.
Так Деифобовой дланью сраженные кровью своею
Ксанфа потоки мутили – и трупами наполнилось русло.
180 Не без потерь, не бескровно и Трои сыны воевали –
Их истреблял в фалангах других ахиллесов потомок
Мощный – за ним наблюдала Фетида, вдали пребывая,
Радуюсь смелому внуку, хоть все об Ахилле скорбела.
Ясень его копьею повергал огромные толпы
185 Вместе с конями – и гнал он врагов, и разил беспрестанно.
Вот поразил он Амида, что конным ему повстречался,
Но не спасло мастерство его конное – радость для сердца –
Неоптолем поражает его блистающей пикой
Прямо в живот – и ее острие со спины показалось,
190 Вышли наружу кишки – и взяла его черная Кера,
Тело же тотчас упало коню быстролетному в ноги.

Пали Асканий с Энопом, сраженные мощным ударом:
Первый – в желудок и в горло – второй; копье боевое
Вникло без промаха прямо туда, где для смерти дорога.
195 Всех он сражал, куда ни летел, – невозможно исчислить
Тех, кто погиб в этой битве от яростной длани ужасной
Неоптолема – не ведали устали члены героя.
Словно когда в обильной плодами маслиновой роще
Трудится юноша день напролет – его сильные руки
200 С веток оливы стрясают плоды при помощи палки,
Сыплются наземь маслины дождем и землю скрывают, –
Так и сраженные сыном Ахилла усыпали землю.
Отпрыск Тидея о мощном копье и сам Агамемнон,
Равно как прочие лучшие в войске данаев, трудились
205 В грозном бою неустанно – но страха сие не внушало
Душам троянских вождей – они горячо воевали,
В бегство мешая пускаться тому, кто бежать попытался.
Впрочем, другие, кто был вдалеке от царского взора,
Все же бежали из боя из страха пред силой ахейян.
210 Вот, наконец, замечает могучего отпрыск Ахилла,
Что при Скамандре-потоке все больше и больше данаев
Гибель свою обретают; немедленно он оставляет
Им избиваемых, что обращались в бегство ко граду, –
Автомедонта туда направляет, где гибнут ахейцы.
215 Тотчас возница бичом погоняет в кипящую битву
Силу бессмертных коней – рванулись они, полетели,
Прямо по трупам вперед понесли своего господина.
Так в мужегубную битву Арес устремляется мощный,
Встав на свою колесницу, и гонит коней, и под ними
220 Тяжко земля содрогается, тяжело гремят и доспехи,
Грудь облачившие бога, горящие бешеным блеском.
Так же и сын Ахиллеса летел Деифобу навстречу,
Схожий с Аресом – и кони копытами пыль воздымали
Мощным столбом. Увидав же противника, мудрый возница

- 225 Тотчас узнал Деифоба – и молвил к хозяину слово,
Славного мужа ему указуя: «Смотри, о владыка!
Вот деифобово войско, а вот и он сам показался.
В прежние дни пред родителем дрогнул твоим он, а ныне
Светлую смелость иль бог, или демон вложил ему в душу».
- 230 Так говорил – но хозяин на это ему не ответил,
Только велел погонять лошадей, дабы мог он быстрее
Гибель позорную прочь отогнать от теснимых данайцев.
Вот, наконец, оказались противники друг против друга.
Тут Деифоб, как ни жаждал сражения, стал недвижимо,
- 235 Будто огонь-истребитель, когда он воды достигает.
Столь Деифоб изумился, увидев коней Эакида,
Да и взглянув на него, исполинского сына Ахилла,
Столь же великого, сколь и родитель, он вдруг усомнился:
То ли бежать от него, то ли смело принять поединок.
- 240 Так вот бывает – в горах шакала кабан отгоняет
От поросят новорожденных – вдруг перед ним возникает
Лев, к нападенью готовый – и мигом кабан замирает,
Он ни вперед не решается прыгнуть, ни вспять обратиться,
Скалит большие клыки, и пена по морде стекает.
- 245 Так же застыл Приамид в колеснице, и кони стояли,
Страшно душою кипел он, копьё то и дело сжимая.
Тут обратился к нему несмягчимого сын Ахиллеса:
«Что, Приамид? Возомнил ты, что всех превосходишь в сраженьи,
Раз пред тобою дрожат слабейшие между ахейн?
- 250 Худших, бушуя, разишь ты в свирепом своем нападеньи!
Если и впрямь пребывает в груди твоей мощная сила,
Ну-ка, иди и попробуй копья моего боевого».
Рек и напал на него, словно яростный лев на оленя,
Кони несли в колеснице его, достоянье отцово,
- 255 Тут, несомненно, конец бы пришел Деифобу с возницей,
Но неожиданно черную тучу густую с Олимпа

Бог Аполлон посылает, скрывая героя из виду,
И Деифоба, из битвы восхитив, во град переносит.
Кинулись в бегство другие трояне, а сын Ахиллеса,
260 Воздух впустую копьем поразив, произносит сердито:
«Ах ты, собака! Ушел от меня! Еще бы – отвага
Помощь тебе не окажет – один из бессмертных, конечно,
Облако сбросил тебе и спас от беды неминучей!»
Молвил – а Кроноса сын огромную черную тучу
265 Вмиг, как туман, разогнал, и растаяла туча бесследно,
Видимы стали и бранное поле, и все, что в округе,
Только троянцы уже оказались теперь в отдалении,
Где-то у Скейских ворот. И Неоптолем устремился,
Схожий с великим отцом, на врагов, и они трепетали,
270 Словно мужи-мореходы, когда на корабль их несется
В море чудовищный вал, ширины необъятной, отвесный,
В пору, как смерч по пучине несется – и в трепете люди, –
Так и троян при его приближеньи оковывал ужас.
Неоптолем же, друзей ободряя, промолвил им слово:
275 «Слушайте, други! Бестрепетно дух облеките отвагой!
Как подобает мужам благородным и доблестным сердцем,
Жаждающим в битве победу стяжать, приносящую славу,
С честью из тяжкого боя явиться – так будем готовы
Сверх наших сил понапрячься, покуда не сможем разрушить
280 Славного города Трои, свои упованья исполнив.
Стыд ведь – столь долгие годы под городом сим пребывая,
Нам, не бессильным мужам, не лишенным, как жены, отваги.
Я предпочту умереть, чем воином слыть никудышным!»
Кончил – и смелость возжег еще большую к делу Арея
285 В душах ахейцев, и тотчас они на троян побежали.
С пылом трояне сражались вкруг стен городских, а другие –
Возле ворот, и со стен помогали им третьи – нимало
Страшный Арес не стихал – отразить нападение ахейцев
Силилось войско троян – и аргивяне дружно старались

- 290 Град захватить – и кипела повсюду жестокая сеча.
Тут на подмогу троянам, окутанный облаком пыли,
Сам Аполлон-Летоид слетает с высот Олимпийских.
Быстро носили его порывы стремительных вихрей,
В дивный доспех золотой Аполлон облачился – и ярко
295 Путь освещал он ему, словно блеск полыхающих молний.
Стрелы взгремели в колчане – и гулом Эфир отозвался,
Вся загудела земля в тот миг, как берега Ксанфа
Божья коснулась стопа, и крик его грянул ужасный,
В сердце троян поселяя отвагу, и ужас – в ахеян.
300 Страшно им стало в строю – но сие не укрылось от бога
Эносихтона – ободрить решил он их, дрогнувших сердцем,
Силу в ахеян вселить. И по воле бессмертных воздвигся
Смертный бой, и тысячи юношей за смертью пали
С той и другой стороны. Аполлон, разжигаемый гневом,
305 Двинулся было сразить Ахиллесова сына, как прежде
Он Ахиллеса сразил. Но слева вещие птицы
Подняли крик, чтоб его удержать своим вещим полетом.
Знаменья были еще и другие – но гнев непомерный
Внять им никак не желал – то видел и бог Черновласый, –
310 Облаком скрытый, пошел Посейдон к Летоиду – и мощно
Поступь владыки до недр всколыхнула всечерную землю,
Слово такое изрек Посейдон Черновласый, желая
Тем обуздать Летоида: «О сын, воздержись от убийства
Сына Ахилла, ведь гибель его Олимпийцу не в радость,
315 Мне же и прочим бессмертным богам, обитающим в море,
Скорьбь причинишь ты такую, как прежде убийством Ахилла.
В светлый изыди эфир, и гнева во мне не буди ты,
Как бы, смотри, не сотряс я земли непомерные недра,
С ними и весь Илион с домами и стенами вместе
320 Может во мрак провалиться – тебя огорчило бы это».
Рек Посейдон. Летоид устыдился пред братом отцовым,

Страх испытал за город с народом его благородным,
Тотчас на небо взошел, а дядя в пучину спустился.
Бой же, как прежде, кипел, наслаждалась Эрида сраженьем,
325 Вот, наконец, по внушенью Калхаса ахейские вои
Все ж отошли к кораблям и забыли о тягостном бое.
Было ведь им предсказанье, что Троию разрушат не раньше,
Нежели в лагерь ахейн придет Филоктетова сила,
Мужа, что сведущ в искусстве веденья войны многослезной.
330 Ведал все это Калхас по птичьему вещему лету,
То же и внутренность жертв говорила ему при гаданьи,
Опытен был в прорицаньях Калхас, как бог, многосведущ.
Так, положась на Калхаса, Атриды из битв удалились,
335 Стали затем снаряжать посольство на Лемнос – послали
Быстрый корабль, а на нем Одиссея и сына Тидея.
Плыли они по широким просторам Эгейского моря,
Вскоре достигнув Гефестова града на Лемносе славном,
Полном лозы виноградской – а там незадолго свершилось
340 Страшное дело – лемносские жены мужей перебили
В гневе безмерном на то, что, презрев их, мужья полонянок
Взяли в законные жены, фракиянок, с бою добытых
В пору, как землю фракийцев походом они разорили.
Женщины в ревности лютой, что в душах безумиц вскипела,
345 Враз перебили любезных супругов под кровом домашним, –
Всех перебили своими руками, без жалости всякой,
Хоть и с девичества связаны были супружеством с ними.
Ревности тяжкий недуг, коль на жен иль мужей нападает,
Полностью душу меняет, как в сердце поселится смута –
350 Ведь постоянно ее разрывают сильнейшие муки.
Сила вскипела огромная в них, и, духом не дрогнув,
Вот и лемносские жены в единую ночь истребили
Всех мужей, и град в одночасье их сделался вдовьим.
В Лемнос приплыв, герои вступили в большую пещеру –
Там обретаясь, лежал Филоктет, преславный Поианта

- 355 Сын – и герои, войдя, в изумленьи застыли.
Видят они – пред ними стенает в ужаснейших муках
Муж, на холодной простертый скале – а вокруг него перья
Ложе его настиллом густым покрывают, и сам он
Перьями словно облеплен, спасаясь от холода злого.
- 360 Голод когда напал на него, причиняющий муки,
Он посылаа наугад стрелу, что без промаха била,
Птиц поражал – и мясо их ел, и ошипывал перья,
Их налагал он на тело, жестокие боли смягчая.
Волосы на голове его, слипшись, торчали клоками,
- 365 Словно у лютого зверя, попавшего ночью в ловушку –
Ловчий подстроил ее – и зверю защелкнуло лапу,
Выхода нет – и сам себе зверь отгрызает клыками
Край своей лапы, спасаясь, и в логово скрыться стремится,
Мучимый голодом злым и болью ужасной от раны.
- 370 Так Филоктета в пещере просторной замучили боли.
Все его тело иссохло, остались лишь кости да кожа,
Грязь покрывала лицо, образуя подтеки ужасно,
Боль его страшно терзала, глаза под бровями ввалились.
Так он страдал непомерно, и тяжело стонал беспрестанно,
- 375 Даже на миг не смолкал этот стон, раздирающий душу,
Страшные раны до самых костей ему плоть разъедали,
Гноем снаружи сочась, причиняя бессчетные муки.
Так же высокие кручи у края шумливого моря
Вечной крушатся волной, размывающей твердые камни,
- 380 Ветры породу грызут, и долбит прибой постоянный,
Трещины в них и проемы тогда образуются всюду –
Так от подошвы его разрасталась и ширилась рана,
След ядовитой стрелы, напитанной страшной отравой,
Ядом, истекшим с зубов чудовищной гидры Лернейской,
- 385 Он, коль прольется на землю, засохнет под солнцем палящим, –
Неисцелим и губителен страшно – и эта отрав

Столь превосходного мужа терзала великою мукой –
Он же был сломлен уже исцеленья неймущим страданьем.
Наземь из раны текла постоянно, сочилась по каплям
390 Жидкость из пор, и пачкала землю в просторной пещере.
Так и оставшись на диво для смертных в других поколениях,
Возле палатки валялся колчан его, стрелами полный.
Стрелы одни для охоты служили ему, а другие
Были для битвы с врагом – ведь их наконечники мазью,
395 Яд содержащие гидры, намазаны были, – а рядом
Лук превеликий лежал, что сделан из гнutoго рога –
Неутомимые длани Геракла его сотворили.
Вот Филоктет заприметил, что гости явились в пещеру.
Тотчас хотел он обоих сразить отравленным жалом
400 Стрел ядовитых – ведь вновь закипел он неистовым гневом,
Вспомнив, как бросили подло его, стенавшего тяжко,
Здесь, на пустынном морском берегу, одного бессердечно.
То бы свершил он, чего хотело отважное сердце,
Если бы пагубный гнев с него Афина не смыла,
405 Гнев при виде знакомцев. Они же к нему подступили,
Горем, казалось, объята – и оба, усевшись в пещере
С той и с другой стороны от него, начинают расспросы
Все про несчастья его и про тяжкую, страшную рану.
Тотчас тогда Филоктет и поведал им все свои беды.
410 Стали герои его утешать – говорили, что язву,
Тяжкую муку и боль они исцелят непременно,
Если отправится он к ахейскому войску, что ныне
В злую попало беду при своих кораблях быстроходных
Вместе с Атридами – этого горя никто из ахейян
415 Не был причиной – виновного нет – то злобные Мойры,
Те, от которых нельзя никому ни уйти, ни сокрыться –
Вечно витают они, невидимы взору, средь смертных,
День ото дня и над родом людским, что хотят, вытворяют.
Вздумают силу отнять – и отнимут ее беспощадно,

- 420 Вздумают славой нежданно покрыть – и в своем произволе
Шлют они смертным, чего захотят, – быть может – печали,
Может, и светлое что. Внимал Филоктет Одиссею,
Слушал Тидида, подобного богу, – а гнев понемногу
Тяжкий с души отходил и с легкостью кончился вовсе.
- 425 Больше уже Филоктет на ахейн ничуть не сердился.
Тут провожают его Одиссей с Диомедом на берег,
Радостью полнясь в душе, ни лука, ни стрел не забывши.
Перистой губкой затем отерли и тело, и рану
Страшную, после водой Филоктета омыли обильно.
- 430 Он же как будто вздохнул – вот, наскоро ужин сготовя,
Славный, его накормили, голодного, сами поели
На корабле. Амврозийная ночь прилетела на землю,
Сон ниспослала – и все до утра оставались на Лемне,
Всюду омытом соленой водой, а с лучами рассвета
- 435 С места поспешно снялись, изогнутый подняли якорь,
Вкруг корабля усердно трудясь. И Афина послала
Ветер попутный, и дул он в корму остроносому судну.
Быстро с обеих сторон паруса наполнились ветром,
Правя сколоченный славно корабль, и мчался он резво,
- 440 Несся по шири морской, и резал он черные волны
С плеском, и белая пена с обеих сторон закипала,
И, окружая корабль, дельфинов веселая стайка
Резала волны седые – дорогу соленого моря.
Вот и вошли в Геллеспонт, где водится рыба обильно,
- 445 Вот и стоянка судов – и радость ахейн объяла,
Как увидали они, кого с нетерпением ждали.
Те же сходили на землю – и под руки крепко держали
Сына Пойанта отважного два человека, а сам он
Медленно шел на священную землю, ужасно хромя,
- 450 Крепкие руки мужей надежно его подпирали –
Если в лесу дровосек не под корень срубает деревья –

Дуб ли, сосну ли смолистую срубит всего вполювину –
Дерево еле стоит, как его человек и оставил –
Вырезав части его, добывая для факелов ярких
455 В пищу огню – смолы, и вот на склоне гористом
Жалкий древесный обрубок бессильно под ветром клонится.
Так Филоктет, отягченный страданьем, склонялся на руки
Храбрым героям, хромал, как вели его к войску ахеян,
Полному пыла Ареева. Те же, когда увидали
460 Славного мужа-стрелка, отягченного раной ужасной,
Жалостью острой прониклись. И равный богам Подалирий
Тотчас его исцелил и вернул и здоровье, и крепость
Силой ума своего – и вот как он это проделал:
Дивно умелой рукой он рану лекарством намазал,
465 Часто отца своего призывая, изрек его имя, –
Ахнуло войско ахеян, прославив Асклепия сына, –
После того, как оливковым маслом протер он больного,
Злая болезнь и мученья его совершенно исчезли
Волей бессмертных богов – ликовало ахейское войско,
470 Видя сие – а герой Филоктет вздохнул от несчастий,
Бледность сменилась румянцем, бессилие – крепостью свежей,
Тело его возросло и силы исполнилось мощной.
Так вот бывает – обрушится ливень на спелую ниву,
Страшно полягут хлеба с налитыми колосьями наземь.
475 Ливень уймется – и встанут хлеба, их ветры подсушат,
Вновь улыбается нива, впитавшая труд неустанный.
Так Филоктет после прежних несчастий, его угнетавших,
Снова зацвел, засиял – а беды свои и печали
Бросил навеки в ужасной пещере о каменных сводах.
480 Диву Атриды дались, что от пагубной смерти восстал он –
Молвили оба, что это, конечно, работа бессмертных –
Стал он и ростом высок, и красив ослепительным блеском –
Так оно было и впрямь, как Атриды о сем полагали.
То Тритогена благая его таковым сотворила,

- 485 В точности сделав таким, каков был он и в прежнее время.
В царский шатер Агамемнона тут повели Филоктета,
Сына Пойанта – другие цари устремились туда же.
Там прославляли они Филоктета в почтеньи великом,
После, когда уж насытили их и еда, и напитки,
490 Сам Агамемнон, прекрасный копейщик, к нему обратился:
«Друже! Когда ты, покинутый нами, остался на Лемне,
Всюду омытом волной, что свершилось по воле бессмертных,
Разум отъяввших у нас – воспыал ты чудовищным гневом.
Мы же свершили сие по прямому внушенью блаженных,
495 Замысел их – на нас ниспослать величайшие беды
После того, как останемся мы без тебя, способного мигом
Стрелами всех истребить, кто посмеет с тобою сразиться.
Волею Мойр и землю, и все беспредельное море
Сеть покрывает бесчисленных дорог, невидимых взору –
500 Жизней людских то пути, пути бесконечных блужданий.
Множество разных развилок у них, и эти дороги
Часто и кривы, и узки, и скрещены между собою.
Носит по ним человеков, куда божество предрешило,
Словно листву, что несется, взметаясь под веяньем ветра.
505 Часто доводится добрым идти по недоброй дороге,
А негодяй – на прекрасной стезе. Невозможно для смертных,
Нас, населяющих землю, пути ни избрать, ни избегнуть.
Мудрый, когда занесет его буря на трудные тропы,
Должен несчастья сносить, скрепив свое стойкое сердце.
510 Мы, помрачившись умом, тебе причинили обиду –
Мы и загладим ее, как возьмем богозданную Троию –
Ныне ж семь женщин прими и двенадцать коней быстроногих, –
Брали награды они, – и двенадцать треножников также.
Будешь всегда, что захочешь, иметь – и в наших палатках
515 Царскую честь на пирах получать постоянно ты станешь».
Молвил и отдал герою прекрасные эти подарки.

Все получив, отвечал Пойанта могучего отпрыск:
«Друже! Не гневаюсь я на тебя и на прочих аргивян,
Зла не держу за обиду, что мне причинили когда-то,
520 Знаю, что муж благородный подвижным умом обладает,
Тяжкому буйству безумную волю давать не годится,
Гневу на время предавшись, менять его нужно на милость.
Ныне ж пойдем на покой – когда собираешься в битву,
Лучше побольше поспать, чем слишком в пиру засидеться».
525 Рек Филоктет и в палатки дружины своей устремился.
Тут сотоварищи ложе царю, превосходному в битвах,
Стелят скорее для сна, и сердца их наполнены счастьем.
Лег Филоктет и сладостным сном до утра наслаждался.
530 Ночь улетела – окрасило солнце вершины нагорья,
Смертные встали от сна и скорее взялись за работу –
Мужи аргивские стали на бой собираться радиво,
Копья точили свои, острили и тонкие стрелы,
Дроты охотничьи. Утро настало – готовили завтрак,
Пищу себе и коням, и обильно едой подкрепились.
535 Тут обращает к аргивянам речь беспорочный потомок
Мощного мужа Пойанта, на бой побуждая кровавый:
«Ныне, друзья, порадеем в бою! Да никто из аргивян
Пусть при судах не пребудет, пока не сождем, не разрушим
Славные стены и крепкие башни божественной Трои».
540 Рек, и аргивяне в сердце своем ликовали, внимая,
Все облакались в доспехи, и, плотно сомкнувшись рядами,
Копья держа наготове, пошли от судов на равнину –
Все оснастились щитами, и шлемы на них возвышались.
Тесно прижавшись друг к другу, в строю боевом продвигались –
545 Можно подумать, что двигалась плотная, слитая масса,
Столь неразрывно, столь крепко построилось войско на битву.

Десятая песнь

- Войско троян находилось уже за Приамовым градом,
Все в боевом облачении, при них колесницы с конями.
Так, в готовности к бою, и мертвых они сожигали
В страхе, что войско ахейян на них неожиданно выйдет.
- 5 Вдруг они видят, что рати врагов направляются к Трое,
Близятся быстро, и в спешке великой трояне умершим
Холм насыпают могильный, объятые страхом безмерным.
Тут обращается к ним, гнетомым великой тоскою,
Полидамас, меж троянцев умом выдающийся мудрым:
- 10 «Други! Я вижу, Арей нестерпимо над нами бушует.
Лучше помыслим, нельзя ли найти нам какое-то средство
Против ужасной войны. Данаи ведь нас одолеют.
Думаю, лучше теперь нам подняться на крепкие башни,
Там пребывая и ночью, и днем, сражаться с врагами,
- 15 Вплоть до поры, как они удалятся в цветущую Спарту,
После того, как, бесплодно у стен пребывая надежных,
Этой осадой наскучат они, – не окажется мощи
Нужной, чтоб стены разрушить, хоть сколько ни станут стараться.
Боги поставили стены сии на века нерушимо.
- 20 Мы ни в еде, ни в питье нужды не узнаем нисколько:
Множество разных запасов хранится в Приамовом граде,
В доме его многозлатном, в домах и у прочих троянцев.
Хватит нам этой еды на самое долгое время,
Будет в достатке всего, даже если врагам на подмогу
- 25 Явится войско, что трижды ахейцев числом превосходит».
Рек, и ему возражает отважный потомок Анхиза:
«Полидамас! Не тебя ли у нас мудрецом величают!
Как же ты можешь велеть нам столь долго терзаться в осаде!
Нет! Не наскучит ахейцам она, сколь бы долго не длилась!

- 30 Силы у них возрастут, как увидят, что мы уклонились.
Мы же во граде изведем муку, и страшную муку,
Если на долгое время они окружат нас осадой,
Сладкого хлеба из Фив никто ведь уж нам не доставит,
Не привезут из Меонии нам и вина, как запремся
- 35 В городе мы. И начнем постепенно от голода все мы
Гибнуть ужасно, и стены спасти от него нас не смогут.
Так, убегая от Керы и страшного рока в сраженьи,
Мы непременно погибнем ужасной голодною смертью.
Лучше давайте сражаться, пусть все за оружие возьмутся,
- 40 Дети и старые старцы, и Зевс нам, возможно, поможет, –
Мы ведь на свет появились от Зевсовой крови пресветлой.
Если же мы ненавистны ему, уж лучше погибнем
Славно, в бою защищая свою дорогую отчизну.
Это ведь лучше, чем ждать своей смерти в бездействии жалком!»
- 45 Смолкнул, и шумно одобрили слово Энея трояне.
Стали скорее друг другу доспехи прилаживать крепко,
Копья хватали, мечи. Тут взор необорного Зевса
Вниз устремился с Олимпа на них, оснащавшихся к бою
Против ахеев, он дух им разжег, и противников к бою
- 50 Пылом объял: ведь в этом бою надлежало Парису,
В битву вступив за жену, умереть от руки Филоктета.
Оба народа сошлись, их свела, ухмыляясь, Эрида,
Взорам людским недоступная, скрывшись в кровавом тумане.
Страшную бойню она разожгла, подстрекала, носилась
- 55 То средь агривских полков, то меж строя могучих троянцев,
Фобос и Деймос за ней неотступно повсюду метались,
Следом за теткой своей, отцову сестру почитая.
Стала она, возрастая, безмерной, и небо закрыла,
Из адаманта доспехи ее были залиты кровью,
- 60 Воздух копьем сотрясала она, а под страшной стопою
Вся колебалась земля, – Эрида огонь выдыхала,

- Крик ее страшный стоял, к убийству мужей подстрекавший.
Вскоре смешались рати, сшибаясь в губительной схватке.
В дело великое их божество свирепое ввергло.
- 65 Шум поднялся тут такой, словно сильные ветры дохнули,
Те, что в начале зимы листву с деревьев сдувают
И усыпают всю землю в лесу, или, как при пожаре,
Страшная сила огня среди леса сухого бушует,
Треск поднимаемая и шум, иль как море ревет, завывая,
- 70 Ветры гудят, и громадные волны гремят беспрестанно,
И холодеют, от страха дрожа, на судах мореходы, –
Так по широкой земле чудовищный шум прокатился.
Страшная сеча пошла, нападали враги друг на друга.
Первым из храбрых данаев сражает Эней Гарпалона
- 75 Аризелида, – на свет он явился в земле Беотийской,
Мать Амфинома его родила, он в Троию явился
Вместе с дружиной вождя Протоенора, славного мужа,
Дабы аргивянам помощь подать, – но его поражает
В мягкое чрево ударив, Эней, отрешивши от жизни.
- 80 После него Анхизид укрощает Терсандрова сына, –
Гилл было имя его, – вогнавши копьё ему в горло.
Мать Аретуса его родила при водах Летейских
В Крите, кончина его была горем для Идоменея.
Отпрыск Пелида двенадцать троянских мужей поражает
- 85 Разом великим копьём отца своего Ахиллеса.
Первого Кебра, затем и Армона и Паситеона,
После Исмина, за ним имбрасийского Схедия, Флега,
Там Мнесеона, Эвнома, а после и Амфиноома,
Фасия, после – Галена, что домом владел на Гаргаре,
- 90 В месте крутом, он сиял между воев троянских известных
Мужеством славным, и прибыл он к ним с многочисленным войском
Биться за Троию – Приам Дарданид посулил ему много

Выдать прекрасных даров, если станет сражаться за город.
О неразумный! Не знал своей доли, не ведал, что скоро
95 Замертво он упадет в жестоком и страшном сражении,
Прежде чем взять из Приамого дома большие подарки.
Тут напускает зловещая Мойра на воев аргивских
Друга Энея могучего, звали его Эврименом,
Смелость вдохнула в него непомерную, – многим ахейцам
100 Роком назначенный день он ускорил своею десницей.
Всюду разил Эвримен, подобный свирепому зверю,
И расступались повсюду враги перед ним, нападавшим.
Так бы бессчетно ахейцев сразил он в сей битве смертельной,
Если б рука не устала его, и копье не погнулось,
105 Если бы резать врагов его меч уже не затупился,
Если бы участь его не взяла, – сокрушил его мощный
Мегес-герой, во чрево копье погрузив Эвримену,
Разом желудок рассек, и кровь на устах показалась,
Хлынула сильным потоком, и Мойра его захватила,
110 Замертво пал Эвримен, и слуги героя Эпея –
Деилеон с Амфионом – доспех его снять устремились.
Тотчас Энеева сила напала на них и сразила
Двух, посягавших на труп Эвримена, Энеева друга –
Так в винограднике ос истребляют, что рвутся на гроздья,
115 И упадают они, перебитые, близ винограда,
Так не успев и попробовать ягод прозрачных, созревших, –
Осам подобно, погибли герои, не взявши доспехов.
В битве сразил Диомед Менонта и с ним Амфиноя,
Двух превосходных мужей. А Парис поразил Гиппасида
120 Демолиона, который в Лаконской земле обретался,
Возле струящихся вод широкого тока Эврота,
Он с Менелаем воинственным вместе под Троию явился.
Но Александр стрелою попал под сосок ему правый,
Тотчас же душу исторгнув героя из членов могучих.

- 125 Тевкр поражает Дзехина, Медонтова славного сына,
Жил он во Фригии, там, где отары овечьи обильны,
В некой священной пещере, владеньи прекраснокудрявых
Нимф, где когда-то уснувшего Эндимиона героя
С высей небесных Селена узрела, – он спал возле стада.
- 130 Тотчас жестокая страсть низводит бессмертную с неба,
К юноше злая любовь, и в память о ложе богини
Знак под дубами еще и поныне остался, как будто
Млеко коровье разлито по роще, – потомкам на диво,
Люди и ныне дивятся, ведь если смотреть издалека,
- 135 Кажется, плещется млеко густое, – подойдишь поближе,
Думаешь, белая влага, а если уж станешь вплотную,
Видишь, – на самом-то деле там камень молочного цвета.
Двинулся Мегес затем на Алкея, Филеева сына.
Под трепетавшее сердце копье он вогнал боевое,
- 140 Век многомилый мгновенно отъяв от героя Алкея.
Правда, и Мегес с войны не вернулся, исполненной криков,
Не дождались его, как не мечтали, родители в доме:
Маргас, отец, и мать о поясе дивном, Филлида, –
Жили они близ пресветлых потоков Гарпаса, который
- 145 Воды в Меандру несет, и течение его подымает
Шум несказанный и ночью, и днем стремниной бурлящей.
Сын Оилея Аякс при встрече наносит раненья
Главкову смелому другу, а звали его Скилакеем.
Он чуть повыше щита его ранил, копье боевое
- 150 Так и вонзилось в широкое рамо, и кровь побежала,
Щит заливая бычачий. Но выжил герой, не настала
Смертного часа пора, что ждал его по возвращеньи
В милую землю отчизны, под стенами града родного.
Трою как взяли ахейцы, один, без дружины, вернулся
- 155 В Ликию он, и у стен городских ему вышли навстречу
Женщины града с детьми, вопрошая о том, где мужья их.

- Он им поведал о смерти дружины, и жены камнями
Насмерть забили его, не дав насладиться возвратом.
Он несказанно кричал, но камнями его завалили.
- 160 Так могила ему оказалась могильным курганом
Близ священной гробницы могучего Беллерофонта,
Недалеко от скалы Титаниды, известной повсюду.
Беллерофонт же, в свой день роковой обреченный кончине
По Аполлоновой воле, впоследствии стал почитаем,
- 165 Словно само божество, негибнувшей честью и славой.
Тут Филоктет Пойантид сражает Деионея,
С ним Акаманта, копейщика мощного, Антенорида,
Так же и прочих троянских воителей целые толпы.
Он нападал на врагов, с Ареем стремительным схожий
- 170 Или с потоком ревушим, что мощные стены свергает,
Бурной водой затопляя, когда начинается ливень
В местности горной, и вниз устремляются целые реки
Вместе с камнями, и все на пути у себя сокрушают.
Нет им преград никаких, до того необорно бушуют.
- 175 Так и к отважному сыну преславного мужа Пойанта,
Только завидев его, никто и не смел приближаться.
Мощь возросла в его сердце немислимо, тело облек он
В крепкий Гераклов доспех нерушимый, прекрасной работы.
Пояс блистательный был на герое, на поясе этом
- 180 Дикие были медведи свирепые, были шакалы,
Злобные, страшным оскалом на нем ухмылялись пантеры,
Взор исподлобья меча, а рядом – могучие волки
И кабаны белоклыкие, львы, неимушие страха, –
Все, как живые – вокруг же кипела жестокая битва,
- 185 Всюду резня, и повсюду свирепые были убийства.
Вот что на поясе сем преискусно сработано было.
Мощный героя колчан украшали другие фигуры:

Отпрыск Зевеса Гермес, чья поступь быстра, словно ветер,
Возле Инаховых вод сражающий Аргуса насмерть, –
190 (Тысячи глаз его разом не спали, блюли очередность),
И Фаэтонова сила, что близ Эридана потока
Пал со своей колесницей, и окрест земля запылала.
Черный дым будто впрямь поднимался, клубяся, на воздух.
Был и Персей богоравный, сражал Горгону – Медузу
195 Там, где купаются звезды, у крайних пределов вселенной,
Близ Океана истоков глубокопучинного, – солнце
Там погружается в сон, и ночь излетает оттуда.
Был и великий потомок Япета, висел он, прибитый
Несокрушимою цепью к отвесной скале над Кавказом,
200 Страшный орел прилетал постоянно клевать ему печень,
Вновь вырастала она, и казалось, что слышатся стоны.
Вот каково было дело Гефестовых рук многославных,
Дар для Геракла, который потом перешел к Филоктету,
Сыну Пойанта, что был для него домочадцем и другом.
205 Дивным красуясь оружием, врагов Филоктет истребляет.
Вдруг Александр примечает его, и стрелу вынимает,
Тотчас берется за лук и, его натянув, выпускает
Смело стрелу в Филоктета, готовя, наверное, гибель.
Вот тетиву отпустил, и она, как струна, зазвенела.
210 Быстро стрела полетела, и лет ее не был бесплоден,
Но не попал в того, куда целил Парис, а сразила,
В сторону чуть полетев, Клеодора, преславного мужа,
Малость повыше соска вонзилась, в плечо проникая.
Был Клеодор без большого щита, что прикрыл бы надежно.
215 Он, оснащенный легко, отступил, но секирой тяжелой
Полидамас у него на плечах ремни разрубает,
Щит разбивает ему, Клеодор устремляется снова
В бой, потрясая копьем, но его, наконец, настигает
Злая стрела, что со свистом опять полетела, – такую

- 220 Демон замыслил погибель для Лернова славного сына,
Мать Амфиала его родила на Родосе тучном.
Только поверг Александр Клеодора стрелой многостонной,
Крикнул ему Филоктет, беспорочный потомок Пойанта,
Лук натянув свой могучий, и рек он ему громогласно:
225 «Пес! Умерщвляю я тебя и предам всепогибельной Кере,
Раз уж осмелился ты попытаться со мною сравниться.
Вот уж народы свободно вздохнут от войны многобедной,
Что по твоей лишь вине мы ведем, и с кончиной твоею
Будет спасенье от тяжелой беды, тобой навлеченной!»
230 Рек Филоктет и лук натянул, к себе прижимая
Возле сосца, и лук изогнулся, стрелу выпуская,
Ту, что без промаха бьет, а лук его тем отличался,
Что прилагалась лишь малая сила, и звонко запела
Вся тетива, опуская стрелу, и муж беспорочный
235 Не промахнулся, но смерти мгновенной Париса не предал,
Силы еще оставались, ведь жало стрелы миновало
Жизненных сил средоточье, лишь кожу ему пропороло.
Лук поднимает Парис, но, его обогнав, попадает
Отпрыск любимый Пойанта стрелою с отточенным жалом
240 В область, что паха повыше, и боле не в силах сражаться,
Быстро бежал Приамид, как пес перед львом отступает,
Хвост поджимая от страха, хоть прежде напасть устремлялся.
Так и Парис удалился из боя, и сердце пронзала
Страшная мука и боль. А народы все бились и бились
245 В месиве сечи. Потоками крови Вражда заливала
Тех и других, и на трупы все новые падали трупы
Часто, как капли дождя или град, или снежные хлопья,
В пору, когда, по приказу Зевеса, Зефир рассыпает
Их среди горных лощин и густого дремучего леса.
250 Так и ахейцы, и воины Трои под Керой свирепой
Падали наземь, валясь друг на друга, везде громоздились.

Тяжко от боли стонал Александр, ужасная рана
Душу терзала его, – лекаря обступили больного.
Тою порой возвратились трояне во град, а данаи
255 Тотчас ушли к кораблям, – то черная ночь прекратила
Боя сумятицу, всем отрешая усталость от членов,
Сон им на вежды послал, целителя бед и страданий.
Только Парис до зари не мог смежить свои очи,
Боль не стихала его, не нашлось никакого лекарства,
260 Все перепробовал он, – ведь судьбой предначертано было,
Смерти он сможет избежать лишь с помощью нимфы Эноны, –
Только Энона от раны и смерти спасти его может,
Если того пожелает. И вняв предсказанью, пошел он,
Хоть не лежала душа, нужда повлекла повстречаться
265 С прежней супругой. Он шел, а птицы зловеще кричали
Сверху, с верхушек деревьев, и слева они пролетали.
Глядя на знаменья эти, то страхом Парис наполнялся,
Чуя недоброе сердцем, то вновь исполнялся надежды,
По легкомыслию и безрассудству, шаги ускоряя.
270 Вот и пришел он к прелестной Эноне. Увидев Париса,
Все поразились служанки, а с ними – сама и Энона.
Прежней супруге Парис немедленно грянулся в ноги,
Темные пятна по телу его синевой отливали,
Гниль добиралась до мозга костей, ведь Парисово чрево
275 Пагубный яд разлагал, проникнувши внутрь через рану.
Душу терзала ему нестерпимая мука свирепо.
Так вот бывает, когда человек, одержимый недугом,
Жаждой безумной горит, и ссыхается крепкое сердце,
Желчь лихорадкой палит, и душа его слабо порхает
280 Возле иссохшихся уст, и молит она, домогаясь
Равно и жизни, и влаги. И так же в груди у Париса
Страшно пылала от боли и муки душа, и, слабея,

Еле живой, обращает к Эноне он слово такое:
«Жено почтенная! Я умоляю: призри на страданьи,
285 Не отвергай со враждой за то, что тебя я покинул,
Сирой оставил в чертоге – не волей своей – это Керы!
Керы меня увлекли за Еленой. О, если бы мог я
Прежде, чем с нею сойтись, в объятых твоих и скончаться!
О, заклинаю богами тебя, что на небе высоком,
290 Ложем твоим заклинаю и нашим супружеским счастьем,
О, смягчись же ко мне, оставь свои скорби и злобу,
Дай мне лекарство на рану сию, от которой я гибну!
Так суждено: ты одна лишь способна прогнать мою муку,
Если того пожелаешь, – в твоей это власти, Энона,
295 Либо спасти, либо нет – мою жизнь от погибели страшной!
Сжался, молю, поскорей и силу стрелы смертоносной
Прочь отрази, поспеши, пока еще жизнь в моих членах!
Если не жалишься ты и, ревностью полнясь жестокой,
На смерть меня обречешь, – паду я, сраженный судьбиной,
300 Здесь же, у ног твоих прямо. Но знай – оскорбятся богини,
Зевса могучегремящего дочери, Мольбы, если их не уважишь.
Гневом пылают они на людей чрезмерно надменных,
Им посылая вослед Эриний, а месть их ужасна.
Я умоляю тебя, защити же меня поскорее,
305 Кер отгони, ведь тебя я оставил по глупости страшной!»
Так говорил, но не смог разогнать ее черные мысли.
С горькой усмешкой сказала Энона больному Парису:
«Как же посмел ты явиться ко мне? Не меня ли ты бросил
В доме моем горевать в несказанной тоске и обиде
310 Ради преславной своей Тиндариды? И все похвалялся,
Что наслаждаешься ложем ее, что она несравненно
Лучше законной жены, ведь она, говорят, не стареет.
К ней и ступай, обнимай ей колена и жалкие речи
Ей говори, а не мне, заливаясь со стоном слезами.

- 315 О, если б сердце мое обладало звериною силой,
Люто тебя б растерзала и кровью твоей напилась бы!
Вот нечестивость твоя до чего довела мою душу!
Ну, вероломный, и где же теперь у тебя Киферая?
Где же твой Зевс необорный, почто не поможет он зятю?
- 320 Их и моли о спасеньи своем! А теперь убирайся
Прочь от чертогов моих, беда для людей и бессмертных!
Из-за тебя, нечестивый, и боги извели горе,
Кто о погибших сынах, а иные о внуках убитых.
Прочь от меня удались, отправляйся обратно к Елене!
- 325 Должно тебе перед ней издавать свои стоны и вопли,
В спальне на ложе ее, и, денно и ночью терзаясь,
К ней обращаться с мольбой, покуда тебя не излечит!»
И прогнала его прочь от себя, и пошел он, рыдая.
О, неразумная! Доли не знала своей! Ведь судили
- 330 Керы и ей умереть немедленно вслед за супругом.
Вот какова была участь Эноны по воле Зевеса.
Брел, спотыкаясь и жалко хромя, по склонам Идейским,
Густо заросшим, Парис, и душа его мукой крушилась.
С радостью в сердце бессмертном его заприметила Гера,
- 335 Сидя на высях Олимпа, где сад помещался Зевесов.
Рядом с богинею Герой сидели четыре служанки,
Их породила Луна светлоокая Солнцу когда-то
В небе широко, и вечные девы ничуть друг на друга
Не походили, настолько собой друг от друга разнились.
- 340 Ведала первая дева зимой и самим Козерогом, –
Вслед друг за другом четыре идут и собой разделяют
Год для людей, но все это дело великого Зевса.
С Герой они меж собой говорили и так порешили,
Чтобы свирепая Участь измыслила промыслом злобным
- 345 К браку Елену подвигнуть и взять Деифоба в супруги,
После к коварству Гелена толкнуть, и в злобе и мести

Он устремился бы в горы и был там ахейцами схвачен,
И приведен к кораблям, на троян пылающий гневом,
Дабы потом по его наущенью потомок Тидея,
350 Славный герой Диомед, и с ним, как всегда, неразлучно
Вместе герой Одиссей, ворвавшись за мощные стены,
Гибель смогли принести Алкатою и выкрасть из града –
Не без желанья самой Тритолены разумной, – похитить
Града троянцев священный кумир – залог их спасенья.
355 До похищенья сего никто из богов был не в силах,
Как не гневился, добиться гибели Трои богатой,
Если богиня сама пребывала во граде священном.
Сей кумир был не смертной рукою железом обточен,
Нет, с Олимпийских ворот его низвергнул Кронион
360 В град многославный Приама, обильный богатством и золотом.
Вот о чем говорили супруга Зевса и девы,
Геры служанки, и много другого, Парис же на Иде
Так и остался, Елена возврата его не узрела.
Горные нимфы его окружили и плакали горько,
365 Память жила еще в их сердцах о Парисе-мальчишке,
В прежнее время не раз они вместе вели разговоры.
С нимфами вместе скорбели, душой предаваясь печали,
Пастыри стад, на плач отвечала им эхом лощина.
Тою порою супруге Приама о гибели сына,
370 Страшной кончине Париса, пастух возвещает печально.
Как услышала царица, дыхание в ней замолкает,
Ноги ее подкосились, и молвит Гекуба, рыдая:
«Милое чадо, ты умер! А мне оставляешь печали
И неизбежную скорбь, ведь ты после Гектора лучшим
375 Был средь моих сыновей, а теперь по тебе я рыдаю,
Буду рыдать я и впредь, пока мое сердце трепещет.
Не без богов наши беды, то некая Айся решила

- Страшное нам ниспослать, – о если б могла я скончаться
В мирное время, спокойно, своим наслаждаючись счастьем.
- 380 Ведь полагаю, узреть доведется и худшего много, –
Гибель своих сыновей, разграбленье града родного,
Страшный пожар, что устроят жестокие вои данайцы,
Милых своих дочерей и невесток, ведомых в неволю,
Вместе с другими троянками ставших добычей военной!»
- 385 Так причитала Гекуба, Приам же пока что не ведал,
Он на могиле у Гектора-сына сидел со слезами:
Гектор был лучшим из всех сыновей и оплотом отчизны,
Но о кончине Париса Приамого сердце не знало.
Плач подняла беспрестанный и громкие крики Елена,
- 390 Но при троянках она говорила одно, а в душе ее сердце
Вовсе другое вещало, и так про себя говорила:
«Муж мой, троянцам и мне несказанное горе,
Страшной ты смертью погиб, а меня на ужасную долю
Бросил, и мне остается лишь ждать беды еще худшей.
- 395 О, если б Гарпии взяли меня до того, как с тобою
В путь я пустилась, по участи злой и велению бога.
Ты от богов получил наказанье, и я получаю,
Я, несчастливица, все несказанно меня ненавидят,
Все отвращаются прочь, и куда мне бежать, я не знаю!
- 400 Если попробую я убежать к данайскому стану, –
Тотчас они мое тело, побоям предав, искалечат,
Тут ли останусь, – трояне с троянками враз отовсюду
Кинутся и растерзают мгновенно, и труп не схоронят,
Псам и стремительным птицам оставят его на добычу.
- 405 О, если б участь схватила меня, не узревшую это!»
Так говорила, не столь о супруге горя, сколь плача
О злодеянье своем. Троянки же плакали будто
В горе по смерти Париса, но в душах их было иное,
Нет, о сынах горевали одни, о супругах – другие,

- 410 Те – о родителях милых, иные – о братьях почтенных.
Искренно только Энона крушилась в душе благородной,
Нет, не с троянскими женами вместе свой плач воздымала,
Но в отдалении от всех, в доме своем затворившись,
Плача, лежала она на ложе бывшего супруга,
- 415 В горьких рыданиях на ложе, где муж почивал ее крепко.
Словно в лесистых горах, чьи вершины покрыты снегами,
Снег, что рассыпан глубоким покровом по горной лощине,
Таять начнет, если вдруг налетают Зефира порывы,
Всюду капель, и сочатся водою высокие горы,
- 420 С той же горы, что из всех выдается, в долину стремится
Целый студеный поток – вот так и Энона, горя,
Таяла, слезы лия по милому мужу, что девой
В брак ее взял, и в душе, про себя, причитала, вздыхая:
«О безрассудство мое! О упрямство! О горькая доля!
- 425 Я на беду полюбила супруга, мечтала я вместе
Старости тяжелой порога достичь в постоянном согласьи,
Славную жизнь завершая, но боги судили иное.
О, как хотела бы я, чтоб тогда меня Керы схватили,
Как не успела еще я дожить до разлуки с Парисом!
- 430 Пусть он покинул меня – дерзну на великое дело!
Смерть за него я приму и с жизнью немилой расстанусь!»
Так говорила, и горькие слезы из глаз изливались,
Как вспоминала она о несчастном, что юною девой
Взял ее замуж, и таяла с горя, как воск, но таилась, –
- 435 Стыдно ей было отца и служанок в красивых одеждах.
Вот наконец над священной землей до краев океана
Ночь распростерлась, неся для людей их трудов прекращенье.
Только уснул и отец, и служанки, Энона, немедля
Двери затворы открыв, ветерком вылетает из дома.
- 440 Быстрые ноги помчали ее, и она устремилась,
Словно телица в горах, что пылает к быку нестерпимо,

Быстрые ноги ее ускоряются бегом безмерным,
И пастуха не боится она, опаленная страстью,
В неукротимом порыве, ее обуявшем, несется,
445 Ищет быка своего, не покажется ль где среди леса, –
Так и Энона, помчав, одолела большую дорогу
В жажде скорее взойти на костер погребальный к супругу.
Усталь ее не брала, и летела она все быстрее
Легкой стопой, ведь гнала ее Кера, гнала и Киприда.
450 Страху пред зверем свирепым, что ночью выходит навстречу,
Вовсе она не питала, хоть раньше боялась безмерно.
Не было острых уступов, куда не смогла бы взобраться,
Не было горных расщелин, что б их не смогла перепрыгнуть.
Вот примечает с высокого неба Энону Селена,
455 Эндимион ей на память приходит, герой беспорочный,
Жалко становится ей спешащую нимфу и, с высей
Ярко сияющий свет проливая, ей путь освещает.
Вот и пришла через горы Энона туда, где скорбели
Нимфы лесные и плакали горько о доле Париса.
460 Он же лежал на костре, охваченный пламенем быстрым.
Сей погребальный костер воздвигли на славу огромным
Овчих отар пастухи, что с гор собрались отовсюду, –
Почесть последнюю должно воздать владыке и другу,
Горько рыдали они, костер обступив. Но Энона
465 Плакать не стала со всеми, но лишь увидала супруга,
Дивный свой лик покрывалом закрыла и кинулась тотчас
Прямо в огонь, и вскрикнули все, и сильнее зарыдали –
Вместе с супругом горела Энона. И нимфы застыли
Все в изумленьи, узрев, как за мужем она устремилась,
470 И про себя, в душе, такое они говорили:
«Да, обезумел Парис, что бросил такую супругу,
Место честнейшей жены похотливой разлучнице отдал.

Квинт Смирнский

Это беду повлекло на него и на город троянцев.
Глупый! Презрел он высокие чувства несчастной супруги,
475 Что обожала его, почитая как ясное солнце,
Хоть не любил он ее, хоть нанес оскорбление злое», –
Нимфа одна говорила в душе. А Энона с Парисом
Вместе горели, навеки забыв о сиянии света.
Не отрываясь, в костер пастухи с изумленьем глядели,
480 Так же когда-то ахейцы, сомкнувшись толпою, смотрели,
Как полегла вместе с мужем убитым супруга Эвадна,
В пору, когда Капанея сразили перуны Зевеса:
После того, как быстрый огонь тела уничтожил,
Прах воедино смешался уже у Париса с Эноной.
485 Тотчас костер угасили вином, а останки обоих
Вместе сложили в кратер золотой и над ним водрузили
Быстро могильный курган, и на нем водрузили надежно
Стелы высокие две, что всегда друг на друга смотрели.

Одиннадцатая песнь

Жены-тroyанки метались, не в силах пойти на могилу, –
Ведь на большом расстоянии от града она находилась.
Юноши их и мужи продолжали упорную битву
В поле, за крепкой стеной, и сражение пока не стихало,
5 Хоть и погиб Александр, и близ стен городских нападали
Чада ахейцев на Трои сынов, что за стены бросались,
Злою гонимы нуждой, а в центре кипящего боя
С криком металась Эрида, а с ней Энио устремлялась.
Обе подобны по виду Эриниям страшным безмерно,
10 Обе из глоток своих издыхали убийство и гибель,
Рядом же с ними вращались стыда не имущие Керы,
Буйствуя в страшном разгуле, и Ужас с Аресом, беснуясь,
Гнали на бойню полки, и Страх по пятам устремляясь,
Жижей кровавой залит, и одни, его видя, вскипали
15 Рвением к страшному бою, другие же в бегство пускались.
Дротики, стрелы и копья дождем на бойцов проливались,
Всюду свистали они, ища умерщвления злого,
Всюду гремело оружие мужей, в поединок вступивших,
Бой мужегубный кипел, и повсюду вершились убийства.
20 Неоптолем убивает воителя Лаодаманта,
В Ликии он обитал, при Ксанфа потоке прекрасном,
Что для людей приносил свои воды по воле Латоны,
Светлой супруги Зевеса – она на равнине Ликийской
Вырыла воду своею рукой, как в схватках родильных,
25 Силилась вынести боль, и в землю впивалась ногтями
В схватках божественных родов, что сильную боль причиняют.
Сын Ахиллеса Нироя сразил, уметив под челюсть
Мощным копьем, и железо ему, пока говорил он,
В рот проникает, пронзая язык острием наводстренным, –

- 30 Там и застряло копьё, взревел он, и кровь устремилась
Бурно на щеки кричавшего мужа, но отпрыск Ахилла
Вынул могучей рукою копьё, и Нирой упадает,
Жизни лишившись. Затем поразил он Эвенора – мужа,
Прямо под ребра, в живот, и копьё ему в печень вонзилось.
35 Тотчас печальная смерть Эвенора мраком покрыла.
Ифитиона затем он сражает и Гиппомедонта,
Мощного сына Менала, – его родила Окироя,
Нимфа, на бреге Сангария, сына уж ей не увидать,
Он не вернется домой, жестокие Керы схватили
40 Милое чадо, и тяжкая скорбь Окирою объяла.
Тут поражает Эней Бремонта и с ним Андромаха,
В Кноссе один обитал, другой – при Ликте священном.
Вместе упали они со своих скакунов быстроногих,
Первый еще трепетал – копьё ему горло пронзило,
45 Камень тяжелый другому в висок попадает и тотчас
Душу его исторгает, и крепкие члены слабеют –
Он выпускает из рук богатырских копьё и мертвеет.
Черная смерть похищает его, и в ужасе кони,
Скинув своих седоков, помчались меж трупов носиться.
50 С мертвых же этих героев немедленно слуги Энея
Сняли доспех боевой и тешили душу корыстью.
Тут Филоктета стрела настигает бегущего с боя
Мужа Пейраса, – впивается жало ему под колено,
Ноги его подкосились, и бегство навек пресекалось.
55 Кто-то тогда из данайцев ему, что упал, подкосившись,
Тотчас главу отсекает, мечом ударяя по шее.
Тело упало на землю, глава ж, отделившись от тела,
В сторону стала катиться, и будто еще говорил он
Что-то, но вместе с главой и душа отлетела Пейраса.
60 Полидамас поражает копьем Эвримаха с Клеонтом,
Оба из Симы явились они с владыкой Ниреем,

После Гомера

Оба прекрасно владели умением искусного лова
Рыб на крючок и приманку, а также в священное море
Сети умели кидать, с корабля же умелой рукою
65 Точно и быстро трезубцем добычу они поражали.
Но не спасло их искусство рыбацкое в бедствии боя.
Тут боец Эврипил сражает прекрасного Гелла,
Возле Гигейских болот прекрасноланитная мать
В свет породила его, Кетейю ее звали, – упал он
70 Навзничь на землю, и меч, отрубив ему правую руку,
Ту, что сжимала копье, далеко ее кинул от тела,
Руку, что будто копьем замахнуть старалась,
Тщетно, сей муж управлять был своею рукою не в силах,
Но содрогалась она, как хвост, от змеи отсеченный,
75 Что шевелится, отъятый, но в бой бы хотел он вернуться,
В схватку, в которой сразился бы с тем, кто нанес ему рану.
Так и десница могучего мужа старалась покрепче
Сжать боевое копье, – да сил уже не было боле.
Эна сразил Одиссей и с ним Полидона-кетейца.
80 Первого предал он смерти копьем, а второго – ужасным
Крепким мечом. А Сфенел поражает троянца Абанта,
Дротик метнув, и смертельным ударом ему рассекает
Шею насквозь до затылочных жил, и Абантово сердце
Смогло навек, и тотчас разрушилась связь его членов.
85 Лаодокона убил Диомед, Агамемнон – Мелина,
А Деифоб – Дрианта и Алкима. Храбрый Агенор
Снял с Гиппаса доспех, хоть и был тот воителем славным,
В Трою же прибыл от берега Пеня, родителям милым
Не дал пожать воспитанья плодов, погубил его демон.
90 Лала Фоас умертвил и Линка, отважного духом,
Мерионес же – Ликона, Атрид Менелай – Архелоха,
Он обретался под кряжем Корикским, в Гефестовом месте,
Чудно оно для людей: огонь там горит негасимо,
Вечно и ночью, и днем, а вокруг его высятся пальмы,

- 95 Пышно они разрослись и несметно богаты плодами,
Корни ж уходят в горящие камни, – такое вот диво
Боги бессмертные там сотворили, потомкам грядущим
Будет, на что посмотреть, подивиться на чудо такое.
Тевкру навстречу пошел беспорочного Гипшомедонта
- 100 Отпрыск Менойт, потрясая копьем, но его упреждая,
Тевкр из гнутого лука стрелу выпускает, – и тотчас –
Звон тетивы не успел еще смолкнуть на Тевкровом луке –
В корчах забился предсмертных противник, в упор пораженный,
Вместе с железом стрелы, что пущена мощной рукою,
- 105 Черные Керы немедленно в самое сердце проникли,
В место, где сила и ум у людей пребывают при жизни,
Там, где короче всего к человеку подкрасться для смерти.
Мощной рукой Эвриал то и дело огромные камни
Метко кидал, и сомкнутый строй нарушался троянский.
- 110 Так человек, что пышную ниву от птиц охраняет,
Если ему досадят журавлей бесконечные крики,
В сильном на них раздраженьи раскрутит на жилах бычачьих
Над головою пращу и мечет увесистый камень.
Тотчас тогда поднимается в небо с пронзительным криком
- 115 Множество птиц, устремляясь поспешно, в ужасном испуге
Носятся, хоть прилетели красиво построенным клином.
Так и трояне метались, – смутил их удар Эвриала,
Мощные глыбы метал он, – броски не бесцельными были.
Вот раздробил он Мелету голову, и шлем раскололся.
- 120 Тотчас могучий Мелет предался суровому року.
Все истребляли друг друга, и стон по земле раздавался,
Словно, когда налетает, обрушившись полною силой,
Страшного ветра порыв и, средь рощи, густой и цветущей,
Своем большие деревья крушит, и с корнем их валит,
- 125 Всюду же – грохот и рев, – вот так и в сраженьи суровом
Воины падали в пыль, и ужасно гремели доспехи,

- Им отзывалась земля, а воины – знай, свое дело
Страшное все продолжали, взаимно себя истребляя.
Вот благой Аполлон подходит к Энею поближе
130 И к Эвримаху, могучему воину Антенориду,
Что в это время с ахейцами бились, обильными силой,
Словно в упряжке могучая пара быков-однолеток.
Так и герои, вплотную друг к другу, с противником бились,
Не уклоняясь от схваток. И к ним обращается с речью
135 Бог, обличье приняв Полиместора, – то Дальновержца
Жрец, что когда-то на свет появился у Ксанфа потока:
«Божье вы племя, Эней с Эврилохом, и вам не пристало
В битве данаям поддаться, ведь даже Арей всемогущий
Сам бы и то не обрадован был, кабы вы захотели
140 С ним в поединке сойтись, ведь вам, и тому, и другому,
Мойры соткали предлинную нить, и конец вам нескоро».
Молвил, и с ветром смешался, невидимый боле для взоров.
Оба героя смекнули, что с силой общались божьей,
Вмиг разлилася по членам безмерно великая сила,
145 Вмиг ощутили, что смелость безмерная их обуяла,
В сердце же пыл непомерный пошел бушевать безудержно.
Кинулись оба тотчас на аргивян, как злобные осы,
Что нападают на пчел, с душой, раздраженною гневом,
Видя осенней порой, как те возле гроздьев засохших
150 Вьются, иль рой, покидающий улей, приметив,
Так же и чада троян на ахейцев, воителей сильных,
Кинулись в бой, и черные Керы опять ликовали,
Видя вскипевшую битву. Смеялся Арес, и кричала
Страшно сама Энио, и, сверкая, гремело оружие.
155 Тут поразили трояне врагов неисчетные толпы,
Насмерть повергли, и воины замертво наземь валились,
Будто бы летней горячей порою снопы упадают

В жаркую жатву у быстрых жнецов под проворной рукою,
Что меж собой разделили бессчетные плетры на пашне.
160 Так под рукою троянских героев фаланги бессчетно
Падали наземь, кругом их на землю попадали трупы,
Кровь, как поток, потекла. И душой ликовала Эрида
Средь истреблений, герои же оба никак не кончали
Труд свой недобрый, как львы нападали, и стали ахейцы
165 Жалкого бегства искать – и помчались из гибельной сечи,
Кинулись прочь, у кого еще сила в ногах оставалась.
Следом за ними Анхиза воителя сын устремился,
Все продолжал сокрушать он врагов, поражая их в спину,
Бил Эвримах их с другой стороны. Наблюдая за ними
170 С высей, бессмертное сердце метателя – Феба смеялось.
Если на зрелую ниву, которую сжать не успели,
Тучные свиньи зайдут, – выпускает поспешно хозяин
Умных, проворных собак, и свиньи дрожат, их завидев,
Тотчас забыв, что пастишь собрались, – о еде не заботясь,
175 Вмиг обращаются стадом в поспешное, жалкое бегство,
Мчатся гурьбой, – быстроногие псы их в момент догоняют,
Сзади кусая нещадно, и свиньи с отчаянным визгом
Прочь далеко убегают, а поля владелец доволен, –
Так же и Феб ликовал, наблюдая, как с поля бежали
180 Многие толпы ахейцев: сие не могло ведь свершиться,
Если б не руки его, и ахейцы молились, чтоб боги
Дали ногам быстроту, ведь одна на спасенье надежда –
Ноги – у них оставалась, поскольку Эней с Эвримахом
Вместе с дружиной своей неустанно их в спину разили.
185 Тут из аргивян один, на себя чересчур положившись,
(Может, и Мойра толкнула его, погубить пожелавши),
Вдруг заставляет коня, что спасал его, с боя помчавшись,
В битву опять поспешить, чтобы снова сразиться с врагами,
Но многосильный душою Агенор, его упреждая,

- 190 В мускульный узел руки поражает двуострой секирой,
Страшную боль нанося, и рубит он силой железа
Самую кость пораженной руки, и легко рассеклись
Жилы плеча, и потоками кровь полилась из сосудов,
Шею заливши коню, а аргивянин вскоре свалился
195 Замертво наземь с коня, а рука его так и осталась
Крепко держать за уздечку, висеть, оплетенную славно,
Словно живая была, и висела она на поводьях
Всем на великое диво, по воле, должно быть, Арея,
Ужас огромный внушая врагам, и, казалось, как будто
200 Силится эта рука потрудиться в умении конном.
Так и носил ее конь – как знак о хозяине мертвом.
Вот Эфалида сражает Эней, над бедром погружая
В тело его боевое копьё, и конец его вышел
Спереди возле пупка, кишки за собой увлекая.
205 Падает в прах Эфалид, кишки охвативши руками
Вместе с копьем, и от боли чудовищной стон издавая,
Землю зубами грызет, лишь с душой эта боль отлетела.
Прянули в страхе ахейцы, подобно быкам, что в упряжке,
Тяжкий свой труд совершая на пашне в натуге безмерной,
210 Плуг, напрягаясь, влачат, а на них слепни нападают
И в подъяремных быков кровожадным впиваются жалом, –
В ярое безумье быки устремляются прочь от работы,
Пахарь же страхом объят и за плуг, опасаясь ужасно,
И за быков, как бы, пятясь назад, не поранили ноги
215 И, на железо наткнувшись, свои не порезали жилы.
Так и данайцы помчались от страха, и сын Ахиллеса,
Сильно печалась в душе, закричал им, сдержать их стараясь:
«Жалкие трусы, чего вы боитесь, ну, что вы помчались,
Словно скворцы от орла улетаете, с ним повстречавшись?»
220 Хоть бы душой устыдились! Ведь намного почтеннее будет
В битве погибнуть, чем выбрать себе недостойное бегство!»

Рек, и послушны ему, осмелели ахейские вои,
Он же немедля напал на троянцев, возвысившись духом,
В мощной руке потрясая копьем своим быстрым, и следом
225 Все мирмидонское войско, исполнившись силы безмерной,
Словно в груди их вскипел ураган, и вздохнули немного
В битве ахейцы тогда. А сын Ахиллеса проворно,
Пылом подобен отцу, одного за другим умерщвляет.
Стали трояне назад отходить, как волна отступает,
230 Что, среди моря поднывашись под мощным дыханьем Борей,
К берегу неслась, но воздвигшийся вихрь, подувший навстречу,
Равный Бореевой силе, назад ее гонит от берега,
И отступает она, – так троян, только что нападавших,
Стал оттеснять понемногу назад прекрасный потомок,
235 Сын Ахиллесов, подобный богам, и данаи упорно
Все на троян наседать продолжали – и те подавались
Малость назад, но бежать – боговидного сила Энея
Трои сынам не давала: в строю им держаться велел он
Храбро и стойко. И равно с обеих сторон подстрекала
240 Их Энио на борьбу, но вступить в поединок с Энеем
Отпрыск Ахилла не смел, отцовским копьем потрясая.
Нет! На других нападал, – ведь Фетида в пеплосе дивном,
Пред Кифереей стыдясь, отвращала отвагу и силу
Милого внука, – и он на других устремлялся, бушуя.
245 Тысячи так и косил средь народов других, на отраду
Хищным пернатым, что внутренность чрева клевали убитым.
Плакали Ксанфовы дочери и нимфы реки Симоента,
Битва же дальше пылала, – вздымали войска неустанно
В небо великие тучи из пыли, божественный воздух
250 Весь погружая во мрак, в туман, непроглядный для взоров,
Землю нельзя было видеть, что скрылась от пыли из вида, –
Битва же дальше пылала, порою хватала руками
Воины, прямо не глядя, своих, поражая ближайших,
Не разглядеть было в этом бою: где враг нападавший,

- 255 Где же свой содружинник, – и стали беспомощно вои.
Так бы они и погибли тогда вперемешку, ужасно,
Сразу же все, перебивши друг друга в потемках мечами,
Если б Кронион не подал им помощь с высот Олимпийских,
Им, истомленным борьбою, – ведь он эту пыльную тучу
- 260 Прочь удалил от сраженья, и стихли губители – вихри.
Снова войска принялись враждовать, и теперь уже легче
Было им труд свой нести, ведь теперь они видели ясно,
Кто неприятель, куда нападать, от кого защищаться.
То потесняли данаи напором троянские рати,
- 265 То их трояне назад отгоняли, и трудная битва
Длилась, и падали стрелы, как град, на противное войско
С той и другой стороны, и пастыри с высей Идейских,
Бой наблюдая тогда, немалым объялися страхом.
Кто-то из них, к небожителям длани подъяв, возмолился,
- 270 Чтобы они погубили в Ареевом деле скорее
Войско врагов, а троянам от битв даровали бы отдых,
Дабы узреть им свободно их день, – но молитве не вняли.
Им многостонная Участь сулила иное, – ни Зевса
Не постыдась исполинского, и никого из бессмертных,
- 275 Замысел страшный ее ничто изменить не способно,
Тот, что ее неизбежная прялка соткала, покуда
Люди еще не родились на свет, города не явились, –
Все ведь она произволом своим умножает и губит.
Так по ее изволенью теперь воздвигалася битва
- 280 Между троян конеборных и славных копейцев ахеян,
Что постоянно друг друга взаимно в борьбе истребляли
Без передышки, не ведая страха, – но с пылом отваги
Бились охотно они, и смелость их в битву толкала.
Только когда уже многие замертво пали во прахе,

- 285 Все же возникла в аргивянах смелость большая безмерно,
Не без внушенья Паллады воинственной, – к битве поближе
Стала богиня тогда, поборая на пользу аргивян,
В жажде разрушить сей город преславный, Приамову Трою,
Что Александрову гибель оплакивал, тяжело стеная.
- 290 Тою порой – неожиданно – славного сына, Энея,
Вмиг похищает из боя сама Афродита-богиня, –
Там, где стоял он, разливши густую и темную тучу.
Не суждено еще было Энею погибнуть в сей битве,
Ныне аргивян рубя пред стенами града крутыми.
- 295 Ведь Тритогенею умную, что поборала данайцам
Всею душой, опасалась тогда Афродита немало,
Как бы она против Кер не пошла, не сразила Энея –
Ведь не боялась Арея она, хоть и был он сильнее.
Трои сыны не могли пребывать уже в пасти у битвы,
- 300 Нет, отступили они, в душе пораженные страхом,
Ведь нападали ахейцы на них кровожадно, как звери
Хищные, полные ярого пыла к Арееву делу.
Бранное поле и даже потоки наполнили трупы
Павших в бою, и простерлись во прахе бесчисленные вои
- 305 Вместе с конями, вокруг перевернуты их колесницы,
Так и валялись, и кровь изливалась повсюду потоком,
Как дождевая вода, – это Айса вступила в сраженье.
Так и лежали пронзенные насмерть – копьем ли, мечом ли –
Прямо на берегу морском, словно бревна, что море выносит
- 310 В пору, как, плот разбивая, мужи нерушимые узы
Крепких гвоздей разрывают, и длинные бревна свободно,
Двинувшись, плавают, их прибывает прибоем ко берегу
И, разметавши, выносит на сушу на всем побережье
Длинном, и темные волны, шумя, их водой заливают.
- 315 Так же лежали сраженные в битве, залитые кровью,
Пылью покрыты, забыв навсегда о сраженьях и битвах.

Те же немногие, кто невредимым из битвы ужасной
Смог убежать, уж сокрылись во граде, от гибели спасшись.
Тут оружие у них принимают супруги и дети
320 С тела, понесшего раны, доспехи с запекшейся кровью
Снять помогают и теплые им омовенья готовят.
К юношам, раненым в битве, врачи устремились по граду,
Все обошли они дома, чтоб страждущим дать облегченье.
Тех, кто из битвы пришел, окружали и жены, и дети
325 С плачем, и горестно звали других, что домой не вернулись,
Воины, – кто, пораженный жестокою болью от раны,
Тяжко от муки стонал, кто от ратных трудов обратился
К трапезе, – кони же быстрые частым, порывистым ржаньем
Корма просили себе. И в стане противном ахейцы
330 Делали то ж при палатках своих, что троянские вои.
В час, как от струй Океана коней в их блестящей упряжке
Эос вперед погнала, пробудились и смертных народы.
Поросль ахейян могучих, питомцы Арея, по стенам
Града Приама крутым потекли, но не все, а частично,
335 Ведь оставаться пришлось при шатрах и раненых, дабы
Войско врагов не сумело внезапным своим нападеньем,
Помощь троянцам неся, истребить корабли, – а троянцы
С башен боролись с врагом, и битва воздвиглась жестоко.
Сын Капанеев при Скейских вратах сражался с врагами
340 Вместе с подобным богам Диомедом; на них налетает
Мощный в бою Деифоб, а также Политес могучий
Вместе с дружиной, и стрелы несутся, и падают камни
С шумом на шлемы бойцов, на щиты, что защитою служат,
Страшную смерть и жестокою участь от них отвращая.
345 Сын Ахиллеса врагов поражал при воротах Идейских,
С ним заодно мирмидоняне все воевали упорно,
Те, кто в искусстве войны изрядно имели познаний.
Их бесконечным потоком пускаемых стрел отгоняет
Мощный душою Агенор с Геленом, воюя отважно,

- 350 К бою троян ободряли они, ведь со рвением великим
Сами сражались с врагом у стен любимой отчизны.
Выйти из врат и пойти к кораблям не давали троянам
Эврипил с Одиссеем, и в сем подвизались упорно.
Гордый Эней их обуздывал все же, с высокой ограды
- 355 Камни метал в них герой безупречный, прекрасный собою.
Тевкр, знаменитый копейщик, близ вод Симоента трудился
В тяготах ратных, с трудом и другие, кто-где, пробавлялись.
Тут Одиссею является мысль – и отважные мужи
Вняли совету его, как вынести трудность Арея.
- 360 Тотчас щиты поднимают они над главами своими
Так, чтоб они друг на друга зашли, сойдясь воедино.
Ты бы сказал, это крыша над домом надежная встала,
Уж не пропустит она ни влажного ветра порывов,
Как бы ни дули они, не страшны ей и Зевсовы ливни.
- 365 Сбившись плотней под щитами своими, аргивские вои
Крепко усилили строй – и в едином порыве отваги
Масса единая шла – а сверху трояне кидали
Камни потоком, подобно тому, как в горах при обвале
Скалы обломками катятся вниз, на кормилицу-землю,
- 370 Также летели с камнями и стрелы, несущие гибель,
Ран наносители – копья летели в щиты, попадали,
В землю вонзались, и множество их, отраженных щитами,
Брошенных тщетно, носилось, и шум поднимался ужасный,
Но не страшились ахейцы его – и назад не подались,
- 375 Словно то дождь барабанил – они же под стену вступили,
Строя никто не покинул, никто не отстал – но сплоченно,
Туче подобно большой, что Зевес расстилает широко
В самой середине небес в холодную зимнюю пору.
Сомкнутый строй воздвигал при движении скрежет и топот
- 380 Множества ног, а пыль, что за ними с земли поднималась,
Ветер у них за спиной вздымал столбом непроглядным,

Так он и несся за строем – и гул раздавался неясный,
Будто бы пчелы жужжали, летая вокруг улья всем роем.
Слышалось издали напряженное воев дыханье,
385 Будто бы пар поднимался от войска, дышавшего тяжко.
Гордость за воев своих наполнила душу Атридов,
Радость взяла их большая при виде, как строй укрепился –
Так продвигались ахейцы к воротам Приамова Града,
Плотно друг к другу прижавшись, напали, и принялись тотчас
390 Стены крошить топорами двойными, и стали пытаться
Наземь повергнуть ворота, сорвав с укрепляющих петель.
Гордый их план был таков. Но ничто им помочь не сумело –
Против Энеевой силы великой, – ни строй, ни секиры, –
Он опускает на них руками обеими камень, –
395 Многие замертво тут же ложатся, сраженные роком,
Их под щитом он достал, словно глыба, с утеса сорвавшись,
Губит забравшихся в страхе под выступ овец беспощадно,
Прочие, те, что паслись недалече, от страха трепещут.
Дрогнули вои данаев, Эней же огромные камни
400 Так и метал неустанно, покуда весь строй не разрушил,
Словно когда Олимпиец Зевес с высокого неба
Крупные глыбы, что пик окружают в горах, отрывает,
Здесь и там повергая их молнией вспышкой и громом,
Прочь устремляются пастыри все врассыпную и стадо, –
405 Так задрожали ахейяны сыны, ведь Эней, нападая,
Быстро сумел сокрушить их оплот из щитов необорных,
Их боевую уловку, – в Энея ведь страшную смелость
Бог в это время вливал, и никто не осмелился даже
Взора поднять на него во время свирепого боя, –
410 Мощные члены его облакали, блеща и сверкая,
Молнии вспышкам подобно, доспехи – изделие бога,
И недалече стоял от него, скрываясь за тучей,
Грозный Арес, и броски направлял его собственной дланью,
Дабы аргивянам ужас несли они с гибелью верной.

- 415 Он воевал, словно Зевс Олимпиец, когда, негодуя,
С неба он стал истреблять несчетное племя Гигантов,
Невыразимо ужасно, и всю бесконечную землю
Он потрясал, Океана с Тифией, и небо, и даже
Члены Атланта заставил Зевесов напор содрогнуться –
- 420 Так и Эней в сей битве расстроил фалангу аргивян,
Он по стене городской, на врагов распаленный безмерно,
Быстро носился, и все, что ему попадалось, сейчас же
Дланями вниз отправлял, ведь, благо, камней-то хватало
Здесь, на дарданской стене, – дабы в битве спасение было
- 425 Мощным троянцам от злого врага, на случай осады.
Эти-то камни Эней и метал с превеликою силой,
Буйствуя страшно, и войско врагов, многолюдное, все же
Он отражал, а при нем и другие троянцы мужались.
Страшная сеча кипела, и поровну гибли ахейцы
- 430 Вместе с троянцами, и поднимался средь ратей обеих
Воинский клич, – то Эней призывал, дабы мужи-трояне
Смело за город сражались, за жен и детей малолетних,
Сын же Ахилла аргивян бодрил, обращаясь с призывом
Твердо стоять возле стен многославных троянских, покуда
- 435 Город они не захватят, предав на съеденье пожару.
Так и стояли ужасные крики и шум несказанный
День напролет, и битва кипела, и без передышек
Бились они, – норовя поскорее в Ареевой силе
Город занять, а другие старались от них защититься.
- 440 Храбрый душою Аякс, что бился вдали от Энея,
Многих отправил троян дальнобойными стрелами к черным
Керам, порой же не стрелы метал он, летящие точно,
Но направлял через воздух копье, наносящее раны.
Так и летали они, одного за другим убивая.
- 445 Мощь беспорочного мужа троян наконец устарила,
В битве они не остались, и войско покинуло стены.

Тут из локров один, выдающийся силой могучей,
Алкимедон молодой, на царя своего полагаясь, –

- 450 Равно на смелость свою, как свойственно юности дерзкой,
К подвигу духом кипя, на лестницу быстрой стопою
Всходит, пылая дорогу открыть для гибели Трои,
Голову он покрывает щитом и путем преопасным
Двигается вверх, не ведая страха, с отвагою в сердце.
- 455 То он копьем потрясает, то снова ползет по откосу
Вверх, и на кручу несет его быстро воздушной дорогой.
Так бы, конечно, троянам принес он большое несчастье.
Он уже был над стеной, и выглядывал, град увидавши
В первый раз, и в последний, с высокой ограды, как мигом
- 460 Тут на него нападает Эней (ведь, вдали пребывая,
Все подмечал он) и камень огромный он мечет в героя.
В голову прямо, и мощная сила отважного мужа
Лестницу также крушит, и тот, как стрела, упадает,
В воздухе перевернувшись, его настигает в полете
- 465 Участь, и дух от него отлетает, смешавшись со свистом
Воздуха, – мертвое ж тело героя земли достигает.
В панцире пал он на землю, копье же и щит преогромный
Вместе со шлемом его откатились куда-то. И локры
С громким рыданьем его окружили, стена безмерно,
- 470 С горем взирали на мужа, презлою сраженного долей.
Мозг из кудрявой главы разбразган, и сломаны кости,
Члены же быстрые мужа испачканы мертвою кровью.
Тут Филоктет, прекрасный потомок подобного богу
Мужа Пойанта, узрел на стене продолжавшего битву
- 475 Сына Анхиза Энея, подобного дикому зверю
В силе своей необорной, и тотчас стрелу направляет
В этого славного мужа, и промаха нет, как обычно,

Но не вонзилась стрела в его дивное тело, пробивши
Щит необорный: Богиня Киприда стрелу отвратила
480 Прочь от щита, и лишь кожу бычачью стрела задевает.
Правда, не праздно летела стрела и попала в Медонта,
Между щитом и шеломом о конском султани вонзившись.
Падает с башни Медонт, как дикий козел, что охотник
Верной стрелой подстрелил на скале, и летит он на землю, –
485 Так он упал, и покинул его век жизни священной.
Снова Эней, за товарища в гневе, швыряет громаду.
И в Филоктетова друга Токсехма, отважного мужа,
Он попадает, – главу разбивает – ведь шлем раскололся,
Кости раздроблены, тотчас разбилось и светлое сердце.
490 Славного отпрыск Пойанта Энею кричит громогласно:
«Ныне, Эней, возомнил ты в душе, будто всех превосходишь,
Битву ведя, забравшись на башню, откуда и жены
Слабые бьются с врагами. А ну-ка, коль есть в тебе что-то,
Выйди из стен городских, одетый в доспех, познакомься,
495 Кто есть Пойантов потомок, поймешь, каковы его стрелы!»
Рек, но на это ему Анхизид не ответил отважный,
Хоть и хотел он того, потому что жестокая битва
Вновь запылала у стен городских нестерпимо свирепо.
Не было бою конца, передышки не ведали вой, –
500 Как ни старались войска, истощаясь в Ареевом деле,
Но к разрешенью не шло, и усилия были без пользы.

Двенадцатая песнь

- Много трудов у троянской стены претерпели данайцы,
Но не кончалась война, и не видно ей было предела.
Тут призывает Калхас наилучших из войска в собрание:
Ведомы были душе его по Дальновержца внушенью
- 5 Птичьи полеты, движение звезд и другие приметы
Знамений, что от богов по желанью их смертным даются.
В пору, как все собрались, Калхас обращает к ним слово:
«Дабы, под стенами сидя, и впредь не трудиться напрасно,
- 10 Лучше бы вам поизмыслить другое какое-то средство,
Как бы на хитрость пойти, кораблям и самим во спасенье.
Знаменья здесь я вчера наблюдал, – узнайте, какое:
Коршун летел за голубкой, она, от него ускользая,
Спряталась в щель на скале, – и в ярости коршун кружился,
- 15 Долго ее поджидал перед этой расщелиной злобно.
Та ж осторожность блюла. Тогда, еще пуще взъярившись,
Спрятался он за уступом, – и глупая тотчас вспорхнула,
Думала, — враг далеко, ну а он, налетевши мгновенно,
Бедной голубке принес безжалостно горькую гибель.
- 20 Силой нам Трою не взять – попытайтесь же хитрость измыслить!»
Рек прорицатель. Из них же никто не сказал, что способен
Кончить войну, и стали искать тут какого-то средства,
Хитрость какую, но смог догадаться один многоумный
Отпрыск Лаэрта, и так он сказал, отвечая Калхасу:
- 25 «О любезный, премного почтенный у жителей неба!
Ежели впрямь суждено ахейцам, воителям славным,
Город Приама разрушить единственно замыслом хитрым,
Вот он: коня изготовим, в нем спрячутся лучшие вои,
Словно в засаду сокрывшись, а войско отсюда отбудет

- 30 На Тенедос с кораблями, сождем на стоянке палатки,
Дабы узрели трояне сие и без страха из града
На поле вышли, а там, какой-нибудь наш, из храбрейших,
Только, чтоб в Трое не знали его, – остается снаружи
Возле коня, притворившись, отважное сердце, как будто
35 В жертву его – за возврат по домам – принести собирались
Силой ахейцы, – но сам он сумел под конем схорониться, –
Что сотворили они, дабы он послужил для Паллады,
Гневной на них за троян, искуплением этой обиды.
Все это пусть он троянам расскажет, стараясь внушить им
40 Веру к себе, дабы те, хоть, конечно, душой злоковарны,
Жалость к нему возымев, с собой повели его в Троию, –
Там он сумеет и нашим подать сигнал к возвращенью,
Войску на мысе – сияющим факелом знак указуя,
Тем, кто в коне, – выходить из широкого конского чрева, –
45 Только троянские мужи уснут по беспечности крепко».
Рек Одиссей, и одобрили все, а Калхас восхищался
Более всех, что сумел он придумать прекрасную хитрость,
Славную выдумку, дабы ахейцы сумели в грядущем
Славу победы стяжать на тяжкое горе троянцам.
50 Молвил Калхас, обращаясь к вождям, наилучшим в сраженьи:
«Други! Не стоит уже измышлять еще большую хитрость!
Лучше послушаться ныне во всем Одиссея, – не тщетно
Будет в грядущем все то, что придумал герой многоумный.
То, что бессмертные боги исполняют надежды данайцев,
55 Будут не пусты они, – подтверждают и знаки другие.
Зевс с вышины прогремел по Эфиру, и молнии вспышка
С громом великим была одновременно, также и птицы, –
Справа от войска они пролетели с пронзительным криком.
Стало быть, боле не должно близ стен пребывать нам троянских.
60 Храбрость в троянах безвыходность их порождает всечасно,
Даже ничтожный в Ареевом деле пылает сражаться,

Самая сила в бою у тех, кто, душой укрепившись,
Жизни своей не щадит и не ищет спасенья от смерти.
Ныне трояне без всякого страха вступают в сраженье,
65 Город родной защищая, и буйствуют духом безмерно».
Смолк, и ему говорит Ахиллеса могучий потомок:
«Сильным мужам подобает, Калхас, в открытом сраженьи
Биться с врагом, а те, кто на башнях свой град защищает –
Просто ничто, ведь душу их тягостный страх помрачает.
70 Вот почему уж лучше не будем хитрить и ловчиться,
Честный бой с оружием в руках подобает героям,
Лучшие мужи в сраженьях всегда и храбры, и отважны!»
Смолк, и ему на это в ответ Лаэртидова сила:
«Мощное духом дитя Эакида, не знавшего страха!
75 Все говоришь ты прекрасно, как должно мужам безупречным,
Светлой гордящимся славой, на мощь своих рук полагаясь.
Только вот даже отца твоего нестрашимая сила
Город счастливый Приама ни взять не могла, ни разрушить,
Так же и мы не смогли, а уж как воевали! И лучше
80 Нам поскорее идти к кораблям по совету Калхаса
И заниматься конем, – сотворят его длани Эпея,
Мужа, который средь прочих аргивян блистает уменьем
Строить, – ведь делу сему его обучила Афина».
Смолк Одиссей и всех убедил, кроме пылкого в битве
85 Неоптолема и с ним Филоктета отважного сердце,
К подвигам пылкого мощным, не смог он склонить увещаньем.
Оба героя к жестоким боям ненасытными были,
Так и теперь воспылали сразиться – и оба дружине
Каждый своей, многомощной, велят, дабы к стенам троянским
90 Все принести, что при деле войны для осады годится,
В твердой надежде, что град крепкозданный займут непременно,
Ведь на войну они оба явились по воле бессмертных,
Так бы герои сие и свершили, чего им хотелось,
Если бы Зевс им с Эфира о гневе своем не напомнил:

- 95 Вдруг всколыхнулась повсюду земля под ногами аргивян,
Дрогнул воздух, когда необорный перун устремил он
Перед героями прямо. И гул прокатился ужасный
Через Дарданию всю, и отвага тотчас же пропала, –
Страх ее сильный сменил, позабыли и силу, и доблесть,
100 И подчинились Каалхасу они, хоть того не желали –
Тотчас пошли к кораблям с другими ахейцами вместе,
Сильно пророку дивясь, что вещал им Зевесову волю
Властью его или Феба, – теперь уже все убедились.
Звезды взошли на широкое небо, и все оно разом
105 вспыхнуло блеском мерцанья, а люди труды позабыли,
Вышний блаженных предел покидает тогда Афина,
Тотчас к судам и ахейскому войску явилась, принявши
Девушки нежной обличье, и, встав в изголовье Эпея,
Воина славного, шлет в сновиденьи ему приказанье
110 Сделать коня деревянного, и обещает – в работе
Спешной помощницей будет ему, что явится вскоре.
Так побуждала богиня Эпея. По божьему слову
С радостью в сердце своем воспрям он от сна безмятежно,
Понял, что бог был бессмертный ему, ведь сам он нисколько
115 Мыслей иных не питал, но лишь к работе стремился,
А уж теперь завершились в уме его мысли и планы.
Эос едва появилась, в Эреб прогоняя потемки,
Радостный свет разливая, сияющий в воздухе ярко,
Тотчас Эпей сообщает аргивянам, что в сновиденье
120 Он увидал и услышал, – а те ему жадно внимают,
И наполняет их радостью этот рассказ бесконечно.
Тотчас Атрея сыны на склоны лесистые Иды,
Где поднимались густые деревья, мужей посылают,
В деле проворных, и те, навалившись со всей своей силой,
125 Сосны огромные рушат, и эхом их стук отдается.
Лес на высоких горах поредел без деревьев огромных,
Вся обнажилась лесная лощина, – теперь уж, как прежде,

- Диким зверям не дает приюта желанного боле,
Пни лишь торчат, и сушит их ветер, привольно гуляя.
- 130 Мужи ахейцы, стволы разрубив топорами на части,
Их к Геллеспонтову берегу из леса густого поспешно
Перенесли, и немало трудились и люди, и мулы,
Труд таковой совершая, несчетно народу старалось,
Каждый, как мог, помогая в работе Эпею.
- 135 Ствол очищали одни, отрубая и корни, и ветви,
Острым железом другие пилили деревья и доски,
Прочие делали дело свое, а Эпей изготовил
Ноги коню деревянному сам, за ногами и чрево,
Спину на нем укрепил и круп ему сзади приладил.
- 140 Спереди поднял он шею, на ней прикрепляется грива, –
С шеи высокой свисала она, как живая, кольшась,
После и голову он сотворил, как положено, с челкой,
Сзади приделал он хвост прегустой и уши поставил,
Ясные сделал глаза и прочее все изготовил,
- 145 Что приводило в движенье коня. Продвигалась работа,
Дело священное шло, и конь, как живой, получался,
Силу ведь бог дал Эпею в любимом искусстве – и скоро,
С помощью девы Паллады, в три дня завершилась работа.
Все ликовали средь войска, дивясь, что в коне деревянном,
- 150 Будто живом, даже движутся ноги, вот-вот – и заржет он.
Тут преславный Эпей над своим конем трудоемким,
Руки вздевая, молитву вершит Тритониде-богине:
«Внемли, богиня! Меня сохрани и коня твоего же!»
Рек, и вняла многомудрая дева Афина молитве,
- 155 Это богиня сие сотворила на диво для смертных, –
Сколько людей не видало б коня, и сколь не слышало.
В пору, когда ликовали данайцы, коня созерцая,
Дело Эпеево, Трои сыны трепетали на башнях,
Не выходя из ворот, дабы гибели черной избегнуть.

- 160 Зевс же могучий тогда удалился от сонма бессмертных
И к Океана потокам пошел, где пещеры Тефии.
Тут на бессмертных напала вражда, и они, воспалившись,
Надвое все раскололись, и, взвившись, проворные ветры
С высей небес их на землю снесли в могучем порыве, –
- 165 Грянул Эфир от него, – а боги при Ксанфовых водах
Стали стеной друг на друга, одни за троян поборая,
И за ахейя – другие, и страсть в них к сраженью разыграла.
Даже явились и те, чье царство – широкое море,
Жаждали гневно одни ловушку-коня уничтожить
- 170 Вместе с судами, другие – разрушить прекрасную Трою.
Айса же хитрая им помешала, и ум у блаженных
Так повернула, что в битве схватились они, – начинает
Первым Арес, наскочил на Афины, и прочие разом
Кинулись все друг на друга, доспехи золотые взгремели,
- 175 Что облакали бессмертных, и море ответило гулом,
Дрогнула черная страшно земля под ногами бессмертных,
Все они враз издавали ужасные грозные крики,
Шум несказанный дошел и до самого высшего неба,
И до Аидовых глубей, и страхом объялись Титаны,
- 180 Ида высокая им отвечала чудовищным эхом,
Что отдался по ручьям и потокам, и с ними ревели
Флот на стоянке ахейцев и город Приама преславный,
Только не ведали ужаса люди, по воле бессмертных
Им не дано было видеть божественной битвы, а боги,
- 185 Прямо отроги от Иды отъяв, запускали друг в друга
Глыбы сии, что, летя, как песок, рассыпались, ударив
В мощные члены, и падали грудями снова на землю,
Словно песком и бросались они, но сие не укрылось
- 190 Все же от Зевса, хоть был он у края земли, и немедля
В небо вернулся он вновь, оставив поток Океана –

- Эвр и Борей, и с Нотом Зефир его возносили,
Их подвела под ярмо в блестящей своей колеснице
Вечной Ирида сама, – колесницу бессмертной рукою
195 Из адаманта нетленного сделал Эон вековечный.
Вот достигает Олимпа Зевес и с выси во гневе
Весь потрясает эфир, и одна за другою струятся
Молнии с громом ужасным сплошным, бесконечным потоком,
Вот уже залили землю они, вот пламенем вспыхнул
200 Весь бесконечный эфир, и страх в богов проникает,
Дрогнули мощные члены у всех, хоть они и бессмертны.
Тут, через тучи скача, мгновенно, как мысль, прилетает
Полная страха Фемида преславная к месту сраженья, –
То, что одна в отдалении от шумного боя держалась, –
205 Слово к богам обращает, стараясь вражду успокоить:
«Бой прекратите прискорбный! Зевес – вы не видите? – в гневе!
Вам не пристало, бессмертным, за смертных в бою состязаться!
Можете все вы исчезнуть навеки, когда громовержец
- 210 Горы великие грудой навалит на вас беспощадно,
И не взирая на то, что вы кровные дети! Покроет
Всех он землей навсегда, и вовек не увидать вам света,
Будете вечно в плену пребывать непроглядного мрака!»
Смолкла Фемида, и боги послушались, – Зевса угрозам
215 Вняв, воздержались от битвы и тягостный гнев отложили,
Снова согласье и дружба друг к другу у них засветилась.
В небо одни поднялись, а иные спустились в пучину,
Кто-то остался еще на земле. А тою порою
Отпрыск Лаэрта премудрый к ахейцам разумное слово
220 Рек: «О ахейского войска вожди, нерушимые духом!
Ныне желаю узнать непреложно из нас наилучших,
Кто безупречней других и сильней, – ведь к сему подвигает
Необходимость меня. Итак, помянем Арея,
Двинемся в чрево коня, сотворенного славно! Достигнем

- 225 Страшной войны окончанья, ведь следует сделать нам это, –
Может быть, хитростью город великий удастся разрушить,
Ради чего мы сюда и явились, и здесь и страдаем,
Тысячу вынеся мук вдалеке от любимой отчизны.
Ну же, рискнем! Вложите же в душу отвагу и силу!
- 230 Может в сраженьи и тот, кто на свет силачом не родился,
Более сильного мужа сразить, коли некуда деться,
Всю свою смелость собрав, и она возрастет от отваги,
Вот почему говорят, что смелость надежнее силы.
Пусть соберется отборный отряд в засаду, а войско
- 235 Пусть к Тенедосу святому уйдет, выжидая, покуда
Наши краги не затащат в свой город коня вместе с нами,
Мысля, что тем Тритониде-богине подарок приносят.
Здесь же, с конем, да останется кто-то из юношей лучший,
Мало известный троянам, имущий железное сердце.
- 240 Пусть постарается сделать он все, что уж раньше сказал я,
Цель у него лишь одна, и пусть он любыми путями
Сделает так, чтобы замысел наш не прознали троянцы».
Рек Одиссей. И в ответ Синон поднимается славный –
Все убоялись другие, ведь тут совершить предстояло
- 245 Подвиг великий, и все, в душе восхищаясь безмерно,
Взор устремили на мужа такой благородной отваги.
Рек он: «О ты, Одиссей, и вы, о ахейские мужи!
Дело, свершенья которого вы ожидаете страстно,
Сделаю я, и пускай враги меня страшно измучат,
- 250 Пусть меня жгут – совершу! Побуждает душа меня ныне
Либо погибнуть от вражьей руки, либо рати аргивян
Славу доставить великую, собственной смерти избегнув!»
Так он отважно вещал, и радость объяла аргивян,
Кто-то сказал: «Посмотрите, какую великую силу
- 255 Боги вложили сегодня в него! А ведь прежде он не был
Столь уж отважен! То бог побудил его, дабы принес он
Гибель или нам, иль троянам. И думаю я, наступает

- Страшной развязка войны, и конец ее скоро настанет!»
Так говорилось средь войска ахейн, питомцев Ареса.
260 Тут, со своей стороны, с ободрением выступил Нестор:
«Ныне, о милые чада, и сила, и смелость потребны!
Ныне бессмертные сами дают в наши милые руки
Столь вожделенный страданий конец и победу во блеске.
Смело ступайте теперь коню во просторное чрево!
265 Славу великую смертным доставит великая смелость!
О, если б члены мои обладали великою силой,
Той, что имел я, когда собирал на корабль быстролетный
Отпрыск Эзона героев – Арго та ладья называлась,
Первым я вызвался плыть среди лучших мужей, да неволей
270 Пелий меня богонравный принудил тогда воздержаться,
Ныне же тяжкая старость меня не пускает, но все же
Я, словно юноша, смело в коня устремлюсь погрузиться,
Бог несомненно и силу вошьет, и славу доставит!»
Рек, и на это отвечивал светлого сын Ахиллеса:
275 «Нестор почтенный, умом меж всех ты мужей – наилучший!
Старость жестокая все же тебя отягчает, конечно,
Жаждешь ты подвиг свершить, но силы уже не хватает,
Должно тебе к Тенедосскому берегу отправиться с флотом,
Мы же, кто молод летами, кто боем еще не насыщен,
280 Мы и пойдем совершать, что ты, о старец, велишь нам!»
Рек, и Нестор Нелид к Ахиллову сыну подходит,
Темя целует ему и обе руки лобызает, –
Первым ведь вызвался Неоптолем в коня погрузиться,
Старца же он не пустил в засаду, велел оставаться
285 Вместе с другими данайцами – юноша подвига жаждал.
Неоптолеу, горящему к бою, Нелид отвечает:
«Сын ты отца своего и мощью, и словом разумным,
Равного богу Ахилла, и твердо я верю – ахейцы
Силою дланей твоих разрушат Приамово царство.

- 290 Вот наконец, хоть и поздно, за все наши тяжкие муки
Ждет нас великая слава, добытая потом и кровью.
Боги бессмертные бедами вечно людей осыпают,
Блага же прячут от них, окутав трудом и страданьем,
Вот почему так легка молодежи дорога к дурному,
- 295 К славе же путь и далек, и тяжел, и его одолеет
Тот лишь, кто множество трудностей может осилить в дороге».
Молвил Нелид, и ответил ему Ахиллесов потомок:
«Старец почтенный! Надежды твои да сбудутся въяве,
Мы ведь к тому же горим, – ведь всего это было бы лучше!
- 300 Если ж бессмертные судят иначе, сие да свершится.
Я предпочел бы погибнуть со славой в Ареевом деле,
Нежели слушать попреки, бежав из-под города Трои».
Рек и на плечи вздевает доспехи бессмертной работы,
Те, что отец надевал, и с ним облачились герои
- 305 Лучшие в войске ахейском, чьи души не ведали страха,
Их мне сочтите теперь поименно и точно, о Музы,
Кто были эти герои, что в чрево коня устремились.
Музы, ведь это же вы в мое сердце и песню вложили
В пору, как первый пушок покрыл мои нежные щеки,
- 310 Пас я прекрасных овец на широких равнинах близ Смирны,
Герм протекал недалеко, – на три расстояния крика,
Близ Артемидина храма, где сад разрастался привольно,
Там, где пологие склоны холмов не круты и не низки.
Первым в коня погрузился огромного отпрыск Ахилла
- 315 Неоптолем, а за ним Менелай, Атрид многославный,
После Сфенел, Одиссей и с ним Диомед богоравный,
После взошел Филоктет, затем и Антикл с Менесфеем,
Мощный душою Фоант, потом Полипойт белокурый,
Равный богам Фрасимед, Аякс, Эврипил, поднялся
- 320 Далее Идоменей с Мерионом, преславные оба,
Славный копейщик пошел Подалирий, подобные богу

Тевкр с Эвримахом, и воинским духом могучий Иалмен,
Талпий и с ним Антимах, Леонтей, неустанный в сраженьях,
С ними Эвмел с Эвриалом, подобные видом бессмертным,
325 Демофоон с Амфимахом, могучий боец Агапенор,
С ним Акамант и Мегет, прекрасные дети Филея,
Также вошли и другие, блиставшие воинской силой,
Сколько могло их вместить просторное конское чрево,
Самым последним из всех Эпей преславный поднялся,
330 Тот, кто коня сотворил, кто умел запереть его чрево,
Мог и запор отомкнуть, посему и поднялся последним
Сей божественный муж. И тотчас он лестницу поднял,
Ту, по которой взошли, и тщательно запер засовы,
Сам же поблизости сел, и все погрузились в молчанье,
335 Шаг был один до победы, но шаг – и до гибели верной.
Тою порою другие ахейцы в широкое море
Вышли на быстрых судах, стоянку ж огнем истребили.
Их предводили два доблестных мужа: один – престарелый
Нестор Нелид, а другой – Агамемнон, прекрасный копейщик.
340 Оба они пожелали в коне поместиться, но в этом
Им помешали ахейцы, прося, чтоб остались при флоте,
Были вождями они, поскольку намного послушней
Воины службу несут, когда на глазах у владыки.
Вот и остались они, хоть душою и были герои.
345 Флот же проворно достиг святых берегов Тенедоса,
Длинный забросили якорь и вышли поспешно на берег,
Крепко канатом суда привязав ко скалам прибрежным,
Сами потом сохраняли молчание, ждали сигнала
В жажде скорее узреть призывного светоча факел.
350 Те же герои, что были во чреве коня, временами
Думали – гибель близка, то опять победить уповали.
В мыслях таких и застал их восход Эригены-Денницы.
Тут примечают трояне, что на Геллеспонтовом бреге
Дым поднимается в воздух – но флота не видно уж боле,

- 355 Тех кораблей, что печальную гибель несли из Эллады.
С радостью в сердце они устремляются к берегу скорее,
Все ж облачившись в доспех – не оставило их опасенье.
Там они видят коня благозданного – все в изумленьи
Встали, его окружив – великое истинно дело.
- 360 Тут, наконец, примечают Синона несчастного рядом,
Наперебой вопрошают его о данайцах, его окружают,
Он же в середине стоит, и сначала беседуют мягко,
После ж кидаются с бранью, с угрозами, бить начинают,
Хитрого мужа они истязают немалое время,
- 365 Мучают сильно, а он пребывает, подобный утесу,
Твердо стоит на ногах неустанных – а те истязают,
Уши ему, наконец, отрезают и рвут ему ноздри,
Всяким его надругательствам страшным подвергнув, чтоб выжать
Вырвать неложное слово, куда подевались данаи,
- 370 Что там таится в коне, – Синон же, скрепив свое сердце,
Не обращает вниманья на пытки, все терпит он стойко,
Даже удары бича и ожог раскаленным железом, –
Вот какова была стойкость – что Гера-богиня вдохнула,
Вдруг хитроумный герой отверзает уста среди пыток:
- 375 «В бегство ахейцы пустились, по морю со всеми судами,
Больше не в силах сносить войны затянувшейся тяжесть.
Конь же был ими построен для славной в войне Тритогены
По наущенью Калхаса, чтоб гнева богини избегнуть,
Сильно она за троян горячилась – а мне уготовил
- 380 Смерть Одиссей – как жертву за их возвращенье – хотел он
Здесь заколоть меня возле прибоя шумливого моря,
В жертву морским божествам – но сие от меня не укрылось,
Я поспешил уклониться от сих возлияний ужасных,
Спрятался с помощью бога, улегся к коню я под ноги,
- 385 Тут и пришлось им оставить меня, хоть того не желали,
Все ж постыдились пред дочерью могучей великого Зевса».

Так он коварно вещал, не сломили его истязанья.
Храбромu мужу пристало сносить неизбежное стойко.
В войске троян у одних возникает доверье к Синону –
390 Но возражают другие, что это – обман и коварство,
Им по душе было мнение Лаокоона, который
Мысля разумно, сказал, что все это – козни ахейцев,
Пагубный, хитрый обман, – говорил он, конечно же, дело –
395 Всех побуждая как можно скорей деревянную лошадь
В пламени жарком спалить – и увидеть, сокрыто ли что-то.
Так бы трояне и сделали верно, и смерти б избегли,
Если б тогда Тритонида, возжегшись неистовым гневом
К Лаокоону, Троянам и Трое самой, не качнула
Землю святую у них под ногами – и страх нападает,
400 Лаокоонову душу объяв, – и муж сей могучий
Дрогнул всем телом – и взор его мрак застелил непроглядный,
Страшная боль пронзила ему безжалостно веки,
В очи его под густыми бровями внедрилась глубоко,
Стали от боли глаза из орбит вылезать от страданья,
405 Дико вращались они, и снаружи их боль изъедала,
И проникала вовнутрь, в содержимое черепа, страшно,
В самую мозга средину впиваясь мучением острым,
Словно глаза его с кровью густою смешались ужасно, –
Так, как бывает у тех, кто сражен слепотой неизлечно,
410 Часто сочатся глаза, словно капает снегом покрытый
Горный утес, если оттепель лед расплавлять начинает.
Лаокоон стал безумцу подобен – стонал он от муки,
Все пред глазами двоилось – но он продолжал наставленья,
Муки презрев, – а богиня меж тем перед ним погасила
415 Свет навсегда – и незрячие очи вперились недвижно,
Кровь источая, – и жалобным стоном народ отозвался,
Все сожалели о муже любезном, но в страхе дрожали

Пред Агелеей бессмертной, боясь оскорбить ее чем-то.
Тут на погибель, конечно, на ум им, несчастным, приходит,
420 Что надругались напрасно они над Синоном-страдальцем,
Он, де, решили они, говорил непреложно и верно,
Тотчас героя тогда провожают приветливо в город,
Полнясь раскаяньем поздним. И тут же поспешной толпою
Все повалили к коню исполинскому – взяли веревки,
425 Плотно коня обвязали – Эпей ведь премудрый приделал
К каждой огромной ноге колеса с вращением легким,
Дабы влекомый руками троянцев, во град он поехал
Юношам сильным вослед – а они, как один, напряглись
И потащили проворно, подобно тому, как, бывает,
430 Тащат с усилием корабль к приборам звучащему морю,
Тянет упорно корабль молодежь – и под тяжестью страшной
Громко скрежещут катки, и канаты скрипят, напрягаясь,
И постепенно скользя, опускается на воду судно, –
Так и трояне несчастье свое – деянье Эпея –
435 В город влекли, упираясь, пред ним устилая дорогу
Пышным ковром из венков, и его самого увенчали,
Громко крича, ободряли друг друга. И тут засмеялась,
Глядя на них, Энио, – узревши войны окончанье
Злое, – и тешилась Гера, и радость взяла Афинею.
440 Вот уже шествие Трои достигло, – стена, расступившись,
Внутри пропускает коня-погубителя. Громко вскричали
Жены троянки, и все обступили коня, и дивились
Мощной машине – а там притаилась их верная гибель,
Лаокоон же и тут не оставил своих увещаний –
445 Злому огню коня поскорее предать побуждал он.
Но не внимали ему, опасаясь беды от бессмертных,
Тут замышляет Афина, богиня, великая духом,
Лаокоону с детьми его кару ужаснее прежней.
В море лежал недалеко от Трои утесистый остров –

- 450 Люди его называли Калидной, – на острове этом
В месте укромном его, под утесом крутым и скалистым,
Взору людей недоступна, таилась пещера – во мраке
Там, порожденье Пифона, чудовища страшные жили –
Их-то Афина и кинула в Трою. И сила драконья
455 Двинулась волей богини, и дрогнул их остров родимый,
Всплеском чудовищным грянуло море при их погруженьи,
Вал покатился, восстав – а они по волнам устремились,
Жалом из пастей грозя – и киты ужаснулись в море,
Подняли стон несказанный прекрасные Ксанфовы дочери,
460 Нимфы, и сам Симоент, и, взирая с Олимпа, Киприда
Скорбью объялась – а змеи по воле богини стрелою
Мчались, чтоб впиться зубами, несущими верную гибель
В лаокооновых бедных детей – и чудовищный ужас
Пал на троян, как узрели во граде огромных страшилищ,
465 Сил никому не достало, сколь ни было в сердце отваги,
Доле остаться на месте – и все, обезумев, помчались
Прочь от чудовищных змей, охвачены страхом и горем.
Визг среди женщин поднялся – и прочь от губительной смерти
Кинулись жены спасаться, порой позабыв и о детях.
470 Стоном стонал Илион – и в свалке давили друг друга,
Члены ломая на улочках узких в толпе напиравшей.
Лаокоон же с детьми остались, покинуты всеми,
К ним божество и смертная Кера уже подступили.
Страшные змеи впились челюстей погибельной хваткой
475 В двух сыновей, что в страхе смертельном к отцу простирали
Длани – но он их, любимых, спасти был не в силах,
Издали все наблюдали трояне с рыданием горьким,
Страх леденящий им в сердце проник – а ужасные змеи,
Выполнив ловко веленье Афины, враждебное Трое,
480 Обе под землю исчезли – и памятник есть и поныне
В месте, где скрылись они, где храм Аполлона Пергамский.

В прежнее время трояне, собравшись совместно, воздвигли
Лаокооновым детям, ужасно растерзанным, в память
Здесь кенотаф, при котором отца их незрячие очи
485 Слезы по ним проливали, а мать их в глубокой печали
Горько рыдала, бессильно упав на пустую могилу,
Доли горчайшей еще ожидая, печалась душевно
Бедами мужа в душе, трепеща перед гневом блаженных.
Так в опустевшем гнезде заливается жалобным плачем
490 Мать-соловьиха в тенистой ложине, печаль изливая
Из-за малюток птенцов, загубленных силой змеиной,
Прежде чем сладким своим научились напевам, и в горе
Птица, по дому пустому тоскуя, кричит беспрестанно –
Лаокоонова так же супруга печально рыдала
495 Возле могилы пустой дорогих сыновей, причитая,
Горе другое ее угнетало, не меньше потери
Двух сыновей – то постигшее мужа лишение зренья.
Вот и скорбела она о супруге и чадах любимых,
Эти – почили, а тот лишился сияния солнца.
500 Стали трояне тогда ублажать блаженных дарами,
Сладкое лили вино, уповая душой, что избегнут
Бремени страшной войны – но жертвы у них не горели,
Пламени сила стихала, и гасло оно, как бывает
В пору, как ливень сплошной изольется потоком на землю,
505 Дым лишь стелился кровавый, клубясь, а тучные бедра,
Дрогнув, на землю упали – ведь все алтари содрогнулись,
В кровь обратилось вино возлиянья, кумиры бессмертных
Слезы исторгли, и храмы кровавые пятна покрыли,
Гул несказанный возник – содрогнулись длинные стены,
510 Башни издали чудовищный гром, словно впрямь разрушались,
Сами собой отворились врата, со скрипом зловещим,
Криком тревожным в пустынной тиши отозвались печально
Птицы ночные – и вышнее небо во звездном уборе
Над Илионом, который бессмертные строили боги,

- 515 Мрак затянул или мгла, — хоть только что ясность сияла
Без облаков и без туч – и в храме у Феба внезапно
Лавра засохли листья, хоть до этого полнились жизнью.
Прямо в черте городской бесстыдно шакалы и волки
Подняли вой – и знамений прочих случилось немало,
520 Все они горе большое в грядущем сулили дарданцам.
Видели ясно трояне зловещие эти приметы
Всюду по граду – но страхом нисколько их дух не проникся,
Вышибли Керы у всех разуменье, затем, чтобы участь
Приняли Трои сыны на пирах от дланей ахейцев.
525 Только Кассандра, чье вещее сердце и разум премудрый,
Верно грядущее зная, его возвещали напрасно,
Ибо не верили ей никогда, – никогда не внимали,
Словно пустое она говорила, на горе троянам, –
Только она понимала значение сих знамений страшных,
530 Все об одном говоривших – и львице подобно, рычала,
Львице, которую смелый охотник, стремясь за добычей,
Ранил, копьем поразив, и в груди ее буйствует сердце,
Носится яро она по горам с необузданной силой –
Так и Кассандра покинула терем, объятая в сердце
535 Ярым неистовством божьего знания – помчалась, рассыпав
Кудри густые, по белым плечам ниспадавшие пышно,
Скромность отбросив и стыд, с горящими страшно глазами,
Шею свою то туда, то сюда, как весло обращая,
Тяжко стеноя, кричала троянам почтенная дева:
540 «О мы несчастные! Мы погрузились в потемки Аида!
Город вокруг застонал, он крови и гибели полон,
Страшные знаменья все посылают бессмертные боги
Нам, кабы ведали мы, что погибель у нас под ногами!
Жалкие! Доли не ведая злой, собрались веселиться!
545 Радость от глупости ваша – ведь конь вам беду уготовил!
Слушать не станете вы, не внемлете, что ни скажу я, –

Ныне на град наш накинудись все несмягчимые Керы,
Гневаясь страшно на нас за брак презлосчастной Елены,

- 550 Ныне пируете вы на пиру вашей жизни последнем,
Все вы уже на пути к обители призраков мертвых».
Ей, издеваясь, ответил на это один из троянцев:
«Дочь Приама! Ну кто же опять за язык тебя тянет
Глупые речи свои говорить, как обычно, пустые!
- 555 Как же тебя не удержит и стыд, подобающий деве?
В бешенстве злом ты опять – и тебя при твоём многословье
Все мы нисколько не чтим, ни за что мы тебя не считаем!
Ты убирайся, неси зловещанья себе да ахейцам,
Как бы, смотри, не пришлось и тебе поплатиться ужасно,
- 560 Лаокоону подобно бесстыдному – ведь не пристало
Делать безумцев причастными к милому делу бессмертных».
Так говорил он – и прочие тоже над ней насмехались,
Все говорили, что мелет она совершенно пустое,
- 565 Ведь подошли уж вплотную к троянам, совсем подступили
Страшные силы судьбы и Беда. И, не чуя погибель,
Прочь прогоняют Кассандру они от коня, издеваясь, –
Ведь предлагала она разнести деревянного в щепки,
Пламени злomu предать, и факел горящий схватила,
- 570 Кинулась в ярое порыве, другой же рукою сжимала
Крепко секиру двуострую, кинулась козни разрушить,
Взорам троянцев представить засаду, что в чреве таилась, –
Те же проворно из рук ее вырвали факел с секирой,
Отняли все, и беспечно вернулись к последнему пиру,
- 575 Пиру прискорбному – ночь их последняя к ним подступила.
В чреве коня притаившись, с страхом внимали ахейцы
Шуму гулявших троян, что не слушали боле Кассандру,
Сами ж ахейцы в душе поразились весьма этой деве,

После Гомера

Истинно ведавшей тайные планы и мысли ахеян.
580 Прочь от коня удалилась Кассандра, подобно пантере,
Той, что в горах возбужденно несется, когда от загона
С тяжким трудом отгоняют ее пастухи и собаки,
Вот и отходит она, озираясь с неистовой злобой,
Так отошла и Кассандра, и сердце ее разрывалось,
585 Ведая гибель троян и беду превеликую чуж.

Тринадцатая песнь

В Трое шумели пиры – разносились веселые звуки
Флейт и напевных сириг, и слышалось громкое пенье,
Топот гремел плясовой, – и в них непрерывно вплетались
Шумные речи, как то на пиру при попойке бывает,
5 Где, беззаботно вином то и дело наполнив бокалы,
Пьют, отягчая рассудок – и вскоре у всех понемногу
Очи косить начинают, язык заплетается малость,
Слово за словом выходит с трудом, и затем постепенно
Всем начинает казаться, что вещи пошли шевелиться,
10 Дом закачался, что все начинает кружиться во граде,
После темнеет в глазах – то вином ослабляется зренье,
Все пред глазами плывет, застилается взор пеленою –
Чистое, без разбавленья, вино, заливая утробу,
Ум притупляет совсем. И вот один из троянцев,
Тяжкую пьяно потупя главу, изрекает такое:
15 «Вот и напрасно данайцы сюда, дураки, притащили
Войско такое большое – они совершить не сумели
То, что пытались свершить, – потому и сбежали отсюда,
Словно какие младенцы иль слабые жены, трусливо».
Так говорил, нагрузившись вином, пировавший троянец.
20 О, неразумный! Ведь он и не чуял, что смерть у порога.
Сон между тем одного за другим их оковывал крепко.
Доверху полных хмельного вина, отягченных едою.
Вот и уснули трояне, Синон же пылающий факел
Поднял с высокого места – как знак для аргивян, – и сердце
25 Билось тревожно, – а что, как его заметят трояне?
Тайное дело тогда бы немедленно сделалось явным.
Но ничего не замечено было, – хмельные трояне
Сон свой последний вкушали – ахейцы же знак увидали,
С флотом отправились к берегу троянскому прочь с Тенедоса,

- 30 Сам же Синон устремился к коню, и, голос понизив,
Чтоб не услышал случайно его ни один из троянцев,
Тихо окликнул своих – что во чреве и глаз не смыкали –
Жаждали боя владыки данаев в большом нетерпении.
Вняли герои Синону – и, слух преклонив к Одиссею,
35 Ждали, что скажет, а он повелел поскорее бесстрашно
Выйти наружу, – они не послушались этого слова,
К бою зовущего, – стали немедленно все торопиться
Выйти сражаться, – но он, осторожно порыв их умерив
Кинуться тотчас наружу, спокойно открыл там, где нужно,
40 Скрепил в коне деревянном, прекрасном созданыи Эпея,
Выглянул сам из отверстия в коне и внимательно Троию
Всю оглядел не спеша, – а вдруг еще бодрствует кто-то.
После бесшумно спустился с коня Одиссей, уподобясь
- 45 Волку, что гладом нещадно гонимый, со склонов заросших
Горного леса к людскому жилью направляется, рыща,
Где бы добычу найти, и крадется к большому загону,
Тихо идет, овчаров опасаясь и псов их проворных,
Тотчас готовых овец защитить, – Одиссей был таков же.
- 50 Следом за ним и другие владыки панэллинов вышли,
Лестница вниз их вела, что Эпей смастерил для героев,
Дабы дорога была им во чрево коня и обратно.
Стали один за другим из коня появляться герои,
Будто бы осы, когда дровосек их дупло потревожит,
- 55 Вон вылетают одна за другой, заслышав удары,
И, негодуя, с жужжанием злобным гнездо покидают –
Так покидали просторное чрево коня и ахейцы,
Ринувшись в град Илион богозданный, и с трепетом билось
- 60 Каждое сердце в груди, когда на врагов они мчались.
Войско же прочее было в пути, и несло их прибоем

- Быстро вперед по волнам, – пролагала дорогу Фетида,
Ветер попутный послав, и в душе веселились ахейцы.
Вот и достигли они, наконец, берегов Геллеспонта,
65 Снова причалили там, и якорный камень спустили,
Все, как положено в деле морском, совершили проворно,
Сами поспешно на берег сошли и ринулись в Троию
Шумной толпою, подобно отаре, что, блея, к загону
Под вечер с пастбищ тенистых несется осенней порою,
70 Так же на город троян и ахейцы тогда устремились,
В жажде своим вожакам поскорей подоспеть на подмогу.
- 75 Вот подступило все войско под стены высокие Трои,
Вот и нахлынула, жалость отринув, на город Приамов
80 Рать, что дышала Ареевой мощью, горящая к бою,
Город просторный наполнился боем и трупами павших,
Всюду пожары зажглись по домам, а из них понеслись
Страшные вопли, – ахейцы же в сердце своем веселились,
Злое замыслив, они устремлялись на жителей Трои,
85 В гуще их – сам разъяренный Арей с Энио многостонной,
Всюду потоками черная кровь проливалась на землю
Гибнущих Трои сынов и союзников их, и лежали
Мертвые в лужах кровавых, на них упали другие,
Душу свою выдыхая. Другие беспомощно в домах
90 Чрево разверстое дланью зажав, метались предсмертно,
Были такие, кому отрубили захватчики ноги, –
Страшно крича, они среди трупов ползти все пытались,
В них, и поверженных, к битве стремленье еще не стихало,
- 95 Так что ахейцы лежачим рубили и ноги, и главы,
Тех же, кто в бегство пускался, они со спины поражали,

- Прямо насквозь до сосков, а иных и до самого паха,
Части повыше срамной, туда, где всего нестерпимей
Жалит Арей неустанный копьем, доставляющим муку.
100 Всюду по городу жалобный лай раздавался собачий,
Отроков крики пред смертью пронзительно слышались всюду,
Каждый чертог содрогался от страшных, чудовищных воплей,
Женщины с плачем кричали, и жалобный вопль воздымался,
Будто бы крик журавлей, когда птицы орла заприметят, –
105 Сверху на них он несется, и нет ни отваги, ни силы
Против него никакой, – одно только слабое средство, –
Крик величайший поднять, трепеща пред священной птицей,
Так и троянские жены повсюду вопили, рыдая, –
- 110 Те лишь проснулись едва, другие лишь прянули с ложа,
В горе и пояс забыв подвязать – до того ли им было,
Так и метались, набросив на плечи простые хитоны.
Жены иные и так не успели ни пеплос накинуть,
Ни покрывалом прикрыться, – но в страхе вскочили великом,
115 При появлении врагов ни во что не смогли облачиться,
Бедные, стыд прикрывая руками дрожащими жалко.
Волосы рвали иные, царапали грудь беспощадно,
Плача в отчаяньи крайнем, а были и те, что, бесстрашно
Против врагов устремляясь, забыв свою женскую робость,
120 Пылко пытались помочь погибавшим мужьям и потомству,
Их защищая, и смелость безмерную горе рождало.
Шум разбудил и младенцев грудных, и нежных малюток,
Тех, чей возраст не ведал еще забот и печалей,
Дети один за другим просыпались и гибли, и даже
125 Спящих, и тех среди грез настигала их смертная участь.
Черные Керы витали меж ними, ликуя злорадно.
Гибли трояне, и резали их, точно в доме обильном
Режет дебелих свиней в угощенье народу хозяин,
Пир устрояя большой, и кровь, проливаясь, мешалась

- 130 В чашах с вином недопитым, и в этой губительной сече
Даже слабейший ахеец свой меч обагрят, убивая.
Все предавались убийству, – трояне же гибли и гибли.
Так вот в полуденный час, изнурительной летней порою
Стадо, что в тень разбредется и ляжет, одно остается,
135 Пастырь же млеко домой поспешит отнести, как внезапно
Кинутся хищно шакалы и волки на стадо овечье,
Рвут и терзают, и жадное чрево свое набивают,
Черную кровь выпивают, и губят большую отару,
- 140 Пиршество злое творят, пастуху их, бедняге, на горе,
Так и данайцы, по граду Приама рассыпавшись, били
Всех одного за другим в пылу этой битвы последней.
Уж не остался никто из троян невредимым, без раны,
Нет, заливались их гибкие члены потоками крови,
145 Но и ахейцам сраженье сие не далось бескровно,
Чашами были побиты одни, столами – другие,
Били их, факелы взяв, раскаленные брали жаровни,
Многих убили, пронзив вертелами насквозь, на которых
Жарились жирных свиных потроха, остатки от пира –
150 В углях паленых Гефестова жара они оставались.
Многие бились предсмертно в крови, получивши удары
Быстрой секирою или топором, а другим отрубали
Пальцы, когда они руку к мечу устремляли, в надежде
Кер беспощадных избегнуть, другие же замертво пали,
155 Камня страшный удар получив, раздробляющий череп.
Были ахейцы как дикие звери, что ночью ненастной
В хлев к пастуху на деревне забравшись, побитые, в ранах,
Мечутся в бешенстве диком, свирепою желчью вскипая,
Сим уподобясь зверям, в неистовстве алчном, ахейцы
160 В шумном бою вокруг Приамова дома боролись, друг в друге
Рвение множа, и копья аргивские многих сразили.

- С ними троянцы-мужи, хоть их и вино отягчало,
Все же сраженье вели, как могли, – ведь иные успели
Из дому вынести меч, а иные за копья схватились.
- 165 Вскоре по городу вспыхнуло множество светочей ярких, –
Это ахейцы в руках своих факелы в битве держали,
Дабы вернее своих отличить от врагов при сраженьи.
Тут натолкнулся в бою Диомед, Тидеев потомок,
На копьевержца Коройба, Мигдонова славного сына.
- 170 Тотчас сражает его он копьем, и оно проникает
В чрево, туда, где пища с питьем пролегают дороги.
Черное это копье принесло с собой смертную участь,
В груды убитых, залитую кровью, Коройб падает,
О неразумный! Вчера лишь к Приаму он прибыл, надеясь
- 175 Брак заключить, посулив отбросить аргивян от Трои,
Бог не исполнил надежд, и ему вместо свадебных празднеств
Черные Керы послали немедленно жалкую гибель.
Вместе с Коройбом постигла кончина и Эвридаманта,
Мужа-копейщика, зятя Антенора, что средь троянцев
- 180 Более всех выделялся ума благородством и силой.
После того со старейшиной – Илионеем столкнулся
Отпрыск Тидея и меч беспощадный уже изготовил,
Старец от ужаса весь задрожал своим немощным телом,
И без того был он слаб и многими сломен годами, –
- 185 Тут же дрожащие руки простер, и одною рукою
Острого слабо коснулся меча, а другою – колена
Мужеубийцы-героя. А тот, утомленный резнею
(Либо то гнев откатил, или внял он внушению бога,)
Меч свой от старца немного отвел, дабы молвил он слово,
- 190 Мощного, быстрого мужа моля, – и стал говорить он
Жалобно, страхом объят леденящим, и вот что промолвил:
«О, на коленях молю, кто бы ни был ты, мощный ахеец,
Ты постыдись свои руки на старца поднять! Успокойся!
Честь – в поединке сразить молодого, могучего мужа,

- 195 Слабого старца убить – какая тут надобна храбрость?
Так отведи от меня свои мощные длани на юных,
Если надеешься сам дожить до такого же срока!»
Рек, и в ответ ему молвил могучий потомок Тидея:
«Старец! И я уповаю дожить до старости славной!
- 200 Ныне же сила бушует моя, и врага не могу я
Прочь от себя отпустить, но всех я в Аид отправляю,
Ибо воинственный муж на всяких врагов нападает!»
Рек и губительный меч немедленно в горло вонзает
Муж сей, попавши туда, где для смерти прямая дорога,
- 205 С кровью быстрее всего оттуда душа излетает.
Падает Илионей, сраженный погибельной долей
Под Диомеда рукой, а Тидид устремляется дальше,
Силой бушуя своей, по городу носится всюду.
Вот он Абанта убил, вот славного Эврикоонта
- 210 Длинным копьем поразил, Перимнесова доброго сына.
Идоменей поражает Миманта, Мегес – Дейопита,
Амфимедонта – Аякс, Агамемнон же – Дамасториды.
Сын Ахиллеса своим исступленным копьем настигает
Светлого мужа Паммона, напавшего рушит Полита,
- 215 После разит Антифона, – и все эти юноши были
Дети Приама-царя; затем и спешащего к бою
Мужа Агенора он укрощает, – и множество прочих
Трои героев, – и черная смерть среди погибших повсюду
Мрачно витает. А Неоптолем, с отцовскою мощью,
- 220 Всех на пути истребляет. И вот повстречал он Приама
Близ алтаря Оградного Зевса и злое замыслил.
Старый же царь, лишь узрев пред собою Ахиллова сына,
Тотчас его и узнал, но в бегство не стал устремляться,
Жаждала смерти душа его вместе с погибшим потомством,
- 225 Вот почему, накликав кончину, сказал престарелый:
«Мощное чадо Ахилла, прекрасного в воинском деле!

Не сострадая, рази поскорее, уж столько мучений
Я перенес, что не радостно мне и святое сиянье
Солнца воззрящего, нет, но одна мне отрада – скорее
230 Вместе с детьми умереть, лишь так я забуду мученья
Страшной войны многостонной. О, если бы раньше я умер,
Пал от отца твоего и не видел пылающей Трои,
В пору, как выкуп ему я принес за убитого сына
Гектора – твой отец умертвил его – этому сбыться
235 Керы не дали, – и ты хоть теперь моим умерщвленьем
Мощное сердце насыть, и я о страданьях забуду!»
Молвил. На это ответил Ахилла бестрепетный отпрыск:
«Старый, зачем ты торопишь того, кто и сам поспешает?
И без того я тебя, о враг мой, в живых не оставляю,
240 Жизнь – это то, что душам людским всего драгоценней!»
Рек и мгновенно отсек убеленную голову старца
С легкостью той же, что серп отсекает сухие колосья,
Спелую жатву собирая под зноем цветущего лета.
С клекотом страшным глава далеко по земле откатилась
245 Прочь от членов, которые тело приводят в движенье,
Труп же полег среди трупов других, чернеющих кровью.
Был благороден, богат, обладал бесконечным потомством,
Ибо недолгая слава цветет в человеческой жизни,
Нет, неожиданно может всегда ворваться бесчестье.
250 Участь Приама взяла, и пришло его горе забвенью.
С башни высокой данайцы, чьи быстрые славятся кони,
Астианакса – малютку кидают, – и он погибает,
Вырванный силой жестоко из матери цепких объятий, –
Гнев у данаев на Гектора тлел: немалые беды
255 Он им при жизни нанес, – и, потомство его ненавидя,
Малое кинули чадо они со стен превысоких,
Крошку, едва лепетавшего, что о войне и не ведал.
Так же свергают с высокой скалы молодого теленка
Волки средь леса, гоняясь за ним и на кручу загнавши,

- 260 Пищу готовя себе – сначала от матки отрежут,
Млеко обильно кормящей, – она же с мычанием громким
Мечется, милое чадо ища, и туда забредает,
Где и его погубили, – и львам достается в добычу,
Так и враги повели Андромаху средь пленниц бесчисленных,
265 Сердце ее разрывала кончина любимого чада,
Шла она с ними и горько рыдала средь жалобных стонов,
Смерти желала себе прекрасная дочь Гетиона,
Помня о муже, о милом отце и о сыне-малютке,
Жизни уже не хотела, ведь отпрыскам царского рода
270 Много желанней погибнуть в войне, чем рабство изведать.
В сердце терзаясь безмерно, кричала она средь рыданий:
«Скиньте же вы и меня поскорей со стены погребальной,
Скиньте меня со скалы или бросьте в костер поскорее,
Боле терпеть эту муку нет сил, погибаю от горя.
275 В Фиве святой отца моего благородного отнял
Отпрыск Пелея, а в Трое убил и прекрасного мужа,
Мужа, что был для меня единственным в мире желанным.
Все же оставил Пелид при мне дорогого малютку,
Радость мою несказанную, славу и светоч надежды, –
280 Но нечестивая Айса и тут меня зло обманула!
О, поскорее избавьте меня от мучительной жизни,
Пусть ни один их ахейяв меня к себе в дом не уводит
Вместе с другими, добытыми с бою. Душа истомилась
Боле с людьми пребывать, – ведь всех, кто защитой был мне,
285 Демон сгубил злоковарный, – остались мне горе и слезы,
Мне, что на горькую муку одна средь троян уцелела!»
Так говорила она и в землю желала сокрыться,
Верно, что лучше не жить для тех, чью великую славу
Жалкий позор поглотил – им страшно людское презренье.

- 290 День ее рабства настал, и силком повлекли Андромаху.
В граде повсюду в домах расставались с жизнью трояне,
Крик отовсюду звучал, исторгающий слезы, ужасный,
Лишь из чертогов Антенора вовсе не слышалось криков,
Помнили греки о том, с каким дружелюбием милым
295 Принял он гостеприимно во граде и спас Менелая,
Богу подобного мужа, и с ним Одиссея, посланцев.
Вот в благодарность теперь благородные дети ахейн
Жизнь даровали ему и имущество все пощадили,
Чтя и всезрящее око Фемиды, и милого мужа.
300 Тою порою Эней, беспорочного отпрыск Анхиза,
Город Приама-царя в великих трудах защищая,
Силой своей и копьем у многих исторгнувший души,
Видя, что город пылает во вражеских дланях жестоких,
Видя, что целый народ истребляется сразу, повсюду,
305 Как погибают богатства бесчисленные, как извлекают
Жен и детей малолетних враги из домов, полоняя, –
Больше надежд не питал, что выдержат стены отчизны.
Нет, побуждал его ум бежать от беды неминуемой,
Словно когда среди глубокого моря поднимется буря,
310 Волны вздымаются всюду, и шквал налетает порывом
В страшную зимнюю пору, и кормчий, что правит умело,
Изнемогает, и руки устали, и дух утомился, –
Тонущий он покидает корабль, захлестнутый валом –
Бросив кормило, на легкой лодчонке подальше стремится,
315 Бросив груженое судно, – вот так Анхизид благородный,
Бросив пылающий город, клопочущий вражеским войском,
Вырвав оттуда родителя с сыном, стремился из Трои,
Старца отца себе он взвалил на могучие плечи, –
Ибо Анхиз престарелый был слабым от старости жалкой, –
320 Сына же нежно рукою прижал, ведь детские ноги
Не доставали земли, – и унес их подальше от смерти,

Страшного дела войны, оглашаемой стонами битвы.
Малому нежному чаду висеть на отце приходилось,
Слезы по щечкам текли у него, а отец пробирался
325 Поступью быстрой, по трупам идя напрямик, не хотел он
Долго плутать в темноте, – и вела его мать Киприда,
Вырвать оттуда богине хотелось и мужа, и сына,
С внуком родным, – и путь под ногами она освещала,
Злое Гефестово пламя пред ним рассекала богиня,
330 Копья и острые стрелы напрасно до них долетали,
Падали мимо они, сколь их не метали ахейцы,
Целясь в Энея попасть в смятении битвы плачевной.
Голос тогда возвышает Калхас, дабы сдерживать войско:
«Вы прекратите метать смертельные копья и стрелы
335 В храбрую голову мужа Энея, потомка Анхиза.
Выдался жребий ему богов замышленьем преславленным,
С берега Ксанфа уйдя, до широкого Тибра добраться,
Город святой основать на диво грядущим потомкам,
Станет сей град властелином над множеством разных народов,
340 Род же Энеев впоследствии столь широко разрастется,
Что от востока пройдет до запада крайних пределов, –
Вот каковы непреложный закон и воля бессмертных –
Ведь Анхизид порожден самой Афродитой кудрявой,
Так что подальше держите вы длани от этого мужа,
345 Он ведь с собой на чужбину несет, из огня упасая,
Вовсе не золото иль что из богатств, – но отца он спасает,
Также и малого сына, – и ночь на защиту явилась
К сыну, что любит отца-старика удивительно пылко,
Равно к отцу безупречному, что о дитяти радеет!»
350 Молвил, ему подчинились ахейцы, и все на Энея
Словно на бога воззрились, а тот поспешил через город
К месту, куда его быстрые ноги влекли. И ахейцы
Стали крушить укрепленную Трою, божественный город.
Тою порой Менелай Деифоба, настигнув, сражает

- 355 Гибельным острым мечом, когда на ложе с Еленой
Он с головою тяжелой, злосчастный, лежал, а Елена
Кинулась прятаться в дальних покоях. Атрид взвеселился,
Кровь Деифоба пролив, и с радостью вымолвил слово:
«Ныне, собака, убил я тебя наконец-то, и боле
360 Уж не увидит живым меж троянцев тебя Эригена.
Больше не станешь хвалиться, что зять ты великого Зевса,
В высях гремящего мощно, тобою уж смерть овладела.
Здесь, на постели супруги моей, повстречал ты кончину
Страшную. О, если б раньше я мог повстречать Александра,
365 Первопричину беды, и душу изъять в поединке!
Много бы легче мне было нести мое горе, но ныне
Он отошел навсегда во мрак ужасный Аида,
Кровью за все заплатив. А тебе уж ничем не поможет
Наша супруга, – ведь тем, кто свершил преступленье, Фемида
370 Не позволяет живыми уйти, – надзирает богиня
Денно и ночью за всеми дурными, и всюду незримо
В воздухе вечно витает, карая совместно с Зевесом
Тех меж бесчисленных смертных, кто к делу дурному причастен».
Рек Менелай и помчался, неся неприятелям гибель,
375 Ревность безмерная пыл боевой в душе разжигала,
Буйствовал он и множество бед для троян уготовил, –
То и свершила богиня почтенная, строгая Дика.
Первыми из-за Елены трояне безбожное дело
Сделали, первыми были они, поправ договоры,
380 Видно, в уме повредившись, забыли скрепленные кровью
Клятвы и жертвы, что вместе бессмертным богам приносили, –
Вот почему Эринии им посылают мученья,
Вот почему они гибнут, – одни пред стеной городской,
Кто-то – средь пира, иные – на ложе близ милой супруги.
385 Вот Менелай, наконец, отыскал в глубинных покоях
Дома супругу свою, – она перед мужем законным

В страхе дрожала, а он, лишь завидев ее, несомненно,
Ревностью пыша, убил бы ее и уже замахнулся,
Но Афродита прекрасная страшный порыв уладила,
390 Меч из руки его вырвав, сдержала его, незаметно
Черную ревность сняла, и в душу героя, и в очи
Сладостной страсти желанья вложила, любовь возжигая.
Встал он, сраженный внезапно, и силы ему изменили
Меч к ее шее нести, красоту несказанную видя,
395 Так и стоял он недвижно, как древо, бывает, сухое,
Что на вершине горы незыблемо сносит порывы
Вихрей Борея, – ни он, ни Нот его не колеблют,
Так же стоял Менелай, и долго стоял, обессилен
При лицемерии супруги. И все позабыл он бывшее,
400 Даже забыл, что она законное бросила ложе, –
Это богиня Киприда изгладила память о прошлом, –
Ум покоряет богиня всегда бессмертным и смертным.
Вдруг Менелай неожиданно снова с земли поднимает
Меч и кидается вновь на супругу, – внезапно пронзенный
405 Мыслью другой: будто чары она на ахеян наводит.
Тут от убийства его удержал Атрид подоспевший,
Мягкую речь к нему обратил Агамемнон из страха,
Как бы не сделал бессмысленным брат его дело ахеян.
Рек он: «Стой, Менелай, удержи свой гнев – ты не должен
410 Смерти супругу предать законную, взятую девою,
Столь претерпев за нее, готова Приаму расплату,
Ведь не Елена во всем виновата, как ты полагаешь,
Только Парис виноват, презревший и Ксения-Зевса,
И угощенье твое, – но ему божество отплатило!»
415 Молвил, и тот согласился. А боги, преславную Трою
Облаком черным покрыв, заплакали горько со стоном,
Кроме прекраснокудрявой Афины и Геры-богини,
Эти весьма ликовали, что ныне равняли с землею
Город преславный Приама, царя благородного, греки.

- 420 Все же пришлось и самой Тритогене слезами залиться,
Горем объятой, когда в глубине ее храма святого
Сын Оилея могучий насилье творил над Кассандрой,
Видимо, и ум, и душа у него помутились, – Афина
Страшные беды ему потом в наказание наслала,
425 Взор отведя от преступного дела, – и стыд ее нудил,
Равно и гнев, – не глядела она на храм свой высокий,
Грозные очи свои отведя, – но страшно взирала
Статуя в храме ее, и земля содрогнулась под храмом, –
Но продолжал богохульство Аякс, ослепленный Кипридой.
430 Вдруг повсюду с домов полетели высокие кровли,
С дымом пожара мешаясь, и пыль полетела сухая,
Грохот безмерный стоял, – то дом запылал Антимаха.
Вот на Пергамском высоком кремле благозданном возжегся
Храм Аполлона, за ним загорелся и храм Тритониды,
435 Также алтарь и Зевеса Оградного. В пламени скрылись
Внуков Приама палаты, и в пепел весь град обращался.
Жители Трои одни погибали от длани аргивской,
Гибли в домах загоревшихся собственных, там обретая
Злую судьбину свою и с ней заодно погребенье,
440 Многие собственный меч себе приставляли под горло,
Видя врагов на пороге жилища и факел пожара,
Многие прежде себя убивали детей и супругу, –
Злая судьба и к таким преступлениям их побуждала.
Некий троянец, надеясь, что он от врагов в отдалении,
445 Кинулся прочь из огня с кувшином, надеясь, что сможет
Делу водой пособить, – но его заметил ахеец,
Вмиг посылает копье, – и оно настигает троянца,
Падает замертво он, с головой, вином отягченной,
Падает в доме своем, не успев добежать до порога,
450 С грохотом рядом с убитым кувшин пустой упадет.
Некий троянец по дому бежал, но его придавила

Тяжким обломком колонна, что рухнула в пламени яром.
Многие жены, что дом покидали горящий, обратно
Вновь устремлялись, когда вспоминали о маленьких детях,
455 Что оставались в своих колыбелях, – и с чадами гибли.
Те же, что вместе с детьми выбегали из пламени дома,
Гибли на улицах: их убивало, что сверху валилось.
Кони и псы, обезумев от страха, носились по граду,
Трупы топча и живым причиняя немалое горе,
460 Все сокрушая вокруг, и вой поднимался повсюду.
Юноша некий вперед устремился сквозь самое пламя,
Страшно кричал, но злобная Айса его усмирила.
Вот таковы были разные смерти единой дороги.
Пламя до неба святого дошло и заревом страшным
465 Встало над всею округой, – и многим соседним народам
Видимо было оно – от высокой вершины Идейской
Вплоть до Фракийской скалы и до Тенедоса морского,
Видимо издалека и с глубокого моря, и некто,
Плывший на судне своем, промолвил: «Ну вот и свершили
470 Подвиг безмерный ахейцы, страдавшие ради Елены.
Вон, запылала в огне когда-то счастливая Троя,
И ни один из богов по мольбам не спустился на помощь.
Необоримая Айса за всем наблюдает у смертных,
Все незаметное, скромное делает эта богиня
475 Вдруг знаменитым, а то умаляет, что было великим.
Часто из благ возникает беда, и, бывает, что беды
К лучшему все приведут, – такова уж участь у смертных».
Так говорил мореход, наблюдающий зарево с моря.
Троя же гибла, охвачена полностью страшной бедою.
480 С шумом носились ахейцы по граду, как хищные вихри,
Что в беспредельности моря родившись, летят ураганом
В пору, когда из области бурной Арктура, из моря
Смерч, словно жертвенный дым, устремляется к звездным жилищам,
Двигаясь к влажному югу, – и всюду, где он пролетает,

- 485 Много на дно кораблей погружают безумные ветры, –
Сим уподобясь смерчам, преславные дети ахеян
Рушили Трою высокую, – плотное пламя пылало,
Словно горела гора, что лесами покрыта густыми,
Где средь деревьев разгулялся пожар с необузданной силой,
Быстро весь лес охватив, и ветры его раздували,
490 Распространяя по кругу, и трескались скалы крутые;
Звери же дикие жалко метались и все погибали
В страшном, горящем лесу, окруженные силой Гефеста,
Так и жители Трои везде погибали, – на помощь
Бог ни один не пришел, и своей всемогущею нитью
495 Мойры опутали их, от которых спастись невозможно.
Тут Акаманту и Демофоонту случилось во граде
Встретить случайно Тезея, героя великого, мать,
Ей эта встреча была вождедена. Должно быть, друг с другом
Свел их какой-нибудь бог, не иначе, – она ведь блуждала,
500 Сияясь из боя уйти и огня, – а они, как узрели
В сполохе света пожара прекрасную ростом и видом
Женщину, тотчас решили, что видят Приама супругу
Богopodobную, – мигом кидаются к ней и крепко хватают,
Мысля ее полонить и к данайцам увлечь как добычу.
505 Тут обратила она свой жалобный голос к героям:
«Вы не врагиню ведете к своим кораблям, полонивши,
Славные чада аргивян, любителей бранного дела,
Я ведь – горжусь – не троянка по роду, течет в моих жилах
Кровь благородных данаев – Питтей мой родитель Трезенский,
510 Замуж он выдал меня за пресветлого мужа Эгея,
В этом супружестве сына Тезея на свет родила я,
Вы же, во имя Зевеса! Во имя родителей ваших!
Если Тезеевы дети с Атридами прибыли вместе,

- 515 О, покажите мне их, и для них это будет желанно!
Возраст их, думаю, ваш, – и тогда оживет мое сердце,
Если увижу, что живы они и что оба – герои!»
Молвила. Те же рассказы родителей вспомнив немедля,
Вспомнили, что за Елену творилось, как брали Афидны
- 520 Некогда дети Зевеса, – ведь сами Тезиды в то время
Были младенцами, – нянюшки их надежно укрыли
В месте, далеком от боя, и тут они вспомнили Этру,
Все, что пришлось ей снести, полоненной, по горькой неволе:
Стала она ведь рабыней и вместе подругой Елене,
- 525 Все это вспомнив, герои от радости речи лишились,
Все же потом Демофоонт сказал ей, взиравшей с надеждой:
«Ныне желанье твое свершили бессмертные боги!
Зришь пред собой сыновей своего беспорочного сына!
Да, это мы, и тебя наши нежные руки поднимут
- 530 И понесут к кораблям, и в священную землю Элладу
С радостью мы поплывем туда, где была ты царицей!»
Рек, и с объятьем припала к нему отца его мать,
Крепко прижалась и все целовала широкие плечи,
Голову, грудь и заросшие щеки. Потом, оторвавшись,
- 535 Также прильнула она к Акаманту, – и сладкие слезы
Сами собой потекли, и все они плакали вместе.
Так же бывает, когда в чужие края уезжает
Муж молодой, и о смерти его молва долетает,
После же, много спустя, сыны его дома увидят, –
- 540 Он возвратился домой, – и плачут они в восхищеньи,
Он же в родимом дому и сам с ними вместе рыдает,
Всех обнимает, средь радостных всхлипов смеется и плачет –
Так же рыдали они, и слышался плач их счастливый.
Тою порой Лаодика, Приама владычного дочь,
545 Длани к Эфиру воздев, блаженных богов умоляла,
Чтобы ее поглотила земля, дабы ей не пришлось

После Гомера

Руки свои приложить к занятиям рабского дела.
Внял ей один из богов, и тотчас земля раскололась
Светлую деву принять по внушенью великого бога,
550 В глубь беспредельную пропасти полой она погрузилась
В час, когда пал Илион, – и тотчас, как молвят, Электра,
Мать Дардана, одна из Плеяд, покрыла туманом
Тело о пеплосе дивном свое и прочь удалилась
Вон из хора Плеяд, что ее были милые сестры.
555 С той поры Плеяды внимательным видимы смертным,
Вместе восходят на небо они, и одна лишь Электра
Вечно теперь невидимка, поскольку разрушили город
Славного сына ее, Дардана, священную Трою.
Даже верховный Зевес с небес им не подал подмоги, –
560 Мойрам подвластна и сила Зевеса. А вышними движет
То промышленье благое, а то, как бывает, не очень.
Греки же тою порой на троян продолжали яриться.

Четырнадцатая песнь

Вот златотронная Эос-богиня из вод Океана
В небо взошла, а Ночь отправилась к Хаосу в гости,
Тою порой крепкозданную Трои враги разоряли,
Неизмеримые града богатства тащили в добычу,
5 Горным подобные рекам, что, вспыхнув от мощного ливня,
Мчатся стремительно с круч с оглушительным ревом и плеском,
В бурном движении своем увлекая кусты и деревья,
С самых вершин их сорвав, и все это к морю выносят, –
Так и данайцы тащили к судам своим резвым богатства,
10 Все, что награть могли из охваченной пламенем Трои.
Вещи несли и троянок вели, захватив, кто откуда,
Были безбрачные девы среди них и замужние жены,
Были и те, кто недавно вступили в союз полюбезный,
Были совсем седовласые, были, что их помоложе,
15 Матери были, у коих малюток враги отнимали
Прямо от груди кормящей, сосавших последнее млеко.
Шли из пылающей Трои ахейцы, и шел между ними
Сам Менелай, и свою же супругу, как пленницу, вел он,
Кончив военное дело, и стыд его брал, и отрада.
20 В плен величавую вел Кассандру Атрид Агамемнон,
Отпрыск преславный Ахилла увел Андромаху, Гекубу ж
Силой пришлось Одиссею тащить, и она беспрестанно
Слезы потоком лила, у несчастной дрожали колени,
Падало сердце от ужаса в ней, и она вырывала
25 Кудри седые свои, и была постоянно покрыта
Пеплом, которым, горя, себя посыпала царица,
Пеплом стгоревшего града – костра ее мужа Приама.
Горько стенала она, что настал он, сей день ее рабства,
Все уже тщетно – настал! А меж тем уводили ахейцы

- 30 Каждый троянку свою к кораблям, понуждая негневно –
Все они плакали горько, стенали и громко кричали,
Жалобным плачем зайдясь. Голосили и малые дети,
Словно когда свинари свиноматок своих белозубых
С их поросятами малыми гонят из летних загон
35 На зиму в хлев потеплей, поднимается визг несказанный,
Все они разом кричат, и шум нестерпимый несется, –
Так же кричали троянки, что стали добычей данайцев,
Общею стала судьба у рабыни и бывшей царицы.
Но не рыдала Елена – ее темносиние очи
40 Стыд покрывал, и румянец смятенья залил ее щеки,
Сердце же в нежной груди волновалось и прыгало сильно,
Страх несказанный ее охватил, ведь она опасалась,
Как бы худого чего не сделали с нею ахейцы,
Лишь приведут к кораблям ее черным – и вся содрогалась
45 Милой душою она, и, закрывши себя покрывалом,
Молча брела по пятам за первым супругом законным,
Пурпур ей щеки окрасил, была она словно Киприда,
В час, как в объятьях Арея ее Ураниды узрели,
Видя воочию все, как она опозорила ложе,
50 Храбрый умелец Гефест оплел ее прочною сетью,
Вот и лежала она, разъяренная в сердце, бессильно
Перед толпою бессмертных богов, перед мужем Гефестом,
Так и горя от стыда – ужасно ведь женщине всякой,
Если законный супруг прегрешенье увидит воочию.
55 Вот и Елена, Киприде стыдом и красою подобна,
Шла вместе с женами Трои, добычею ставши военной,
Шла к благоданным ахейским судам, – и ахейские мужи,
Видя ее, изумлялись красе сей жены беспорочной,
В блеске прелестном ее, и никто даже думать не думал,
60 Чтобы ее оскорбить или громко, иль так, потихоньку,
Нет, с обожаньем ее лицезрели они, как богиню,

Ибо для каждого сердца Елена желанной казалась.
Так вот бывает – скитаются люди средь шумного моря,
Берег желанный, родной, наконец, углядят издалека,
65 Тотчас же все, кто сумел спастись от пучины и смерти,
Руки свои простирают к отчизне, ликуя безмерно,
Так и данайцы, ликуя душою, не помнили боле
Тягостей страшной войны и бои, и сраженья забыли, –
Мысли сии вложила в их ум сама Киферея,
70 Зевсу-отцу угождая с Еленой прекрасноресничной.
Ксанф же река, как увидел, что град его милый повержен,
Хоть до сего и дышал всем пылом кровавого боя,
Скорбью объялся, как только несчастье Трою постигло,
Злая беда, что город Приама с землею сравняла.
75 Так же бывает, когда, налетевши порывом ужасным,
Спелую ниву чудовищный град иссечет, искалечит,
Выбьет зерно из колосьев, и все они наземь полягут,
Так бесполезно и стелются, злак же, осыпавшись наземь,
Гибнет без пользы, и душу хозяина горе сжимает:
80 Столь же великая скорбь и Ксанфово сердце объяла,
Зрелище Трои руин, и навек эта мука осталась,
Хоть и бессмертным был он. И высокая охнула Ида,
И Симоент застонал, и оплакали город Приама
Все отдаленные Иды отроги рыданием горьким.
85 Тою порою аргивяне шли к кораблям с ликованьем,
Славной победы своей воспевая великую доблесть,
Дивную помощь великих богов и свою же отвагу,
Равно и дело Эпеевых дланей, что вечным пребудет.
Пения звуки неслись по Эфиру до самого неба,
90 Будто бы галочный крик несказанный, когда наступают
Вешние дни после зимней поры, и небо яснее,
Так и ахейцы тогда при судах ликовали душою,
В небе же радостью полнились боги, что склонность к ахейцам
Вечно питали в душе, помогали во всем, бранелюбцы.

- 95 Боги, что Трои сынов защищали, во гневе великом
Видели город Приама, охваченный пламенем, – все же
Им не решались помочь, не решались идти против Айсы,
Хоть и хотелось того – но никто, даже высший Кронион,
Рок отвести не способен, сверх Участи что-нибудь сделав,
100 Хоть от Зевеса Кронида, хоть все – от него, всех он выше.
После аргивяне бедра бычачьи средь возгласов громких
Предали тут всесожженью и, дружно алтарь окруживши,
Сладким вином возливали на жертвы, горевшие жарко,
Во угожденье богам, что свершили великое дело.
105 После же пиром веселым почтили героев, что были
В чреве коня деревянного, их прославляя премного,
Все восхищались, что славный Синон не дрогнул и вынес
Самые страшные пытки врагов – и его постоянно
Чтили, бессчетно подарки даря и песнью воспевши.
110 Радость Синон испытал в душе своей многострадальной,
Радость победы, ничуть не печалась о муках бывалых –
Слава для умного мужа бывает намного дороже
Яркого золота и прочих богатств, и благ всевозможных,
Сколько бы ни было их, и сколько бы их не сулили.
115 Мужи ахейцы, имущие дух, незнакомый со страхом,
При кораблях пировали и так меж собой говорили:
«Долгой войне мы конец положили! Великая слава
Тем, что великий сей град у наших врагов отобрали,
Ныне же Зевс желанное нам подарил возвращенье!»
120 Так говорили – Отец же кивнул не для всех возвращенье.
Тут из ахейян один, искусный в сложеннии песен ...
... и не было боле в самих их
Страха ужасной войны, но они всей душой обратились
К благозаконным делам и веселью, приятному сердцу.
125 Жадно внимавшим, запел он вначале о том, как когда-то
Возле Авлиды священной земли собирались народы,

- В оную пору великая сила Пелеева сына,
Судно по морю пустив, двенадцать разрушила градов,
Также одиннадцать градов на суше просторной низвергла.
- 130 Пел он, что сделал Пелид у Телефа и Ээтиона,
Пел о сверженьи могучего Кикна и пел, как данаи
Из-за Пелидова гнева свершали деянья в сраженьях,
Пел он, как Гектора влек Ахиллес вкруг отчего града,
Как поразил он в бою прекрасную Пентесилею,
- 135 После и сына Тифона. И спел он про то, что Аяксу
Главка сразить удалось, копейщика, славного воя,
Пел он про то, что сын Эакида сразил Эврипила,
Пел и о том, как Париса убила стрела Филоктета,
Пел он, как хитрые мужи в коне деревянном таились,
- 140 Пел он, как город Приама, чей род от богов, истребили.
Стали ахейне пир пировать, позабыв о сраженьях,
Были другие певцы и пели, что им было любо,
Заполночь пир затянулся, в конце же от пищи обильной,
Также от чистых, несмешанных вин поднялись ахейцы,
- 145 Пир завершив, и сну предались, позабыв о заботах.
Подвиг вчерашнего дня их всех покорила необорно.
Даже и те, кто хотели всю ночь напролет веселиться,
Бросили пир и сну против воли они подчинились,
Спали где кто, как уснули, Атрид же с кудрявой супругой
- 150 В свой удалившись шатер, предавались подробной беседе,
К веждам их сон не слетал – то Кипридины были заботы,
Дабы в сердцах их зажглась о прежнем супружестве память,
Дабы из душ их ушли навсегда обиды и горечь.
Первой Елена тогда такое промолвила слово:
- 155 «Ах, Менелай, не так в своем сердце ко мне раздражайся.
Я не по воле своей оставила дом твой и ложе –
Знай, что меня Александр, а с ним и троянские мужи

После Гомера

- Взяли насильно в полон – тебя же ведь не было дома,
Заперли в терем потом – а я ведь и жить не хотела,
160 Нет, я хотела петлей удавиться, мечом заколоться –
Все утешали речами меня, когда я убивалась
Из-за тебя, Менелай, и единственной дочери нашей.
Я умоляю – ну ради себя, ради радостей брака –
Милый, забудь те печали и муки, что я причинила!»
165 Молвила так, и на это умно Менелай отвечает:
«Не поминай ни о чем и гони огорченья от сердца,
Черный забвенья чертог навсегда их в себе да сокроет!
Более нам не к лицу вспоминать о делах неприятных».
Рек он – и радость Елену берет, и страх отлетает
170 Прочь – ведь она-то боялась погибнуть от лютого гнева
Мужа, а тут поскорей обняла его. Сладостно оба
Стали они проливать по ланитам бегущие слезы –
Крепко приникнув друг к другу, на ложе затем опустились,
Вспомнив уже от души о прежних супружеских узах,
175 Будто бы плющ и лоза, что крепко на ветке сплелися, –
Так обнялись, что их друг от друга и смерч не отторгнет –
Так же тогда Менелай и Елена друг к другу прильнули,
В крепком объятье слились, горя сочетаться любовью.
В пору, когда и они предавались сну беззаботно,
180 Только тогда богатырское сердце Ахилла Пелида
Сыну явилось его, и, встав у него в изголовьи,
Тем же, что был он – гроза для троян, украшенья ахейн, –
С нежностью сына и в шею лобзал, и в блестящие очи,
После утешно к нему обратился с такими речами:
185 «Радуйся, чадо! И душу твою да ничуть не печалит
Гибель моя – потому что теперь я причислился к дому
Вышних блаженных богов, и по мне не кручинь свое сердце,
Нет, но вложи в свою душу великую крепость Арея!
Первым всегда средь аргивян пребудь, а в великой отваге

- 190 Не уступай никому, на советах же слушайся старших –
Только тогда о тебе будет слава, что муж ты разумный,
Чти беспорочных мужей, что твердым умом выдаются,
Друг благородного – честен, а друг негодяя – мерзавец,
- 195 Если на благо ты силы направишь – добро и получишь,
Нет человека, кто смог бы достичь добродетели высшей,
Если недожный в нем образ мышленья – ведь доблестей древо
Труднодоступно, и ветви его устремляются в небо,
Те, с кем сила и труд неразлучны, сумеют взобраться
200 К самой вершине и сладостный плод добродетели смогут
С честью достать. Так будь благороден и славен! В несчастье
Разум свой твердый пускай не дает сокрушить его горю,
Равно и в счастье его не теряй. Относись благосклонно
К милым друзьям, будь с женами добр и с чадами кроток,
205 Помни всегда про то, что близко от смертных ворота
Гибель несущего рока, и близко к ним царство умерших.
Род человеков подобен цветам, на лугу произросшим,
Вешним цветам, что одни расцветают, другие же вянут,
Стало быть, будь милосерден. И вот что данайцам поведай,
210 Прежде всего Агамемнону: если они не забыли,
Сколько я принял трудов возле Трои, Приамова града,
Сколько добычи принес до того, как под Трою явился,
Пусть они мне поскорей Поликсену о пеплосе дивном,
Дочь Приама, как жертву заколют – того я желаю,
215 Гневом на них я горю, не меньше, чем в оное время
Гневался за Брисеиду – и если меня не уважат –
Море взволную волной, пошлю вам за бурей бурю,
Буду их слать я на вас, нечестивых, платя за обиду,
Вы же останетесь здесь, покуда меня о возврате
220 Страстно моля, не свершите мне жертвы, которой прошу я.
После того, как девицу сию отрешите от жизни,

- Можете дать ей могилу подалее, тут я не против».
Рек и сокрылся из виду, как быстрого ветра дыханье,
И устремился к полям Елисейским, где вышние боги
225 Спуск совершают на землю с небес и обратно восходят.
Неоптолем же, как только воспрял ото сна, то сейчас же
Вспомнил отца своего, душой благородной ликуя,
В час же, когда Эригена взошла на широкое небо,
Сумрак развеяв ночной, и земля осветилась, и воздух,
230 Чада ахейцев восстали от ложа ночного покоя,
В путь собираясь, домой, – и спустили б в глубокое море,
Радуясь в сердце, свои корабли, если б их, поспешивши,
Отпрыск могучий Ахилла, позвавший их всех на собранье,
Не удержал, возвещая отца своего порученье:
235 «Слушайте, милые чада аргивян, могучие в битвах,
Слово отца моего многославного, что возвестил он
Мне вчера, когда ночью во мраке я сну предавался.
Он говорил, что теперь сопричислен богам присносушим,
Вам же велел передать, и особо владыке Атриду,
240 Дабы ему из добычи вы долю прекрасную дали
И на могильном кургане заклали ему Поликсену,
В жертву ее принесли, а потом схоронили подале.
Если ж сего не свершив, отплывете, его не уважив,
- 245 Вам угрожал он средь моря воздвигнуть противные волны
С тем, чтобы здесь задержать надолго и флот ваш, и войско».
Рек – и ему подчинившись, молитвы как богу восслали
Сыну Пелея, – ведь в море меж тем разыгрались волны,
Выше, чем только что были, и яростный ветер поднялся,
250 Понт содрогнулся огромный под мощной рукой Посейдона,
Бог сей Ахилла почтил – и внезапно все бури слетелись
К морю – данайцы ж взмолилися страстно к Ахиллу
В общей молитве, и так меж собою они говорили:

- «Вот уж и правда Ахилл – великого Зевсова рода,
255 Ныне близ Зевса, как боги, хоть прежде и жил он меж нами.
Не иссякает бессмертная жизнь у рода блаженных».
Речи такие ведя, подошли к Ахиллеса кургану,
Деву ведя, а она как телица, для жертвы бессмертным
Взятая пастырем в роще от матки, что с громким мычаньем
260 Мечется, вся в беспокойстве, ища свое милое чадо –
Так же тогда Поликсена, Приамова дочь, кричала,
Схвачена вражеской дланью – и вся заливалась слезами.
Так и сливы плоды, что еще почернеть не успели
В пору осенних дождей, под гнетом огромного камня
265 Жирную влагу свою источают, вокруг же полотна
Громко трещат под руками юнцов, что их отжимают, –
Так же и слезы текли из очей Приамовой дщери
В пору, когда увлекали ее на могилу Ахилла,
Неумолимого мужа, и жалобно плакала дева,
270 Слезы ее заливали лицо ей и грудь, орошая
Тело, подобное цветом бесценнейшей кости слоновой.
Тотчас же в сердце Гекубы проникла ужасная мука,
К бедам ее в добавленье – и вспомнило бедное сердце
Страшный мучительный сон, что вверг ее в новые скорби,
275 Прошлою ночью привиделся он, как она задремала.
Чудилось ей, что рыдала она на кургане Ахилла,
Мужа, подобного богу – и будто бы падали сами
Кудри ее с головы, а сосцы источали как будто
Прямо на землю пурпурную кровь, заливая могилу.
280 В трепете чужу беду, исполняясь чудовищным страхом,
Крик издала она жуткий, с рыданием, слышный далеко,
Словно собака, что с жалобным лаем по дому большому
Ищет потомство свое, молоком истекая прибывшим,
Малых же деток ее, что и света еще не видали,

- 285 Бросил из дома хозяин ее на добычу пернатым –
Мать же все ищет кутят и зовет их то жалобным лаем,
То поднимает свой вой, и несется он, слышный далеко, –
Так и Гекуба о дочери милой своей голосила:
«Горе мне, горе, не знаю, какое оплакивать первым,
290 Мужа ли смерть, сыновей ли моих, умерщвленных ужасно,
Город погибший иль дочерей несчастных, иль собственный жребий, –
Рабский мне день довелось увидеть. Ведь страшные Керы
Множеством тягостных бед отовсюду меня окружили.
- 295 Дочь моя, вот и тебе неожиданно страшная мука
Выпала – в пору, когда Гименей уж к тебе приближался,
Прочь от него отрывают тебя и на страшную гибель,
На несказанное зло обрекают. Ахилл услаждает
Кровопролитием нашим и мертвый, схороненный, душу.
300 О, если б вместе с тобой, любимое чадо, сегодня
Скрыла земля и меня, дабы мне твоей смерти не видеть».
Так говорила Гекуба, и слезы лились беспрестанно,
Ибо ужасное горе одно за другим приходило.
Тою порою ахейцы пришли на могилу Ахилла,
305 Сын же любимый его, мечом оснащенный преострым,
Левой рукою девицу держал, а правой коснулся
Отчей могилы, и слово такое к отцу обращает:
«Отче, внемли молитве сыновней и прочих аргивян,
Более гневом на нас не пылай тяжело, ведь свершаем
310 Все, что в душе своей жаждал, чтоб мы для тебя совершили.
Жалость яви к нам теперь, умоляющим страстной мольбою –
Сладостный день возвращенья домой даруй поскорее».
Рек и меч погрузил в белоснежную девичью шею,
Жизнь многомилая тотчас оставила бедную деву,
315 Жалобный возглас успела издать лишь она напоследок,
Тотчас на землю упав, – и под шеей все сделалось алым,

- Будто бы снег, обогранный в горах истекающей кровью
Дикой свиньей иль медведицей, острым копьем пораженной, –
Быстро тогда растекается кровь по белому снегу.
- 320 Выдали тело аргивяне без промедленья и в Троию
В дом понесли богоравного мужа Антенора – он ведь
Деву сию воспитал у себя, чтоб со временем стала
Сыну его, Евримаху преславному, доброй супругой.
Предал Антенор земле благородную дочь Приама,
- 325 Дома вблизи своего, близ священных жилищ Ганимеда,
Прямо напротив прекрасного храма самой Атритоны.
Только тогда успокоилось море, и страшная буря
Стихла, и бурные волны сменились спокойствием полным.
На корабли с ликованием стали ахейцы грузиться,
- 330 Слава бессмертных богов и Ахилла, Пелеева сына,
После устроили пир, блаженным же бедер бычачьих
Вдоволь доставив – и жертвенный пир получился на славу,
Черпали щедро хмельное вино, и чаши их были
Из серебра и из золота – и каждый душой веселился,
- 335 Страстно надеясь, что землю родную он скоро увидит.
После, когда и вином, и питьем все насытились должно,
Отпрыск Нелея к ним речь обратил, и внимали охотно:
«Слушайте, други, кому удалось из опасностей битвы
Выйти живыми – приятное слово скажу вам – внемлите.
- 340 Ныне настала возврата пора, желанная сердцу.
Двинемся в путь! Ведь теперь Ахиллеса могучее сердце
Тягостный гнев прекратило, и дуют попутные ветры,
Волны же тяжкие стихли. Теперь корабли выводите
В море открытое. Вспомним теперь о пути мы возвратном!»
- 345 Так он сказал, а они подготовили все к отправленью.
Страшное тут приключилось, что смертным умам недоступно:
Вдруг превратилась в собаку, утративши вид человеческий,

Многострадальца Приама супруга, царица Гекуба.
Замерли все вокруг нее – божество же в мгновение ока
350 В камень ее обратило потомкам на дивное диво.
По наставленью Калханта Гекубу в обличии собачьем,
через Геллеспонт на своих кораблях быстроходных проплывши,
Там водрузили навечно. А после, вернувшись, поспешно
На воду стали спускать корабли, нагрузивши добычей,
355 Всем, что они захватили и до разрушения Трои.
Равно и той, что из Трои разграбленной взяли в избытке,
Радость большую питая в душе, что корысти бессчетно,
Также бессчетных захваченных пленниц они погрузили –
Бедные женщины шли, в душе сокрушаясь безмерно, –
360 После и сами взошли на суда, – но Калхас не поднялся
С ними, спешащими в море, он сам не пошел, да и прочих
Тоже хотел удержать – опасался он гибели страшной,
Что угрожала данайцам у скал Кафереиских, – данайцы ж
Гласу не вняли его – помрачила им злобная Айса
365 Разум, один Амфилох, беспорочного Амфиарея
Отпрыск проворный, весьма искушенный в делах прорицанья,
Вместе с разумным Калхасом остался – судьба предрешила
Вдаль от родимой земли устремиться обоим, во грады,
Что в Киликийской земле и в пределах краев Памфилийских.
370 Впрочем, сие лишь впоследствии боги сулили, тогда же
Греки суда от причалов свои отрешили и якорь
Подняли быстро, и тут Геллеспонт оглашается гулом –
Принял суда, поспешавшие в путь, всплеснувши волнами,
Грудами на кораблях лежали доспехи убитых,
375 Сверх их подвешены были почетные знаки победы,
Гордо венки украшали суда, и воинов главы,
Также щиты их и копья, с которыми в бой выступали
Против врагов, а цари на носу корабля совершали
Чистым вином возлияние морю, в молениях к блаженным,

- 380 Дабы они даровали в отчизну возврат беспечальный,
Но безответными были мольбы – лишь с ветром мешались
И уносились прочь от судов с облаками на воздух.
Пленные жены, тоскуя, на свой Илион устремляли
Жадные взоры и горькие слезы тайком от ахейян
385 Жалобно лили, и острая мука владела сердцами.
В горе одни обхватили колени, другие малюток
Сжали в объятьях своих – что еще не способны оплакать
Рабский свой день и несчастье отцов, но все их стремление –
Матери грудь, и пока беззаботно их детское сердце.
390 Кудри троянки свои разметали, терзая ногтями
Нежную белую грудь, на ланитах их слезы засохли,
Новые капали часто из глаз, застилая их взоры,
Взоры, что жадно стремили они на родимую землю,
Что по злосчастной судьбе вся пылала, и дым поднимался –
395 Тут посмотрели они на Кассандру преславную, вспомнив
Все предсказанья печальные, данные прежде – она же
Стала смеяться теперь над рыданьями их, хоть скорбела
В сердце своем над бедою несчастного града родного.
Те же трояне, что участи смертной в войне избежали,
400 В граде собравшись своим, занялись погребением мертвых,
В этих печальных трудах предводителем был им Антенор –
Горстка людей предавала огню бессчетные трупы.
Тою порою ахейцы, безмерно в душе веселяся,
То налегали на весла, взрывая пречерную воду,
405 То, паруса натянув, продвигались проворно по морю,
Вот далеко уж осталась Дардана земля, и сокрылся
Из виду мощный Ахилла курган – и невольно данаи,
Хоть и отрадно им было, вспомнили павших в сраженьях
Милых друзей и скорбели о них, и на землю чужую
410 Взоры бросали – а Трои земля словно вдаль уходила,
Вскоре вдали показался и брег Тенедоса – и мимо

Быстро проплыли они, а вот миновали и Хрису,
И Аполлона Сминфея удел, и священную Киллу,
Лесбос в тумане пред ними явился – и в быстром движеньи
415 Мыс обогнули Лектейский они – отрожие Иды.
Реи скрипели надутых полотен, под носом же судна
Ухали черные волны, валы, поднимаясь, темнели,
Пенились всюду по шири пучины морские дороги.
Так бы, конечно, достигли они священной Эллады,
420 Все невинно пройдя чрез глуби соленого моря,
Если бы месть не воздвигла могучегремящего Зевса
Дочь, богиня Афина – и вот, перед тем, как почти что
Брега Эвбеи туманной ахейцы достигли, богиня,
Участь ужасную им замышляя – поскольку прогневал
425 Локров владыка ее, – в собраньи бессмертных Афина
К Зевсу отцу, от богов отведа его, так обратилась:
«Отче Зевес! Дела нестерпимые смертные мужи
Против богов сотворяют, и души их страха не знают
Ни пред тобою самим, ни пред нами – ведь тем, кто преступен,
430 Кара вослед не идет – и порою преследуют беды
Не святотатцев, а честных мужей, без конца досаждая.
Между людей ни суда ни один не боится, ни кары,
Стыд потеряв. Но я на Олимпе сама не останусь,
Дочерью боле не стану твоею всечасно, коль ныне
435 Не оплачу за кощунство ахейцам, за грех их ужасный,
Сын Оилеев Аякс предо мной провинился безмерно
В храме моем и пощады не дал умолявшей Кассандре,
Девичьи длани ко мне простиравшей, ведь он не боялся
Мощи моей и меня, как богиню, ничуть не стыдился,
440 Но нестерпимое дело свершил и бесчестно и дерзко.
О, не яви же, отец, небреженья бессмертной душою,
Сделай, о чем я молю, дабы все предо мной трепетали».

- Молвила. Ласково ей Зевс отвечает на это:
«Чадо, ничуть я не прочь, чтобы ты отплатила ахейцам!
445 Если желаешь, тебе я оружие выдам, что древле
Мне сотворили Киклопов бессмертные мощные длани,
Славя меня. И ты, насыщая свой гнев многомогущий,
Страшную бурю воздвигни сама на горе ахейцам».
Рек, и пред дочерью своей полагает отец безотложно
450 Спагубным блеском перун, оглашенный погибельным громом,
Радость великая в сердце Афины Паллады разыграла,
Вмиг облачилась богиня в эгиду, что так и сияла,
Несокрушимую, буйную, дивную даже бессмертным,
Ведь на эгиде крепилась глава смертоносной Медузы –
455 Змеи ужасные голову эту покрыли и страшно
Пламени мощный поток исторгали они неустанно,
Грозно взгремела эгида, владычицы корпус покрывши,
Словно безмерный эфир, пораженный ударами молний.
Также отцово оружие богиня взяла – из бессмертных,
460 Кроме великого Зевса, ничья его длань не касалась –
Вышний Олимп всколебала богиня, взгремели обвалы,
Сгрудились тучи, и ночь без просвета с высот ниспустилась,
Землю закрыв – во мрак непроглядный укуталось море.
Зевс же, сие лицезрев, остался доволен премного,
465 А под ногами богини широкое двигалось небо,
Гул по эфиру прошел, как при шествии Зевса на битву,
Тотчас богиня Ириду бессмертную с неба послала
По морю темному мчаться к Эолу с наказом, чтоб ветрам,
- 470 Всем, сколько есть, повелел бы, единым смерчом закрутившись,
К мысу лететь Каферею и там, на ахеян напавши,
Море взорвать дуновением грозным. Приказу послушна,
В путь устремилась Ирида, ведя его под облаками –

- 475 Словно огонь просиял меж небом и черной водою –
Вскоре она и в Эолии – здесь, среди скал неприступных,
Жадно порывистых ветров пещеры пустынно и гулки,
Рядом чертоги Эола, рожденного Гипподаеом.
Здесь обретает Ирида его – с супругой, с потомством –
- 480 Было числом их двенадцать – и все сообщает немедля,
Что замышляла Афина данаям в пути их возвратном,
С нею не спорит Эол – но, поднявшись, идет из чертога,
Тут преогромный трезубец могучими дланями в гору
Мощным ударом вгоняет – в горе той, в огромной пещере
- 485 Было жилище ветров – завывателей страшных, и вечно
Гул ужасающий шел от нее, раздаваясь повсюду,
Вмиг раскололась скала, и вырвались ветры наружу,
Тут повелел им Эол, дабы, черным смерчом завертевшись,
Все они дунули разом, воздвигнув ужасные волны,
- 490 Страшной такой высоты, чтобы мыс Кафрейский сокрылся.
Слова царя не дослушав, стремительно ринулись ветры
Гул несказанный прошел по пучине при этом порыве,
Стали носиться по глади валы, словно горы крутые,
Падало сердце в груди у ахейн, когда поднимался
- 495 В воздух корабль их на гребне волны и оттуда сверзался,
Словно в глубокую пропасть, как в черную бездну катился,
Страшная сила, со дна поднимая, песок извергала,
Толщи воды разверзая, и все на судах цепенели,
Весел не трогали боле, и парус им был бесполезен,
- 500 Ветер его изорвал, и курса держать не пытались,
Ибо носила их воля бесчинно бушующих смерчей,
Кормчему незачем боле руками, что много умеют,
Крепко кормило держать, то туда, то сюда направляя –
Злые смерчи уничтожили их, разметавши по щепкам.
- 505 Не было выжить надежды ни в ком – ведь стояли
Черная буря и ночь, и гнев небывалый бессмертных,

Сам Посейдон колебал разъяренное море – по дружбе
К дочери брата, великого славой, – сама же Афина

- 510 Также в неистовом гневе, бушуя, с высот низвергала
Молний огонь – Зевес-небожитель гремел несказанно,
Милое чадо душой почитая. И хлынуло море
На острова и на сам материк, далеко от Эвбеи,
- 515 Всюду по морю аргивянам горе за горем готовил
Демон за их несмягчимость, и слышались жалкие крики
Гибнущих на кораблях и треск разрывавшихся бревен, –
Ведь друг на друга суда налетали в волнах то и дело,
Труд избежать столкновений бесцелен был, весла бессильны
- 520 Прочь увести свое судно от тех, что к нему устремлялись,
Вместе с своим кораблем и гребцы погружались в пучину,
Страшную участь приняв, а в воде корабельные бревна
Всюду носились в волнах и давили людей, и топили.
Многие гибели ждали, простершись на палубе судна,
- 525 Словно погибли уже, другие же, к веслам точеным
Крепко прижавшись, поплыли, иные на плот взгромоздились,
Море же так и ярилось, со дна поднимаясь до неба,
И у людей пред глазами и море, и суша смешались, –
- 530 Так Атритона, гремящая тяжело с высот олимпийских,
Не посрамила отцовскую мощь – и эфир содрогался,
Стон издавая, она же, во гневе своем на Аякса,
Гибельный в судно метнула перун – и корабль разлетелся
Тотчас же в мелкие щепки – земля и эфир застонали,
- 535 Страшной всплеснулась волной Амфитрита, что все обтекает.
Люди же все с корабля полетели – и мощные волны
Стали носить их, качая, а молнии в блеске зловещем
Всюду во мраке сверкали – владычица их насылала,

После Гомера

- Люди, хлебая соленую воду, что пить невозможно,
540 По морю жалко носились с волнами, с душой расставаясь,
Пленницам радостно было, хоть сами они погибали, –
Малых детей обхватив, уходили, бедняжки, под воду,
Иль ненавистные главы врагов обхвативши руками,
- 545 В воду тянули, спеша – о несчастные – с ними погибнуть.
Лишь бы проклятым данаям отмстить – и, с высот наблюдая,
В сердце своем Тритогея славная радость питала.
Сам же Аякс то держался, за брус ухватив корабельный,
- 550 То средь пучины соленой, руками работая, плавал,
Силой своей непомерен, как будто титан неустанный,
Длани могучего мужа волну разрубали морскую
Тяжко, соленую – боги, с высот наблюдая, дивились
- 555 Силе его и отваге. А море кругом бушевало –
Всюду валы-исполины до неба вставали, подобны
Горным утесам, и тотчас же в пропасть пловца увлекали –
Двигал руками Аякс, и пока не брала их усталость,
Вот постепенно на убыль пошло перунов сверканье,
- 560 Громы над морем стихали – ведь дочь тяжкошумного Зевса
В сердце питала неистовый гнев, и Аяксовой смерти
Скорой в душе не желала, но перед кончиной героя
Мыслила дать испытать и беды, и тяжкие муки,
И укрощала Аякса теперь в испытаниях страшных,
- 565 Долгую муку послав, отовсюду грозящую смертью,
Керы слетели к нему, но безвыходность силы вдохнула,
Он похвалялся спастись, даже если бы все олимпийцы,
Гневом к нему воспылав, на него ополчили все море.
Все ж не ушел он от гнева богини – ведь, мстью зажегшись,
- 570 Энносигей приметил, как дланью Аякс ухватился

Крепко за выступ Гирейской скалы, и бог разъярился,
Мощно потряс он и море, и всю беспредельную землю,
Глыбы посыпались с круч Кафарей, и ревом безмерным
Берег ответил морской разыгравшейся в буре пучине,
575 Гнев возвещая владыки – и тотчас скала раскололась,
В море упав, а герой за уступ ее крепко держался.
Долго вертело его среди камней – на руках его кожа
Вся исцарапалась, из-под ногтей его кровь побежала,
Белая пена покрыла главу, подбородок заросший, –
580 Все же и тут избежал бы он участи злой, но внезапно
Бог, колыбель земли, утес на него опрокинул,
Так же, как древле Паллада, поднявши Сицилию в воздух,
На Энкелада великого сверху ее опустила,
Так что и ныне еще под землею курится дыханье,
585 Что исторгает великий гигант, погребенный под глыбой, –
Так же покрыла гора владыку могучего локров,
Нагромоздившись поверх, погребя необорного мужа,
Тут и постигли его и черная смерть, и погибель,
Море его одолеть не смогло – так земля укротила.
590 Море вокруг широко разбросало и прочих ахейян,
В страхе одни на судах пребывали, других же смывало
В черную воду, и все они тяжкие муки терпели.
Их корабли без руля и ветрил по пучине носились,
Много судов на борт завалилось и перевернулось,
595 Те, что смогли устоять, потеряли и парус, и мачты,
Многие были разбиты, и плавали бревна повсюду,
Многие, страшным дождем и волной захлестнувшись соленой,
В глубь погрузились морскую, ведь выдержать не было мочи
Ветра порывов свирепых, смешавшихся с Зевсовым ливнем –
600 Ведь беспрестанно с Эфира потоки рекой низвергались,
Снизу же воды ярились взбешенного бурей моря.
Кто-то промолвил тогда: «Пожалуй, подобная буря

Выпала людям, когда беспредельные ливни излились
В Девкалионово время, как хлынули воды на сушу».
605 Так говорил из данаев один, пораженный всем сердцем,
Бурю подобную зря. А сколько ахейн погибло!
Мощные волны морские во множестве трупы топили,
Многих прибило к земле, и кругом корабельные бревна
Плотным покровом стелились по всей Амфитрите гремучей.
610 Смертная участь по разному всех настигала – и в море
Гибель свою находили, в высоких волнах и на скалах,
Страшный прибой, устремив корабли, разбивал их, погибель
Жалкую людям он нес по желанию Навплия – он ведь
Мстил за любимого сына и, видя, как гибли ахейцы,
615 Радость скорбящему сердцу давал, что бог не замедлил
Гибель его отомстить, и, глядя, как тонет в пучине
Войско врагов, ликовал, и родителю слал лишь моления,
Дабы скорее их всех утопил с кораблями совместно.
Внял Посейдон и исполнил одно, – утопил, а другое
620 Вскоре из моря носили пречерные волны морские.
Навлией же поднял пылающий факел сухой и ахейцев
Ввел в заблужденье – они полагали, что тихая гавань
Ждет их, и к острым камням прибило суда их теченье,
625 Злую кончину они обрели у скал этой ночью –
Только немногие смерти избежали, кому помогали
Бог или демон какой, спасая. Богиня Афина
То ликовала душой, то тревожилась об Одиссее –
Муже разумном – ему ведь теперь Посейдона немилость
630 Множество бедствий сулила, а сам Посейдаон-владыка,
Духом своим необорным вспылав, сокрушил, уничтожил
Башни и стены могучих данаев, что, лагерь разбивши,
Соорудили близ Трои себе как оплот и защиту,
Тотчас взбурлила повсюду огромная моря пучина

- 635 Вся от Эвксинского Понта до самого Геллы-пролива,
Выплеснув горы воды на бреге троянском, – а с высей
Зевс проливной заструился, в почтеньи пред Энносигеем,
И Аполлон дальновержец от них в стороне не остался –
- 640 С высей Идейских все воды собрав воедино, погнал их
К месту сему – и деянье ахейн они затопили,
Буря такая носилась, такие шумели потоки,
С гор устремляясь в нее, наполняясь от ливня Зевеса,
Что совершенно снесли укрепления былые ахейн,
- 645 К черным волнам Амфитриты в своем устремляясь движеньи.
Землю рассек Посейдон могучим ударом, и снизу
Хлынули ил и песок в беспредельном потоке – сотрясся
С силой Сигей, и Дардания до самого основанья.
- 650 Тотчас невидимы стали могучие города стены,
Их поглотила земля, расступившись, и место сравнялось,
Ныне виднеется только песок отступившего моря,
Столь далеко от прибрежной волны той порой занесенный.
- 655 Так и свершилась тогда недобрая воля бессмертных, –
Путь свой данаи держали, разбросаны по морю бурей,
Прибыли каждый, куда в пути божество направляло
Тех, кто на море сумел избежать губительных штормов.

ИОАНН ЦЕЦ
ПО ГОМЕРУ И ПОСЛЕ ГОМЕРА

Иоанн Цец. После Гомера (вторая песнь)³

- Духом великий Ахилл прослышал о том, что случилось,
Как из-за Брисовой дочери свершилось злодейство такое,
Тотчас к ахейцам ее отослал, Паламеда оплакал,
И отстранился совсем от битв и военного дела.
- 5 А на аргивян наслал Аполлон, Превеликое Солнце,
Мор, и они умирали, ведь не было тут Паламеда,
Что предсказал бы беду и нашел от нее избавленье.
Ну, а трояне, прознавши про мор и про гнев Ахиллеса,
Больше не стали сидеть в стенах городских и на башнях,
- 10 Но, на успех уповая, засовы с ворот убирают
И, до ахейских судов добравшись, врагов истребляют.
Те, погибая от мора и дланей троянского войска,
В ложный уверовав сон, построились к ратному делу,
И на троян устремились, желая помериться в битве.
- 15 Было тогда решено, что каждое войско представит
Воина, – их поединок решит, с кем оставаться Елене.
Вышел Парис от троян, Менелая ахейцы послали.
Был бы Парис побежден, но трояне нарушили клятву, –
Сразу Пандар посылает стрелу, в Менелая нацелясь.
- 20 Славы Пандар не снискал, лишь чести навеки лишился,
А Менелая сумел исцелить Махаон-врачеватель.
Вышла беда от Пандара троянам и городу Трое.
Лук натянул он – и тут появилась предвестница бедствий,
Яркой звездой просияв, знак войны неизбежной, комета,
- 25 Это Афина Гомера была, посланница Зевса.
Переглянулись в тот день меж собою бессмертные боги, –
Крон леденящий и мощный Арей, что насилием дышит,

³ Первая песнь опубликована в окончательном виде в журнале «Аристей», том XXIV. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 189–203.

Это они отрешали от славы воителей юных,
Их же самих умерщвляли и грады их в прах обращали.
30 Если же отличиться в сей день имели желанье,
Если над временем власть один предоставил другому,
Все полномочья отдав, – другой врывался под кровы

Так, друг на друга смотря, они беды готовили Трое.
35 Тотчас же Трои сыны и ахейне начали биться.
Битва вскипела, и славных голов полетело немало.
Талисиад Эхепол от удара погиб Антилоха,
Храбрый троянец Агенор сразил Элефенора насмерть,
Мощный Аякс – Симоиса убил, Антемидова сына.
40 Левка сражает Антиф, он сын был побочный Приама,
Демекоонта Дарданского в прах Одиссей повергает,
А Диорея данайца от жизни Пейрос отрешает,
Но погибает и сам от меча этолийца Тоаса.
Вот Диомед устремляется в гущу кипящего боя,
45 Ярким искусственным светом герой горел, не сжигая,
Вовсе не так, как зеркало, что в Сиракузах сверкает, –
Им Архимед, уловляя лучи палящего солнца,
Марка Марцелла поджег корабли, потомка Энея,
Но Диомеда доспехи, горя, ничего не сжигали,
50 Свой источая огонь холодный, без пламени жара,
Будто бы Сириус-светоч в созвездии Пса Ориона.
Вот как доспех Диомеда сверкал средь яростной битвы.
Прежде всего он Фегея убил, Даресова сына,
Был сей Дарес умельцем большим в кузнечном искусстве
55 (Их называет Гомер жрецами бога Гефеста).
Также другие ахейцы разили, – погиб от Атрида
Одий-троянец, от Идоменея Фест погибает,
Рядом Скамандрия сверг Менелай, чьи не стрижены кудри,
Свергли Филид с Мерионом Ферекла, а с ним и Педей,

- 60 Долопионов Гипсенор повержен рукой Эврипила,
Звали его Скамандра жрецом, столь часто ловил он
Рыбу серебряной сетью в потоке, текущем прекрасно.
Тут поражает Пандар стрелою плечо Диомеда,
И начинает Тидид наносить истребленье троянам.
- 65 Вот им сражен Астиной и Гипенор с ним, пастырь народов,
Также Абант и Полидом, рожденные Эвридамантом,
Ксанфа убил он, Фоонта, что были сынами Файнопа,
Рядом poleg Эхемон вместе с Хромием, чада Приама,
С ними убит и Пандар, вероломнейший клятв нарушитель,
- 70 Кроме того, Диомед броском преогромного камня
Наземь Энея поверг, что рожден волопасом Анхизом,
Но не убил, ибо бегство спасло его, – он устремился
К храму Священного Солнца – всезрящего вышнего бога,
Мчался за ним Диомед и кричал ему вслед, догоняя:
- 75 «Прочь, обезумевший бабник, и в битву ты больше не суйся!»
Молвил. Таков Диомед! Говорят, самое Афродиту
В руку он ранил, когда помешать ему в битве пыталась.
Вот Сарпедон побуждает троян устремиться на битву.
Деикоонта тогда Агамемнон Атрид умерщвляет
- 80 Первым, а после сражает Кретона и с ним Фрасилоха
Мощный Эней, исцеленный от раны тяжелой Тидида.
Он бы тогда, несомненно, сумел бы убить Менелая,
Но перед ним возникает внезапно сын Нестора смелый,
Дрогнул Эней – Несторид сразил уже лучших немало.
- 85 Тут Менелай убивает тогда царя Пилемена,
И Антилох умерщвляет Мидона, уметивши камнем.
Гектор, а с ним и Арес – то дух был его боевитый –
Прежде Менеста убил, а после него Анхиала.
Храбрый Аякс Амфиона сразил, Селегова сына,
- 90 Он на троян и на Гектора в бой выходил в одиночку.
Вырвал тогда Сарпедон Тлеполема из войска ахейн,
Доблесть его украшала, любимого внука Геракла,

- Он бы, конечно, тогда и с душою своей распрощался,
Но избежал все же смерти в тот день – не судьба было гибнуть.
- 95 Тут на ликийцев воздвиг Одиссей истребление злое:
Койрана он умертвил, Аластора с Хромием вместе,
Также Алкандра и Галия, и Ноемона с Пританном.
Гектор убил Ойномая, Ореста, убил он и Треха,
Также Тевтранта с Геленом сразил, и Оресбия с ними.
- 100 Но, как бушуя с Аресом в душе, поразил Перифанта,
- Тут Диомед на него поскорее коней направляет
И поражает в живот, что буйствовал духом Арея.
Как увидали трояне удар сей, что метко пришелся,
- 105 Тотчас ужасно вскричали, и крик отозвался на Иде,
Столь превосходному мужу теперь умереть предстояло.
Гера с Афиной смирили Арея в душе у Тидида,
Равно и в Гектора сердце, и оба вражду прекратили.
Бились уже без участия богов трояне и греки.
- 110 Не было Гектора силы и хитростей всех Диомеда,
И без обмана сражались теперь. И гибли трояне,
Сверг Теламонов Аякс Акаманта, Эвсорова сына,
Отпрыск Тидея убил и Аксила, и Калесия,
Дреса сразил Эвриал, и предал он смерти Офельта,
- 115 Братьев Асепя и Педана, – Буколион породил их,
Сверг Полипот Астиалла, убил Одиссей и Пидита,
Авлер сражен Антилохом, от Тевкра погиб Аретаон,
Славный Лиит-беотиец в бою поражает Филака,
Вот Эврипил убивает Малантия, и Агамемнон –
- 120 Мужа Элата, что взят был живым Менелаем-Атридом.
Гектор, придя в Илион, по совету Гелена-пророка
В жертву Афине двенадцать телиц беспорочных приносит,
А Диомед, в перемирье вступив с Гипполоховым Главком,
Медное отдал оружие ему, а взял золотое.

- 125 Зевс же за это прославил разумность прещедрого Главка,
И дружелюбью его даровал неистленную славу.
Гектор, когда повелел, чтобы жертвы свершились Афине,
Стал побуждать Александра Париса отправиться в битву,
Так же и сам поспешил заодно с Александром из града,
130 Ласковой речью сумев укротить Андромаху и сына
Астианакса – они не пускали его воевать, умоляя.
Тотчас Менестия насмерть копьем Александр поражает,
Гектор же – Эионея, затем Ифиноя и Главка.
Тут же вступает Аякс в возбужденную Гектором битву,
135 И, победив, с величайшей охотой приемлет награду –
Спину большого быка, что ему уделил Агамемнон.
Жалкие смертные, вы, злоречивые, дикие духом,
Вы почитаете, словно кумир, вражду Эмпедокла,
Чтите кривых и косых, морщинистых и колченогих,
140 А богоравному мужу ничтожнейший будет подарок, –
Или баранины кус, иль говядины, или же птицы.
Так же вот чтил и меня зловреднейший муж – с неохотой
Службу я нес у него за плату – подлец Исаакий,
Также супруга его, корыстная, лживая, – оба
145 В страхе они пребывали пред строгим моим красноречьем.
Чтили безумные эти лишь тех, – кто срам и бесчестье,
Бремя земли, идиота, в проказе, с плешивой башкою,
Все лишь за то, что влекли их на тайное грешное ложе,
Кто же от грязи далек, кто был превосходен и честен,
150 Тем измышлялись ужасные муки – к чему добродетель!
Ныне, однако, хоть поздно, сочлась Справедливость и с ними,
Скоро конец им, рушителям брака, в бесчисленных изменах,
Им, рогоносным супругам – что лучшего видеть не в силах,
Следуют подлым наветам любовниц – ехидн своих мерзких,
155 И прославляют, кого им прикажут наложницы тайно,
Хоть прокаженных и бремя земли, идиотов безмозглых,

- А богоравных мужей, что блещут своим благородством,
Видом, хорошей семьей, речей красотой и делами,
Всех презирают в безумьи своем – столь дурна их натура.
160 Им был подобен Атрид, что, ничтожных мужей почитая,
Спину быка, как подарок почетный, Аяксу поставил,
Мужу, что страшного Гектора в битве победно осилил.
Тут предлагает Антенор, чтоб выдали грекам Елену,
Чтобы напрасно не длилась война, раз нарушены клятвы.
165 Но Александр не согласен – дары бы он отдал охотно,
Но не Елену. Трояне тогда отправляют Идея,
Дабы аргивян просить разрешить погребение мертвых.
Те, хоть того не желали, свершили последнюю почеть.
Тут для защиты судов ахейцы построили башни –
170 Нестор советовал так – ведь был он силен на советы.
Зевс же тогда (то есть небо) сотряс серебристые тучи
Гроном сердитым – и беды аргивянам то предвещало,
Сим возвестив горделиво, что он меж богов наилучший,
Ибо во власти его приводить все небо в движенье.
175 В страхе аргивское войско несло от троян поражение,
Нестора спас Диомед-владыка от Гектора длани,
Свергнув возницу проворного Гектора, Эниопея,
Тотчас затем, со рва устремясь, поразил Агелая,
Словно орел, что заметил оленя, лежащего мертвым.
180 Также разили троян и другие владыки аргивян.
Тевкр поразил уже десять мужей, стреляя из лука,
Вдруг в него Гектор чудовищным камнем попал, и немедля
Тевкра уводят к своим. Трояне ко рву подступают.
Ночь опустилась, убийства прервав, – тогда зажигают
185 Факелов свет и при них обращают в бегство ахеян.
Тысячу ярких костров разжигают, полсотни троянцев
Ставят при каждом костре, и так они ночь и проводят.
Тут отправляют ахейцы к Пелиду послов – не идет он.
После идут Одиссей с Диомедом под Трою в разведку,

- 190 Тут убивают Долона, двенадцать фракийцев и Реса
И возвращаются в стан, а с ними и Ресовы кони.
Вот появляется вновь Эригенеи светоч священный,
Тут начинает Атрид разить из троян наилучших,
Против выходит Коон и копьем ему руку пронзает,
195 Сок поразил Одиссея (Аякс его вынес из боя).
Тут Александр, свой лук роговой натянув, попадает
Прямо в Тидида, затем в Эврипила, а там – в Махаона,
Но Махаона из боя на быстрой своей колеснице
Нестор вывозит. Тогда Ахиллес посылает Патрокла
200 Выяснить, что там, и тот, вернувшись от Нестора быстро,
Мчится скорее лечить Эврипилову страшную рану.
Взяли трояне данайскую стену, и те побежали,
Но Посейдон, колебатель земли, поборал за аргивян,
Не дал погибнуть в той битве, где гибли противные рати,
205 В битве, где раненых столько. Тогда принимают участие
Нестор с Атридом. А скрежет и шум раздаются повсюду.
Гера – тончайший воздушный огонь – берет Афродиты
Пояс прелестный – то холода смесь и тепла – и немедля
Шлет дожденосные тучи, несомые ветрами быстро,
210 Тотчас весна расцветает, восходят душистые травы,
Правда, не сплошь по земле – кое-где, по капризу богини,
Вот отчего и пошла молва о прельщении Зевса,
Ложе их тайном и сне. Побеждают троянцы данаев.
Гектора вывел из боя Аякс, метнув в него камень,
215 Локрский Аякс быстроногий сражает бессчетные толпы.
Зевс же, восстав ото сна, готовит ахейам несчастье –
Гектора, хоть он и ранен, и кровь извергает, Кронион
В бой поднимает, и Протесилаев корабль он сжигает.
Тут посылает Патрокла Ахилл на подмогу ахейцам.
220 Многих сразил он, убил Сарпедона, Зевесова сына,
Но погибает Патрокл от Гектора мужеубийцы.

Тут умертвляет Атрид Менелай с золотыми кудрями
Абарбарей, Буколом рожденного сына Эвфорба.
Вкруг же Патроклова тела вскипает жестокая битва,
225 А к Ахиллесе с печальным известием шлют Антилоха.
Только Пелид услышал ужасную, страшную новость,
Тотчас же в битву вступил и вынес товарища тело.
Гневом вспылал и чудовищно к мести возжегся
Так же ужасно, как за Паламеда пылал на аргиваян,
230 Но повествует Гомер лишь о гневе его за Патрокла,
Чтобы позорный поступок упреком не лег на данайцев,
Из-за чего вообще Паламеда он в песне не вспомнил.
Гнев же Ахилла, на самом-то деле, пылал до Патрокла.
После же смерти его свой яростный гнев он слагает,
235 Снова в союзе с Атридами, снова выходит на битву,
Вздев золотые доспехи, и множество губит троянцев,
В жалкое бегство Гектора кинув и мужа Энея,
Прочих же так и оставил лежать у Ксанфа потоков,
В дар же Патроклу живых захватил он двенадцать троянцев,
240 Их заколол и поверг Ахиллес у Ксанфа потока.
Прочие быстро трояне сокрылись за стенами града,
Гектора ж некая Мойра у стен городских задержала;
Тут Ахиллес убивает его и влачит, привязавши.
Впрочем, двоякий есть сказ, как Гектор погиб боговидный.
245 Так, сообщают, погиб перед градом, напав на Пелида,
И получил от Ахилла удар, разрывающий горло.
Есть же певун, чей доблестный дух не согласен с Гомером,
Что в поединке пред градом повергнут был Гектор Пелидом.
Нет, говорят, было так – отправился Гектор навстречу
250 Войску царицы, Ареевой дщери, ведь шла амазонка
Пентесилея на помощь троянам, – и Гектор с отрядом
Ночью пошел ей навстречу по броду чрез воды Скамандра,
Там же в засаде Пелид поджидал и убил его тотчас.

- 255 Утром же тело его, привязав к колеснице за ноги,
Стал перед градом влачить на глазах у родителей милых,
Видели то трояне, троянки, союзники Трои,
Плач воздымался ужасный – все с башен сие наблюдали.
Крик таковой многогласный стоял, какой поднимают
- 260 Птицы, что в небе широком летают, когда им с угрозой
Клекот свирепый орла прозвучит, и птицы в испуге
Мечутся, носятся в небе, пронзительный крик исторгая,
Страшный вздымается шум от стрекота бьющихся крыльев.
Радостным гулом ахейская им сторона отвечала.
- 265 Трои же воины заперлись в граде о башнях блестящих.
Ныне я вам расскажу, как выглядел Гектор преславный:
Был он красив, шепеляв, высокий, басистый, чернявый,
С носом прямым, и лицо – в бороде, кудрявой и пышной,
Черного цвета. И гибель его удручила троянцев.
- 270 Милого друга Патрокла Пелид предает погребенью,
Игры затем учинив и выставив в играх награды.
Гектора смерть Приамида его услаждала ужасно;
Целых двенадцать ночей он тешился тем, что ругался
Перед шатром над умершим – вершилася участь Зевеса.
- 275 Вот и в тринадцатый раз заря возжелала явиться,
Тут плодоносная Гера подвигла великое Небо,
Сына Акмона прекрасного, в вечных трудах и заботах,
Выйти из вод Океана и встать высоко над землею.
Ночь неохотно тогда пошла по Крона дороге,
- 280 Дабы несчастных титанов узреть, что во мраке сокрыты.
Эос, напротив, от Крона вошла на Зевесову землю.
Между обеими вечно вражда и взаимная распря,
Видеть друг друга они не хотят и взор отвращают,
Обе они никогда не сойдутся в одном мегароне.
- 285 Ночь родила Эригену зарю в шафранном наряде,
Дочь же, прекрасная видом, весьма легкомысленна нравом,

И благодарности нет к воспитавшей ее, как то должно,
Вот и охвачены гневом неистовым та и другая.
Стало быть, ночь ниспустилась в пределы туманные Крона,
290 Дочь же ее Эригена взлетела к чертогам Зевеса.
Сила благая тут Солнца явилась, питателя моря,
Вышла на небо, красуясь, светить для блаженных бессмертных,
Дом Посейдона оставив, где пир они правили славный.
Радостью боги объялись и, видя его, ликовали.
295 Тою порою Приам, несчастнейший муж среди смертных,
С пыльной земли поднялся, – на земле он и сном был захвачен,
В пору, как плакал по Гектору-сыну, властителю града.
Тут он решил, что пойдет умолять погубителя сына –
Так в его членах окрепла отвага, и дух возбудился –
300 С тем, чтобы выкуп снести за Гектора славное тело
Или кончину найти самому от дланей Ахилла.
Стали трояне его не пускать и удерживать в стенах,
Но как узрели, что справа на небе орел пролетает,
То разрешают идти и мулов в повозку впрягают.
305 В эту повозку кладут, нагружая, за Гектора выкуп, –
Множество ценностей всяких и золота десять талантов.
Снявши засовы с троянских ворот, что град запирали,
Толпами с плачем идут пред Приамом – царем престарелым,
Но лишь добралось шествие до укрепленного вала,
310 Тотчас Приамова сила велит им во град возвращаться,
Только Идея, погонщика мулов, с собой оставляет.
Так вот Приам и пошел, дрожащий, с главой отягченной
Прахом, которым ее он посыпал во скорби великой,
Шел он пешком всю дорогу и лил свои горькие слезы.
315 Дочь Поликсена его, что светлой красою блистала,
Правую руку отцову держала, идти помогала,
Рядом брела Андромаха, лиющая горькие слезы,

За руки Гектора двух сыновей малолетних влачила,
Астианакса и Лаодамона, двух братьев-малюток.
320 Вот и пришли они в лагерь ахейн и стали аргивян
Слезно молить, простершись во прахе, чтоб те пособили,
Дабы Ахилл Эакид за выкуп им Гектора выдал.
Тут пожилые аргивян цари повелели народу
Взоры не пялить на них и к Пелиду их всех проводили.
325 Он же, пришельцев узрев, хоть и был душою, как медный,
Жалостью все же проникся, они же к ногам его пали.
Так вот, простершись во прахе, промолвил Приам многобедный:
«Храбрый Пелид! О, сдержи же свое превеликое сердце,
Пред Уранидами страх поимей – ведь все они видят!
330 Смилуйся ты над летами моими, уважь и седины!
Старца, меня пожалей, ведь я же несчастнейший смертный,
Ты погубил пятьдесят сыновей моих, смелых душою,
Но никого я из них не любил, как Гектора-сына.
О, умоляю, прими это выкуп за тело сыновье,
335 Не отдавай на съеденье собакам кровавые члены,
Выдай оплакать его троянам с троянками вместе!»
Так вот Приам Дарданид говорил, обращаясь к Ахиллу.
Тут и жена конеборного Гектора славного стала,
Слезы со стоном лия, умолять с причитанием тяжким,
340 Низко склонившись прелестной главой и ликом приятным,
Жалостно слово мольбы обратила убийце супруга,
Голосом слабым и тихим свирепому мужу сказала:
«Мощный душой Эакид, подобный по виду бессмертным,
Сжался, владыка, над чадами сими – они ведь сиротки,
345 Ты умертвил их отца – троян величайшую славу.
О, пожалей и меня, – среди жен мой удел – наитяжкий,
Промысел высших богов сулил мне бессчетные беды,
Даже потомки услышат о горе моем и страданьях.
Но для чего я тебе буду все их поведывать ныне!

- 350 Сжался, о царь, надо мной, хоть я для тебя ненавистна!
Выдай мне Гектора тело, позволь ему дать погребенье!
Ты ведь уже истребил и отца, и семь моих братьев,
Но, не ограбив доспех, позволил им дать погребенье,
Выкупа даже не взял – такую явил добродетель!
- 355 Ныне яви же, о славный герой, и Гектору милость,
Выдай за плату его, отдай сыновьям его малым,
Дабы его схоронить и курган ему мощный воздвигнуть,
Что для потомков пребудет тебе на великую славу!»
Так Эйтионова дочь умоляла тогда Ахиллеса.
- 360 Два Гекторида за мать ухватились, прелестные крошки,
Видя, что мать зарыдала, и вспомнив отца дорогого –
Имя его прозвучало – заплакали, бедные, разом, –
Крупные слезы ручьем потекли по детским ланитам
И победили в Ахилле и ум, и суровое сердце.
- 365 Как увидал их, так острая жалость вошла в его душу,
Слезы детей благородных сразили свирепого мужа.
Он взволновался и весь побледнел, утратив румянец,
Слезы, готовые хлынуть, с трудом удержал на ресницах,
Так вот бывает порою, как солнце сияет на небе,
- 370 Вдруг облаков череда набежит и сгустится внезапно,
Солнце за этой завесой становится блеклым и бледным,
Признак грядущего ливня на медноосновную землю.
- 375 Солнцу подобно тогда побледнело Ахиллово сердце,
Как увидал он печаль в нежных глазках малюток,
Скорбь охватила его о двух Гекторидах,
Слезы, что он удержал, отхлынули в душу Ахилла,
Гнев, оросив, загасили и быстрые мысли смягчили.
- 380 Вот что случилось, когда удержал он в очах свои слезы.
Тут Поликсена-девица, одетая в пеплос тончайший,

Крепко припала к холеным ногам Ахиллеса со словом:
«О, Ахиллес, пожалей нас, уйми свое грозное сердце,
Стыд возьмей пред отцом моим старым, несчастнейшим в бедах,
385 Жалко лежит он в ногах у тебя, хоть и царь, и владыка.
О, Ахиллес, пожалей объятого жалобной дрожью,
Выдай же Гектора сына ему и прими его выкуп.
Я же в отплату за брата иду в добровольное рабство,
Можешь меня забирать и в шатрах своих сделать рабыней!»
390 Так Поликсена рекла, умягчая Ахилла, со скорбью.
И пожалел их Ахилл: подает свою руку он старцу,
Рядом сажает с собой и слезу проливает скупую,
Молвив слова ободренья, и пищи коснуться принудил.
Царь покорился, того не желая, вкусил угощенье.
395 В пору, как кончили пир дружелюбный, Ахилл устремился
Вон из палатки и принял Приамом доставленный выкуп –
Плату за Гектора тело – и взял лишь серебро он и золото,
Все ж остальное как дар повелел Поликсене оставить,
Дабы домой увезла на память о свадьбе грядущей,
400 (Он ведь не чуял душой, что брак ее сей и погубит,
И на могиле его Поликсену как жертву заколят).
Все завершив, Дарданид полагает затем на повозку
Гектора тело и просит отсрочку на время от боя,
Дабы троянам оплакать его и свершить погребенье.
405 Выслушав все, Ахиллес обещал предоставить отсрочку,
И удалился затем в шатер свой великий Пелейон.
Те же в Трою пошли, безмерно стеная и плача.
Видят трояне со стен – лежит на повозке великий
Гектор преславный, что пал у берега Ксанфа потока.
410 Первой Кассандра узрела его, вдохновенная дева,
Тотчас с себя украшенья сорвав, волосы распускает,
Мечется в буйном порыве туда и сюда между башен,

Волосы рвет на себе и кричит в исступленьи со стоном:
«Жены-тroyанки и вы, о народ многочисленный Трой,
415 Вы, о союзники многоязычные, славные в битвах,
Все посмотрите сюда, со стен посмотрите и башен,
О, погрузите во скорбь неутешную душу и сердце,
Гектор, кто в прежнее время хранил благозданную Тройю,
Славных почтенных тroyанок и малых детей беззащитных,
420 Кто украшением был и тroyан, и союзников славных,
Кровью аргиевн залив родную тroyанскую землю,
Гектор, чья слава дошла до самых краев отдаленных,
Горе мне, горе – лежит на повозке! Везут его в Трой!»
Так говорила пророчица-дева средь тяжких стенаний.
425 Тут же народы взошли на акрополь, вступили на башни –
Старцы, гнетомые мукой, а с ними и старицы вместе,
Девушки, юные жены и женщины лет чадородных,
Множество люда собралось, уж не было места на башнях,
Скорбные матери крепко к себе прижимали малюток,
430 Тех, что умели ходить – ведь у них подгибались колени, –
Крошек к груди прижимали, и все они плакали горько.
Так они, слезы лия, пребывали на башнях высоких,
Прочие плотной толпой устремились за стены градские,
Там собрались и жены-тroyанки из царского рода
435 Возле царицы Гекубы, и каждая горько рыдала, –
И Агамеда, Анхизова дочь, сестрица Энея,
Абарбарей, Фронтида, Энона, а с ней – Лаотая,
Клития также, жена Теано, и другие тroyанки,
Также Приама невестки, что блещут своим благородством,
440 С ними Елена о пеплосе длинном, лиющая слезы,
Четверо с ней сыновей Александра, рожденных во браке:
Буник, Корит, Идей и Аган, – таковы имена их.
Взявшись с обеих сторон, Кассандра и с ней Лаодика
Матерь Гекубу вели – у той подгибались ноги,

- 445 А голова, как у мертвой, безжизненно набок клонилась.
Шли перед ней сыновья – одиннадцать было их счетом, –
Паммон, Эсак и Гелен, Парис-Александр с Антифоном,
Также Полит, Деифоб и еще Гипшотой с Агафоном,
Также прекрасный Троиц отправлялся туда вместе с ними, –
- 450 Был он тогда еще жив, Эакидовой силы избегнув;
Только дитя Полидор во Фракии был отдаленной.
Все они разом, как только вдали показалась повозка
С Гектором, тотчас с главой непокрытой, сорвавши повязки,
Пали и стали рыдать и вопить – и мужчины, и жены.
- 455 Так стенал весь царский род, спустившись на поле,
Гектора тело встречая. На башнях же громкий воздвигся
Крик и рыданье – то старцы троянские плач издавали,
Детские крики неслись с другой стороны неумолчно,
С ними мешаясь, вздымался и женщин пронзительный выкрик.
- 460 Кони, и те, словно всхлипы, свое издавали храпенье,
Кроткие духом своим, надежная смертных подмога,
Всюду бродили понуро, испуганы криком ужасным.
Шум поднимался не меньший, чем скорбные вопли тро-
янцев.
Стон издавал Симоент, и плакали нимфы на Иде,
- 465 Гелла сама закричала – и гул повсеместный воздвигся,
Феб Аполлон в небесах от горя укутался тучей,
Плакал и Зевс потихоньку, Земля-исполинша гудела,
Все, кто жили окрест, содрогались от этого шума.
- 470 Шум поднимался такой, как Метон описал в своей песне,
Изображая нам мира конец, день самый последний,
В день сей вернутся семь мощных богов обратно в дом Крона,
Влажный и мрачный, – то Крон самолично туда их погонит,
Все закружится кругом, вздымая Зевесово царство,

- 475 Во всеобъемлющий мрак непроглядный тогда погрузится.
Вот и трояне такой же немислимый шум поднимали,
С ними бессмертные боги стенали во скорби безмерно.
Так, средь рыданий и слез, и ночь на троянцев спустилась,
И за вратами градскими захвачены сном они были,
480 Те, что власы вырывали от горя по Гектору в скорби.
Все же Приам побудил их тогда отправиться в город,
И потекли они в Трою, и стали во граде средь башен
Девять дней подряд оплакивать Гектора тело,
Должно украсив его, и на ложе затем водрузили;
485 Также возили и лес, на день же десятый, с зарею,
Стражей бесчисленной его окружив, что в медь облачилась,
Вышли за стены градские и тело в костре истребили.
После воздвигли великому Гектору холм превеликий,
Землю носили к нему и, насыпь высокую сделав,
490 Тесанный камень блестящий ему на могиле воздвигли.

Иоанн Цец. После Гомера (третья песнь)

Вот над останками Гектора все совершили обряды,
В город троянцы идут надлежащую тризну отправить,
Трою закрыв на замок и надежно приладив запоры,
Сами уселись на башнях – у всех опасение было,
5 Как бы теперь не погибнуть от дланей могучих ахеян,
Все горевали они о судьбе многобедной отчизны.
Утром же третьего дня от реки Фермодонта явилась
Мощная Пентесилея, Отреры великая дочь,
Над амазонками царскою властью она обладала.
10 Пентесилея явилась, как в эпосе Квинта поется,
Для очищенья за то, что сестру Ипполиту убила,
Целившись в зверя, – и с нею двенадцать явила помощниц.
Так вот Квинт об этом поет в эпических песнях.
Правда, Гелланик и Лисий, а с ними еще и другие
15 Молвят иначе, что, мол, ее доблесть погнала под Трою,
Славу усилить свою, принести ее в брак собираясь;
Средь амазонок обычай – на ложе восходит не раньше,
Чем одолеет мужчину в сражении доблестном дева.
Вот почему, говорят, и пошла амазонка под Трою.
20 Впрочем, другие о том сообщают, что ради подарков
В Трою царица пришла, как прознала о Гектора смерти –
Ведь ожидала ее за участие великая плата.
Пентесилея войска предводила из лучников-скифов,
Пеших и конных бойцов, и женщин, любительниц боя, –
25 Вот отчего престарелый Приам и сулил ей подарки.
Принял с почетом ее и ласково чествовал в доме.
Как прибыла воитель-жена к Троянскому граду,
Все устремляются к ней и глядят на нее, и дивятся, –
Экое чудо для всех – жена, что любит сраженья.
30 С почестью принял царицу Приам у себя в мегароне.

Дней пролетело немало, пока она тешила душу,
Кони же силу свою обновляли, войска – отдыхали,
Вот, наконец, оснастились на бой троянские мужи
И амазонки среди них, богиням подобные видом.
35 Стали молитвы тогда возносить троянские жены,
Чтоб отомстила за славного Гектора смерть амазонка
И погубила аргивян в пучинах глубокого моря.
Так бы почти и сбылось, о чем умоляли троянки, –
Часто теснило ахейцев суда бурливое море, –
40 Крон осерчал необорный, питающий мысли кривые,
Он ведь замыслил уже для Трои жестокую гибель,
Даже саму амазонку сгубил он копьем Ахиллеса,
Хоть и была она мощной, когда разбушуется в битве.
Вот облачились в доспехи и войско, и Пентесилея.
45 Хлынули вои из врат, и трояне кругом ликовали,
Видя, как войско царица умело построила к бою.
К правой стене укрепления она стреловержца пустила,
Ставя гоплитов с обеих сторон, как железную стену.
Лучников были вожди – Парис-Александр с Ликаоном,
50 Кроме того Гелен, Гиппотой проворный и Паммон.
Был Деифоб у гоплитов вождем, а с ним и другие –
Полидамас с Агафоном, Эсак и Полит с Антифоном,
Славный Троил и Эней вождями у конницы были.
Были при каждом щиты и копья, и шлемы надеты,
55 Блеск излучало железо, земля же под ними стонала,
Скрежет стоял колесниц, и топали мощные кони.
Пентесилея же ярко блистала среди конного сбора,
Дивная дочь могучей Отреры, – серебряный панцирь
Грудь покрывал ей, и весь он усыпан был звездами чудно,
60 Голову шлем украшал, сияющий блеском камней,
Так и горели лихниты, и ярко цвели аметисты.
Был на бедре и колчан, и лук, что хранился в футляре,

Все, золотое, сияло и шло оно женщине этой.
Щит преогромный тяжелый был в левой руке у царицы,
65 А на щите – и Арес, и Эрот, и сама амазонка.
Спорили разом Эрот и Арес о женщине этой, –
Изображенье всего лишь, а были как будто живые.
Словно Эрот говорил – моя амазонок царица!
То же твердил и Арей, а она между ними стояла,
70 Ярко сияя своей красотой и красою доспехов.
Шлем с нее быстро совлекиши, Эрот целовал ее в очи,
Вновь надевая ей шлем, Арей целовал ее также,
Вот что за щит сжимала в руке амазонок царица.
В правой руке держала она свой меч многояркий.
75 Конь же ее вороной, с красиво изогнутой шеей,
Черною гривую тряс, и она, колыхаясь, сверкала,
Пеной он брызгал, гордясь, что дивную всадницу носит,
Мощную деву, и очи коня огонь источали,
И не желал он ступать по дороге земной запыленной,
80 Словно хотел полететь и небесным путем продвигаться.
Радость троянцев взяла, как такое увидели войско,
И приуныли ахейцы, узрев, что враги ополчились.
В бой снарядились они, хоть им воевать не хотелось,
Тевкр, Менелай, Мерион и с ними же сын, порожденье
85 Аркисидея, прехитростный муж, – предводители были
Лучников рати, и юноши все им были подвластны.
Тех же, кто шел со щитом, предводили Аякс и Иалмен,
Идоменей, Агамемнон и Нестор, рожденный Нелеем.
Конников вел Менесфей, Эакидова мощная сила,
90 Также Тидид и другие, что опытни в этом искусстве.
Строятся быстро они и тесно смыкают фаланги,
Все же не могут ахейцы сдержать амазонки атаку, –
Войско ее было свежим, а воины – все молодые,
Кони носили их быстро, холеные, сильные кони,

- 95 Взоры стремило все войско на мощную Пентесилею.
Смело кидалась царица и в гущу врагов устремлялась,
Войско ж ахеян устало уже, десять лет воевавши,
Так что враги их теснили, с чудовищным криком разили.
Конницей мощной напав, бессчетные стрелы метали
- 100 Градом, крушили отряды ахеян и пеших, и конных.
Пентесилея-царица разила врагов неустанно,
С нею и свита ее, и жены, и вои-мужчины,
Трупы сплошные покрыли уже троянскую землю,
Чей не устанет язык сосчитать всех павших ахеян?
- 105 Словно когда под дыханием страшного ветра Борея,
Как засвистит он нежданно зимой какой-нибудь ночью
Тотчас замерзнет вода, и снежные хлопья повалят,
Почва же вся повсеместно становится твердой и мерзлой.
Так же и Пентесилея – нежданным своим появлением
- 110 Вмиг леденила ахейский напор, гасила в них душу,
Павших людей и коней телами все поле устлала.
Ночь Посейдонова тут на подмогу ахейцам явилась.
Пентесилея вернулась к троянцам, вернувши им радость,
Много доспехов с собой принеся, совлеченных с ахеян.
- 115 Целых три дня избиенье такое творила девица,
Ночь лишь была во спасенье ахейцам у берега моря.
В пору ж, как темная ночь четвертый раз опустилась,
И почивала на ложе победами гордая дева,
В твердой надежде, что утром вконец уничтожит ахейцев,
- 120 Гера богиня послала тогда и Приаму, и деве
Сон, вызывающий слезы, мучительно страшный – сулил он
Гибель грядущую Пентесилею, бестрепетной духом.
Снилось Приаму, как будто бы Гектор живой, невредимый,
Столь же воинствен; как прежде, но обликом деве подобен.
- 125 Радостно было глядеть на него и царю, и троянам,
Но умерщвляет его Пелид Ахиллес, как и прежде.

Пентесилее же, деве, такое привиделось ночью:
Снилась ей мать Отрера ее, могучая духом,
Юноше дивной красоты отдать она дочь собиралась,
130 Чудно кудряв был жених, красою подобен Харитам,
Так ей хотелось к нему. Но вдруг появляется некий
Муж ужасающий, черный, как смоль, свирепый, огромный,
Сотню несущий голов, потрясает копьем он всемедным,
Сам же сидит на коне, и конь сей свирепостью дышит,
135 Муж этот деву хватает и тащит к подземным чертогам.
Вот каково сновиденье, что ночью царице явилось.
В пору, когда Эригенея Эос из вод океана
На колеснице взошла, – несли ее быстрые кони,
Ламп с Фаетоном, – а были они спряжены меж собою,
140 А пристяжным был Пегас, сопричислился к ним он недавно, –
Тотчас тогда принялась облачаться в доспехи царица,
Только оделась, – как шлем у нее с головы упадет,
Конь же вдруг ржанье издал, что рыданию было подобно, –
Для собиравшейся в бой это были зловещие знаки.
145 А уж когда она в битву пошла на ахейское войско,
Тут и орел в небесах нагнал и прикончил голубку
В знак, что царицу убить Ахиллесу в бою предстояло.
Вот, наконец, завязалась повсюду кровавая битва,
Замертво падали чада аргивян при Ксанфа потока,
150 Шли боевитые жены вослед за царицей, стреляли,
Бились кривыми мечами, – и вопль неумолчный вздымался.
Пентесилея крушила мужей, облаченных в доспехи,
Всадников, славных копьем, обгоняла она, устремляясь;
Бились отважно они, со своими вождями совместно,
155 Ей же хотелось с отрядом воинственных женщин-наездниц
Кинуться в самую гущу врагов и всех уничтожить.
Так бы тогда и свершила она свои упованья,

Ведь помогал ей Эней, что командовал конников ратью,
С фланга же шел Деифоб, а при нем и его щитоносцы,
160 Всех их Парис прикрывал отрядом стрелков своих метких.
Бились аргивяне с ними, хоть сами того не желали,
Но приходилось, – безвыходность их ухватила за горло.
Головы лучших мужей, отрублены, падали наземь,
Многих данайских и многих троянских воителей славных.
165 Это царица и жены-вояки их так окружили,
Заперли будто, и в этом кольце истребляли ахейцев.
Вот Ахиллес замечает, что их утихает усердьё,
Видит – царица сама на него нападать устремилась.
Он же был в задних рядах, но теперь перед строем выходит,
170 Несколько конников с ним, что надежно укрылись щитами,
Вместе с Ахиллом они на царицу напали неожиданно,
Стрелы метала она, но, уметивши точным ударом,
В правый бок ее ранит Ахилл копьем своим острым,
Тотчас с коня упадает она, но пока что живая,
175 Он же бросает ее, на других амазонок несется,
Следом отважные духом ахейские всадники мчатся.
Вот он убил Гиппотою, сражает и Антианейру,
Вот Токсофона и Токсоаннаса смешались с прахом,
Дивная Горитоесса, Фаретра и с ней Иодока,
180 Пали Андро, Иоксейя, Биострофа, Андроаикса,
Аспидохарма убита и Энгесимаргос, и Кнемис,
Замертво пали Торэка, Халкаор, мертва Эврилофа
И Анхимаха с Гекатой, мертва Андромаха-царица, –
Это лишь те, что вождинями были, царицами в войске
185 Жен амазонок – других же погибших числом не исчислить.
Видят трояне, что гибнут кругом амазонок царицы,
Длани могучих ахейн воительниц-жен укрощают,
Доле не в силах они держаться бестрепетно духом,
Нет, обгоняя друг друга, трояне пускаются в бегство,

- 190 Лишь уповая на быстрых коней и проворные ноги.
Мчатся за ними ахейцы, несутся по трупам чрез поле,
Гонят троянцев до врат городских, одни из троянцев
В граде успели сокрыться, а прочих у стен захватили.
Так разделили ахейцы троян и жен-амазонок.
- 195 Битву окончив сию, отряд конеборных ахейн
Пентесилею увидел, когда поскакал восвояси.
Дева-царица уже содрогалась в предсмертных усилиях
И, при последнем своем издыханьи блеща красотой.
Грудь она плотно прикрыла, – ведь девой была она чистой.
- 200 Тут опечалился сам Эакид и взмолился к ахейцам,
Чтобы ее погребли по закону, воздвигли гробницу,
Правда, пришлось им сперва хоронить не ее, а Терсита,
Так это было: Пелид горевал и оплакивал скорбно
Юность, красу и отвагу прекрасной невиданной девы.
- 205 Он же, Терсит, подошел и стал поносить его злобно,
Мощным ударом тогда Ахиллес ему душу исторгнул.
Гневом зажегся Тидид Диомед за гибель Терсита,
Пентесилею тогда закинул он в воду Скамандра.
Там, средь Скамандровых вод, и душу она испустила.
- 210 Трифидору поэту, однако, не нравилось это,
Равно и многим другим, что в реке утонула царица.
Молвят: Ахилл амазонку убил и свершил погребенье.
Снова тогда погрузились трояне в глубокое горе,
Но отдохнули аргивяне, в страшной уставшие битве.
- 215 Но не пришлось им надолго свое прекратить воеванье, –
Мемнон под Трою пришел от пределов земли эфиопской,
Феникс и Полидамас, и огромное воинство с ними,
Пеших и конных бесчисленно, как будто песок средь пустыни,
Пращники были, пельтасты, гоплиты и с легким оружием,
- 220 В панцире вои и без, Тарантиды, великие духом,
Мощные копий метатели, те, кто стреляют из лука.

- Пестрый обозный народ добавлялся к огромному войску.
Ночью причалили Инды, проплыв по соленой дороге,
На кораблях привезли серебра и злата немало,
225 Было бесчисленно при них кораблей грузовых, преогромных,
Тех, что возили коней и разные прочие грузы.
Разные были суда, но все они плавали быстро,
Всех их вместить не могла ни Троя, ни Трои равнина.
Вот они высадку все совершили, расставили стражу,
230 Ужин вкусили и ночь напролет почивали спокойно.
Вот поднялась над землей белокожая Эос-богиня,
Шум тут поплыл над землей оглушительный, многоязыкий,
Ржали свирепых арабов прекрасные, статные кони
В пору, как чистили их, а они красовались надменно.
235 Вспряли от сладкого сна во Трое, в чертогах Приама,
Мемнон прекрасный, могучее чадо Зари-Эригены,
Феникс, и Полидамас, и другие властители индов,
Встали от сна Дарданиды и все население Трои,
Хлынули в поле они, и гул эти рати рождали.
240 Мемнон-герой поднялся на свою колесницу, и рядом –
Полидамас, а с ним и прочие индов владыки.
Тут мановеньем руки отдает повеление Мемнон
Всем приготовиться к бою, и громко взгремели доспехи
Индов, что в бой собирались и ладили быстро оружие,
245 Новые, прямоугольные брали щиты для защиты.
Только они и троянцы одели доспехи для боя –
Сразу же воины место в строю при вождах занимают.
Нудит нужда и аргивян готовиться к бранному делу.
В пору, как Гелия сила поля осенила и пашни,
250 Сшиблись враждебные рати, и подняли грохот ужасный
Воины, в битву вступив, и во множестве падали всюду
Трупы и тех, и других, – но все ж у аргивян поболе.

Все затопляя собой, нахлынуло мощное духом
Племя арабов и индов, среди них нелегко приходилось
255 Мужам аргивским, и гибли они, изнуренные боем.
Так им пришлось воевать, – ведь они свою жизнь защищали –
Вплоть до поры, когда муж-земледелец труды прекращает,
И отпрягает от плуга быков, от работы усталых.
Радость была Энио арабской, а также троянской –
260 Ведь Илиона равнину наполнили трупы ахейцев,
Пал ведь от Мемнона длани, кто первым на бой с ним выходит
Из басилеев аргивских – то был Антилох нестрашимый,
Нестора отпрыск могучий, – и все его в войске любили,
Боле же всех Ахиллес питал к нему дружества чувства,
265 Был Антилох еще юн, стремителен, видом прекрасен,
А красноречье и мудрость его и среди старцев блистали.
После него и другие вожди у данайцев погибли,
И, наконец, показали аргивяне спину троянцам.
Все в беспорядке смешалось, и кровь истекала на землю.
270 Так при поднявшейся буре с утеса из красного камня
С ревом бычачьим под ливнем поток устремляется страшный,
Мчит он обломки скалы и сухие деревья и с воем,
С грохотом, красный от цвета камней, на поля нападает,
Все разрушая, крушит и тащит дома и животных,
275 К морю несет, – земледельцы ж пред ужасом этим бессильны.

Так и аргивян тогда нападенье арабов погнало,
Пурпуром черная кровь окрасила землю повсюду.
С гиком и криком безмерным арабы за ними помчались,
280 Не было спаса от них, и мчались в бегстве ахейцы.
Только один из ахейян пошел против Мемнона – Нестор,
Скорбью по сыну объят, – рыдало в груди его сердце.
Квинт же стоял там вблизи от него и явственно слышал,
Как на арабском наречьи беседовал с Мемноном старец.

- 285 Я-то был пеш – такова была милость ко мне Исаака,
Он моего отобрал, а меня возвращаться заставил
Прямо пешком из Беррой и Селы, с землей плодородной, –
Все по совету премудрой супруги, что в милости держит
Лишь прокаженных каких-то и разных других негодяев, –
290 Все потому, что они подольститься умеют прекрасно.
Так что бежал я пешком, и Мемнона речи не слышал.
В пору, как черная ночь набежала повсюду на землю,
Мощные чада арабов, хоть сами того не желали,
Все же прервали кровавую сечу жестокого боя,
295 Флот у аргивян тогда избежал Гефеста угрозы,
Да и сами они ускользнули от Кер несмягчимых.
Ночь проводили ахейцы, доспехов своих не снимая,
Все в переливчатых были, и сон не слетал к ним на вежды.
Лишь златотронная вышла заря Эригеня Эос,
300 Нехотя все поднялись и в тяжелую ринулись битву.
Мемнон на них устремился, Земли порожденью подобно,
Злому Тифону, – и он полагал, что свершатся сегодня
Все упованья его, и аргивян он всех уничтожит.
В мыслях таких он понесся вперед на своей колеснице,
305 Звонко гремевшей, и войско вослед ему грянуло криком.
Как ни могуч был герой, ему наносит раненье
В сильную грудь Ахиллес, метнув копьё боевое,
Тотчас душа, словно дым, отлетает от Мемнона членов,
Вот как поют о судьбе, что на голову Мемнона пала.
310 Впрочем, иначе другие поют – мол, сын Теламона,
С мощными членами, видя, что битва тяжелая длится,
Дело же плохо, сказал и Атридам, и прочим ахейцам:
«Вы налегайте теперь на индов отважное племя,
Я же один выхожу против Мемнона – будем бороться!»
315 Молвил и поднял высоко Аякс свой щит исполинский,
Меч у него на плече висел превосходной работы.

Сжавши в деснице копье, выходит он Мемнону в встречу.
Тот, приметив Аякса, на землю сошел с колесницы,
Тут и схлестнулись герои – великое дело воздвиглось,
320 Раны они наносили друг другу средь грома доспехов.
Так вот на склоне лесистом быков повстречается пара
Диких, и в них за корову вскипает желание биться, –
Бродят сначала они вдали друг от друга в волненьи,
Мчатся на кручи высокие гор каменистых, суровых,
325 Клич издают, вызывая друг друга вступить в поединок, –
Мык, раздающийся тяжко, – раздув свои круглые ноздри.
Вот и сошлись – и рогами друг друга ударили сильно,
Грохот до самых вершин утесов разносится эхом, –
Так грохотали щиты у героев, что сшиблись в сраженьи.
330 Тут словно лев на Мемнона в щит Аякс устремился,
Хоть не пробил он щита, но зато покачнулся противник,
Тут уж Аякс поднимает свой щит повыше и с силой
Страшный наносит удар, налегая на Мемнона-мужа,
Сзади же Мемнона славный Ахилл неожиданно махом
335 Медный свой меч вгоняет, ударив Мемнона в шею.
Тут и душа покидает его. А Полидамаса –
Он был вождем финикиян – Аякс убивает, а войско
Индов, увидев, что пали вожди, совсем испугалось,
Грудами падали вои и гибли, валясь друг на друга,
340 Смерть от своих принимая и меднохитонных ахейян,
В бегство пустились из этого боя – и все тут смешалось,
Мертвых тела громоздились, живых убежать не пуская,
Сзади ж теснили ахейцы и, сея кругом истребленье,
Брали доспехи они со врагов, распростертых во прахе.
345 Ночь наступила, и стали сжигать противники мертвых.
Мемнона прах Эфиопы, со смирной смешав, помещают
В урну, добавив туда ассирийской травы благовонной,

- Также – и Полидамаса, а после домой переносят.
В Трое высокой звучали повсюду рыданья и вопли, –
350 Мощные духом трояне, во стенах своих затворившись,
Павших в сраженьи товарищей милых оплакали горько.
Слезы у них на глазах еще не успели просохнуть,
Вышли из града они, отворивши большие ворота,
В жажде с ахейцами биться – вели их Парис с Деифобом,
355 Шел и Троил – колесничего боя знаток знаменитый.
Всех оттеснил их Ахилл ко берегу Ксанфа-потока,
Без остановки рубя, и также другие ахейцы.
Сам Злопарис с Деифобом избегли копья Ахиллеса,
Но не ушел от могучего мужа Троил, – и сковала
360 Участь его, и с божественным Гектором равно, трояне
Смерть обрыдали его, прекрасного, юного мужа.
Ныне поведаю я, каковы были Трои владыки.
И по порядку затем опишу и Троилову внешность.
Царь Приам – светлоглаз, над носом крупным срослся
365 Брови, лицом красноватый, осанка и облик орлиный.
Пышные кудри, глаза хороши и прекрасна одежда.
Вид был Гекубы таков: красивая, с правильным носом,
Кожа медового цвета, в годах, горда величаво.
И Андромаха была величава, но с живостью яркой,
370 В средних годах, изящна, улыбчива, очи большие.
Среднего роста Кассандра была, но на мужа похожа,
Кожа белей молока, блестящие очи блуждают.
Пышная грудь, а ножки малы, – тиха, молчалива.
Брат же Гелен был высокий и статный, с густой бородою,
375 Светлая кожа и кудри, нос крупный, но видом приятный,
Горб небольшой на спине его был – и людей избегал он.
В юности средней поре Деифоб находился – лобастый,
Черновоносый, курносый, глазастый, приятный собою.
Маленький ростом Эней был плотен, с могучей грудью,

- 380 Светловолосый и широкоплечий, слегка лысоватый.
Роста большого, Антенор, с молочной кожей и светлой,
Легкий в движеньях, с носом крючком, в кудрях белокурых.
Ростом высокий Троил был с носом прямым, смуглокожий,
Быстрый, собою хорош, с густой бородой, длинновласый, –
- 385 Это его умертвил Ахиллес при водах Скамандра.
После того, как Троила-воителя участь сковала,
Близко придвинулась смерть и к Ахиллу, Пелееву сыну.
Сватался он, наконец, с ободрения старца Приама.
Начал частенько ходить Ахиллес в чертоги Приама
- 390 Ради невесты своей, Поликсены, и царь Ахиллесу
Дать ее в жены сулил, дабы тот от войны удалился.
В пору, когда Аполлону Тимбрейскому мужи-тroyяны
Стали обряды вершить, посылают к Ахиллу Идея
Звать его в храм, – и, послушавшись их, Ахиллес безотложно
- 395 Шествует в место святое и входит, совсем безоружный.
Тут Деифоб обнимает его, словно милого зятя,
А Злопарис ему меч загоняет во чрево тотчас же,
И знаменитый герой погибает в своем неразумьи.
Пал он, как лев, что спешил на голос козы, как приманки, –
- 400 Мужи-охотники в яму его, обхитрив, заманили,
Так же, по глупости, пал и герой, исполински могучий.
Злые убийцы его немедленно в город помчались,
Их Одиссей за приметил, когда они к Трое летели,
И обратил к Диомеду с Аяксом, встревожившись, слово:
- 405 «Чада отцов благородных, о лучшие вы из героев!
Двинемся в храм Аполлона – предстанет нам зрелище злое,
Мыслю, что в Фебовом храме Пелида тroyяне убили!
Нет его что-то давно, а тroyяне во град побежали».
Так им сказал Одиссей, и они поскорей устремились.
- 410 Вот и вступили герои во храм Аполлона Тимбрейя,
Видят – лежит Ахиллес-богатырь, распростертый во прахе,

Он – при последнем уже издыхании, на смертном пороге,
Плачет, друзей увидав, и последнее вымолвил слово:
«Други, не то меня мучит, что жизни кончину встречаю
415 В юности цвете самом, исполненный мужеством мощным.
Я не горюю об этом, не это меня угнетает,
Смерть ведь наш общий удел, мы все наши жизни окончим, –
Многие пали уже, то так, то эдак скончавшись,
Мучит меня, что убит я рукой Злопариса ничтожной.
420 Вы ж схороните меня с Антилохом и милым Патроклом,
Должно убрав, когда к себе заберет меня мойра,
В урне, что мать принесла, золотой, дабы я и умерший
Вместе с друзьями моими покоился век неразлучно».
Рек Ахиллес, и душа у него из груди отлетела.
425 Горько рыдая, Аякс поднимает на плечи Ахилла,
В лагерь ахейский идет, а следом трояне, пытаясь
Тело Ахилла отбить у Аякса, из рук его вырвать.
Входит в палатку Аякс и на ложе слагает Пелида,
После его обряжает, и все с ним владыки ахеян.
430 Впрочем, иной есть рассказ – убитого взяли трояне,
Выдав ахеяцам в обмен на павшего Гектора тело.
После того, как мужи-панахейцы украсили тело,
Вынос свершили, как должно, прекрасно обряд исполнялся.
Войско аргивян стояло в строю, при оружии полным,
435 Спешившись, все по фалангам, и все заливались слезами.
Музы тогда поднимают печальный напев бесконечный
Звуками труб и форминг; Ахиллес возлежит на носилках
В блеске доспехов своих – они вокруг носилок лежали.
Войск ахеян цари прошли мимо самого ложа,
440 Конники спешились, кони же их шагали рядами
Перед царями аргивян – и даже Ахилловы кони
Шли с ними вместе, но с шей их уже украшения сняли.

Кони влекли колесницу – на ней золотая стояла
Амфора – кости Патрокла и с ним Антилоха в ней были.
445 В ней же хотели ахейцы и прах упокоить Пелида.
За колесницей мужи-мирмидоняне в черных одеждах
Шли без щитов и доспехов, власы свои пеплом посыпав,
Пленницы жены, что взяты под Троей ахейцами были,
Шли за носилками, а Гипподамия, Брисова дочь,
450 Горько рыдала, хоть пленной была она, с бою добытой.
Вот и дошла до костра процессия с телом Ахилла,
Тут помещают ахейцы в костер товарища тело,
Тотчас Нереевы дщери в нахлынувшем вале огромном
Вышли из моря, и страшно пучина при этом взревела.
455 Страхом герои ахейцы объялись при зрелище этом,
Каждому мысль приходила невольно, что сам черновласый
Недр Колебатель с своей колесницей, с конями на землю
Бурный, нахлынул теперь, – и все были к бегству готовы,
Но успокоил их Нестор Нелид, удержал от побега.
460 Вместе с Фетидой пришли Нерейды оплакать Пелида
К мысу Сигею, а после в пучину опять погрузились.
Тут у героев у всех одежды, что их покрывали,
Стали божественный запах струить – знак богинь появенья.
Тело Ахилла Пелида огонь истребляет железный,
465 Кости же лучшие мужи аргивян тогда помещают
Вместе с Патроклом и мощным душой Антилохом,
И на Сигее золотой сей фиал погребают, а сверху
Мощный курган насыпают, где знак был могилы Патрокла.
Слушайте, я расскажу, каков Ахиллес был по виду.
470 Рослый, сложен превосходно, исполненный прелести всякой,
Светловолос, белокож, с кудрявой, густой шевелюрой,
Речи медовые, нос крупноватый, глаза, как у девы,
Взоры живые, а бег и движенья легки и проворны,
Длинные ноги, большие ступни, борода – не густая,

- 475 А у Патрокла густая была борода, возраст средний,
Полный живот, красноватая кожа и облик заметный.
Младше ахеян других Антилох молодой был годами,
Складный, с красивою шеей, нос крупный и белая кожа,
Очи живые, проворные ноги, он юн был и нежен,
480 Пышные светлые кудри, блестящие, яркие взоры.
Вот совершили обряд погребенья мужи-панахейцы.
Тут же выносят доспехи Ахилла – возьмет их сильнейший.
Вышли тогда состязаться за них Аякс с Одиссеем,
Тут и оракул свершили, что зло предвещал Илиону.
485 Так порешили данайцы – да будут судить об оружьи
Чада троян, коих в плен в бою захватили ахейцы,
И присудили они Лаэртиду доспех вожделенный,
Так рассудив, что Аякс – для троянцев беда и погибель.
Тяжко Аякс опечалился из-за доспехов Ахилла,
490 В лагерь вернулся и, медный душою, себя порешил он.
Так и погиб – и на бреге Ретейском его схоронили.
Ныне послушайте, я опишу вам наружность героя.
Был он огромный и складный, и с носом красивым,
Темная кожа, кудрявый, глаза его грозно сверкали,
495 Всех он красой превзошел, одному уступая Пелиду.
Третий лишь день наступил по кончине Пелеева сына,
И погребли тут Аякса отважные чада ахеян.
Тою порой Поликсена, Приама прекрасная дочь,
Дом и родителей милых ночью порой покидает,
500 С плачем кидается горьким, припав к Ахиллеса могиле,
И остается навек со своим женихом благородным,
Сон золотой ее взял на ложе ее добровольном.
Флавий о том говорит, – Эврипид же иначе вещает.
Ныне узнай, какова же собою была Поликсена:
505 Очи большие, высокая, белая, с длинною шеей,
С маленькой ножкой, а губы – цветов лепестки, белокожа,

- Грудь хороша, – восемнадцать ей было, цветущие лета.
Словом, она умерла, или так, или эдак погибла.
Вот как погибли Аякс с Ахиллесом, Эаковы внуки,
510 Оба – великий оплот для ахейян в сраженьях кровавых.
Тут обратились ахейцы к оракулам – те возвестили:
Будет у них под копьем широкодорожная Троя,
Если сумеют из Трои добыть изваянье Паллады.
Ночью тогда Одиссей и воинственный отпрыск Тидея
515 В Трою идут и приносят его, у Антенора взявши, –
Другом ахейцам он был, а жена его – жрицей богини.
Так что, казалось, данаи теперь Илион завоюют.
Но прибывает на помощь троянам потомок Телефа,
Мощный душой Эврипил, мессиец, прекрасный владыка.
520 Он из ахейян премногих убил, – и в числе их героя
Лекаря, сына Асклепия, доблестного Махаона.
Так повествует и Квинт. Орфей же поет по-иному.
Но на подмогу ахейцам со Скироса острова прибыл
Неоптолем боговидный – и радостью наполнилось войско.
525 Стоит послушать теперь, какова была отрока внешность.
Огненно-рыжим он был – и Пирром-огнем прозывался,
Статный, глаза сероваты, изящный, с молочной кожей,
С носом прямым и плечистый, отважный, с кудрявой главою,
Мощный, стремительный, злой, имущий свирепую душу,
530 Мягкий пушок одевал его щеки прелестным покровом.
Был он отправлен Фетидой в отмщенье за кровь Ахиллеса.
Впрочем, поют, что за ним Одиссей отправлялся на Скирос,
По предсказанью иль сам то придумал, нуждою теснимый,
В стане ахейском златые доспехи отца ему отдал.
535 Сын на могиле отцовой свершил священные действия,
Волосы срезал свои и отцу посвятил светлый локон,
Также туда возложил и власы, что из дома доставил:

- То Деидамии-матери локон и дедовы пряди.
Должное все совершил и жертвы принес, и поплакал.
540 После его в шатре у себя задержал Агамемнон,
Выдал подарки и после отправил в палатку Ахилла.
Тут Брисеида ему показала отца достоянье,
С радостью в сердце его приняла, как на сына смотрела,
Он же как мать ее почитал и с собою оставил.
545 После того, как подвижные члены его отдохнули,
Неоптолем облачился в отца золотые доспехи,
Встал на его колесницу и с Автомедонтом надежным
Выехал, словно Арес, облаченный в доспехи из меди.
Следом, построившись, шли ахеяне и мирмидонцы.
550 Первым погнал на троян колесницу и коней отцовых,
Те задрожали, увидев его, онеменье взяло их,
Думали, видят опять исполина Пелида троянцы,
Сзади разили врагов мирмидонцы и вои ахеян.
Неоптолем убивает мисийцев вождя, Меланиппа,
555 Славного мужа, – он сын был Гелора, рожденного Истром.
После – и Алкидаманта убил, – он ему был племянник,
После убил Телефида, могучего сына Гиеры,
Он был мидийцев царем и этим гордился немало.
- 560 Так это было: узрел Телефид, герой безрассудный,
Что погибают товарищи-друзи и, смелый душою,
Неоптолемову вышел навстречу копьё – и немедля
Сын Ахиллеса пронзает ему его дерзкое сердце.
В грудь многожильную мужа копьём исполинским уметив.
565 Так и погиб Телефид, а войско его побежало.
Много мисийских владык погибло от сына Ахилла,
Все же другие рассыпались вмиг, словно пыль, что взлетает
При дуновеньи Тифона, вот так и они разметались.
Как увидали трояне, что страшное дело вершится,

- 570 После предания мертвых огню, заперлись за стенами.
Тут средь аргивского войска Гелен-прорицатель явился,
То ли его Одиссей связал и данаям доставил,
То ли по воле своей он пришел, как Орфей сообщает
То предсказанье железного камня, что глас человечесий
- 575 Мог издавать и Гелену предрек ожидавшее Трою.
Рек он, что с Лемна должны привезти Филоктетову силу
И поскорей из Элиды и Пелопса кости доставить, –
Только тогда суждено Илион ахейцам разрушить.
Вот что Гелен-прорицатель вещал, и ему покорились.
- 580 Тотчас явился герой Поантид, покинувший Лемнос,
Был он огромен и смуга, и брови срослись над очами,
Лук смертоносный при нем, на ноге изъязвленная рана,
Но Махаон его камнем змеиным вполне исцеляет.
Правда, у Квинта поется, что врач был убит Эврипилом.
- 585 Тотчас тогда Филоктет, бесстрашный отпрыск Поанта,
В бой вызывает того из троян, кто луком владеет,
Дабы стрелялся он с ним – и судьба Злопариса толкает.
Вышел по глупости он и противостал Филоктету.
Тут же пускает стрелу Злопарис – но мимо героя,
- 590 Тот же тогда и свою в ответ выпускает немедля,
Выстрелом первым ему попадает он в левую руку,
В глаз попадает вторая стрела – и глаз выпадает,
Плачет Парис, но и третья стрела не напрасно летела,
Прямо в лодыжку Парису, и там она крепко засела.
- 595 Подняли мужи-трояне Париса, а ночью он умер.
Смерть вместе с ним приняла из любви и бывая супруга,
Квинт говорит – на костре, Ликофон – со стен устремившись,
Диктис за лучшее счел сообщить, что она удавилась,
Словом, погибла она, умертвив себя так или эдак.
- 600 Стал Деифоб супругом Елены, Тиндаровой дщери,
То ли силком ее взял, то ли взял по приказу Приама.

Все же конца воеванью покуда не зрели ахейцы.
Тут посылают они Одиссея пойти на разведку,
С ним Диомед, – и они затесались в толпы троянцев.
605 Те свои жертвы свершали, но огонь не горел их священный,
Мясо же коз и быков с алтарей упало на землю.
Поняли тут илионцы значение знаков зловещих,
Тотчас Антенора шлют как посла к аргивянам в лагерь,
Чтоб возвестил он Атридам и славному войску данаев,
610 Пусть забирают Елену Аргивскую с выкупом многим,
И прекратят воевать – довольно мучений троянцам!
Так возвещает Антенор, – и это ахейцам по сердцу.
Но Диомед с Одиссеем, вернувшись, сему помешали,
Все рассказав, что видали, в троянцев толпу замешавшись,
615 Так что посольство Антенора все же ни с чем удалилось.
Оба лазутчика Троию разрушить самим призывали.
Точно не ведаю я, как был Одиссей на разведке
В Трое задержан – в ту ночь это было иль, может быть, позже, –
Но задержала Гекуба его, но затем отпустила.
620 Вот и меня Исаака коварная, злая супруга
Мучила страшно, творя много блага свои прокаженным,
Ибо они подольститься всегда к ней умели прекрасно,
Я же не слушал ее – это было намного полезней,
Память о муках моих не давала мне выяснить толком,
625 Точно, – когда Одиссея трояне во граде схватили,
Знаю наверное я лишь одно и сие сообщаю,
То, что сей муж был коварен и множество козней наделал,
Но, хоть и трус был в душе, но алкал он войны продолженья.
Стало быть, в Троию послов от себя отослали ахейцы,
630 И Одиссей криводушный, замыслив погибель для Трои,
Выдумал: надо построить из дерева лошадь большую.
Тотчас тогда Эпей, Эакид всеумелый, вещает:

«Это уж дело мое, а вы древесину ташите!»
Так этот муж говорил, и все принялись за дело –
635 Вот натащили ему древесины, какой было надо,
Тут он коня сотворил при споспешестве божеских дланей,
Златом его расцветил, серебром, все, как надо, приделал,
В очи ему поместил блестящие чудные камни,
Чрево просторное сделал – и многих то чрево вмещало.
640 Дверь прорубил потайную, к ногам же приделал колеса.
После того, как великое дело Ареса он сделал,
Внутри двадцать три человека вошли, превосходные вои –
Неоптолем с Диомедом, затем Менелай с Кианишпом,
Идомений и Аякс, Оидея отважный потомок,
645 Тевкр и Калхас, Фрасимед, порожденный Нелидом почтенным,
Также Эвмел, Леонтей, Эврипилова мощная сила,
Демофоонт с Акамантом, Антикл, что в коне же скончался,
Мегес и с ним Пенелей, Антифат вместе с Ифидамасом,
Эвридамас и Амфидамас отправились с ними,
650 Также Эпей и сам Одиссей, многохитрый и умный.
Вкратце теперь опишу я, пожалуй, наружность Атридов,
А уж потом изложу все, как было, и прочих, идя по порядку.
Сам Агамемнон державный, мужей повелитель верховный,
Был черновлас, белотел, с бороною, широкий и крупный,
655 Благовоспитан, во всем благороден – подобен блаженным.
Братец его – невысок, но широк и плечами, и телом,
С кожей румяной, с густой бородой, белокуро кудрявый –
Нестор – огромен, с глазами блестящими, с носом отвисшим,
Седоволосый, лицом красноватый, глазастый и умный.
660 Идомений – чернокожий, подвижный, в летах уже средних,
С носом прямым, бородатый, с короткой кудрявой прической.
Был Мерион низкорослым, широким, прекраснокудрявым,
С носом кривым, белокожий, лобастый, с густой бородою.
Локрский Аякс косоглаз, темнокожий и роста большого,

- 665 Очи большие, и пышно вились его черные кудри.
Ростом Калхас невелик, белокожий, изящный, кудрявый
(Кудри его поседали) и с белой, седой бородою.
Телом Тидид был квадратный, курносый, сложением строен,
С длиною шеей, а щеки покрыты брадой рыжеватой.
- 670 Тот, кто коня сотворил деревянного, был белокожим,
Юным, приятным и рослым – его называли Эпеем.
Был Одиссей в летах уже средних, с брюшком, белотельый,
Нос его длинный свисал, сероглазый, с простою прической –
Самым последним вошел он во чрево коня – за собою
- 675 Двери надежно закрыл – и блюл это страшное дело.
Вот и засели в засаду несчастные мужи, тревожась,
Все ж остальные герои тогда поджигают стоянку,
Все истребляя огнем свои и шатры. и палатки.
Тотчас, на весла налегши, как будто бы брег покидают,
- 680 На Тенедос отправляясь – на берегу Синон остался –
Гольий, а тело его самодельные раны покрыли.
Это ему поручили ахейцы все дело доделать –
И на рассвете ахейцы закончили хитрое дело,
Ибо, едва в небесах появилась светящая Эос,
- 685 Вышли из града трояне и дивному делу дивились,
Вышли на место, где прежде стоянка аргивян лежала,
Остолбенело глядят и понять ничего не способны.
Тут подбегает неверный Синон, истекающий кровью –
Старец Приам спросил его слезно, откуда и кто он,
- 690 Тот криводушную речь обращает к Приаму, коварно:
«Я из Данаев – и это они меня так излупили,
Как Паламеда, считая меня приспешником вашим.
Конь деревянный вот этот – Афине назначен в подарок,
Ибо сказали они, что последний ваш день недалеко,
- 695 Если не в храме Афины, а здесь этот конь и пребудет».
Рек. И Приам приказал ему дать дорогие одежды.

В город трояне коня-исполина скорей потащили,
Глупые, сами не зная, что гибель свою ускоряют.
Всюду безумолчно и громко взыграли кифары и трубы,
700 Трифиодор же, не зная, когда завоевана Троя,
Вместе с другими считал, что в этом и я заблуждаюсь,
Из-за чего Исаак меня оскорблял и бесчестил –
Трифиодор говорит, что коня украшают цветами
С луга речного – а дело-то было зимой, это точно.
705 То сам Орфей мне сказал, услышав от мужа другого,
Дабы неверного слова вовек никому не промолвить –
Так я и буду вещать и все по порядку закончу.
Как увидела Кассандра, что в Трою коня они тащат –
Громко троянам кричать она стала, чтоб жгли поскорее,
710 Чтоб изрубили скорее они это страшное дело.
Громко вопила она, и отец ее запер на башне,
Словно безумную – дочь же упала и горько рыдала.
Лаокоон был один, кто ударил копьем эту лошадь –
Сына его растерзали тотчас же драконовы зубы.
715 К вечеру конь был введен и поставлен во храме Афины.
Тут совершили трояне на всех алтарях гекатомбы.
Сразу по граду всему кратеры наполнились смертью,
Вакх, отягчающий члены, гремел, Энио ликовала.
Всех, наконец, покорила божественный сон беспробудный.
720 Ночи прошла половина – луна воссияла преярко –
Тут сигнальный огонь Синон для своих зажигает –
Те, налегая на весла, плывут поскорей, что есть силы,
Быстро подходят и все высыпают поспешно на берег.
Тут поднимаются вопли и стоны людей убиенных,
725 Женские крики, мужские, визжанье детей малолетних,
Их настигают за чашей услады, на ложах покоя,
Медные ветры вздымают валы на море кровавом,
Плещут кровавые волны, Арес в них вершит омовенье.

- Тут Атрид Менелай, и с ним отборные вой,
730 В дом Деифоба ворвавшись, его самого убивает
И забирает Елену – стенает, вопит Тиндарида.
Неоптолем Эакид умервщляет Приама жестоко
При алтаре святом самого Оградного Зевса,
Гектора малых детей со стены Одиссей низвергает,
735 И похищает Кассандру Аякс из храма Афины,
А Лаодику земля поглощает, разверзшись пред нею.
Старец Анхиз и Эней убежали в Авзонию, скрылись,
Давши начало затем Латинян могучему роду.
Мало кому из троян уцелеть удалось от данаев.
740 Прочие встретили смерть, достигнуты Участью общей.
Только семье Антенора была от аргивян пощада
В память о том, что сей муж оказывал гостеприимство,
Знаком же пардова шкура служила, прибитая к двери.
Вот и свершили аргивяне долгое дело Арея,
745 Золото и серебро, а также богатства троянцев,
Равно как пленниц-троянок, тогда поделили ахейцы,
После погибшим своим принесли оно жертвы на берегу,
И поднялись на свои корабли, что быстро летают,
И повлеклись по волнам, на родину путь направляя.
750 Как возвращались они – Стесихор в «Возвращеньи» поведал,
Кто среди моря погиб, а кто отнесен был далеко,
Кто же приплыл наконец ко берегу любимой отчизны –
Все этот муж изложил, и о том мой язык не расскажет.
Волею злой Исаака с его многоподлой супругой
755 Я ослаб, не имея и хлеба – и боле не в силах
Песенный труд продолжать – без того сокрушенный душою.
Пусть же об этом расскажет какой-нибудь муж здравоумный –
Так же, как я, что сумел, поведал, пока было силы.
Вы же, о милые чада, в счастливом рождении дома,

- 760 Место другое найдите, где вам о возвратах расскажут.
Я же одно сообщу: до меты свою музу пустивши –
Именно срок, в каковой ахейцы разрушили Троию,
Город троянский погиб – до первой же Олимпиады
Круга великого счетом четыреста лет пробежало
- 765 Да двадцать восемь еще – Диодор Сицилийский
Нам сообщает в «Историях», им сочиненных –
Я полагаю, что счет он ведет по годам великим.
Также скажу, что за месяц то был и час препечальный
Года того рокового, что гибель принес Илиону.
- 770 День был двенадцатый, месяц – Таргелион – этот же месяц
Также Лонгином был назван иначе – Эонарионом,
Мужи же прочие все Януарий зовут этот месяц.
Ночи была середина, луна же сияла преярко –
Девичий путь освещая средь самых великих созвездий,
- 775 Солнце клоня к Козерогу, поблизости к Кронову дому.
Жрицей была Каллисто тогда в знаменитых Афинах,
В сей злополучнейший год роковой – и в эту вот пору,
В эту вот ночь, как о том сообщает лесбосский Геланик,
Трою панэлины взяли – и Дурис с ним в этом согласен, –
- 780 После пошли по домам – и возврат ожидал их печальный.

ДАРЕС ФРИГИЙСКИЙ
ПОВЕСТЬ О РАЗРУШЕНИИ ТРОИ

1. У царя Пелия был брат Эзон. Сыном Эзона был Язон, юноша доблестный, и все подданные царя с ним дружили и очень его любили. Пелий, видя, как все относятся к Язону, стал опасаться, как бы ему от сего не пострадать и власти не лишиться. И вот он говорит Язону, что у колхов есть золотая шкура барана, достойная его доблести, и обещает дать ему все, что угодно, если он ее оттуда привезет. Язон на это ответил царю Пелию, что поедет туда охотно – были бы только средства и сотоварищи, – ведь ему, человеку храбрейшей души, хотелось все на свете повидать, и к тому же была надежда особенно прославиться, привезя из Колхиды золотое руно. Царь Пелий призвал строителя Арга и повелел ему построить наилучший корабль, какой только Язон пожелает. По всей Греции разнеслась весть, что сооружается корабль, на котором Язон собирается к колхам за золотым руном. Друзья и товарищи собрались к Язону и дали обещание отправиться вместе с ним. Язон поблагодарил их и попросил быть готовыми к сроку. Пока строился корабль и приближалось подходящее время года, Язон отправил письма тем, кто пообещал с ним пойти, и они все собрались к кораблю, имя которого было – Арго. Царь Пелий велел погрузить на него все, что нужно, ободряя Язона и его спутников смело идти на свершение задуманного. Казалось, это принесет славу и Греции, и самим героям. Перечислять всех, кто отправился вместе с Язоном, мне кажется, не наша задача – желающий о них узнать, пусть читает «Аргонавтику».

2. Когда Язон прибыл во Фригию, он подвел корабль к пристани Симоента, и все сошли на сушу. Царю Лаомедонту было сообщено, что в гавань Симоента вошел удивительный корабль, а на нем прибыло из Греции много юношей. Услышал об этом царь Лаомедонт и разволновался – он сообразил, что если греки на своих кораблях заведут обычай приставать к его берегам, это будет опасно для всего его государства. Он послал в гавань сказать грекам, чтобы они удалились из его страны, а не то, если они ослушаются приказа, он выбросит их от-

сюда силой оружия. Язон и все, кто прибыли с ним вместе, с трудом снесли суровость Лаомедонта – вот как он с ними обходится, хотя они ему ничего плохого не сделали. В то же время варваров было много, и это внушало опасение, как бы не понести поражение, если попробовать остаться вопреки приказу – ведь сами-то они не были готовы вести бой. Стало быть, они взошли на корабль и отплыли от этой земли, добрались до Колхиды, забрали руно и вернулись домой.

3. Геркулес очень негодовал на оскорбительное обхождение царя Лаомедонта с ним и со всеми, кто вместе с Язоном отправился в Колхиду. Он пришел в Спарту к Поллуксу и Кастору и стал их уговаривать вместе отомстить за обиду, чтобы Лаомедонту не сошло с рук то, что он выгнал их из гавани и из своей страны. Многие, говорил он, придут на подмогу, если они, Кастор и Поллукс, выступят. Те же, со своей стороны, обещали сделать все, что хочет Геркулес. Далее он отправился на Саламин к Теламону и просил пойти с ним под Трою мстить за обиды, нанесенные ему и его близким. Теламон обещал быть готовым на все, что захочет предпринять Геркулес. Отсюда он отправился во Фтию к Пелею и позвал с собой под Трою – Пелей обещал пойти. Дальше – в Пилос к Нестору пришел Геракл, и спросил его Нестор, зачем он явился. Сказал Геркулес, что обида побуждает его вести войско во Фригию. Нестор выразил одобрение и пообещал свою помощь. Когда Геркулес уяснил общее настроение, он снарядил корабли и набрал войско. Когда был назначен срок выступления, он послал ко всем, с кем договаривался, письма, с тем чтобы они со всеми своими силами прибыли, и когда все собрались, двинулись во Фригию и ночной порой прибыли в Сигею. Оттуда Геркулес, Теламон и Пелей повели войско, а Кастор, Поллукс и Нестор остались при кораблях для охраны. Когда царю Лаомедонту сообщили, что греческий флот пристал к Сигею, он сам тоже двинулся к морю с конным войском, и началось сражение. Геракл пришел к Илиону и стал теснить тех, кто был в городе, застав их врасплох.

Когда Лаомедонту сообщили, что Илион успешно атакуют враги, он повернул туда, но по дороге попался навстречу грекам и был убит Геркулесом. Теламон первым вступил в город Илион, и ему за его доблесть Геркулес дал в награду дочь царя Лаомедонта Гесиону. Все, кто был с Лаомедонтом, были убиты, а Приам находился во Фригии, куда его послал отец во главе войска. Геракл и его сподвижники захватили большую добычу и оттащили ее к кораблям. Затем они решили отправиться по домам, а Теламон увез с собой Гесиону.

4. Когда до Приама дошло известие, что его отец убит, граждане ограблены, добыча увезена, а сестра его Гесиона отдана в подарок, он пришел в негодование от такого произвола греков. Он отправился в Илион, а с ним супруга его Гекуба и дети – Гектор, Александр, Деифоб, Гелен, Троил, Андромаха, Кассандра и Поликсена, у Приама были еще и другие дети, рожденные от наложниц, но к царскому роду не относят никого, кто не рожден законными женами.

В Илионе Приам соорудил более мощные стены и сделал город укрепленной твердыней. И войско он там держал многочисленное, чтобы его по неопытности не застали врасплох, как это было с его отцом Лаомедонтом. Еще он возвел царский дворец и в нем посвятил Юпитеру статую и алтарь. Он отправил Гектора в Пеонию, а в Илионе выстроил ворота, которые назывались так: Антеноровы, Дардановы, Илионские, Скейские, Тимбрейские, Троянские. И вот, убедившись, что Илион укреплен, Приам стал выжидать удобного момента. Когда же он счел, что уже настало время отомстить за его отца, он велит позвать Антенора и сообщает ему, что желает послать его послом в Грецию вот с чем: ему нанесены тяжкие оскорбления теми, кто явились с войском, убит отец Лаомедонт и увезена Гесиона. Со всем этим он примирится, если ему вернут Гесиону.

5. Антенор по приказу Приама поднимается на корабль и отправляется в Магнезию к Пелею, который три дня угощает его, принимает

как гостя, а на четвертый день спрашивает, зачем он пришел. Антенор говорит то, что было велено Приамом, то есть требует, чтобы греки вернули Гесиону. Пелей на это очень вознегодовал и, считая себя задетым, требует, чтобы Антенор удалился из его земель. Антенор, несколько не мешкая, всходит на корабль и держит путь теперь вдоль Беотии, подъезжает к Саламину и, явившись к Теламону, просит его вернуть Приаму его сестру Гесиону – ведь не годится держать в рабстве девушку царского рода. Теламон отвечает Антенору, что он Приаму ничего плохого не сделал, но награду, полученную за доблесть, он никому не отдаст и велит Антенору с его острова уйти.

Антенор восходит на корабль и прибывает в Ахайю. Там, когда его проводили к Кастору и Поллуксу, он принимается требовать от них, чтобы Приама удовлетворили и вернули ему сестру Гесиону. Кастор и Поллукс отрицают, что Приаму нанесено оскорбление, и велют Антенору удалиться. Отсюда он прибывает в Пилос к Нестору и сообщает ему, зачем явился, а тот, как услышал это, принялся бранить Антенора за то, что он посмел явиться в Грецию, когда греки первыми потерпели обиду от фригийцев.

Видит Антенор, что ничего не добился, только все его оскорбляют, сел он на корабль и вернулся домой. Рассказал он по порядку Приаму, как ему кто ответил и какое встретил обхождение и тем самым побудил Приама к тому, чтобы тот стал преследовать их войной.

6. Приам сразу же приказывает созвать сыновей, всех своих друзей – Антенора, Анхиза, Энея, Укалегонта, Буколиоса, Панфа, Лампона, а также всех своих сыновей, рожденных от наложниц. Когда все собрались, он рассказал им, как он послал Антенора послом в Грецию, чтобы греки дали ему удовлетворение за убийство отца и вернули Гесиону, они же оскорбительно обошлись с Антенором, и он ничего от них не добился. Но раз греки отказались выполнить

его волю, то следует в Грецию послать войско и их покарать, чтобы они впредь не делали из варваров посмешище. Приам призвал возглавить этот поход своих детей, особенно Гектора, самого старшего. Гектор стал говорить, что исполнит волю родителя и отомстит за убийство деда своего Лаомедонта и за все обиды троянцев, чтобы они не сошли грекам безнаказанно. Однако, сказал он, у него есть опасения, что это невыполнимо, потому что у греков найдется много помощников – ведь в Европе полно воинственных людей, а вот Азия всегда живет в бездействии и поэтому даже не имеет флота.

7. Александр стал всех убеждать, что если снарядить флот и послать его в Грецию с ним во главе, то – будь только на то воля отца – он вернется домой с победой и со славой, а в благосклонности богов он уверен. Ведь в лесу на Иде, куда он ходил охотиться, ему приснился сон, будто Меркурий привел к нему Юнону, Венеру и Минерву, чтобы он разрешил спор об их красоте. Венера пообещала ему, что если он присудит победу ей, она даст ему в жены ту, кто в Греции считается самой знаменитой красавицей; и он, как только это услышал, признал Венеру самой красивой. Тут у Приама возникла надежда, что Венера будет помощницей Александру.

Деифоб выразил одобрение замыслу Александра и сказал, что, возможно, если послать в Грецию флот, как было предложено, то греки вернут Гесиону и дадут удовлетворение.

Гелен же начал прорицать приход греков, разрушение Илиона, гибель от вражеской руки отца и братьев, если Александр привезет из Греции жену.

Троил, самый младший, но такой же храбрый, как Гектор, убеждал воевать и не бояться страшных слов Гелена.

Таким образом, все решили, что нужно готовить флот и плыть в Грецию.

8. Приам послал в Пеонию Александра и Деифоба, чтобы они набрали воинов. Сам же велел собрать народ на собрание и напомнил сыновьям, что младшие подчиняются старшим.

На собрании он по порядку рассказывает, как послал Антенора с посольством в Грецию, чтобы вернуть сестру Гесиону и получить для троянцев удовлетворение, как греки оскорбительно обошлись с Антенором, а он ничего от них не добился. Приам также сказал, что ему угодно послать с флотом в Грецию Александра, чтобы тот отомстил за своего деда и за обиды троянцев.

Приам повелел Антенору рассказать всем, как с ним обошлись в Греции, и тот убедил троянцев преодолеть страх и вселил в них бодрость идти воевать в Грецию; рассказал он вкратце и о том, что там делал.

Приам сказал, что всякий, кто против решения воевать, может высказать свое мнение. Тут Панф сообщил Приаму и всем соплеменникам то, что он слышал от своего отца Эвфорба: что если Александр привезет из Греции жену, троянцев постигнет гибель, и, по его мнению, лучше уж на покое проводить жизнь, нежели в тревоге и волнениях потерять свободу. Народ оставил без внимания слова Панфа и выразил волю, чтобы царь сказал, что он хочет делать. Приам ответил, что нужно построить суда для похода на Грецию, а в военном снаряжении недостатка в Трое нет. Народ громогласно заявил, что при выполнении приказа царя за ними дело не станет. Приам всех от души поблагодарил и распустил собрание. Он тут же послал людей в лес на Иду, чтобы рубили деревья для постройки кораблей, а Гектора отправили в верхнюю Фригию набрать войско.

А Кассандра, когда узнала замысел отца, стала говорить, что ждет в будущем троянцев, если Приам будет упорствовать в своем решении послать флот в Грецию.

9. И вот настало время, когда корабли были построены и прибыли воины, которых набрали в Пеонии Александр и Деифоб. Когда стало ясно, что можно отплывать, Приам напутствует войско, назначает его командующим Александра, а с ним шлет также Деифоба, Энея и Полидаманта. Александру он приказывает направиться прежде всего в Спарту, встретиться с Кастором и Поллуксом и потребовать от них удовлетворения троянцам и выдачи сестры Гесионы. Если будет отказ, то Александр должен немедленно послать к нему вестника, чтобы Приам мог двинуть в Грецию войско.

После этого Александр отплыл в Грецию, причем корабль вел тот же кормчий, что плавал с Антенором.

Незадолго до прибытия Александра в Грецию, но еще до его остановки на Кифере, ему повстречался Менелай, направляющийся в Пилос к Нестору – он подивился, куда это держит путь царский флот. Встретившись, они обменялись взглядами, оба не зная, куда плывет другой.

А Кастор и Поллукс отправились к Клитемнестре, захватив с собой свою племянницу Гермиону, дочку Елены, поскольку в Аргосе был праздник Юноны в те дни, когда Александр прибыл на Киферу – на этом острове было святилище Венеры. Он принес жертву Диане.

Жители острова подивились царскому флоту и спрашивали у тех, кто прибыл с Александром, кто они и зачем явились. Те отвечали, что Приам послал Александра послом к Кастору и Поллуксу для переговоров.

10. Пока Александр пребывал на Кифере, Елене, супруге Менелая, вздумалось туда отправиться. Вот почему она и появилась у берегов острова. Есть у моря город Гелея со святилищами Дианы и Аполлона, и Елена давно собиралась совершить там обряды. Когда Александру сообщили, что на берегу появилась Елена, он, страстно желая ее увидеть, стал прогуливаться у нее на виду, прекрасно зная, как он красив. Елене тоже сообщили, что сын царя Приама Александр прибыл в Гелею – город, где она сама находилась, – и ей тоже очень захотелось его увидеть. И как только они друг на друга взглянули, то оба, взаимно воспламененные своей красотой, впали в соблазн.

Александр приказал всем на судах быть в полной готовности отплыть ночью, когда он похитит Елену из святилища, чтобы увезти ее с собой. По условному знаку они врываются в святилище, хватают (не против воли) Елену, переносят ее на корабль, а с ней прихватывают как добычу и нескольких женщин. Когда горожане увидели, что Елену похитили, они долго сражались с Александром, чтобы не дать ее увезти. С помощью многочисленных соратников Александр их разбил, разграбил святилище, многих захватил в плен, погрузил на корабли, отчалил и решил вернуться домой. По дороге он зашел в порт Тенедос, грустную Елену утешил ласковыми речами и послал отцу весть о своем подвиге.

Когда Менелая обо всем сообщили в Пилос, он с Нестором отправился в Спарту и попросил приехать своего брата Агамемнона.

11. Тем временем Александр с большой добычей вернулся к отцу и рассказал ему по порядку про свой подвиг. Обрадовался Приам, потому что теперь он надеялся, что греки ради освобождения Елены вернут его сестру Гесиону и все, что они похитили у троянцев. Он ободрил грустившую Елену и дал ее в жены Александру. Когда Кассандра увидела Елену, она начала пророчествовать, вспоминая свои

прежние предсказания, но Приам приказал ее увести прочь и посадить под замок.

Агамемнон прибыл в Спарту, успокоил брата и принял решение послать по всей Греции гонцов, которые бы созвали греков, а троянцам объявить войну.

И вот собрались Ахилл с Патроклом, Эвриал, Тлеполом, Диомед. Они прибыли в Спарту и решили преследовать троянцев за оскорбления – снарядить войско и флот, а вождем и полководцем поставить Агамемнона. Они разослали гонцов, чтобы вся Греция с войском и флотом, оснащенными и готовыми к бою, сошлись у порта афинян, а оттуда отправились в Трою мстить за обиды. Кастор и Поллукс, едва узнали о похищении своей сестры Елены, взошли на корабли и бросились в погоню. Когда они отплыли от Лесбоса, поднялась страшнейшая буря, и считается, что они с тех пор так и не появлялись. Впоследствии говорили, что они сделались бессмертными – во всяком случае, жители Лесбоса, отправившиеся на их поиски, вернулись домой, не найдя никаких следов.

12. Дарес Фригиец, который написал эту историю (а сам он участвовал в войне, пока Троя не была взята) говорит, что он видел их во время перемирий, а порой и во время боя. От дарданцев же он слышал, какие были лицом и видом Кастор и Поллукс. Были они очень друг на друга похожи, белокурые, с большими глазами, ясными лицами, статные. Елена была на них похожа, проста в обращении, ласкова, у нее были прекрасные голени, а между бровей – родинка, ротик малюсенький. Приам, царь троянцев, был величествен – прекрасное лицо, приятный голос, орлиная осанка. Гектор – шепелявил, у него была белая кожа, вьющиеся волосы, он косил, был очень ловок, лицом внушительен, носил бороду и он был изящен, воинствен, великодушен, милостив к согражданам, достоин любви и сдержан. Деифоб и Гелен,

похожие на отца, были совсем разные по характеру: Деифоб – храбреец, а Гелен – тихий ученый и прорицатель. Троилен был величествен, необыкновенно красив, для своих лет очень силен, храбр и жадно стремился к доблести.

Александр был блистательно красив, высок, отважен, у него были прекрасные глаза, мягкие белокурые волосы, обаятельное лицо, приятный голос, он был стремителен и жаден до власти.

Эней был рыжеволос, коренаст, красноречив, приветлив, храбр, но не безрассудно, благочестив, любезен; у него были черные глаза, блестящие и веселые.

Антенор ростом был высок, строен, подвижен, увертлив и осмотрителен.

Гекуба была статью – орлица, крупная, красивая женщина с мужским умом, справедливая и благочестивая. Андромаха – ясноглазая, с ослепительной кожей, рослая и красивая, она была скромна, разумна, стыдлива и ласкова. Кассандра была среднего роста, круглолицая, рыжеватая, глаза ее сверкали – она предсказывала будущее. Поликсена – белокожая, высокая, красивая, у нее были длинная шея, прелестные глаза, белокурые волосы, ее прекрасное сложение было несколько удлиненных пропорций – длинные пальцы, прямые голени, прекрасные ноги, она всех превосходила красотой, была проста, щедра и широкой души.

13. Агамемнон был белотелый, крупный, с могучими руками и ногами человек, речистый, осмотрительный, знатный и богатый. Менелай был среднего роста, рыжеволосый, красивый, привлекательный и любезный. Ахилл – широкоплечий, с обаятельным лицом, мощным телом, с пышной гривой красиво вьющихся волос,

Дарес Фригийский

милостивый, в бою неукротимый; у него были веселый взгляд, широкий нрав и каштановые волосы.

Патрокл выделялся превосходным телосложением, он был очень силен, глаза у него были голубые. Это был скромный, умный и наделенный щедрой душой человек.

Аякс, Оилея сын, был коренастый, мощный, с орлиной осанкой, весельчак и храбрец. Аякс же Теламонид был могуч, у него был зычный голос, вьющаяся копна черных волос; душой он был прост, а к врагам беспощаден.

Улисс был крепкого сложения, хитер, у него были живые глаза, роста он был среднего, красноречив и умен.

Диомед был отважен, хорошо сложен, честен, лицо у него было суровое; в бою он был свиреп, шумный, с горячей головой, нетерпеливый и дерзкий.

Нестор был крупный человек с длинным горбатым носом, полный, седой и разумный в советах. Протесилай был блистательного сложения, с честным лицом человек, стремительный, самонадеянный и опрометчивый.

Неоптолем был огромного роста, мужественный, раздражительно-вспыльчивый, картавый, с добрым лицом и горбатым носом, и густыми бровями над круглыми глазами. Паламед, высокий и стройный, был человек наделенный мудростью, великодушием и обаянием. Подалирий – полный, сильный, строгий и серьезный. Махаон был крупного телосложения, энергичный человек, добросовестный, сведущий, терпеливый и исполненный сострадания.

Мерион был среднего роста, рыжеватый, телом округлый; сила из него так и выпирала, он был упрям, жесток и нетерпелив.

Брисеида красива, невысока, с прекрасными белокурыми волосами, правильно сложена; брови у нее были сросшиеся над прелестными глазами; она была ласкова, приветлива, скромна, простодушна и благочестива.

14. Затем в полном оснащении греки со своим флотом сошлись в Афинах. Агамемнон из Микен привел 100 кораблей, Менелай из Спарты – 60 кораблей, Аркесилай и Протенор из Беотии привели 50, Аскалаф и Иалмен из Орхомена – 30, из Фокиды явились Эпистроф и Схедий с 40 кораблями.

Аякс, сын Теламона, привел с Саламина своего брата Тевкра, а из Бупрасиона – Амфимаха, Диора, Тальпия, Поликсена и 40 кораблей. Нестор из Пилоса – 80, Фоас из Этолии – 40, Нирей из Симы – 53, Аякс Оирид из Локр – 37 кораблей, Антиф и Фидипп из Калидия – 30, а Идоменей и Мерион с Крита – 80 кораблей.

Пришел с Итаки Улисс, и с ним 12 кораблей, с Евмелом из Фер – 10, с Протесилаем и Подарком из Филака – 40, а с сыновьями Эскулапа Подалирием и Махаоном из Трикки пришло 32 корабля.

Ахиллес и Патрокл, а с ними и мирмидоняне из Фтии привели 50 кораблей, Тлеподем с Родоса – 9, а Еврипил из Ормения – 40. Антиф и Амфимах из Элиды пришли с 11 кораблями, из Аргисы – 40 кораблей Полипета и Леонтея. Диомед, Эвриал и Сфенел из Аргоса привели 80 кораблей, Филоктет из Милибея – 7, Гуней из Кифа – 21, Протус из Магнезии – 40, Агапенор из Аркадии – тоже 40, а Мнесфей из Афин – 50 кораблей.

Вот кто были вожди греков – всего их было 49, и они привели с собой 1130 кораблей.

15. Когда все прибыли в Афины, Агамемнон зовет всех вождей на совет, выражает им свое одобрение и призывает как можно скорее приступить к отмщению своих обид. Он спрашивает мнение каждого и предлагает прежде, чем выступить в поход, послать в Дельфы вопросить оракул Аполлона, и все с ним соглашаются. Это дело поручают Ахиллу, и они с Патроклом отправляются туда.

Тем временем Приам, узнав, что враги уже готовы к походу, посылает собрать войска по всей Фригии и дома тоже изо всех сил набирает войско.

Ахилл, прибыв в Дельфы, направляется к оракулу, и ответ из святилища был таков: греки победят и на десятый год возьмут Троию. Тогда Ахиллес совершил жертвоприношение, как ему было указано. В Дельфах еще до прибытия Ахилла находился Калхас Фесторид, боговдохновенный прорицатель. Его послали фригийцы принести дары богу Аполлону за свое благополучие. Он хотел получить ответ и о своем царстве, и о собственных делах. Ответ из святилища был такой: он должен отправиться против троянцев с войском и флотом аргивян, помогать им своим искусством прорицания и не уходить оттуда, пока Троя не будет взята.

И вот, придя в храм, Ахилл и Калхас сопоставили ответы божества и с радостью укрепляют свой дружеский союз отношениями гостеприимства, вместе едут в Афины и прибывают на место. Все это Ахилл сообщает на совете. Аргивяне с радостью берут с собой Калхаса и флот отчаливает. Но их задерживают по пути бури, и Калхас, наблюдая полет птиц, дает совет повернуть в Авлиду. Отправились, прибыли. Агамемнон склоняет жертвой Диану и говорит сотоварищам, чтобы они отплывали и держали путь в Троию. Про-

водником им был Филоктет, который уже побывал в Трое с аргонавтами. Далее они пристают к городу, который был под властью Приама, захватывают его и, забрав добычу, отправляются дальше. Они прибывают в Тенедос и всех там истребляют. Агамемнон собрал собрание и разделил добычу.

16. Отсюда они шлют послов к Приаму спросить у него, не хочет ли он вернуть Елену и ту добычу, что забрал Александр. В послы избирают Диомеда с Улиссом, и они отправляются к Приаму.

Пока послы выполняют свое задание, Ахилла с Телефом посылают грабить Мизию. Они приходят к царю Тевфранту и захватывают добычу. Тевфрант с войском спешно приходит, Ахилл обращает войско в бегство, а царя ранит, и его, распростертого на земле, прикрывает своим щитом Телеф, чтобы Ахилл его не прикончил, делая это в память о взаимном гостеприимстве, потому что когда Телеф, ведущий свое происхождение от Геракла, был еще мальчиком, царь Тевфрант оказал ему радушный прием. Говорят, что в ту пору царь Диомед, охотившийся на диких и сильных лошадях, был убит Гераклом, и царство его перешло к Тевфранту – поэтому сын Геракла Телеф пришел ему на помощь.

Тевфрант понимал, что ему не миновать смерти от этой раны, и он, еще живой, отдал свое царство Телефу и назначил его царем.

Потом Телеф устроил Тевфранту пышные похороны, Ахилл посоветовал ему новое царство беречь – гораздо больше будет пользы для войска, сказал он, если Телеф приготовит запасы продовольствия, нежели пойдет под Трою. Поэтому Телеф остается. Ахилл с огромной добычей возвращается в Тенедос, рассказывает о своем подвиге Агамемнону, и Агамемнон его одобряет и хвалит.

17. Между тем к Приаму прибыли послы. Улисс излагает поручение Агамемнона и требует, чтобы Елена и добыча были возвращены, а грекам дано удовлетворение — и тогда они мирно удалятся. Приам же напоминает бесчинство аргонавтов, убийство отца, захват Трои и увоз в рабство сестры Гесионы, и, наконец, то, какое оскорбительное обхождение претерпел от них Антенор, посланный с посольством. Он отказывается от мира, объявляет войну и велит послам убираться из его владений. Послы вернулись в лагерь на Тенедосе и сообщили ответ Приама. Все идет, как было задумано.

18. На подмогу Приаму против греков пришли вожди со своими войсками, и мы полагаем, что следует точно указать их имена и области. Из Зелии прибыли Пандар, Амфий и Адраст, из Колофонии — Мопс, из Фригии — Азий, из Карики — Амфимах и Наст, из Ликии — Сарпедон и Главк. Из Ларисы — Гиппотой и Купес, из Киконии — Евфем, из Фригии — Асканий и Форкис, из Меонии — Антиф и Местлес, из Пафлагонии — Пилемен, из Эфиопии — Перс и Мемнон, из Фракии — Рес и Архилох, из Адрестии — Адраст и Амфий, из Ализонии — Эпистроф и Одий. Над всеми этими вождями и войсками, которые предоставили себя в его распоряжение, Приам поставил главой и предводителем Гектора, и за ним Александра, Троила, Энея и Мемнона.

Пока Агамемнон советовался о том, как все устроить, из Корма прибыл с 30 кораблями Паламед, сын Навплия. Он извинился, что был болен и не смог прибыть в Афины; ему выразили благодарность за то, что он пришел, как только был в силах это сделать, и пригласили быть участником совета.

19. Поскольку аргивяне еще не приняли решения, как подойти к Трое — тайно, ночью или днем, Паламед дает совет и подкрепляет его разъяснением: подойти к Трое днем и отбить вражеский отряд. Все с ним соглашаются. Общим решением Агамемнона назначают

главнокомандующим. В Мизию шлют послами Демофонта и Акаманта, детей Тезея, и Ания, чтобы они обеспечивали подвоз продовольствия для войска.

Затем Агамемнон собирает на собрание войско, восхваляет его, отдает распоряжения, поднимает его дух и настоятельно увещевает, чтобы все были послушны приказам. По условному знаку корабли отчаливают, и весь флот широким фронтом подходит к берегам Трои. Троянцы храбро защищаются. Первым на берег спрыгивает Протесилай, рубит и обращает в бегство врагов. Против него выступает Гектор, убивает его и сминает других. Затем он направляется туда, где троянцы отступают. Когда с обеих сторон шла резня, появился Ахилл. Он обратил все войско в бегство и загнал его в Трою. Ночь прерывает битву. Агамемнон высаживает с кораблей все войско и устраивает лагерь.

На другой день Гектор выводит свое войско из города и строит в боевом порядке. Агамемнон кидается против них со страшным криком. Завязывается жаркий, ожесточенный бой. Храбрейшие падают в первых рядах. Гектор убивает Патрокла и хочет снять с него доспехи, но Мерион уносит его из битвы, чтобы этого не произошло. Гектор догоняет и убивает Мериона. Когда он хочет снять доспехи и с него, на помощь приходит Менесфей и ранит Гектора в бедро, но тот и раненый истребляет много тысяч ахейцев, и он обратил бы их в бегство, если бы против него не вышел Аякс, сын Теламона. Они уже почти сошлись для боя, но тут Гектор узнал, что они с ним одной крови – ведь Аякс был сыном Гесионы, сестры Приама. Тут Гектор велит убрать огонь от кораблей, они обмениваются подарками и расходятся как друзья.

20. На следующий день сыны Греции просят о перемирии. Ахилл оплакивает Патрокла, греки – своих. Агамемнон устраивает вели-

колепные похороны Протесилаю и заботится о погребении остальных. Ахилл дает погребальные игры в честь Патрокла. Пока длится перемирие, Паламед не перестает строить козни против царя Агамемнона – тот якобы недостойн командовать войском.

Перед войском он всячески выставляет свое рвение – прежде всего, свою вылазку, укрепление лагеря, обход стражи, дачу пароля. Это, мол, он первый придумал весы и меры веса, а также устройство войска – именно он, а не Агамемнон, и, значит, несправедливо, чтобы Агамемнон, кому вручило власть меньшинство, командовал им и всеми, кто пришел позже, особенно потому, что от вождей все ожидают природной доблести.

Пока ахейцы ведут между собой борьбу за власть, через два года снова начинается война. Агамемнон, Ахилл, Диомед и Менелай ведут войско. Против них устремляются Гектор, Троил и Эней. Происходит великое побоище, и с обеих сторон падают храбрейшие воины: Гектор сражает Бозта, Аркесилая, Протоенора. Ночь прерывает бой. Агамемнон собирает вождей на совет и убеждает, чтобы все пошли в бой и в первую очередь преследовали Гектора, поскольку он убил некоторых храбрейших вождей.

21. С наступлением утра Гектор, Эней и Александр выводят войско. Выступают и все вожди ахейян. Происходит великая резня. Многие тысячи против воли отправляются в Орк. Менелай начинает преследовать Александра, но Александр оборачивается и стрелой пронзает Менелаю бедро, Менелай же, преодолевая боль, не прекращает преследовать его вместе с Аяксом. Когда Гектор увидел, что они неотступно преследуют его брата, он пришел ему на подмогу вместе с Энеем – Эней прикрыл его щитом и вывел из боя. Ночь прерывает битву.

На следующий день войско выводят в бой Ахилл и Диомед. Против них – Гектор и Эней. Происходит великая резня. Гектором были убиты вожди: Иалмен, Орхомен, Эпистроф, Схедий, Элефенор, Диор и Поликсен. Энеем были сражены Амфимах и Нирей; Ахиллес сразил Евфема, Гипшотоя, Пилея, Астеропея; Диомед убил Антифа и Местлея. Когда Агамемнон увидел, что гибнут храбрейшие войны, он прекратил сражение. Радостные троянцы вернулись в свой лагерь.

Встревоженный Агамемнон созвал вождей на совет и побуждал их сражаться храбро и не прекращать войны: хотя много ахейцев пало, сегодня, как он надеется, подойдет войско из Мизии.

22. На другой день Агамемнон заставил все войско и всех вождей пойти в сражение. Вышли и троянцы. Происходит великая резня. Обе стороны бьются ожесточенно, и те, и другие теряют тысячи воинов, но так сражались они с пылом 80 дней подряд. Когда Агамемнон увидел, что ежедневно гибнут тысячи и без перемирия уже не хватает рук, чтобы хоронить мертвых, он послал к Приаму послами Улисса и Диомеда, чтобы они испросили перемирия сроком на три года, и можно было похоронить своих мертвых, вылечить раненых, починить корабли, собрать войско и подвезти провиант.

Улисс и Диомед ночью пошли к Приаму. Повстречался им Долон, троянец. Он спросил их, зачем они ночью пришли в город в таком вооружении, и они ответили, что их послали с посольством к Приаму.

Когда Приам услышал, что они пришли, и они изложили свое желание, он собрал всех вождей на совет и доложил, что от Агамемнона прибыли послы, чтобы просить перемирия сроком на три года. Гектору показалось подозрительным, что они требуют такой большой срок.

Приам приказал всем высказаться. Все сочли нужным предоставить трехлетнюю передышку. И в это время троянцы сами стали чинить стены, лечить своих раненых и с великими почестями предавать погребению мертвых.

23. Через три года пришло время снова воевать. Гектор и Трои́л вывели троянское войско. Агамемнон, Менелай, Ахилл и Диомед сами вели свое. Происходит великая резня. В первом ряду Гектор убил вождей – Фидиппа и Антифа, Ахилл сразил Ликаона и Форкеса, и с обеих сторон пали многие тысячи простых воинов.

Ожесточенная битва длилась без передышки 30 дней. Приам, видя, что многие из войска пали, послал послов к Агамемнону просить перемирия на 6 месяцев, и, по решению совета, Агамемнон на это согласился.

Пришло время снова воевать. 12 дней длилась жестокая битва. С обеих сторон пало много храбрейших воинов, еще больше тех было ранено, а больше всего было тех, кто умирал во время лечения.

Агамемнон шлет к Приаму послов и требует перемирия на 13 дней для погребения мертвых, Приам, спросив мнения совета, соглашается.

24. И когда снова пришло время сражения, жене Гектора Андромахе снится, что Гектор не должен выходить на бой. Она рассказала свой сон Гектору, но он не обратил внимания на женские речи. Опечалившись, Андромаха посылает к Приаму сказать, чтобы он помешал Гектору в этот день сражаться. Приам посылает в бой Александра, Гелена, Трои́ла и Энея. Гектор, услышав об этом, сильно отчитал Андромаху и велел ей вынести ему оружие – удержать его не было никакой возможности.

Скорбная Андромаха с распущенными волосами клала перед ним сына Астианакса, но так и не смогла его остановить. Тогда она своими воплями и рыданиями поднимает весь город, мчится во дворец к Приаму, рассказывает ему свой сон и говорит, что Гектор хочет устремиться в бой и, положив Приаму на колени своего сына Астианакса, просит отозвать Гектора. Приам велит всем идти в бой, а Гектора оставляет.

Завидев, что Гектора нет на поле брани, Агамемнон, Ахиллес, Диомед и локрский Аякс стали с пылом сражаться и убили многих вождей из числа троянцев. Но Гектор, услышав, что троянцев теснят и им приходится очень тяжело, кинулся в битву. Он тотчас же обезглавил Идоменея, ранил Ифиноя, убил Леонтея, пронзил копьем бедро Сфенелу. Когда Ахилл заметил, что от руки Гектора пало много вождей, то все свое внимание сосредоточил на Гекторе, стараясь встретиться с ним. Ахилл понимал, что если он не убьет Гектора, от его руки падет много греков. А сражение все жарче. Гектор сразил храбрейшего вождя Полипета, и когда стал снимать с него доспехи, его настиг Ахилл.

Еще больше разгорается бой. Все жители города и все войско поднимает крик. Гектор ранит Ахилла в бедро. Ахилл, получив рану, еще яростнее стал его преследовать и не остановился, пока его не убил. Покончив с Гектором, он обратил троянцев в бегство и гнал их, разбитых в этом грандиозном побоище, до городских ворот: там ему дал отпор Мемнон. И снова завязалась жаркая битва, под конец, с потерями с обеих сторон, они разошлись. Ночь прервала битву. Ахилл вышел из нее раненым. Ночью троянцы оплакивали Гектора, а сыны Греции – своих павших.

25. Назавтра Мемнон повел троянцев против греков. Агамемнон собирает войско на сходку и убеждает требовать перемирия на два месяца, чтобы каждая сторона могла похоронить своих павших.

Послы отправляются к Приаму в Трою, придя, сообщают о своем намерении и получают двухмесячное перемирие. Приам, по обычаю своих предков, похоронил Гектора перед городскими воротами и устроил погребальные игры.

Тем временем Паламед не прекращал жаловаться на верховное командование. Агамемнон уступил его проiscaм и сказал, что охотно сложит с себя власть, а главнокомандующим пусть назначат, кого захотят. На следующий же день он созывает народ на собрание и заявляет, что он никогда не домогался верховной власти и ничуть не огорчится, если ее передадут другому – он ее уступит с удовольствием, ему будет достаточно, если враги понесут заслуженную кару, неважно, чьими именно усилиями. А свое царство в Микенах у него и так есть. Он велит каждому высказаться.

Выступает Паламед и выставляет свои таланты, являет свои способности. Аргивяне охотно вручают ему верховную власть. Паламед выражает аргивянам благодарность, принимает власть и отдает распоряжения. Ахилл перемену власти не одобряет.

26. Тем временем истекает срок перемирия. Паламед выводит снаряженное и готовое к бою войско, строит его в боевой порядок и ободряет. На него идет Деифоб. Троянцы бьются бешено. Сарпедон, ликиец, со своими воинами бешено налетает на аргивян, рубит и опрокидывает их. На него вышел Тлеподем, родосец, он бился долго и долго держался, но все же упал, получив страшные раны. Но вот подходит Ферес, сын Адмета, возобновляет бой и после долгой рукопашной схватки с Сарпедоном гибнет. Раненый Сарпедон также покидает поле брани. Несколько дней идут такие сражения, оба противника теряют многих вождей, но особенно Приам. Троянцы шлют послов и требуют перемирия, чтобы похоронить убитых

и вылечить раненых. Паламед дает им перемирие на год, и обе стороны погребают мертвых и лечат раненых. Дав гарантии безопасности, они ходят взад и вперед – из города в лагерь и обратно.

Паламед посылает Агамемнона к Акаманту и Демофоонту, сыновьям Тезея, которых еще сам Агамемнон назначил своими помощниками, чтобы они заготавливали провиант и доставляли из Лидии получаемое от Телефа зерно.

Когда Агамемнон туда приехал, он рассказал о перевороте Паламеда. Слушатели выражают свое негодование, но Агамемнон говорит, что он ничуть не сердится и произошло это по его желанию. Паламед тем временем принимается строить грузовые корабли, укрепляет лагерь и окружает его башнями. Троянцы обучают войска, тщательно чинят стену, сооружают вдобавок еще ров и вал и вообще готовятся с большим старанием.

27. В годовщину погребения Гектора Приам, Гекуба, Поликсена и прочие троянцы отправились на могилу Гектора. Навстречу им попадается Ахилл, и как увидел он Поликсену, так сердце его было сражено, и он страстно в нее влюбился. И вот он, сгорая от любви, ведет постылую теперь жизнь и к тому же весьма болезненно переносит, что хотя у Агамемнона власть и отнята, но теперь командует Паламед, а не он сам. Любовь толкает его на то, чтобы он поручил своему самому верному фригийскому рабу передать Гекубе, что он просит себе в жены Поликсену и обещает, что если ее за него выдадут, он со своими мирмидонцами вернется домой, а когда он так поступит, то остальные и подавно последуют за ним. Раб отправляется к Гекубе, приходит к ней и передает, что велено. Гекуба говорит, что она сама согласна, если Приам, ее муж, будет не против, а рабу велит идти обратно, пока она будет говорить с Приамом.

И вот Гекуба обсуждает с Приамом предложение Ахилла. Приам отвечает, что это невозможно, но невозможно не потому, что он считает Ахилла недостойным женихом, но потому, что пока не ушли все вожди, нехорошо отдавать свою дочь замуж за врага. Вот поэтому, если уж Ахилл хочет, чтобы свадьба состоялась, нужен постоянный мир. Так что если войско удалится, а мирный договор будет заключен законным образом, он охотно отдаст свою дочь в жены Ахиллу.

Ахилл, как было условлено, шлет к Гекубе раба, чтобы узнать, что вышло из ее разговора с Приамом. Гекуба ответ Приама передает рабу. Тот докладывает Ахиллу. Ахилл во всеуслышание возмущается тем, что ради одной женщины, Елены, собрана вся Греция и вся Европа, за такой долгий срок уже погибло столько народу, что сама свобода теперь под угрозой, и поэтому нужно заключить мир и увести войска.

28. Годовое перемирие истекает. Паламед ведет войско в бой, Деифоб выходит против него. Ахилл в гневе не идет в бой. Паламед выбирает удобный момент, нападает на Деифоба и умерщвляет его. Закипает жестокий бой, обе стороны яростно бьются и гибнут тысячи людей. Паламед пронесется по первому ряду и побуждает воинов храбро биться. Против него выступает ликиец Сарпедон, но Паламед его убивает. Радостный, он снова выбегает вперед, и ему, опьяненному победой и гордому, стрела Париса пронзает шею. Это видят фригийцы, они бросают в него свои копья, и Паламед погибает.

Убив царя, враги кидаются в атаку, аргивяне отступают и бегут к лагерю, троянцы за ними, они осаждают лагерь и поджигают корабли. Это сообщают Ахиллу, он делает вид, что не слышит. Аякс Теламонид храбро держит оборону. Ночь прерывает битву. Аргивяне в своем ла-

гере оплакивают мудрого Паламеда, вспоминают его справедливость, милосердие и доброту. Троянцы оплакивают Сарпедона и Деифоба.

29. Нестор, который был старше всех, ночью созывает вождей на совет, призывает назначить главнокомандующего и предлагает снова Агамемнона, если и они сочтут, что это вызовет наименьшие раздоры. Нестор напоминает, что пока командовал Агамемнон, дела шли успешно и войско не знало забот. Если же есть другие мнения, он просит их высказаться. Все согласны, Агамемнона делают главнокомандующим.

На следующий день троянцы бодро идут в бой. Агамемнон ведет войско против них. Завязывается бой, и войска бьются друг с другом. Когда минула большая часть дня, в первый ряд выходит Троил. Он режет, сечет, гонит аргивян в лагерь.

На другой день троянцы вновь выводят войско, против них – Агамемнон. Происходит великое побоище, оба войска яростно бьются. Троил убивает многих аргивских вождей. Без передышки сражение длится семь дней. Агамемнон требует перемирия на два месяца. Он устраивает Паламеду пышные похороны; обе стороны заботятся о погребении вождей и воинов.

30. Во время перемирия Агамемнон посылает к Ахиллу Улисса, Нестора и Диомеда, чтобы они уговорили его выступить в войну. Опечаленный Ахилл отвечает отказом – он твердо решил в войне больше не участвовать, потому что обещал это Гекубе или, вернее, потому, что из-за большой любви к Поликсене он будет хуже сражаться. Пришедших к нему он встретил недружелюбно, все говорил, что надо заключить мирный договор, что столько риска ради одной женщины, что свобода в опасности, и отказался воевать. Агамемнону сообщили, что Ахилла уговаривали, но он упорствует в отказе.

Агамемнон созывает на совет вождей, спрашивает войско, как тут быть, и предлагает желающим высказаться. Менелай принимается убеждать своего брата, чтобы он вел войско в бой и не боялся отсутствия Ахилла: он постарается уговорить Ахилла, а если тот не пойдет – не страшно. Он напомнил, что у троянцев нет другого такого мужа, как Гектор. Диомед и Улисс стали говорить, что Троиц доблестен не меньше Гектора. Менелай возражал Диомеду и Улиссу и уговаривал воевать.

Калхас на основании гадания дал такой совет – надо воевать и ничего не бояться, даже если троянцы и одерживают сейчас верх.

31. Настал час битвы. Агамемнон, Менелай, Диомед и Аякс выводят войско. Против – троянцы. Происходит великая резня, бьются ожесточенно, оба войска свирепствуют. Троиц ранил Менелая, многих убивает, других преследует поодиночке. Ночь прерывает битву. На другой день войско выводят Троиц с Александром, против них идут все аргивяне – завязывается жестокий бой. Троиц ранил Диомеда, нападает на Агамемнона и его тоже ранил, крушит аргивян. Несколько дней идет страшная битва, и гибнут многие тысячи людей с обеих сторон. Когда Агамемнон увидел, что потерял в этот день большую часть войска и его невозможно пополнить, он просит перемирия на шесть месяцев.

Приам созывает совет и сообщает пожелание Агамемнона. Троиц говорит, что не следует предоставлять столь долгое перемирие, лучше устремиться вперед и сжечь корабли. Приам предлагает каждому высказать свое мнение. Все согласны на то, о чем просят аргивяне. Стало быть, Приам предоставил перемирие на шесть месяцев.

Агамемнон заботится о том, чтобы мертвых погребли с почестями, лечит раненых Диомеда и Менелая. Троянцы также погребают своих.

Пока было перемирие, совет порешил, чтобы Агамемнон сходил к Ахиллу и позвал его на войну. Ахилл был суров, он стал отказываться идти воевать и говорил, что надо стараться заключить мир; потом стал сетовать, что он ни в чем не может отказать Агамемнону – ну хорошо, когда придет время сражаться, он пошлет своих воинов, а уж его просит извинить. Агамемнон выразил благодарность.

32. Пришло время воевать. Троянцы вывели войско. Против выступили аргивяне.

Ахилл сначала сам построил мирмидонян в боевой порядок и отправил их, готовых к бою, к Агамемнону. Пошла резня пуще прежнего, бушевала страшно. Троиц в первом ряду разил аргивян, обращал в бегство мирмидонян, преследовал их вплоть до самого лагеря, многих убил и очень многих ранил. Аякс Теламонид отражал его натиск.

Троянцы вернулись в город победителями. На следующий день Агамемнон вывел войско. Выступают все вожди, а также мирмидонцы. Против них бодрым шагом выходят построенные троянцы. Завязывается сражение, оба войска бьются, и жестокое сражение идет несколько дней, много тысяч людей падает с обеих сторон.

Троиц преследует мирмидонян, истребляет и обращает их в бегство. Когда Агамемнон увидел, что с его стороны много убитых, он потребовал на тридцать дней перемирия, чтобы иметь возможность похоронить своих. Приам дал перемирие. Противники погребают своих павших.

33. Настает пора сражаться. Троянцы выводят войско. Против них Агамемнон посылает всех вождей. Завязывается бой, резня идет страшная, бьются свирепо и жестоко. Когда часть дня миновала, в первый ряд выходит Троиц, который разит и сечет, аргивяне с криком обращаются в бегство.

Когда Ахилл заметил, что Троила яростно бушует, издевается над аргивянами и при этом беспрепятственно истребляет мирмидонян, он вступил в бой. Троила тут же налетает и ранит его. Ахилл, раненый, удаляется. Битва длится шесть дней подряд. На седьмой день, когда противники, схватившись, бились друг с другом, Ахилл, который несколько дней страдал от раны и не вступал в дело, выстроил своих воинов, обратился к ним с речью и побуждал их смело напасть на Троила. Когда большая часть дня уже миновала, появился довольный Троила верхом на коне. Аргивяне с диким криком кидаются прочь, но мирмидоняне неожиданно бросаются на него, и многие погибают от его руки, но в разгаре боя коня Троила ранят, он падает и сбрасывает седока, тот запутывается в сбруе. Тут Ахилл быстро подбегает, убивает его и хочет утащить с поля боя, но не может этого сделать, потому что ему мешает Мемнон, который, подоспев, отнимает тело Троила и наносит Ахиллу ранение. Ахилл, раненый, удаляется из боя. Мемнон, а с ним и многие другие, пускаются за ним в погоню, но Ахилл поворачивает и отражает их. Залечив рану, он после долгих боев убивает Мемнона, нанеся ему множество ударов, и сам уходит с поля раненый. Когда был убит вождь персов, все остальные бежали в город и заперли ворота. Ночь прерывает битву.

На следующий день Приам шлет послов к Агамемнону, чтобы они просили перемирия на 20 дней, и Агамемнон тотчас соглашается. Тогда Приам устраивает Троилу и Мемнону пышные похороны, и обе стороны хоронят своих павших воинов.

34. Гекуба скорбела, что два ее храбрейших сына, Гектор и Троила, убиты Ахиллом, и у нее возник по-женски безрассудный план мести. Она зовет своего сына Александра и призывает его, молит и заклинает отомстить за своих братьев: он должен устроить ловушку Ахиллу и убить его, ничего не подозревающего. Ахилл ведь присылал к ней просить в жены Поликсену – так вот она и пошлет к нему сказать, чтобы

он пришел заключить мир и скрепить его в храме Аполлона Тимбрейского, что стоит близ городских ворот. Туда придет Ахилл, чтобы вступить в переговоры, и здесь-то и надо устроить засаду – если Александр убьет Ахилла, она будет считать, что прожила жизнь не зря.

Александр обещал постараться. Из войска набирают самых отважных храбрецов и прячут их ночью в храм Аполлона, дают им пароль. Гекуба, как и договорились, шлет к Ахиллу вестника.

Ахилл, влюбленный в Поликсену, с радостью решает завтра же прийти в храм. На следующий день он и сын Нестора Антилох приходят к условленному месту, но едва они вступают в храм, как по знаку Париса на них бросаются из засады и мечут в них копья. Ахилл и Антилох, обернув левую руку плащом, а в правой держа мечи, кидаются на них, и Ахилл многих убивает. Но Александр убивает Антилоха и самого Ахилла тоже пронзает множеством ударов. Вот так, попав в коварную засаду, храбро сражаясь в безнадежно неравном бою, испустил дух Ахилл.

Александр велел бросить его тело на растерзание зверям и птицам, но Гелен просил его этого не делать и приказал унести тело из храма и отдать аргивянам – те берут тела убитых и несут в лагерь. Агамемнон устраивает им пышные похороны, просит у Приама перемирие, чтобы устроить Ахиллу надгробие и там устраивает погребальные игры.

35. Затем Агамемнон созывает совет и обращается к аргивянам с речью. Все принимают решение полностью передать имущество Ахилла Аяксу, ведь они родственники, но Аякс говорит, что раз жив сын Ахилла Неоптолем, то самое справедливое – чтобы никто иной, как он, получил власть над мирмидонянами, и что нужно призвать его на войну и отдать ему вообще все, что принадлежало его отцу.

Такой план пришелся по душе Агамемнону и всем остальным, выполнение возлагается на Менелая. Он едет на Скирос, к деду Неоптолема Ликомеду, и приказывает ему отпустить внука, Ликомед охотно соглашается на это ради аргивян.

Когда перемирие кончилось, Агамемнон выводит войско, строит его в боевой порядок, подбадривает. Против них из города выходят троянцы. Завязывается бой, и Аякс носится в первых рядах прямо без доспехов. Поднимается страшный шум, гибнут многие воины с обеих сторон, Александр, натянув свой лук, стреляет и убивает многих, попал он и Аяксу в незащищенный доспехом бок. Раненый Аякс погнался за Александром и не отстал, пока не убил его. Страдая от своей раны, Аякс возвращается в лагерь и, вынув стрелу, умирает. Тело Александра несут в город. Диомед, мужественный духом, атакует врагов. Уставшие в бою фригийцы бегут в город, и Диомед преследует их до самого города. Агамемнон окружает войском город и всю ночь караулит вокруг городских стен, следя, чтобы вовремя менялась стража.

На следующий день Приам в самом городе хоронит Александра, за телом идет Елена с воплями и рыданиями, потому что он всегда обращался с ней с великим почтением. Приам и Гекуба о ней тоже заботливо пеклись и считали за дочь, ведь она никогда не смотрела на троянцев свысока и не скучала по ахейцам.

36. На другой день Агамемнон выстроил войско в боевой порядок и стал вызывать на бой троянцев. Приам не спешил, он укреплял город и бездействовал, ожидая прихода Пентесилеи с амазонками. Когда она наконец прибыла, он вывел против Агамемнона войско.

Происходит грандиозное сражение, которое длится несколько дней. Аргивян отгоняют к лагерю и теснят. Диомед не без труда оказывает сопротивление Пентесилее, но она все же поджигает корабли

и опрокидывает все войско аргивян. После боя Агамемнон заперся в лагере, Пентесилея же каждый день появлялась, грабила аргивян и вызывала на бой. Агамемнон по решению совета укрепляет лагерь, приводит все в порядок и не вступает в бой, пока не вернулся Менелай.

Менелай прибывает на Скирос, передает оружие Ахилла его сыну Неоптолему и тот, приняв его, отправляется в лагерь аргивян и горько рыдает над могилой отца. Пентесилея, как обычно, выстраивает войско и подходит к лагерю аргивян. Неоптолем, командуя мirmидонянами, ведет против нее боевой порядок, Агамемнон выстраивает войско. Противники атакуют с равной мощью. Неоптолем громит все. Пентесилея нападает и храбро носится по полю боя. Несколько дней обе стороны ожесточенно бьются и многих убивают. Пентесилея наносит Неоптолему ранение, а он, хоть и страдая от раны, все же убивает Пентесилею, предводительницу амазонок. Свершив это, Неоптолем обращает войско троянцев в бегство, побежденные, они бегут в город, и войско ахейцев окружает городские стены, чтобы троянцы не могли выйти из города.

37. Когда троянцы все это увидели, к Приаму приходят Антенор, Полидамант и Эней и побуждают его собрать совет и обдумать, какая участь их ожидает. Приам созывает совет. Он велит тем, кто требовал слова, высказать, что они хотят. Тут Антенор напоминает, что главные защитники Трои – Гектор, другие сыновья Приама и вожди-союзники, пришедшие на помощь, – убиты, тогда как у аргивян остаются в живых Агамемнон, Менелай, Неоптолем, такой же сильный, как его отец, остаются Диомед, Аякс Локрийский и многие другие. Кроме того, с ними Нестор и Улисс, выдающиеся своей мудростью, и все они против троянцев, запертых в городе и подавленных страхом. Он убеждает, что лучше вернуть Елену и все, что забрали Александр и его сотоварищи, и заключить мирный договор.

После того, как было многое сказано о необходимости заключения мира, поднялся Амфимах, сын Приама, очень храбрый юноша, и начал с резких выпадов против Антенора и его сторонников. Он бранил их поведение и, со своей стороны, убеждал, что нужно выводить войско, обрушиться на лагерь врагов и биться до победы или же побежденными пасть за свою родину.

Когда он закончил свою речь, встает Эней и в мягких и взвешенных выражениях возражает Амфимаху, и советует добиваться мира всеми силами. То же самое говорит и Полидамас.

38. Когда выступления кончились, поднялся Приам, он был в сильном гневе и сказал Антенору и Энею много резкого. Он сказал, что именно они были виновниками объявления войны, когда их отправили как послов в Грецию, упрекает Антенора в том, что тот сейчас призывает к миру, а раньше сам был послом, всем объявил об оскорбительном приеме и сам же призывал к войне. Энея Приам упрекнул в том, что это он вместе с Александром похищал Елену. В силу всего этого Приам решает, что миру не бывать. Он приказывает всем быть готовыми, по его знаку прорываться из ворот и настроиться на то, чтобы или победить, или умереть.

И вот, сказав в длинной речи все это и воодушевив их, он распустил собрание. Амфимаха он увел с собой во дворец и велел ему остерегаться тех, кто призывал к заключению мира – как бы они не предали город, ведь у них много сторонников в народе и поэтому нужно их убить. Если это сделать, то Амфимах будет защищать родину и победит аргивян. Приам просит сына быть ему верным и послушным и быть со своими людьми наготове. Никаких подозрений не возникнет. Завтра Приам будет совершать на кремле жертвоприношение и позовет их на обед – тут-то Амфимах со своими людьми на них накинется и перебьет их.

Амфимах одобряет этот замысел и обещает все исполнить. С этим он и уходит.

39. В тот же день тайно собираются Антенор, Полидамас, Укалегон и Долон. Они выражают удивление упорством царя, с которым он, осажденный, предпочитает скорее погибнуть вместе с отечеством и всеми близкими, чем заключить мир. Антенор говорит, что он придумал, что именно пойдет на пользу и ему, и всем, и он скажет это, если все дадут слово хранить тайну. Все ручаются. Когда Антенор видит, что все ему верны, он посылает за Энеем, и когда тот является, говорит, что нужно предать родину и позаботиться о себе и своих близких. Надо послать к Агамемнону человека, который, не вызывая подозрений, все это осуществит, при этом следует поторопиться, потому что, как он заметил, Приам ушел с собрания в гнев из-за советов заключить мир, и есть опасение, что он что-нибудь против них предпримет.

Так они договариваются и тотчас тайно посылают к Агамемнону Полидамаса, который был из всех наименее ненавистен аргивянам. Он приходит в лагерь аргивян, встречается с Агамемноном и говорит, что им хотелось бы сделать.

40. Ночью Агамемнон тайно созывает всех вождей на совет, все это им сообщает и велит высказывать свое мнение. Все считают, что к предателям можно отнестись с доверием. Улисс и Нестор говорят, что это дело вызывает у них опасения, Неоптолем эти опасения опровергает, и пока они между собой спорят, совет принимает решение – узнать у Полидамаса пароль и через Синона передать его Энею, Анхизу и Антенору.

Синон отправляется в Трою, и поскольку Амфимах еще не передал стражам ключи от ворот, Синон на условный пароль услышал

голоса Энея, Анхиза и Антенора и доложил Агамемнону, что во всем убедился сам.

Тогда все приняли решение дать гарантии и скрепить их клятвой о том, что если город в ближайшую ночь будет сдан, Антенору, Укалегонту, Полидамасу, Энею, Долону и их родителям будет обеспечена безопасность, также как и их детям, женам, родственникам, друзьям и близким, которые им сочувствуют, и пусть их имущество будет в целостности и сохранности.

Когда этот договор был заключен и скреплен клятвой, Полидамас посоветовал подвести ночью войско к Скейским воротам, где снаружи изваяна из камня конская голова – здесь охраной командовали Анхиз и Антенор, они откроют войску аргивян ворота и вынесут факел, что послужит условным знаком начинать вторжение.

41. После того, как заключили и обсудили этот договор, Полидамас возвращается в город, рассказывает Антенору, Энею и всем остальным, как было дело, и они решают отвести в условленное место всех своих, а ночью открыть Скейские ворота, вынести факел и впустить войско. Ночью Антенор и Эней были наготове у ворот, они приняли Неоптолема, отворили войску ворота, зажгли факел, чтобы обеспечить себе и своим близким возможность бежать. Неоптолем дает им охрану, и Антенор провожает его к царскому дворцу, где у троянцев находился охранный гарнизон. Неоптолем врывается в царский дворец, убивает троянцев, преследует Приама и убивает его у алтаря Юпитера. Гекуба с Поликсеной бросаются бежать, и когда по дороге попадается Эней, Поликсена отдает себя под защиту Энея, и тот отводит ее к своему отцу Анхизу. Андромаха и Кассандра прячутся в храме Минервы. Всю ночь напролет аргивяне опустошают и грабят город.

42. С рассветом Агамемнон на Пергаме собирает всех вождей, приносит благодарственные молитвы богам и восхваляет войско, а всю добычу велит сложить в одно место в центре, чтобы потом между всеми поделить поровну. Потом он спрашивает у войска, хочет ли оно соблюсти договор с Антенором и Энеем и теми, кто вместе с ними предали свою родину. Все войско громко изъявляет согласие. Итак, их всех призывают, и каждому из них он возвращает все его имущество. Антенор просит Агамемнона дать ему слово, и тот приказывает ему говорить. Прежде всего Антенор благодарит всех греков, потом напоминает, что Гелен и Кассандра всегда уговаривали своего отца заключить мир, а Гелен к тому же настоял, чтобы для погребения было возвращено тело Ахилла. Тогда с согласия совета Агамемнон возвращает свободу Гелену и Кассандре.

Гелен умоляет Агамемнона за Гекубу и Андромаху и напоминает, что они всегда оказывали ему уважение. По решению совета им тоже предоставляется свобода.

Агамемнон разделил добычу между всем войском, как полагается, возблагодарил богов и принес им жертвы. На пятый день было решено возвращаться домой.

43. Когда настал день отплытия, поднялись сильные бури, и они длились несколько дней. Калхас дал толкование – подземным богам принесено недостаточно жертв.

Неоптолем вспоминает, что во дворце не нашли Поликсену, из-за которой погиб его отец. Он просит об этом Агамемнона, негодует, обвиняет войско и велит призвать Антенора. Ему он приказывает отыскать и привести ее. Антенор идет к Энею и настойчиво просит, чтобы Поликсена была предоставлена Агамемнону до отъезда аргивян. Он находит укрытую у Энея Поликсену и

Дарес Фригийский

приводит ее к Агамемнону. Агамемнон вручает ее Неоптолему, и тот перерезает ей горло на могиле отца.

Агамемнон, гневаясь на Энея, что тот скрывал Поликсену, приказывает ему немедленно вместе со своими близкими убираться из родных мест. Эней и вся его родня уходят. Через несколько дней после отъезда Агамемнона Елена, гораздо более печальная, чем в день своего приезда, отправляется назад со своим Менелаем. Гелен с сестрой Кассандрой, женой своего брата Гектора Андромахой и матерью Гекубой направляется в Херсонес.

44. Вот до этого места дошел в своих записях Дарес Фригиец, потому что сам он остался в Трое вместе со сторонниками Антенора.

Таким образом, Троянская война длилась 10 лет, 6 месяцев и 12 дней. Из войска аргивян, как указывает дневник, который вел Дарес, пало 886 тысяч человек, а троянцев до того момента, когда город был предан, 676 тысяч человек. Эней отправился на тех же кораблях, на которых Александр ходил в Грецию, их было 22. С ним последовали люди всех возрастов общим числом 3400 человек. С Антенором пошло 2500, с Геленом и Андромахой – 1200 человек.

ДИКТИС КРИТСКИЙ
ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Пролог

Диктис, родом критянин, из города Кносса, жил тогда же, когда и Атриды, и хорошо знал финикийский язык и письменность, занесенную в Ахею Кадмом. Диктис был спутником Идоменея, сына Девкалиона, и сына Мола Мериона, – вождей дружины, воевавшей под Илионом, которые и поручили ему составить летопись Троянской войны. Он написал финикийскими буквами на коре липы девять свитков обо всей войне. Когда же он, уже глубоким стариком, вернулся на Крит, то, умирая, завещал захоронить их вместе с ним. По его воле, уже упомянутые липовые дощечки, сложенные в серебряный со свинцом ларец, поместили в его погребение.

Через много лет, на тринадцатом году правления Нерона, в Кноссе случилось большое землетрясение, и оно вскрыло многие могилы, в том числе и могилу Диктиса, в которой оказался ларец. Проходившие мимо пастухи увидели его и унесли, полагая, что это клад. Когда же, вскрыв ларец, они обнаружили там липовые таблички с непонятными буквами, они тотчас отнесли их своему хозяину, некоему Эвпраксиду, а тот передал эти непонятно что собой представляющие письма тогдашнему правителю острова, консуляру Рутилию Руфу, он же, в свою очередь, отправил самого Эвпраксида с книгами к Нерону, сочтя, что книги содержат что-то очень сокровенное. Нерон принял книги и, увидя эти письма, призвал к себе знатоков. Вот они-то все и объяснили, и когда Нерон узнал, что это записки мужа, жившего в древности, который сам был под Илионом, он велел перевести их на греческий язык, чтобы таким образом наиболее верное изложение Троянской войны стало общеизвестным. Потом он наградил Эвпраксида подарками и римским гражданством и отпустил домой, а повесть, подписанную именем

Диктиса, поместил в греческую библиотеку. Повествование в ней идет именно в том порядке, который мы здесь приводим.

Глава первая

На Крите встретились все правящие в Греции цари – правнуки Миноса, сына Юпитера, чтобы поделить между собой богатства Атрея. Ведь Атрей перед смертью распорядился оставить своим внукам от дочерей поровну все, что у него было, кроме власти над землями и городами, – этим, по его воле, должны были раздельно владеть Идомеией и Мерион, первый – сын Девкалиона, а второй – Мола.

Прибыли сюда Паламед и Еакс, дети Климены и Навплия, прибыл Менелай, сын Аэропы и Плисфена, которого просили принять вместо себя участие в разделе его сестра Анаксибия, которая тогда была замужем за Нестором, и его старший брат Агамемнон. Они считались детьми Атрея, а не Плисфена, как это было на самом деле, по той причине, что сам Плисфен умер рано, когда его дети были совсем маленькими, не оставив ничего, что бы увековечило память о его имени. Атрей, жалея детей, взял их к себе и дал им воспитание не хуже царского. Итак, наследство было благополучно поделено, сообразуясь со славой имени каждого.

2. О сборе потомков Атрея становится известно. Прознав об этом, к ним стекаются все, кто здесь, на Крите, ведет происхождение от Европы, почитаемой на этом острове с величайшим благоговением; они радушно приветствуют гостей и ведут в храм. Там, по обычаю отцов, приносятся многочисленные жертвы, и устраивается праздник, пышное и щедрое угощение в течение нескольких дней. Хотя цари Греции и радовались тому, как их принимают, но более всего их поразила сам храм своим величием, красотой и роскошью отделки. Они разглядывали его и припоминали отдельные вещи, ко-

торые были привезены из Сидона отцом Европы Фениксом и знатными женщинами, и были у них лучшим украшением.

3. Пока это все происходило на Крите, в Спарте, в доме Менелая, принимали как гостя сына Приама Александра с Энеем и другими родственниками, и он совершил самое что ни на есть отвратительное дело. Пленившись Еленой, что сияла красотой среди всех гречанок, он воспользовался отлучкой царя и похитил из дому и саму Елену и ее огромные богатства, и прихватил с собой даже родственниц Менелая Эфру и Климену, которые в этих крайних обстоятельствах были вынуждены оставаться с Еленой. Когда на Крит прибыл вестник и сообщил все, что натворил Александр в доме Менелая, по всему острову тут же пошла молва, – а она ведь еще любит все раздувать, что, мол, дом царя завоеван, что царство его разрушено и все такое прочее.

4. При этой вести Менелай, хоть и расстроился из-за жены, но еще больше возмущен был оскорблением, нанесенным его родственникам, о которых сказано выше. Паламед же, видя, что царь от гнева и возмущения совершенно остолбенел и ничего не соображает, сам приготовил корабли, снарядил их и подвел к берегу. Затем, сказав царю несколько ободряющих слов, он погрузил на корабль все, что при таких обстоятельствах позволяло время, и заставил царя взойти на корабль. При попутном ветре они через несколько дней были в Спарте. Там уже собрались и Агамемнон, и Нестор, и все цари Греции из Пелопса. Узнав о прибытии Менелая, все они сходятся вместе, и хотя дикость Парисова поступка вызывала во всех негодование и жажду мести за оскорбление, было решено сначала послать в Трою послов – Паламеда, Улисса и Менелая, с поручением выразить возмущение несправедливостью и потребовать обратно Елену и то, что было похищено вместе с ней.

5. Послы вскоре достигли Трои, но Александра на месте не застали: он, стараясь плыть как можно быстрее, не рассчитал направление ветра, и его корабль прибило к Кипру. Оттуда Александр взял еще несколько кораблей, прибыл к Финикийскому царю, встретил у него дружественный прием, но, тем не менее, ночью коварно убил царя и так же, как в Лакедемоне, по алчности он обратил весь дом в жертву своей преступности. И все, что во дворце служило для демонстрации царского великолепия, Александр бесчестным образом похитил и велел погрузить на суда. Тут в городе начинается смятение – его подняли вопли и рыдания тех, кто, уцелев от погрома, разбежались, оплакивая несчастье своего господина, и тогда народ устремляется к царскому дворцу. Александр же, награбив, сколько хотел, торопится отплыть, но горожане, уже вооруженные на случай столкновения, взбегают на корабли, и начинается жестокий бой. С обеих сторон пали многие, противники бились изо всех сил: одни, чтобы отомстить за смерть царя, другие – чтоб не упустить добычу. У троянцев сторело два корабля, но остальные они, яростно защищаясь, вывели в море. Им удалось уйти лишь потому, что противники уже устали.

6. Между тем под Троей один из послов, Паламед, государственный и военный ум которого в то время очень высоко ценился, явился к Приаму и на созванном по этому случаю совете прежде всего пожаловался на насилие, учиненное Александром, указывая, что это – нарушение всех законов гостеприимства. Далее Паламед предостерегает, какие распри между двумя государствами могут возникнуть, напомнив между прочим раздоры между Илом и Пелопсом, да и другие случаи, когда подобные же поводы доводили до полного истребления народов.

Под конец, расписав тяготы войны и противопоставив им выгоды мира, Паламед добавил, что ему хорошо известно, что у многих это наглое преступление вызывает негодование, и поэтому виновники

останутся в изоляции и понесут наказание за свое нечестие. Тут Приам прервал его на полуслове и сказал: «Пожалуйста поосторожней, Паламед, поскольку не очень хорошо возводить обвинения против того, кто отсутствует, и весьма возможно, что то, что представляется как преступление, рассеется при личном объяснении». С такими словами Приам велит отложить жалобу до приезда Александра, поскольку он видел, что все, кто был на совете, были взволнованы речью Паламеда и, хоть и молчали, но уже по лицам было видно, что осуждали поступок Александра потому, что некоторые места были изложены с поразительным искусством, и вообще речь греческого вождя соединяла и силу, и трогательность. Итак, совет в этот день был распущен, но послов повел к себе домой Антенор, муж гостеприимный и как никто приверженец всего доброго и честного, – и они охотно к нему пошли.

7. Между тем проходит несколько дней и приезжает со своими спутниками, о которых уже говорилось выше, Александр, и при нем Елена. С прибытием его в городе стали раздаваться проклятия подобному примеру злодеяния, некоторые сокрушались, что Менелаю нанесено такое оскорбление, и поскольку никто не одобрял случившегося, в конце концов всеобщее негодование вылилось в волнение в городе. Обеспокоенный Приам созывает своих сыновей и спрашивает у них, что они считают нужным делать при создавшемся положении. Те в один голос отвечают, что отдавать Елену никак нельзя: ведь они видели, какие богатства привезены вместе с ней, и если возвращать Елену, то и это все придется отдавать. Кроме того, всех впечатляла красота женщины, что приехали вместе с Еленой, и каждый в душе уже выбрал себе одну из них в жены. Вполне понятно, что они, варвары и по языку, и по нравам, не признающие ни долга, ни разума, действовали только под влиянием алчности и похоти.

8. Наконец, оставив царевичей, Приам собирает старцев, открывает им мнение своих сыновей и спрашивает совета, как поступить. Но не успели еще и начать высказывать, как требовал обычай, мнения, как вдруг на заседание врываются царевичи и со всей необузданностью своих нравов угрожают расправой всем и каждому из них, если будет принято неудобное им решение. Весь народ тем временем негодует на бесчестно причиненное насилие, выкрикивая проклятия и прочее в таком роде.

Тогда Александр, от любви готовый на все, в страхе, как бы соплеменники не выступили против него, с толпой своих братьев нападает на толпу и многих убивает. Другие же спасаются благодаря вмешательству старейшин, которые были в совете, под руководством Антенора. В итоге народ, ничего не добившись, понес оскорбления и не без потерь разошелся по домам.

9. На следующий день царь по совету Гекубы идет к Елене. Он ласково с ней здоровается, убеждает не волноваться и спрашивает, кто она и чья. Елена отвечает, что она считает себя родней Александра и говорит, что ее родство с Приамом и Гекубой более близкое, чем с сыновьями Плисфена, и перечисляет весь род своих предков. Ведь Данай и Агенор были родоначальниками и ее, и Приама, потому что у Гесионы, дочери Даная, и Атланта родилась дочь Электра, которая, зачав от Юпитера, произвела на свет Дардана, от которого произошли Трос и за ним все остальные троянские цари. А у Агенора была дочь Тайгета, она от Юпитера породила Лакедемона, у которого был сын Амикл, а у Амикла – Аргал, отец Эбала, который, как известно, был отцом Тиндара, от которого родилась она сама. Вспоминает Елена и родство свое с Гекубой по материнской линии: ведь сын Агенора Феникс породил единокровных Дима, отца Гекубы, и Леду. И Елена, на память все это подробно развернув перед ними, стала с плачем умо-

лять, чтобы они ни за что не предавали ее, которая вверила себя им. Она сказала, что все, взятое из дома Менелая – ее собственность, и ничего другого, кроме этого, она у него не взяла.

Трудно сказать, почему так вела себя Елена, то ли она безумно влюбилась в Александра, то ли боялась наказания мужа за то, что покинула дом.

10. Узнав настроение Елены, Гекуба, полная родственных чувств, заключила Елену в объятия; она приложила все усилия, чтобы ее не выдавали даже, когда и сам Приам, и остальные царевичи заговорили, что нельзя долее заставлять ждать послов и противиться воле народа. Гекубу поддерживал из всех только один Деифоб, которому мешала принять правильное решение такая же, как у Александра, страсть к Елене. Гекуба беспрестанно умоляла то Приама, то сыновей, ее невозможно было от них оторвать, и всех она в конце концов привлекла на свою сторону. Вот как любовь к матери погубила благо государства.

На следующий день Менелай со спутниками явился на собрание и потребовал супругу и все, что было взято вместе с ней. Тогда Приам, подойдя к ним в окружении царевичей, при воцарившемся молчании спрашивает Елену, которая при этом появилась на всеобщее обозрение, хочет ли она вернуться к себе домой. Елена, как говорят, ответила, что она приплыла сюда по собственной воле, и что брак с Менелаем ей не подходит. Итак, царевичи удаляются с собрания, ведя с собой Елену, не удерживаясь от радостных восклицаний.

11. После этого Улисс еще раз обнажает все недостойное, что сделал Александр против Греции, скорее уже с тем, чтобы еще раз это засвидетельствовать, нежели надеясь, что от его речи будет прок; он заявляет, что отмщение за все это не замедлит. Потом Менелай в страшном гневе, с искаженным лицом грозит гибелью Трое и покидает собрание.

Когда все это сообщили сыновьям Приама, они тайно договариваются погубить послов хитростью, ведь они думали – и были в этом правы, – что если послы возвратятся домой ни с чем, большой войны не миновать.

Тут Антенор, о святости нрава которого мы уже упоминали, приходит к Приаму с жалобой, что устроен заговор. Он говорит, что царевичи строят козни не против послов, а против него лично, – он этого не потерпит. Затем он открывает все и послам. Вот так, все вовремя разведав, Антенор приготовил охрану и при первой же возможности отправил послов на родину невредимыми.

12. Пока в Трое происходят такие события, молва о них уже распространяется по Греции и вот все пелопиды собираются вместе. Они приносят освященные обрядом клятвы, что если Елена и украденное не будут возвращены, они пойдут войной на Приама. Послы возвращаются в Лакедемон, рассказывают о Елене и высказанном ею решении, о речах и выпадах сыновей Приама, направленных против них, и всячески прославляют покровительство Антенора, оказанное посольству.

Выслушав все это, собравшиеся решают готовить средства для войны, каждый в своем царстве и владении. Выбирают они и удобное место для встречи и обсуждения подготовки к войне – это Аргос, царство Диомеда.

13. И вот, когда пришло время, первым на место сбора явился Аякс Теламонид: муж, чья доблесть и физическая сила стяжали величайшую славу, и с ним его брат Тевкр. Вскоре после них прибыли Идомей и Мерион, всегда единодушные друг с другом. За ними последовал и я. Все, что происходило до этого в Трое, я узнал от

Улисса и передал как можно более точно, а все, что случилось потом, я, как участник этих событий, изо всех сил постараюсь изложить правдиво.

Итак, вслед за теми, о ком я уже сказал, прибыли Нестор с Фрасимедом и Антилохом, которых родила ему Анаксибия. За ними следовали Пенелей, Клоний и Аркесилай – они были родные братья, потом – правители Беотии Протоенор и Леит; пришли фокейцы Схедий и Эпистроф, орхомейцы Аскалаф и Иалмен, а также Диор и Мегес, сыновья Филея, Фоас, сын Андремона, Эврипил, сын Эаэмона, житель Ормена, и Леонтей.

14. После них прибыл Ахиллес, сын Пелея и Фетиды, – она, говорят, была дочерью Хирона. Ахилл был еще совсем юным, – стремительный, красивый, он уже тогда превосходил всех своим рвением к военному делу, но ему были свойственны какая-то неразумная сила и дикая несдержанность нрава. С ним прибыли Патрокл и Феникс, первый – его друг, а второй – попечитель и наставник.

Затем прибыл сын Геркулеса Тлеподем, а с ним – внуки Геркулеса – Фидипп и Антиф, в замечательных доспехах.

За ними – Протесилай, сын Ификла и его брат Подарк. Пришел фереец Эвмел, сын того самого Адмета, который благодаря добровольной смерти своей жены продлил собственные дни; пришли из Трикки Подалирий и Махаон, зарожденные Эскулапом – их пригласили на войну за их искусство врачевания. Прибыл сын Поанта Филоктет – он был спутником Геркулеса, а когда тот причислился к богам, Филоктет унаследовал в награду за свое усердие его божественные стрелы.

Пришел прекрасный собой Нирей, их Афин прибыл и Мелесфей, из Локриды – Аякс Оирид, из Аргоса пришли Амфилох и Сфенел, Амфилох был сыном Амфиарая, а Сфенел – Капанея, и с ними явился сын Мекистея Эвриал. Потом из Этолии прибыл сын Полиника Фессандр и, наконец, последними – Демофоонт и Акамас. Все они принадлежали к роду Пелопса. Кроме тех, о ком я упомянул, пришли еще и многие другие, кто откуда: одни были спутниками царей, другие сами были облечены царской властью – называть имена всех их по отдельности, полагаю, нет необходимости.

15. И вот в Аргос сошлись, наконец, все, и Диомед устраивает им радушный прием и снабжает всем необходимым. Затем Агамемнон привозит из Микен огромное количество золота и уделяет каждому в отдельности, тем самым вызывая во всех еще большее рвение к делам готовящейся войны. Затем, по всеобщему согласию, было решено, как именно совершить клятвенное скрепление военного союза: Калхас, сын Фестора, провидец будущего, велит принести на середину площади борова, рассечь его на две части и одну часть расположить к востоку, а другую к западу, чтобы вожди прошли между ними поодиночке с обнаженными мечами, после чего они обагрили концы мечей кровью борова, совершив и другое, что полагается в таких случаях, скрепили свою вражду к Приаму священной клятвой – покинуть поле боя не раньше, чем разрушат Илион и все царство.

После этого чисто омылись и совершили обильное жертвоприношение, чтобы расположить к себе Марса и Согласие.

16. Потом решили провести в Храме Аргивской Юноны избрание предводителя похода. Каждый получил табличку, на которой должен был указать, кого он хотел видеть главнокомандующим, и все пуническими буквами написали имя Агамемнона. Таким образом, Агамемнон по общему согласию и под гул одобрения прини-

мает на себя командование всем войском и получает это вполне заслуженно: во-первых, в силу родства – ведь он был родным братом Менелая, ради которого и готовилась вся эта война, а во-вторых, в силу несметного своего богатства, которое ставило его над всеми греческими царями, как наиболее великого и славного.

Затем вождями и начальниками кораблей назначаются Ахилл, Аякс и Феникс, а Паламед с Диомедом и Улиссом становятся во главе сухопутного войска, распределяя между собой и ночные и дневные дежурства.

Завершив эти дела, все разъезжаются по своим владениям, чтобы там самостоятельно собирать средства и готовить снаряжение к войне.

И вот уже вся Греция пылает жаждой войны, целые два года повсюду готовили доспехи, оружие, копья, коней и корабли. Молодежь тоже рвалась к бранному делу – кого подогрела отвага, кого соперничество в славе с ровесниками.

Все приготовления шли успешно, однако особое внимание уделялось, чтобы создать многочисленный флот и предотвратить задержку отплытия многотысячного войска, когда оно соберется воедино в одном месте.

17. Прошло два года, и в Авлиду, что в Беотии, – это и было место сбора – каждый царь в меру своих средств присылает снаряженные корабли. Первым Агамемнон приводит сто кораблей из Микен и 60 из других подвластных городов – возглавлял этот флот Агапенор. Потом Нестор приводит 90 хорошо оснащенных кораблей, Менелай со своего Лакедемона – 60, Менесфей из Афин – 50, Элефенор из Эвбеи – 40, Аякс Теламонид с Саламина – 12, Диомед из Аргоса – 80 кораблей, Аскалаф и Иалмен из Орхомении – 30, Аякс Оирид – 40,

столько же со всей Беотии Аркесилай. Профоенор, Пенелей, Леит, Клоний – 50 кораблей, 40 – Схедий из Фокиды.

Затем Тальпий, Диор и Амфимах и Поликсен из Элиды и других городов этого царства привели 40 кораблей, Фоант из Этолии – 40, Мегес из Дулихия и Эхинадских островов – 40, Идомений с Мерионом со всего Крита – флот в 80 кораблей, Улисс с Итаки – 12, Профой из Магнетии, Тлеподем с Родоса и близлежащих островов – 9 кораблей. 11 кораблей привел Эвмел из Фер, 50 – Ахиллес из области Пеласгов, 3 – Нирей из Симы, 40 – Подарк и Протесилай из Филаки и других своих владений, 30 кораблей привели Подалирий и Махаон, 7 – Филоктет из Мефоны и других городов. Эврипил из Ормена привел 40, Гуней из области Перребов – 22, Леонтей и Полипэт из своих областей – 40.

30 кораблей пришли с островов Коса – их вели Антиф, Фидип и Фессандр, сын Полиника, о котором я уже говорил: из Фив пришло 50 кораблей. Калхас из Акарнании привел 20, Мопс из Колофона – 20. Эпий с Кикладских островов – 30 кораблей. Корабли были доверху нагружены хлебом и другими необходимыми съестными припасами – так приказал Агамемнон, чтобы все огромное войско не страдало от недостатка необходимого.

18. В оснащении войска были и кони, и боевые колесницы, и весьма в большом количестве – число их зависело от условий поставивших их местностей – но большую часть все-таки составляла пехота, потому что по всей Греции весьма плохо дело обстоит с пастбищами, и это препятствует развитию конницы. В состав войска вошло еще и много людей, чье мастерство по части корабельного дела было необходимо.

В это время оказалось невозможным привлечь на нашу сторону против троянцев доблестного Сарпедона ликийского ни деньгами,

ни ради Фалидиса, потому что Приам богатейшим подарком, вскоре удвоенным, уже удерживал его при себе как важнейшего союзника.

Столь многочисленный флот, собранный, как мы уже сказали, со всей Греции, готовили и оснащали целых пять лет. Когда же выступление не могло задержать ничто, кроме отсутствия воинов, все вожди, как по команде, одновременно стекаются в Авлиду.

19. И вот, в самую горячую перед отплытием пору, когда все спешно готовились в путь, Агамемнон, кого, как мы знаем, выбрали предводителем похода, как-то раз, забредя в сторону от расположения войск, увидел лань, что паслась в роще Дианы. Не зная здешних религиозных святынь, он пронзил ее копьем. И вскоре после этого – был то гнев небес или подействовала перемена климата – разразился мор, язва, покрывающая тело пятнами. День ото дня болезнь свирепствовала все сильнее, изнуряя тысячи воинов и поражая и людей, и животных. Без конца, без остановки шли похороны, болезнь уничтожала все на своем пути. И вот встревоженным всем этим вождям какая-то боговдохновенная женщина возвещает гнев Дианы – из-за убийства любимой лани – богиня требует наказания войска за святотатство и смягчится не раньше, чем виновник этого преступления в возмещение принесет ей в жертву свою старшую дочь. Когда эти слова дошли до войска, все вожди пошли к Агамемнону и стали его об этом просить, а когда он отказался, то и требовать, чтобы он поспешил положить конец мору. Когда же все увидели, что он упорно отказывается и никакими силами его нельзя склонить, то в конце концов они отняли у него царские почести. А чтобы столь огромное войско без начальника не распустилось и не слонялось без дела, бросив воинские занятия, командовать войском ставят Паламеда, а также Диомеда, Аякса Теламонида и четвертым Идомея. Так войско было разделено на четыре равные части.

20. А между тем потерям нет конца. Тогда Улисс, сделав вид, что разгневан упрямством Агамемнона и твердо решил из-за этого вернуться домой, на самом деле придумал неожиданное и замечательное средство спасения для всех.

Никому ничего не сказав, он отправился в Микены и принес Клитемнестре подложные письма якобы от Агамемнона, такого содержания: Ифигения, как старшая дочь, просватана за Ахилла, и тот отправится под Троию не раньше, чем это обещание будет выполнено. Посему нужно поскорее прислать девушку и все нужное для свадьбы. Улисс к тому же повел переговоры так, что внушил доверие к своей выдумке. И Клитемнестра, из добрых чувств в Елене, но, в основном радуясь, что выдает замуж дочь за человека такой великой славы, охотно вручает Ифигению Улиссу. Он, сделав это дело, вскоре вернулся к войску, и его неожиданно заметили в роще Дианы с девушкой. Агамемнон, узнав об этом, готовится бежать – то ли задетый в своих отцовских чувствах, то ли не желая соучаствовать в недопустимом заклании девушки. Однако Нестор, обратившись к нему с долгой речью, в конце концов удержал его от этого своим искусством убеждения, а в этом мастерстве он был приятен и признан, как никто из греков.

21. Тем временем Улисс и Менелай вместе с Калхасом, кому это дело было поручено, удалив всех подальше, стали обрядить девушку к жертвоприношению, но тут день вдруг стал портиться, небо покрылось тучами, внезапно грянул гром, блеснула молния, земля и море всколыхнулись, и от смешения земли и воздуха пропал свет. Вскоре за этим последовал ливень и страшный град.

От этих непрерывных ужасов бури Менелай и те, кто с ним готовили жертвоприношение, разбежались. Они были в страхе и недоумении – с одной стороны, их устрашала внезапная перемена погоды, и

они полагали, что это знак свыше, а с другой стороны, они боялись, что если не кончат задуманного, вообще потеряют войско. И вот когда они пребывали в таких сомнениях, из рощи раздался некий голос – божество отвергает такой род жертвоприношений, и поэтому от девушки нужно воздержаться, – богиня сжалилась над нею. Агамемнону же за его преступление будет приготовлено вполне достаточное наказание его супругой, когда он вернется после победы над Троей. Итак, им следует постараться понять, что взамен девушки принести на алтарь. После этого ветер, молнии и другие небесные явления, происходящие при таких потрясениях, стали утихать.

22. Пока в роще Дианы происходили такие события, Ахиллес получает от Клитемнестры посланные ему отдельно письмо и большое количество золота. Она пишет, что вверяет ему дочь и весь свой дом. Ахилл раскрывает план Улисса и, все бросив, спешит в рощу, громко крича, чтобы Менелай и его сотоварищи и пальцем не трогали Ифигению, а не то он их уничтожит.

Они так и остолбенели, когда он сам появился, едва снова стало светло, и отнял девушку. Тогда все стали рассуждать, что же им принести в жертву, как вдруг перед самым алтарем спокойно стала лань поразительной красоты. Они решили, что это и есть предсказанная жертва, посланная по воле божества, и тут же ее схватили и закололи. Едва это было сделано, мор прекратился, и небо стало ясным.

Тем временем Ахилл и те, кто возглавляли жертвоприношение, тайно от всех, вверили девушку попечению царя скифов, который там тогда присутствовал.

23. Вожди заметили, что болезнь пошла на нет и направление ветров стало благоприятным для плавания, а море спокойным, как летом, и, обрадовавшись, пришли к Агамемнону, убитому горем по дочери, стали его утешать и вернули ему царские почести.

Все это было с большим удовольствием воспринято войском, ведь Агамемнона как наставника каждый воин чтит не меньше родного отца.

То ли Агамемнон уже был достаточно осведомлен, как все произошло на самом деле, то ли он скрыл свои чувства по поводу случившегося, зная, что неизбежны беды человеческие и крепясь в несчастьи, однако он принял эту честь и в тот же день всех вождей созвал к себе на пир.

Прошло немного дней и вожди вновь привели войско в порядок, а когда настало подходящее время для плавания, все поднялись на корабли, битком набитые всякими ценностями, принесенными жителями этого царства.

Вино, хлеб и прочие необходимые съестные припасы доставил Аний и его дочери, о которых уже говорилось, что они были претворительницами вина, причастными к божественным таинствам. Вот так они отплыли из Авлиды.

Книга вторая

1. И вот, когда ветры пригнали флот в Мизию, все корабли по сигналу стали быстро подходить к берегу. Однако попытке высадиться на берег грекам воспрепятствовали сторожевые посты этой местности – их выставил на побережье Телеф, император Мизии, для защиты своего царства от вторжений с моря. И вот, когда последовало запрещение ступить на сушу, пока царю не доложат, кто они такие, наши сначала оставили это без внимания и стали по одному сходить с кораблей. Караульные дали отпор, сопротивляясь и не давая спускаться, и тогда все вожди, сочтя, что за такую обиду надо мстить, обнажили оружие, вылетают с кораблей и, пылая гневом, начинают резать караульных, не щадя даже обратившихся в бегство и убивая всех бегущих, кто ни попадал под руку.

2. Тем временем те, кто первыми кинулись в бегство от греков, добрались до Телефа и сообщили ему, что напали тысячи врагов, что они перебили стражу, заняли берег и так далее, что мог добавить каждый в меру своего страха. Узнав в чем дело, Телеф поспешил выйти против греков с отрядом, составлявшим его собственное окружение и с теми силами, какие можно было при такой спешке собрать, и противники сразу смешали свои передовые ряды и стали биться со страшной силой. Начался рукопашный бой, обе стороны несли потери, но гибель каждого своего побуждала бойцов лишь с большей силой теснить противника. В этом бою пал Тессандр, который, как я уже упоминал, был сыном Полиника, он схватился с Телефом и был им сражен, а до этого сам сразил многих, в том числе обезглавил одного очень энергично сражавшегося спутника Телефа, который был у царя в числе вождей за свой ум и усердие. Вот так и погиб Тессандр, удачи в бою постепенно вскружили ему голову, и из-за этого он, вступив в бой с превосходящим его силу противником, был убит. Его истекающее кровью тело вынес из боя на своих

плечах Диомед – так он исполнил свой долг дружбы, начало которой положили еще их родители. Диомед предал тело Тессандра огню и похоронил останки по отеческому обычаю.

3. Ахилл и Аякс Теламонид, видя, что исход боя затягивается с большими для нас потерями, разделили войско на две части. Они подбодрили своих воинов, как того требовал момент, и те, словно со свежими силами, еще яростней кинулись на врагов, впереди сражающихся, – сами вожди, то они гонят обратившихся в бегство, то незыблемо, как стена, стоят против нападающих врагов. Первые во всех видах боя, первые в ряду бойцов, они стяжали великую славу своей доблести и у своих, и у врагов. И когда Тевфраний, сын Тевфранта и Ауги, единоутробный брат Телефа, увидел, что Аякс с такой славой бьется против его воинов, он стремительно направился к нему и вскоре пал, сраженный в этом бою его копьем.

Сильно потрясла Телефа гибель брата, и он, в жажде мести за его смерть, грозно ворвался в строй врагов и обратил в бегство тех, кто пошел на него. Но упорная погоня за Улиссом привела его в близлежащий виноградник, и он, запутавшись в виноградных лозах, упал. Это издали приметил Ахиллес, метнул копье и поразил царя в бедро. Но Телеф неумолимо поднялся, извлек железо из бедра и, под прикрытием бегом подоспевших своих, был спасен от неминуемой гибели.

4. Уже миновала большая часть дня, когда стала сказываться усталость – ведь обе стороны бились напряженно, без отдыха, в непрерывном бою, и вожди принимали деятельное участие. наших же, и так изнуренных долгим плаванием, особенно ослабило участие в битве Телефа. Он, сын Геркулеса, крепкий телом и могучий силами, сравнял свою славу с божественной доблестью своего отца.

Таким образом, с приближением ночи наступает и передышка в боях, столь желанная всем, – мизийцы уходят домой, а наши – к кораблям.

В этом бою было много убитых и с той, и с другой стороны, но больше всего – раненых, ведь невредимыми из сражения вышли лишь немногие, можно сказать – никто. На другой день обе стороны обменялись послами, чтобы договориться о похоронах павших в бою. Перемирие было заключено, и тела убитых собраны, преданы огню и похоронены.

5. Тем временем Тлеполе, Фидипп и его брат Антиф – я уже говорил раньше, что они, дети Фессала, были внуками Геркулеса, – узнав, что в этих местах царствует Телеф, пошли к нему, полагаясь на родство, и рассказали ему, кто они такие и с кем вместе плывут. Потом они переговорили о многом, и наши под конец стали сильно упрекать Телефа, что он так враждебно отнесся к своим – ведь это войско собрали Агамемнон с Менелаем, не чуждые ему по роду.

Телефу рассказали, что проделал Александр по отношению к дому Менелая, и сообщили о похищении Елены. Таким образом, выходило, что Телефу следовало бы – и в силу родства, и особенно из-за преступного нарушения им закона гостеприимства – прийти на помощь грекам, ради которых даже Геракл совершил подвиги, многочисленные памятники которых существуют по всей Греции.

Хотя Телеф ужасно страдал от раны, он благосклонно ответил на это, что греки сами виноваты, что он не знал об их прибытии, самых дружественных и связанных с ним узами родства, – тогда как им следовало бы послать вперед вестников, которые сообщили бы об их прибытии, и он бы вышел приветствовать их и оказал бы дружеский прием, и, одарив подарками, отпустил бы, когда они сочтут это себе

удобным. Впрочем, воевать против Приама он отказался – дочь Приама Астиоха была связана с ним законным браком, и самый надежный залог их отношений – это родившийся от нее сын Эврипил.

Затем Телеф велел сообщить своим подданным, чтоб они прекратили начатые военные действия, и наши получили возможность свободно сойти с кораблей. Глеполема и его спутников вверяют попечению Эврипила, и они, совершив то, что им было нужно, возвращаются к кораблям и сообщают Агамемнону и другим царям о мире и согласии с Телефом.

б. Когда же те это узнали, то с радостью отложили военные приготовления. Затем, по решению совета, Ахилл и Аякс пришли к Телефу, которого страшно мучила рана, и, утешая, подбадривали его стойкость в этом несчастье.

Когда боль немного отпустила, Телеф стал упрекать греков за то, что они даже вестника не послали предупредить о своем прибытии. Потом он захотел узнать сколько Пелопидов и кто именно участвует в походе, а получив ответ, стал умолять, чтобы все они к нему пришли. Тогда наши, пообещав, что все выполнят, возвестили о его желании остальным. И вот все Пелопиды, кроме Агамемнона и Менелая, собрались и пошли к Телефу, доставив царю посещением много радости и удовольствия. После этого был заключен союз гостеприимства, и вручены богатые подарки, и не было ни одного воина при кораблях, кого бы царь не обошел своей щедростью, ведь зерно и все прочее необходимое было доставлено сообразно числу кораблей.

Телеф же, заметив отсутствие Агамемнона и его брата, просит и молит Улисса пойти их пригласить. Тогда они приходят к Телефу, обмениваются с ним подарками, достойными царского сана, и приказывают сыновьям Эскулапа Махаону и Подалирию явиться лечить

рану Телефа. Те же, после внимательного осмотра раны, тут же прикладывают к ней подходящее лекарство.

7. Но время идет, а срок отплытия все откладывается, дуют противные ветры, и море день ото дня становится все более бурным. Тогда они идут к Телефу и советуются с ним о подходящем времени. Узнав, что в этих местах для плавания в Трою подходит только начало весны, а остальное время неблагоприятно, они по общему желанию возвращаются в Беотию и, вытащив свои суда на сушу, отправляются на зимовку по домам каждый в свое царство. И пока длилось это перемирие, у Агамемнона была возможность предаваться раздорам с Менелаем из-за отданной в жертву Ифигении – ведь именно Менелая считали виновником и причиной горя Агамемнона.

8. В это время и в Трое узнали о заговоре всей Греции против нее – эту весть принесли скифские варвары, что всегда вели торговые дела с местными жителями всего Геллеспонта и постоянно разъезжали туда-сюда. Страх и печаль охватили всех, были люди, кому с самого начала не понравился поступок Александра, и они утверждали, что с Грецией поступили плохо, и за это преступление всех ждет общая гибель.

В этой тревожной обстановке Александр и его наихудшие советники весьма усердно набирают довольно много людей из всякого звания и рассылают их по соседним областям собирать вспомогательное войско, поручив им возвращаться поскорее, как только сделают свое дело. Приамиды так сильно торопились по той причине, что хотели, быстро снарядив войско, опередить выступление врагов, чтобы перенести на территорию Греции готовящуюся войну.

9. Пока это происходило в Трое, Диомед, получив точные сведения о замыслах врагов, очень быстро объехал всю Грецию, посетил каждого вождя, и, раскрывая план троянцев, уговорил и убедил всех по-

торопиться с выступлением, как только будут кончены необходимые приготовления. И не долго по получении этих вестей все сошлись в Аргосе. Тут стараниями Улисса Ахилл, негодовавший на Агамемнона, который отказывался отправляться из-за дочери, примирился с ним. Ахилл сумел убедить Агамемнона, долго терзаемого горем, в том, что на самом деле произошло с его дочерью, и этим совершенно преобразил и состояние духа, и блеск, приличествующие царю.

При том, что из собравшихся никто не пренебрегал воинскими обязанностями, наибольшую заботу о подготовке войны взяли на себя Аякс Теламонид, Ахилл и Диомед. Они решили, что кроме уже снаряженных кораблей нужны еще и те, что могли бы делать набег на вражеские местности. И вот прошло много дней, как они сколотили еще 50 кораблей, всячески оснащенных.

Всего же прошло уже восемь лет с начала войны, и пошел девятый.

10. Когда флот был полностью снаряжен, море – открыто для плавания, и не осталось никаких препятствий, были наняты за плату проводниками скифы, которые оказались тут случайно по торговым делам.

Тем временем Телеф – полученная в бою с греками рана долго мучила его, и ничего не давало исцеления, но в конце концов оракул Аполлона повелел ему обратиться к Ахиллесу и сыновьям Эскулапа – спешно плывет в Аргос. Телеф сообщает вождям, удивленным его приездом, об оракуле и умоляет друзей не отказать ему в предсказанном исцелении. Когда обо всем этом узнали Ахилл и Махаон с Подалирием, они, приложив все старания, вскоре подтвердили правильность оракула.

Греки, совершив множество жертвоприношений, призвали богов на помощь своему начинанию, прибыли в Авлиду со всеми кораб-

лями, о которых уже говорилось. Оттуда они поскорее отправились в плавание, и проводником их был Телеф в благодарность за полученное исцеление. И вот, отчалив при попутном ветре, через несколько дней корабли достигли Трои.

11. Тем временем с большим отрядом вооруженных воинов подходил Сарпедон Ликийский, сын Ксанфа и Лаодамии. Его вызвал Приам, неоднократно посылавший к нему вестников. Еще издали увидев у берега большой флот, Сарпедон, сообразив, в чем дело, быстро построил свое войско и напал на греков, которые только начинали высадку. Вскоре, узнав об этом, и сыновья Приама подоспели с оружием в руках, так что греки, со всех сторон теснимые врагами, не могли без больших потерь ни сойти с кораблей, ни как следует взяться за оружие, – среди общего беспорядка все сбились в кучу и мешали друг другу.

Но в конце концов те, кто все-таки в такой суматохе сумели подготовиться к бою, ободрив друг друга, яростно напали на врагов. Но в этой битве в числе первых пал Протесилай, чей корабль первым пристал к земле – его сразило копьё Энея. Пали также два сына Приама, да и остальная масса войска с обеих сторон в этой битве не осталась без потерь.

12. Однако Ахилл и Аякс Теламонид, чьей доблестью греки держались, сражаясь с великой славой, все же внушали врагам – страх, а своим – уверенность в себе. Враги больше не могли выдерживать натиск этих героев, вот понемногу наступавшие встали и обратились в бегство. Очистив, таким образом, берег от врагов, греки подводят корабли и спокойно их расставляют по порядку. Потом выбирают Ахилла и Аякса Теламонида, на чью доблесть более всего они полагались, и поручают им охрану судов, а такжеверяют их покровительству вообще флот и войско, расположив его фланги и крыло.

Когда уже все было устроено и распределено, уезжает домой Телеф, под чьим руководством шло плавание, и все войско было ему очень благодарно.

Проходит немного времени, и вот, когда наши были заняты похоронами Протесилая, не опасаясь враждебных действий, на них коварно нападает Кикн – его царство было недалеко от Трои, и он узнал о нашем прибытии – он опрокинул наших воинов, подвергшихся тем самым двойной опасности. Остальные наши, которым не было поручено участвовать в погребении, узнают, в чем дело, и, вооружившись, выходят на бой, в том числе и Ахиллес – он вступил в сражение с царем Кикном и убил его, а с ним и бесчисленное множество врагов, и тем самым спас своих, обращенных ранее в бегство.

13. Однако большие потери от частых вражеских выпадов внушали нашим вождям тревогу и беспокойство, и было решено прежде всего двинуть войска на соседние с Троей государства и подвергнуть их опустошению. Первым делом они нападают на царство Кикна и разоряют все кругом. Когда же они, не встретив сопротивления, напали на Неандриенскую область, которая считалась столицей и хранительницей царских детей, и начали жечь и разорять ее, жители этой области со слезными мольбами на коленях стали заклинать их во имя всего божеского и человеческого не губить за преступление дурного вождя неповинное государство и обещали в ближайшее время все искупить это своей преданностью. Вот так, вызвав к себе жалость, спаслась эта область. Впрочем, они выдали по требованию греков царских детей: Кобиса и Кориана и сестру их Главку – она была отдана Аяксу за проявленную доблесть помимо прочей причитавшейся ему добычи.

Вскоре Неандрийцы с мольбами и миром приходят к грекам, предлагают свою дружбу и обещают выполнить все, что им прикажут.

После этого греки напали на Киллу и завоевали ее, а вот Корену, которая была поблизости, они не тронули из расположения к неандрийцам, которые были там хозяевами, а вообще по отношению к нам сохраняли в этот момент верность и большое дружелюбие.

14. Тем временем греки получают оракул Пифии, которому все должны подчиниться – нужно принести жертву Аполлону Сминфею, и сделать это должен Паламед. Последнее обстоятельство многим было угодно – ведь этот муж проявил по отношению ко всему войску заботу и любовь, но многие вожди огорчились. Он все же, как было указано свыше, совершил заклятие ста жертвенных животных от имени всего войска и под руководством Хриса, жреца этой местности.

Прознав об этом, Александр с вооруженным отрядом явился, чтобы им помешать, но не успел он еще приблизиться к храму, как два Аякса обратили его в бегство, уложив многих из отряда. Однако Хрис, жрец, как мы уже сказали, Аполлона Сминфея, боялся и того, и другого войска, и когда кто-то из соперников к нему обращался, ему приходилось делать вид, что он на их стороне.

Когда происходило жертвоприношение, Филоктет стоял недалеко от алтаря храма, и его неожиданно укусила змея. Кто это видел, закричали, на крик подбежал Улисс и убил змею. Филоктета в сопровождении нескольких человек отправили лечиться на Лемнос, ведь там, в святилище Вулкана, есть жрецы этого бога, которые, по словам местных жителей, умеют исцелять от таких ядовитых укусов.

15. В это время Диомед и Улисс задумали убить Паламеда – такова уж натура человека – они полны зависти, не умеют сдерживать злые побуждения, слаб человек перед душевной мукой, нелегко ему вынести, чтобы впереди был кто-то другой, пусть даже лучший.

Итак, притворившись, они сделали вид, будто нашли в колоде клад и хотят с ним поделиться, и, когда поблизости не было никого, уговаривают, чтобы он лучше сам туда спустился; после чего – опускают на канате ничего дурного не подозревающего Паламеда и поспешно заваливают его камнями, которые валялись кругом.

Вот сколь ужасной смертью погиб прекрасный муж, любимый войском, чья доблесть, чьи советы никогда не подводили, – погиб от коварства тех, кому такой поступок подобал менее всего. Однако люди поговаривали, что и Агамемнон не был в неведении относительно этого плана, потому что Паламеда любили в войске и большинство открыто говорило, что верховную власть надо передать ему.

Его смерть была воспринята всеми греками как общественный траур – тело предали огню и останки погребли в золотом сосуде.

16. Тем временем Ахилл, сочтя, что соседние с Троей государства – это ее подмога и как бы мастерская, с несколькими кораблями отплывает на Лесбос и без малейших затруднений захватывает его; он убивает местного царя Форбанта, что замышлял много недоброго против греков, а его дочь Диомедею уводит в плен вместе с богатой добычей. Потом, уступив просьбе всех своих воинов, он с большим отрядом напал на Скир и Гиераполис, города, битком набитые богатствами, и разрушил их без труда. Впрочем, и по пути он разорял поля, которые изобиловали при постоянном отсутствии войн урожаем, – опустошив и разграбив, не оставив в невредимости ничего, что казалось ему дружественным по отношению к троянцам. Соседние народы, как узнали об этом, сами поспешили к нему с просьбой о мире. Чтобы их поля не были разорены, они дают ему половину урожая и в ответ получают мирный договор. Совершив все это, Ахиллес возвращается к войску с огромной славой и добычей. Тогда же, узнав о прибытии наших, сюда приезжает и скифский царь с многочисленными подарками.

17. Но Ахилл, пока не удовольствовавшись делами, напал на Килику и в несколько дней с боем взял Лирнес. Он убил Этиона, который правил в этих местах, наполнил свои суда огромными богатствами и увез с собой Астиному, дочь Хриса, просватанную уже к тому времени за царя. Потом он без отлагательства стал осаждать Педас, город лелегов. Их царь Брис, когда увидел, как свирепствуют наши при осаде, понял, что никакой силой он не сможет помешать врагам и защитить своих, и, отчаявшись в возможности избежать гибели и спастись, пока все прочие были заняты только врагами, удалился домой и удавился. Вскоре город был взят, много народу перебито, а царская дочь Гипподамия уведена в плен.

18. В это же время Аякс, сын Теламона, то и дело совершал набеги на фракийский Херсонес. Когда же местный царь Полиместор осознал доблесть и славу этого мужа, он, отчаявшись, стал вести переговоры о сдаче. В качестве платы за мир он выдает Полидора, который недавно родился у Приама и был ему тайно вверен на воспитание, и, чтобы снискать расположение врагов, щедрой рукой были даны еще золото и другие дары. Сверх этого царь обещает годовой запас зерна для всего войска и грузит его на суда, которые для этой цели были у Аякса. Царь отказался от союза с Приамом, обрушил на него бесчисленные проклятия и был принят в союз дружбы с греками. После этого Аякс направил путь в царство фригийцев, напал на него и в единственном бою убил властителя этих мест Тевфранта, а через несколько дней завоевал и сжег их город, забрал огромную добычу и увел с собой дочь царя Текмессу.

19. И вот, наконец, оба вождя, разорив и покорив много областей, и покрыв свое имя великой и громкой славой, одновременно, как стоворившись, вернулись к войску. Через глашатаев они собрали вместе всех воинов и вождей, после чего, выйдя на середину, и тот, и другой представили на всеобщее обозрение доказательства своих подвигов

и стараний. Греки, увидев все это, удостоили их величайших похвал и выразили свое полное одобрение, и увенчали их, стоящих в центре собрания, оливковыми ветвями. Потом начался совет, как делить добычу, под руководством наилучших в этом деле: Нестора и Идомея.

Там, с общего согласия, из добычи, принесенной Ахиллесом, исключили супругу Этиона Астиоху, дочь Хриса, как уже было сказано, – ее дали Агамемнону из почтения к его царскому сану.

Сам Ахилл оставил при себе помимо дочери Бриса Гипподамии еще и Деимедею, потому что те обе были одного возраста и воспитания и разлучить их, не причинив им огромного горя, было невозможно, – пленницы, припав к коленям Ахиллеса, горячо умоляли его их не разлучать.

Вся же остальная добыча была распределена между всеми поголовно, с учетом заслуг каждого.

Потом Улисс и Диомед по просьбе Аякса вынесли на середину то, что добыл Аякс. Отсюда царю Агамемнону выдается, сколько надо, золота и серебра, после чего Аяксу за его выдающееся деяния отдают дочь Тевфранта Текмессу. Что осталось, делят между отдельными воинами и распределяют по войску зерно.

20. Когда с этим было покончено, Аякс сообщает, что он заключил с Полиместером договор и что ему передан Полидор. Тогда принимается решение, чтобы Улисс и Диомед отправились к Приаму и потребовали выдать Елену и все похищенное в обмен на Полидора. А когда они уже собрались идти, Менелай, ради которого велось это дело, тоже берется участвовать в посольстве вместе с теми, о ком было уже сказано. И вот, взяв с собой Полидора, они являются к троянцам. Жители Трои обратили внимание, что прибыли к ним

люди значительные и поскорее созвали всех старцев, которые обычно составляют совет, но Приама сыновья удержали дома.

И вот, в присутствии всего греческого посольства, взял слово Менелай. Он сказал, что уже второй раз приходит сюда по одной и той же причине. Что много преступного совершено не только против него и его дома, но – с тяжким стоном пожаловался он – его дочь осиротела без матери, и все это сделал бывший друг и гость, от которого он совершенно этого не заслужил.

Старцы слушали эту длинную жалобу и со слезами соглашались со всем, что он им говорил так, словно разделяли его чувства.

21. Вслед за Менелаем на середину вышел Улисс и произнес следующую речь: «Я полагаю, что вы, первые троянские мужи, знаете достаточно хорошо, что греки не имеют обыкновения действовать безрассудно и необдуманно, и что у них все всегда взвешено и проработано старейшинами так, чтобы когда дело будет сделано, за ним последовала бы хвала, а не хула. Я не буду говорить о том, что вы оставили уже без внимания, – сейчас нужно, чтобы вы еще раз подумали. Греция в ответ на оскорбление и преступление Александра не кинулась к оружию, что обычно дает утоление гневу. Нет, если вы помните, по решению совета мы вместе с Менелаем как послы явились, чтобы получить Елену обратно, однако кроме надменных угроз на словах и тайного коварства на деле мы не добились ничего ни от Приама, ни от царевичей. Ничего не достигнув, таким образом, я думаю, было вполне последовательно взяться за оружие и потребовать силой то, что нельзя было получить по-хорошему. Таким образом, наше войско находится в полной готовности, и возглавляют его столь выдающиеся и знаменитые вожди, мы все же решили не выступать против вас войной, но, следуя своему обычаю, с присущей нам простотою явились к вам вновь просить о том же. Все

остальное, троянцы, в ваших руках. Если вы хоть сколько-то здравомыслящи, не стыдитесь пойти на уступку и, приняв спасительное решение, исправить то, что было сделано во зло прежде.

22. Ради бессмертных богов, ну рассудите же сами, каким бедствием, прямо-таки заразой, станет такой подобный пример, способный охватить весь свет! Найдется ли после этого человек, который, имея определенные, подобающие мужчине, дела, не станет ожидать от своего друга всего самого подозрительного и опасаться с его стороны всяческого коварства, держа в памяти преступление Александра? Какой брат свободно распахнет дверь перед братом? Кто не станет остерегаться, как врага, гостя или родственника? И, наконец, будут уничтожены все договоры о союзах и добрых отношениях между греками и варварами, если вы не согласитесь на мои предложения, чего, я надеюсь, вы все же не сделаете.

В силу всего этого, троянские предводители, будет очень хорошо и полезно, если греки, получив назад все, что было вырвано у них силой, без промедления будут отпущены домой мирно и пристойно, ради чего оба царства должны протянуть друг другу руки самым дружественным образом.

Когда я размышляю о вашей участи, она мне, клянусь, представляется достойной сожаления, ведь вскоре вам предстоит подвергнуться каре, при том, что вы невиновны и ничего дурного не совершили, а просто за распущенность некоторых немногих и чужое преступление!

Разве только вы одни не знаете, какое воздействие было оказано на соседние, дружественные вам государства – и разве это не предстоит остальным в ближайшее время? А ведь вам уже известно, что Полидор захвачен и содержится у греков.

Если Елена будет теперь возвращена, а с ней вместе, по крайней мере, и то, что было нагреблено, Полидор сможет вернуться к Приаму невредимым, в противном же случае война возобновится, и конец ей придет, только когда либо погибнут все греческие вожди, из которых каждый в отдельности способен сокрушить весь город, либо, что более, я думаю, вероятно, мы, захватив Илион, предадим его огню, чтобы ваше преступление стало предостерегающим примером для потомков. Стало быть, теперь все в ваших собственных руках, и вы должны очень и очень подумать».

23. Одиссей кончил свою речь, и наступило всеобщее молчание, как всегда в подобных случаях, когда каждый ждет, что скажут другие, считая себя недостаточно авторитетным.

Тут отчетливо раздался голос Ксанфа: «Да ты, Улисс, говоришь перед теми, у кого кроме большого желания нет никакой другой возможности поправить дело».

После чего заговорил Антенор.

«Все, о чем была речь, мы знаем, и страдать нам предстоит в полном сознании всего этого. Конечно, мы весьма хотели бы переговоров, если бы это было в наших силах. Но сами видите – не в наших руках верховная власть. Ею владеют те, для кого прихоть превыше общей пользы». Антенор кончил говорить и отдал распоряжение, чтобы тут же по порядку ввели всех вождей, которые привели свои военные силы по дружбе к Приаму.

Когда они вошли, Улисс начал говорить вторую речь, и назвал их всех злейшими врагами греков, ничуть не отличающимися от Александра, раз они, отклонившись от честного и доброго пути, последовали за ним, совершившим гнуснейшее преступление.

Каждому понятно, что если такая ужасающая несправедливость поощрена, то очень скоро другой пример станет заразительным и ему последуют, а может, сделают и что похуже, все окружающие. Ведь то, что является преступным, все молча про себя осуждают, и уже это негодование удерживает от следования такому примеру.

Далее, по обычаю, было опрошено мнение старейшин, и все единодушно решают, что Менелай понес незаслуженное оскорбление; с сообщением об этом посылают к Приаму двух специально избранных, чтобы они среди прочего что им поручено, поставили его в известность и насчет Полидора.

24. Царь при вести о сыне пал бездыханным. Затем, с помощью окружающих, постепенно прийдя в себя, он захотел пойти в Совет, но царьки ему помешали. Покинув отца, они ворвались в Совет как раз в том момент, когда Антимах осыпал греков бесчисленной бранью и даже заявлял, что Менелая они отпустят только по выдаче Полидора, – он будет под стражей, а если придется, то и погибнет, как и Полидор.

Против него выступил Антенор – остальные молчали – и ожесточенно сражался против принятия такого решения. Когда же речи были истощены, дошло до рукоприкладства, и все присутствующие, объявив Антимаха нарушителем спокойствия, баламутом и мятежником, выкинули его из курии.

25. Но когда ввалились Приамиды, Панф стал умолять Гектора – ведь среди всех царевичей он считался лучшим и по доблести, и по уму, – и убеждать его как можно скорее вернуть Елену – ведь греки приходили как просители по этому поводу, и чтобы Александр сдержал свою любовь к Елене, если таковую имел.

Нужно, чтобы все хорошо отдавали себе отчет в присутствии греческих царей и подвиги, и недавно добытую боевую славу при сокрушении дружественных Трое государств. Устрашающее доказательство этого – выдача Полидора, которую по указанным причинам совершил Полиместор.

Поэтому следует также опасаться, ввиду близости границ, как бы и другие соседи не замыслили измены в отношении Трои, ведь у нас нет ничего точно известного и назначенного и, наоборот, все будет полно опасности и коварства.

Если же все это принять в счет и, не оскорбляя далее послов, послушаться и отправить Елену с миром, то союз дружбы между двумя царствами станет прочнее и надежнее.

Гектор же, выслушав, стал очень грустен при упоминании о братнином преступлении, вздыхал и проливал слезы, однако выдать Елену совершенно не был согласен, так как она пришла молящей и поэтому ее нужно было охранять по заключенному договору. Что же до ее похищения, то это можно уладить возмещением, ведь вместо Елены послы могут, как захотят, взять в жены Менелаю Кассандру или Поликсену с богатейшим приданым.

26. Тогда Менелай, почернев от гнева, сказал: «Видят боги, вот это прекрасно – у меня украли жену, а теперь заставляют сменить ее по вкусу моих врагов!»

Против него вышел Эней. «Ничего этого не будет, на это не соглашусь и окажу отпор я и все близкие, и друзья Александра, которые содействовали ему в этом деле. Да, есть и всегда останутся такие люди, которые способны защитить дом и царство Приама. Даже с потерей Полидора при таком числе здравствующих сыновей сирот-

ство Приама не постигнет. Что похищения подобного рода дозволительны только тем, кто из Греции, ведь им-то можно было с Крита похитить из Сидона Европу, а из наших краев Ганимеда?! А Медея? Вы, наверное, не знаете, что ее увезли в Иолк из Колхиды? Не обойду молчанием и самое первое похищение, положившее начало остальным – ведь Ио прибыла в Аргос после того, как ее похитили из царства Сидонян.

До сих пор мы с вами действовали речами, но если вы сейчас немедленно не уберетесь из этих мест со всем своим флотом, вам уже придется изведать силу троянцев, ведь у нас дома предостаточно способных воевать граждан, да и число союзников растет со дня на день».

Он кончил, и Улисс ему – спокойно: «Клянусь богами, у вас больше нет намерения покончить с враждой. Что ж – подавайте сигнал к бою и будьте зачинщиками не только при нанесении оскорблений, но и при начале военных действий. А мы ваш вызов примем».

Потратив такие слова в адрес друг друга, послы покинули собрание. И вскоре по народу прошел слух, что говорил Эней против послов, и поднялось смятение, что теперь из-за него весь дом Приама из-за ненависти к его царствованию будет погублен самым страшным образом.

27. Послы же, вернувшись к своему войску, сообщили собранию своих вождей, как с ними поступили и что говорили троянцы. Так, вследствие этого было решено умертвить Полидора на виду у всех прямо перед стенами Трои. Дело это откладывать не стали, и юноша, поставленный на глазах у взиравших на это с городской стены под ударами вражеских камней искупил вину преступления своего брата.

Сразу же в Троию к илионцам посылается с известием глашатай, чтобы они могли испросить его тело для погребения. С этой миссией отправляется в сопровождении царских слуг Идей и доставляет изуродованного камнями Полидора его матери Гекубе.

Тем временем Аякс Теламонид оставляет в покое соседние, дружественные Трое царства и нападает на Пифию и Зелею, известные своими богатствами, но, не удовольствовавшись ими, захватывает и с поразительной быстротой разоряет Аристу, Гаргару, Гергиту, Скепис и Лариссу.

После чего, прослышав от жителей, что на Иде пасется много скота, вместе со всем окружением быстро поднимается на гору и, перебив сторожей стада, уводит огромное множество скота.

Затем, не встретив никакого отпора, поскольку все, что попадались ему на пути, старались, если было возможно, кинуться в бегство, он вернулся к своим с огромной добычей.

28. Тем временем жрец Аполлона Сминфейского Хрис – мы о нем уже упоминали, – узнав, что его дочь Астинома находится у Агамемнона, является к кораблям в твердой надежде на почтение к столь могущественному богу – он несет перед собой кумир бога, и кое-что из украшений его храма, чтобы живее представив присутствие божества, вернее прониклись благоговением.

Он принес как выкуп за дочь множество золотых и серебряных даров и высказал свою просьбу, поклявшись, что исполнением ее они умножат помощь божеству, которое тоже явится просить их вместе со своим умоляющим жрецом. Кроме того, Хрис упомянул и о том, что Александр и его сородичи постоянно против него.

Когда греки все это выслушали, все единодушно приняли решение вернуть дочь жрецу и выкупа за нее не брать, потому что никак нельзя ставить ни во что и человека, который сам нам верный друг и, что еще более важно, – благоговейный страх перед Аполлоном, поскольку и молва окрестных жителей, и многочисленные предостерегающие примеры вселили в них твердую уверенность в том, что этому божеству следует угождать.

29. Агамемнон, узнав о случившемся, пошел наперекор общему решению. С лицом искаженным от ярости, он стал угрожать жрецу смертью, если тот не удалится, и прогнал старца, который, опасаясь за свою жизнь, ушел прочь от войска, так и не добившись в своем деле успеха. Когда собрание таким образом закончилось, цари поодиночке подходили к Агамемнону и весьма порицали его за то, что он из-за любви к пленнице проявил такое пренебрежение к ним и, что особенно недостойно, к столь могущественному богу. И вскоре покинули его за этот поступок, осыпав проклятиями, а также припомнив и столь любимого в войне Паламеда, которого коварно убили Диомед и Улисс не без ведома Агамемнона. Ахиллес же поносил его и Менелая во всеуслышание.

30. А Хрис, претерпев такое оскорбление от Агамемнона, удалился домой, и вот прошло совсем немного дней, как вдруг по неизвестной причине (но все сочли, что из-за гнева Аполлона) – на войско нападает ужасный мор. Сначала заболевает скот, а затем, разгораясь все больше и больше, болезнь распространяется среди людей, и наконец уже великое множество народа погибает, измученное этим несказанно смертоносным недугом. Правда, никто из царей не заразился и не умер.

И вот наконец, когда бедствие перешло уже все границы, и люди день ото дня все мерли и мерли, вожди, начав уже опасаться и за

себя, собрались вместе и стали настоятельно требовать, чтобы Калхас, – а ведь он, как мы уже говорили, ведал будущее – открыл им причину этого страшного бедствия.

Калхас признался, что ему известно, как возникла эта болезнь, но свободно говорить об этом он не может, потому что это вызвало бы неудовольствие самого могущественного царя.

После этого Ахилл убедил всех вождей, чтобы каждый лично клятвенно заверил Калхаса, что ему не будет причинено никакой обиды за открытие истины.

Калхас, как только все выразили ему свою поддержку, возвестил, что причиной является гнев Аполлона и что молить надо его, разгневанного на греков из-за оскорбления его жреца, чтобы он снял наказание с войска.

Ахилл спросил тогда, есть ли средство от этой беды, и Калхас изрек, что таковым может быть возвращение девы.

31. Тогда Агамемнон, смекнув, что произошло, молча покидает собрание и приказывает всем своим быть готовыми к бою. Когда Ахилл это заметил, он, в страшном негодовании на его поведение и озабоченный гибелью изнуренного войска, приказывает собрать отовсюду и снести в одно место на собрание, на всеобщее обозрение, тела умерших, самым жалким образом изнуренных болезнью. Цари и все войска были взволнованы этим зрелищем еще больше, и, по предложению Ахилла, все решили выступить под его началом против Агамемнона, и если он будет упорствовать, принять решительные меры перед лицом грозящей всем гибели.

Когда все это было сообщено Агамемнону, то он из любви ли к пленнице или из упрямства твердо решил никак не менять своего мнения, даже если придется претерпеть все самое страшное.

32. Троянцы узнали о том, что происходило – ведь они замечали, что за пределами стен постоянно сжигают тела и часто происходят похороны, и догадывались, что остальные греки, конечно, ослаблены этим несчастьем, и поэтому они, ободряя друг друга, берутся за оружие и вместе с отрядом союзников быстро выбегают из ворот и устремляются на врагов. Уже на поле их войско делится на две части, и троянцев возглавляет Гектор, а союзников – Сарпедон.

Наши, увидев врагов и тоже вооружившись, строятся, сообразно с обстоятельствами, простой фалангой, образуют строй, окружив его флангами, правым командует Ахилл с Антилохом, левым – Аякс Теламонид с Диомедом, а центром – второй Аякс и наш вождь Идомея.

Когда оба войска были таким образом построены, враги двинулись навстречу друг друга. И когда они схватились врукопашную, то бились всем строем, каждый подбадривал своих. Так долгое время они и сражались, неся большие потери с обеих сторон – и отличились в этом бою у варваров Гектор и Сарпедон, а у греков – Диомед с Менелаем. Наконец, ночь прервала битву, принесла общий для враждующих сторон покой. Войска отошли, и противники, предав тела своих павших огню, похоронили их.

33. Когда все это было окончено, греки приняли решение, что упрочить их все дела должен Ахиллес, который, как они знали, во всех тяжелых для греков обстоятельствах проявлял очень большое участие. Однако Агамемнон, опасаясь утратить свою царскую славу, в собрании сказал речь: у него, мол, на сердце прежде всего – благополучие войска, и поэтому он больше не возражает, чтобы Астиному

вернули отцу, особенно если ее возвращение избавит от нависающей гибели, чтобы ему больше не слышать ничьих попреков. Правда, он ставит условием, чтобы вместо нее ему дали Гипподамию, которая уже была у Ахилла, чтобы он ее принял как возмещение своего почетного дара. Так они и сделали, хотя все и сочли недостойным это и ужасным, но Ахилл, которому эта награда была дана за многочисленные выдающиеся подвиги, допустил это – вот сколь велика была любовь к войску и забота о нем в душе этого великого юноши.

И вот, при том, что все были против, но явно не оказали сопротивления, Агамемнон с таким видом, будто дело было решено всеобщим согласием, приказывает ликторам увести к себе Гипподамию, и те быстро выполняют приказ. Астиному же тем временем греки, отрядив Диомеда и Улисса, отсылают в святилище Аполлона с большим количеством жертвенных животных. И вот, когда жертвоприношение было совершено, показалось, что свирепство заразы мало-помалу стало смягчаться, она больше не цеплялась к людям, и те, кто уже страдал болезнью, почувствовали наступление ниспосланного свыше долгожданного облегчения. А вскоре уже сила и здоровье снова вернулись ко всем в войске. Даже на Лемнос Филоктету посылают его долю добычи, которую захватили греки с помощью Аякса и Ахилла и распределили между собой, уделив часть каждому.

34. Ахилл же не позабыл понесенную обиду и решил впредь уклоняться от участия в общем совете, потому что ненавидел Агамемнона, а любовь, которую он питал к грекам, была в нем уничтожена после того, как они допустили, чтобы после того, как он свершил столько подвигов и сдержал столько побед, его награду за труды – Гипподамию – так бесчестно у него отняли.

Он не допускал к себе никого из являвшихся к нему вождей и не простил никому из друзей, которые бросили его, хотя вполне можно было защитить его от оскорблений Агамемнона.

Ахилл пребывал в своем шатре и при себе оставил только Патрокла – милого ему по обязанностям дружбы, а также Феникса – наставника его нравов и своего возничего Автомедонта.

35. В Трое тем временем войска союзников, а также те, кто привели свои наемные войска за плату, потеряв много времени впустую, или наскучили этим, или затосковали по дому, и затеяли мятеж. Тогда Гектор, прознав об этом, был вынужден этим крайним обстоятельством приказать воинам быть под оружием и выступить, едва он даст знак. И когда он счел, что пора, и ему сообщили, что все уже готовы, Гектор велит выступать и сам становится вождем и командующим этого похода.

Сейчас наступило время сообщить, кто же были цари тех, кто пришел на помощь Приаму из разных краев, как друзья и союзники и как наемные войска, приглашенные за вознаграждение.

Так вот, первым из ворот вырвался Пандар, сын Ликаона из Лиий, за ним – Гиппофой и Пилей из Лариссы Пеласгийской, Акамас и Пир – фракийцы, за ними – Эврем Трезенский, повелитель кипонов, Пилемон – пафлагонец, славный сын своего отца Мелия, также сыновья Минуя, правящие алионами, – Одий и Эпистроф, Сарпедон, сын Ксанфа, владыка ликиоров из Солема, Наст и Амфимах, сыновья Номиона из Кариий, меонийцы Антиф и Местл – отцом их обоих был Талемен; ликиец Главк, сын Гипполоха, которого взял себе помощником в военном деле Сарпедон, потому что Главк выделялся из всех в своем царстве умом и военной доблестью. Были там фригийцы Форк и Асканий, мигдонцы Хромий и Энном из Мезии, Пирехм, сын Ахия, из Пеонии, сыновья Меропа из Адрестии Амфий и Адрас, Асий, сын Гиртака из Сеета, и еще один Асий, сын Диманта и брат Гекубы, фригиец. И всех тех, о ком мы сейчас сказали, сопровождало множество народу, обычаев самых беспорядочных, говорящих на

различных языках, которые имели привычку выступать в битву, не соблюдая никакого строя и порядка.

36. Когда наши все это заметили, они выступают на поле и встают в боевой порядок под руководством и по указаниям афинянина Менесфея, строясь по племенам и царствам, при этом Ахилл с войском миримидонцев стоит особо. При том, что он ничуть не забыл, что Агамемнон нанес оскорбление и Гипподамия была отнята, в этот момент был еще больше возмущен тем, что все прочие цари были созваны на пир, и только он был неуважительно оставлен без внимания.

И вот, когда наше войско выстроилось и было полностью готово отразить нападение всех этих толпищ, то ни одна сторона не осмелилась приступить к бою, и недолгое время было так, словно воины нарочно удерживались от взаимного нападения, а потом прозвучал сигнал к отступлению.

37. И вот греки возвратились к своим кораблям, сложили оружие и начали, каждый на своем обычном месте, подкреплять тело пищей, а в это время Ахилл, задумав отомстить за свои обиды, и поскольку наши ничего не подозревали об его замыслах и вели себя, как и положено на отдыхе, попытался на них внезапно напасть.

Когда же Улисс узнал об этом от своих стражей, которые предвидели эту вылазку, он стал, бегая от одного вождя к другому, громко их звать и побуждать скорее взяться за оружие и быть настороже, и некоторым открыл замысел Ахилла. Тут поднялся ужасный шум – все поспешно кинулись вооружаться, и каждый стал принимать меры своей безопасности, и Ахилл, таким образом, когда известие о его планах опередило его и осуществить задуманное ему было уже нельзя, удалился в свой шатер, так и не предприняв этой вылазки.

После этого наши вожди посчитали, что троянцы могут вследствие внезапного поднятого у нас шума прийти в движение и предпринять поэтому новую попытку к бою, и поэтому стражу следует усилить, для чего посылают в дозор обоих Аяксов, Диомеда и Улисса. Они разделяют между собой участки, где у врагов есть подход. Все это было предпринято не напрасно. В самом деле, Гектор, желая дознаться, какова была причина суматохи в лагере противника, выбирает, наконец, сына Евмеда Долона, пообещав ему много наград за то, чтобы он пошел разведать, что там делается у греков, и отправляет его, и тот, жадно стремясь разузнать все неясное поблизости от кораблей, уже почти было решил, что закончил порученное ему дело, как попался в руки Диомеда, сторожившего здесь вместе с Улиссом. Схваченный, все быстро им раскрыл и был убит.

38. За сим последовало несколько дней, проведенных в покое, когда оба войска тянули время. Поделив между собой поле, лежавшее между Троей и кораблями, поле, на котором происходили сражения, все воины с великим старанием упражнялись в военном деле. Затем, по сигналу, греки сплотились в построенные ряды, стройно следуя каждый за вождем своего отряда. Варвары же кинулись на них без всякого строя и порядка.

Пало в этой битве с обеих сторон много людей, и никто не уступал сильному, и по примеру самых храбрых всякий спешил сравняться в славе с тем, кто стоял рядом. Тогда были вынуждены покинуть битву тяжело ранеными из варваров – Эней, Сарпедон, Главк, Гелен, Евфорб и Полидамас, а из наших – Улисс, Мерион и Эвмел.

39. Менелай, случайно заметив Александра, кинулся на него в яростном порыве, но тот сумел уклониться и, не решаясь долее выдерживать натиск Менелая, обратился в бегство. Гектор издали заметил его и, подбежав вместе с Деифобом, схватил брата, после чего оба они накинулись на Александра с жестокой бранью и, наконец,

заставили его выйти перед строем, что и было сочтено как вызов на поединок. Когда же Менелай издали завидел его, он решил, что наконец настал случай напасть на того, кто был ему самым ненавистным и, надеясь рассчитаться теперь за все обиды его кровью, собрав все силы, кинулся в бой. Когда оба враждующих войска поняли, что соперники изготовили оружие к бою и собрались с духом, они по условному знаку отступили.

40. И вот соперники стали сходитья кружными шагами и были уже на расстояние брошенного копья, когда Александр, стремясь опередить врага, первым броском и уже примериваясь, куда бы нанести рану, первым метнул копье, и оно, скользя по щиту, с легкостью было отброшено.

Затем, приложив страшную силу, мечет копье Менелай, но достигает почти того же; ибо отраженное вражеским щитом, подставленным, чтобы предохранить от удара, копье вонзается в землю.

Вновь вооружившись, враги устремляют друг на друга новые металлические копья. И только тут Александр падает, получив удар в бедро, а чтобы слава отмщения не перешла к его врагу, поединок прерывается самым худшим образом. Ведь в тот момент, когда Менелай, обнажив меч, кинулся вперед, чтобы прикончить врага, стрела Пандара, пущенная исподтишка, ранила его и остановила натиск. Наши подняли крик гнева и негодования из-за того, что трояне так постыдно прервали поединок этих двух, из-за которых разгорелась война, варвары же, накатив плотным клубком, похищают Александра с центра поля.

41. В этой неразберихе, пока наши еще медлили, Пандар, стоя в отдалении, многих пронзил своими стрелами и окончил он это только, когда Диомед, потрясенный его неслыханным поступком, подобрался к нему поближе и копьем уложил его. Вот как Пандар

расплатился за нарушение боевого договора и, убив многих, в конце концов все-таки понес наказание за преступнейший способ вести войну. Впрочем, Приамиды высвободили из боя его труп и предали его сожжению, останки же его были переданы его товарищам, и они увезли их схоронить в родной Ликийской земле.

Тем временем оба войска по условному знаку изо всех сил схватились в рукопашном бою, и длился он с переменным успехом до заката. Когда же пришла ночь, вожди с обеих сторон отвели войска недалеко от передовой линии и укрепили подобающей охраной лагеря.

И вот некоторое время, поджидая удобного момента для битвы, многие воины напрасно пробыли под оружием, ведь уже приближалась зима, поля стали затопляться от частых дождей, и варвары ушли за городские стены. Наши, когда все враги скрылись из виду, у кораблей занялись зимними делами, так, на разделенном на две части поле, которое уже больше не было пригодно для битвы, они обе части приспособливают под пашню, чтобы подготовить корм скоту и все, что могло еще дать это время года.

Тем временем Аякс Теламонид, обучив воинов, которых водил с собой, а также имея еще при себе кое-кого из войска Ахилла, напал на Фригийское царство и многое разорил, как враг, брал города, и вскоре, разжившись добычей, как победитель возвратился к войску.

42. В эти дни, когда в силу заключенного на зиму перемирия наши ничего враждебного не ожидали, трояне устроили нападение – придумал эту наглость Гектор, он же и был в ней вождем. Подготовив свои толпы к бою, он вывел их с наступлением дня из ворот, велел им со всех ног мчаться к кораблям и напасть на врагов. Греки же, в малом числе и уже отвыкшие от боя, были быстро смяты, быстро бегущие троянцы помешали тем, на кого они нападали прежде всего, взяться за оружие, и много народу было убито.

Те, кто были в центре, продвинулись еще дальше, и Гектор вместе с ними уже добрался до кораблей и начал бушевать, забрасывая на корабли огонь, чтобы вызвать пожары, и никто из наших не смел сопротивляться. Однако они, испуганные и обессиленные внезапным нападением, укрылись у Ахилла, который отказался им помочь. Вот какая перемена в умах произошла и у троян, и у наших.

43. Тем временем Аякс Теламонид, узнав о том, что Гектор в блеске своего оружия уже около кораблей, является туда же и нападает на врага всей силой своей огромной мощи и наконец, пролив немало пота, выбивает врага за пределы лагерного вала. Аякс продолжает яростно теснить отступающих и повергает наземь Гектора, который слишком смело противостоял ему, ударом огромного камня, и тот, беспомощный, падает. Со всех сторон набегают множество троянцев и, подавив врага количеством, прикрывают его от их дланей, выносят из боя и несут, полуживого, в город, после его столь мало удачной вылазки.

Аякс же разъяряется еще больше – ведь его слава ускользнула прямо у него из рук; к нему присоединяются Диомед, Идомей и другой Аякс, и они вместе кидаются на рассыпавшихся и пустившихся в бегство врагов и укладывают их наземь, метнув оружие издали, схваченных тут же уничтожают, не оставив никого из тех, кто находился в этой части боя, без вреда. Среди всеобщего ужаса сын Гипполоха Главк, Сарпедон и Астеропей попытались было сдержать врага, но скоро и они покинули бой, получив тяжелые ранения. Когда они удалились, варвары, поняв, что без вождей надежды на спасение больше нет, рассеявшись, помчались к городским воротам, но вход был узкий, и несущаяся толпа препятствовала проходу, а они все неслись и неслись, один на другого, как лавина, когда их догнали Аякс с другими вождями, о которых уже было сказано. И тут огромное полчище варваров, охваченное ужасом, было задержано и перебито, и в числе уби-

тых были сыновья Приама Антиф, Полит, Паммон и Местор, а также знаменитый вождь киконов Евфем Трезенский.

44. Вот как трояне, бывшие только что победителями, после того, как с приходом Аякса участь боя переменилась и вожди их были опрокинуты, расплатились за свой безрассудный поход.

С наступлением вечера нашим был дан сигнал отступить, и радостные победители, вернувшись к кораблям, скоро были приглашены на пир к Агамемнону. Здесь Аякс получил от царя великолепные почетные дары и выслушал его похвалы. Впрочем, другие вожди тоже не обошли молчанием деяния и подвиги этого мужа, многие превозносили его доблесть, вспоминали его храбрые подвиги, ведь он покорил столько фригийских городов, взял такую добычу и, наконец, это он освободил наш флот от грозившего натиска, когда вступил в знаменитую битву с Гектором около самых кораблей. Не было ни малейшего сомнения, что теперь именно сей муж воплощал в себе все надежды и всю силу войска, поскольку он в такой трудный момент совершил столь выдающиеся и прекрасные подвиги.

А носы двух кораблей, которые частично пострадали, когда враги устроили поджог, Эпей быстро починил. И тогда греки, твердо надеясь, что уж теперь, после поражения в битве, трояне не осмелятся на враждебные выходки, предались отдыху безо всякого страха.

45. Той порой с огромным войском фракийцев прибывает Рес, сын Эйона, дружный с Приамом и заключивший с ним договор о найме на военную службу.

Прибыл он вечером и несколько задержался на полуострове, который находится напротив города и соединяется с континентом. Примерно во вторую стражу он вступил на троянское поле и стал дожидаться там утра, раскинув шатры.

Диомед и Улисс несли стражу как раз в этом месте, и когда они заметили все это, они подумали, не посылает ли Приам к ним троянских лазутчиков, и, схватив оружие, осторожно крадясь и внимательно озираясь, туда направились.

Усталые с дороги фракийские стражи уснули, поэтому наши продвинулись вглубь лагеря и, проникнув в сам царский шатер, убили царя. После этого они решили, что ничего больше сделать не смогут, и увели к кораблям колесницу царя вместе с его необыкновенными, знаменитыми конями. Остаток же ночи провели, отдыхая каждый в своем шатре. С наступлением дня они собрали остальных вождей и рассказали им, какое дерзкое дело смогли выполнить. Все сочли, что варвары, разъяренные убийством царя, могут на них напасть, и поэтому всем было велено быть под оружием и ожидать нападения врага.

46. В скором времени фракийцы проснулись и нашли в палатке убитого царя с изуродованным лицом, а также заметили следы увиденной колесницы. Немедленно, безо всякого построения, сбившись в кучу, они помчались к кораблям. Завидев их издалека, наши сплотили ряды и, слушая приказания начальников, пошли им навстречу. Однако два Аякса, первыми несколько выступив из строя, стали убивать врагов поодиночке, а там, где плотно, соединившись по-двое и больше, стали разымать врагов и скоро убивали их, уже обратившихся в бегство и рассыпавшихся, чтобы никто не ушел от смерти. И вскоре греки, перебив всех, кто выступал против них, по условному знаку подступили к их шатрам.

Оставались в живых только те, кто сторожил их лагерь, и они, увидев врагов, в ужасе, самым жалким образом, все побросав, как женщины, помчались к городским стенам. Тогда наши отовсюду налетели и стали брать оружие, коней, царские богатства, наконец, все, что каждому давал случай.

47. Вот так, уничтожив фракийцев, победители-греки со своим начальником отправились к своим кораблям, неся с собой добычу и победу. Трояне же наблюдали за всем происходившим со своих стен, но не осмелились подать помощь союзникам и теперь, полные страха, сидели, запершись в городе. Сломленные всеми этими поражениями, варвары, наконец, отправляют к грекам послов с просьбой о перемирии, и в скором времени наши, одобрив договор, скрепляют его, для верности совершив жертвоприношение.

Примерно в это же время Хрис, который, как мы уже говорили, был жрецом Аполлона Сминфея, прибывает в стан греков, чтобы принести благодарность за то, что при возвращении ему дочери к нему было проявлено такое прекрасное отношение и высокое почтение, так что со своей стороны он, когда узнал, что с Астиномой обращались так, как полагается обращаться со свободнорожденной, он привел ее с собой и вручил Агамемнону.

Вскоре после этого вместе с теми, кто отводил ему долю добычи, с Лемноса вернулся Филоктет, все еще больной и пока ступающий недостаточно твердо.

48. Между тем греки собрались на совет, и Аякс, выйдя на середину, стал доказывать, что необходимо послать к Ахиллу людей, которые бы от имени вождей и всего войска стали бы упрашивать его оставить свой гнев и снова вернуть своим былую любовь; ведь никто и не думал оказывать пренебрежение такому мужу, и теперь, когда дела у греков идут прекрасно и они только что одержали победу, особенно ясно, что все просят его вернуть свое расположение не ради собственной выгоды, а из почтения к нему. Аякс также настойчиво убеждает Агамемнона, чтобы он тоже приложил усилия и добрую волю, чтобы это дело окончилось удачно, ведь нет другого средства уцелеть, кроме поддержания единодушия, в такое время все должны

быть заодно, ведь мы находимся далеко от дома, в чужом и враждебном краю, ведем столь тяжелую войну против вражеских царств.

Когда Аякс закончил свою речь, все вожди одобрили его предложения, и самого его превозносили до небес за то, что он всех превзошел и своей смелостью, и своим умом.

После этого Агамемнон заявил, что он и прежде не раз посылал к Ахиллу своих людей, чтобы с ним примириться, и сейчас никакого зла не держит на сердце.

Тут все стали просить Улисса и самого Аякса, чтобы они взяли это дело на себя и пошли к Ахиллу от имени всех, потому что всем казалось, что Аякс в силу их родства с большей легкостью добьется прощения у Ахилла.

Тут все начинают предлагать свою помощь, и Диомед также говорит, что пошел бы с ними по своей воле.

49. После этого Агамемнон велит ликторам принести жертву, и вот вскоре ее уже крепко держали над землей те двое, кому это было пригодно, а сам Агамемнон вынул меч из ножен и вонзил его так, чтобы можно было разрезать ее надвое. Затем, держа в руках обогранный кровью меч, погружает его вглубь жертвы.

Тем временем Патрокл, узнав о том, что готовится, неожиданно приходит в собрание. Царь же, совершив то, о чем мы только что рассказали, в конце приносит клятву, что Гипподамия у него пребывала им нетронутый; он клянется, что совершил эту ошибку не от страсти и желания, но в гневе, когда совершают много дурных поступков.

Он добавляет затем, что готов, если Ахилл захочет, отдать в жены любую дочь, какая ему понравится, а с ней – десятую часть царства

и 50 талантов приданого. Когда присутствующие все это услышали, они поразились щедрости царя, а более всех – Патрокл. Ведь хотя предлагались такие богатства, его больше всего обрадовало, что Агамемнон поклялся, что не прикасался к Гипподамии, с этим он приходит к Ахиллу и рассказывает ему все, что там делалось и было.

50. Пока Ахилл обдумывал и вникал душой во все, что услышал, к нему неожиданно является Аякс и с ним все, о ком мы говорили. Ахилл приглашает их войти и после любезного приветствия усаживает всех, а Аякса – рядом с собой. Выбрав удачный момент, Аякс по-дружески и поэтому более свободно пеняет Ахиллу, что тот не оставляет своего гнева, когда его друзья в таких тяжелых обстоятельствах. Как он может терпеть гибель войска, когда многие его друзья и даже родные умоляют, обхватив его колени.

Затем Улисс стал говорить, что все это от богов, а то, что касается людей, то он изложил все, что было на совете, по порядку: что обещал Агамемнон, как он клялся, и в заключение Улисс стал от своего имени умолять Ахилла, чтобы он не презрел ни брака, ни просьб; тотчас же он и перечислил все, что давалось за невестой.

51. После этого Ахилл завел долгую речь и в первую очередь изложил все свои дела и деяния. Затем он напомнил, какие муки перенес за общее благо, сколько захватил городов и как он воевал день и ночь, пока все отдыхали, как не щадил ни себя, ни своих воинов, а завоеванную добычу, тем не менее, всегда предоставлял в общее пользование.

За все это его одного из всех оскорбили, нанеся такую ужасную обиду, одного его так презрели, что отняли награду за такие труды – Гипподамию, и повинен в этом вовсе не один Агамемнон, но еще больше – остальные греки, которые, забыв обо всех его благодеяниях, молча прошли мимо, когда его оскорбляли.

Когда он кончил, Диомед сказал: «Прошлое нужно забыть, и мудрому человеку незачем помнить о том, что уже миновало, если все это, как ни жалко, ты не можешь вызвать к жизни».

Тем временем Феникс и Патрокл вместе с ним, встав на колени, целовали лицо и руки, обнимали его колени, чтобы он вернул свою любовь и оставил гнев и ради тех, кто сюда пришел, чтобы его молить, и, главное, ради остального войска, которое ничего плохого ему не сделало.

52. И вот, наконец, присутствие всех близких, упоминание о войске, ни в чем перед ним не провинившемся, наконец, произвели в Ахилле перемещение, и он сказал, что сделает то, чего они хотят. Тогда Аякс убедил его впервые после времени злого гнева отправиться на совет, Ахилл выходит, и Агамемнон обращает к нему подобающее царю приветствие. Все остальные вожди радостно, с ликованием высказывают ему свою любовь.

Агамемнон берет его за руку и ведет его и других вождей на пир. И чуть позже, уже на пиру, когда они радостно между собой беседовали, царь просит Патрокла, чтобы он отвел Гипподамию вместе со всеми украшениями, которые он ей дал, к шатру Ахилла, и тот с радостью выполняет это поручение. И пока шла зима, греки и трояне, и поодиночке, и группами, как случалось, встречались в роще Аполлона Тимбрейского безо всякой опаски.

Книга третья

1. Между тем греки, приостановив по соглашению на время зимы военные действия, целеустремленно и очень деятельно старались успеть сделать все, что позволяла эта передышка.

Перед насыпью все войско было поделено сообразно различным способам ведения боя по вождям и народам, и поэтому каждый очень удобно упражнялся в своем роде военного искусства – одни метали вместо копий дротики, сделанные из необожженных кольев, но по весу и величине такие же, как копья; другие целый день состязались между собой в стрельбе из лука, третьи – в метании камней.

Среди стрелков больше всего отличались Улисс, Тевкр, Мерион, Эпий и Менелай. Правда, Филоктет, владелец Геракловых стрел, превзошел бы их всех, ведь он бал наделен поразительным искусством попадать в цель.

Троянцы же и все их союзники радели гораздо меньше, не заботились об упражнениях и вообще вели себя беспечно, и часто, совершенно не боясь засады, то и дело приносили жертвы Аполлону Тимбрейскому, вознося к нему свои мольбы.

Примерно в эту пору приходит сообщение, что почти все государства Азии отпали от Приама и предали проклятью дружбу с ним. Это произошло оттого, что все народы и племена после примера преступления Париса стали очень подозрительно относиться к закону гостеприимства, к тому же, все узнали, что греки побеждали во всех битвах, а разрушение многих городов в этой области все помнили очень свежо, так что, в конце концов, всеми овладела острая ненависть к Приамовым сыновьям и его царству.

2. Однажды, когда Гекуба совершала обряд в честь Аполлона, Ахилл, которому случилось быть тут под Троей, в сопровождении немногих пришел, чтобы посмотреть на священнодействие. Гекубу сопровождали многие знатные женщины, ее невестки, которые должны были проявить свое почтение и послушание царице, но в основном под этим благовидным предлогом хотели вознести мольбы за самих себя.

Были там и две незамужние дочери Гекубы, Поликсена и Кассандра, жрицы Миневры и Аполлона; в необычном для элина уборе, с распущенными волосами, они воссылали свои моления.

Когда Поликсена приносила священную утварь для обряда, Ахилл, случайно взглянув на нее, был очарован красотой девушки. Страсть его растет час от часу, волнение не унимается, и он идет к кораблям. Но проходит несколько дней, а любовь разгорается все сильнее, и тогда Ахилл, призвав Автомедонта, открывает ему, что душа его горит, и просит, чтобы он шел к Гектору поговорить о девушке.

В ответ Гектор передает, что выдаст сестру за Ахилла, если тот передаст ему все войско.

3. Тогда Ахилл дает обещание, что выйдет из участия в войне, если женится на Поликсене. Гектор же свое – Ахилл должен либо подтвердить готовность к измене, либо убить сыновей Плисфена и Аякса – ничего другого по этому делу он и слушать не желает. Услышав такое, Ахилл запыхал гневом и вскричал, что убьет Гектора в первой же битве по возобновлении войны. А сам, с израненной страстью душой, бесцельно бродит, порой задумываясь, до чего же доведет его такое состояние.

Когда Автомедон подметил, что он в душе колеблется, страсть все растет, по ночам он бродит вне палатки, то он стал опасаться, как бы Ахилл не задумал какого вреда себе или вышеуказанным царям и открыл все Патроклу и Аяксу. Те делают вид, что ничего не знают, но пребывают с ним безотлучно. Но вот однажды Ахилл, как бы опомнясь, пригласив Агамемнона и Менелая, открывает им, как было дело и свою страсть. Они в ответ просят его успокоиться, потому что он скоро станет господином той, которую не мог добиться просьбами. Это показалось Ахиллу убедительным, так как счастье троянцев было близко к закату – ведь почти все азиатские государства, разорвав узы дружбы с приаидами, предлагали нам помощь и сотрудничество. На это наши вожди ответили вежливо, что сил, мол, у самих достаточно, и военная помощь не нужна, ну, а дружбу, конечно, принимают, и добрая их воля всем приятна. При этом греки понимали, что верность их ненадежна, мысли их мало известны, и такое их внезапное изменение наверняка не без хитрости.

4. Наконец, зимние месяцы истекли, и началась весна. Греки издают приказ каждому братья за оружие, и едва был подан знак начала войны, как они вывели войско на равнину и построили его; троянцы немедленно делают то же, и вот противники строем начинают сходиться, вот уже они на расстоянии полета стрелы и тогда, подав сигнал к бою, сходятся в схватке – первыми конница, потому что стояла в центре. Тут же вступают в бой цари, наши и противников, – призвав к себе возниц, управляющих конями, они восходят на колесницы.

Самым первым Диомед, налетев на царя Пеонов Пирехма, ударом копья в лоб сразил его, а затем обратился к его свите, полагавшейся царю за доблесть, – все они сгрудились и дерзнули сопротивляться. Тогда Диомед истребил их, меча копье издали, а тех, кого не убил так, сразил на земле, пустив прямо на них колесницу.

Идоменей, доверив коней Мериону, попал в Акаманта, царя фракийцев, и когда тот стал падать, подбежал и добил его мечом.

Когда Гектор, находясь в другой стороне, узнал, что его центр разбит, он оставляет на месте вполне надежных бойцов, а сам, захватив с собой Главка, Деифоба и Полидаманта, спешит на помощь терпящим поражение. И конечно, не приди Гектор остановить наше дальнейшее наступление и бегство своих воинов, наши цари, о которых я только что сказал, разбили бы эту часть врагов наголову. Так что греки, раз уж им не дали добить остальных, принялись, отставив наступление, бить тех, кто еще был цел.

5. Едва по всему войску пронеслась весть о сражении в центре, остальные вожди, укрепив позиции на своих местах, стали отовсюду стекаться к центру. Обе стороны уплотняют ряды, и сражение возобновляется. Гектор, видя, как много его воинов пришло ему на подмогу, и полагая, что он теперь обеспечен, поднимает боевой дух своих. Зычным голосом называя воинов по имени, он призывает их смелее идти на врагов и сам, врезавшись в строй, наносит ранения Диору, Поликсену да и другим, рьяно сражавшимся воинам. Тут Ахилл замечает, как глубоко проник он в гущу врагов. Он загорается желанием помочь тем, с кем бился Гектор, и, помня его недавний отказ выдать Поликсену, направляется на него. Углубившись в строй врагов, он в рукопашной схватке убивает пытавшегося задержать его царя Пафлагонии Пилемена, доводящегося Приаму родней. Говорили, что он из тех, кто по преданию вел свой род от Финея Агенорида, а именно его дочь Олизона, когда подросла, вышла замуж за Дардана.

6. И вот Гектор увидел, что к нему боевым шагом направился Ахилл. Помня, чем он навлек его ненависть, Гектор не осмеливается встретить натиск этого мужа и покидает строй. Ахилл пускается в погоню, насколько позволил строй врагов, и, в конце концов, метнув

копье, поражает колесничего, а сам Гектор, спрыгнув с колесницы в сторону, избежал удара. Тогда, разъярившись, что едва не упустил из рук ненавистнейшего врага, Ахилл начинает буйствовать еще страшнее и, достав копье из тела возницы, начинает разить всех встречных, уже поверженных топтать и, топча, добивать сверху.

И вот, в самый опасный момент, когда уже начиналось всеобщее бегство, Гелен, выбрав в засаде удобное для стрельбы место, издали и неожиданно поразил стрелой Ахилла в руку. И этот выдающийся воитель, с появлением которого обратился в бегство Гектор, который истребил много воинов и многих вождей, получил рану не в бою, а из засады, и на этот день битва кончилась.

7. Тем временем Агамемнон и с ним оба Аякса в пылу боя среди многих безвестных воинов повергли и попавшихся сыновей Приама. Так, Агамемнон убил Арсака, Деиопита, Архемаха, Лавдока и Филенора. Аякс же Теламонид вместе с Аяксом Оилидом сразили Мелия, Астиноя, Дорикла, Гиппофоя и Гипподаманта.

На другом краю поля боя, на флангах стояли Патрокл и Сарпедон Ликиец. Когда поблизости никого из близких не оказалось, они дали знак вызова на поединок и выехали из строя, тотчас метнув друг в друга копья. Оба остались невредимы. Тогда они соскакивают с колесниц и направляются навстречу друг другу с мечами наголо.

Начинается бой, удары следуют один за другим, но пока никто не ранен. Вот уж большая часть дня прошла так, и тут Патрокл решает дерзнуть еще – он выставляет щит вперед и, плотно им прикрывшись, делает выпад, и, схватив врага, подсекает ему колени правой рукой. И когда тот, раненый, с подрезанными жилами, пошатнувшись, падает, Патрокл его убивает.

8. Когда это замечают троянцы, те, что находились поблизости, то, издав страшный стон, поднимают крик и, бросив свои ряды, по сигналу все обращают оружие против Патрокла, считая гибель Сарпедона всенародным бедствием. Патрокл, предвидя такой поворот боя, скорей поднимает лежавшее на земле копье и так, в полном вооружении, еще смелее оказывает им сопротивление. Так, на него набрасывается Деифоб, но он в упор ранит его в голень, чем вынуждает выбыть из строя, а перед этим он убивает Горгитиона, брата Деифоба.

Немного погодя, с приходом Аякса, и остальные были рассеяны.

Тем временем узнает о всем происходящем и Гектор, он спешит на помощь и быстро восстанавливает свой расстроенный было строй, вразумив вождей и возвратив на место немногих, пустившихся было в бегство. Само его присутствие поднимает боевой дух, так что сражение загорается вновь. Войска, ободренные каждое своими вождями, снова сталкиваются строем. То здесь, то там возникают прорывы, и туда, где строй дрогнул, спешат вспомогательные войска.

Многие падают, сраженные и с той, и с другой стороны, но исход сражения все не ясен. И вот, когда воины, уже большую часть дня напряженно бившиеся, стали все сильнее уставать, и подошел, наконец, вечер, битве пришел конец, вожденный для обеих сторон.

9. И тогда в Трое у тела Сарпедона поднимается всеоуший плач, и особенно плачут женщины, оглашая все такими причитаниями и стонами, которые были вызваны не только любовью к Сарпедону – их внушал страх, не погибло бы племя Приамово. Вот какую защиту видели в нем, вот какую надежду унесла его смерть.

Греки, со своей стороны, по возвращении в лагерь прежде всего идут к Ахиллу узнать о его ране. И очень радуются, когда видят, что он не мучится болью, рассказывают ему о подвигах Патрокла. Потом обходят по порядку и других воинов, получивших ранения, и, навестив всех, расходятся по своим палаткам.

Ахилл же по возвращении Патрокла сначала превозносит его и расхваливает, а потом принимается его убеждать, чтобы тот помнил свои подвиги и еще яростнее нападал на врагов. Так проходит ночь. На заре обе враждующие стороны собирают тела павших и предают их огню, а затем погребают.

И через несколько дней, когда поджили раны и повреждения, было решено братья за оружие и снова выводить войско в бой.

10. Но варвары, по своему подлому обычаю не признавая никаких правил ведения войны, а зная только смуту и коварство, как вносить беспорядок и применять коварные приемы, выступают без предупреждения и, выступив без предупреждения, кидаются в опережающее нападение, – и тотчас нахлынув лавиной, с нестройными криками, мечут стрелами и копьями в своих противников, полубезоружных и не построенных в боевой порядок. И таким образом погибает много наших, в том числе беотиец Аркесилай и Схедий Крессиод, выдающиеся вожди. Большая часть прочих получает ранения, даже Мегес и Агениор, первый – начальник эхинадян, Агениор – аркадян. Дело принимает, таким образом, весьма позорный для нас оборот, и тогда, чтобы изменить участь боя, выступает Патрокл, он поднимает дух своих и кидается на врагов с пылом, превышающим все, что принято на войне, и падает, сраженный копьем Эвфорба. Тотчас к нему подлетает Гектор, умерщвляет его, мало того – обезображивает бесчисленными ранами, а потом и старается оттащить его тело из битвы, несомненно, чтобы предать его тело всем видам надругательств, что принято у этого наглого племени.

Когда об этом узнает Аякс, он, бросив бой, который вел, скорее кидается на помощь и ударом копья прогоняет Гектора, едва было не похитившего тело Патрокла.

Тем временем Менелай и Аякс второй приложили все силы, чтобы взять в окружение Эвфорба, и вот он, истинный виновник гибели нашего вождя, уже получил свое наказание – смерть.

С наступлением же вечера прерывается этот бой, в котором погибло столько наших, притом досадно и еще и с позором.

11. Когда оба войска были отведены с места сражения, и наши воины оказались в безопасности, тогда все цари сошлись у Ахилла, а его уже и узнать было нельзя, так исказили его облик рыдания и самоистязания скорби. Он то простирался на земле, то бросался и прижимался к трупу Патрокла, он до такой степени пронял души, что даже Аякс, который пришел, чтобы утешить его, не мог сдержать горестного вопля. И стенания эти вызывала не только сама смерть Патрокла, но даже еще больше его раны, которые были нанесены даже в срамные части, – ведь это был первый среди случаев пример такого отвратительного дела, прежде никогда не встречавшийся у греков.

Вот наконец цари, долго уговаривая и всячески утешая, поднимают Ахилла, рыдавшего на земле, затем, омыв Патрокла, поскорее облакают его в одежды, чтобы скрыть раны, нанесенные самыми разнообразными способами и смотреть на которые без великого стоны было невозможно.

12. Но через несколько дней, как только вожди отдохнули от труда ночных караулов, с рассветом войско было выведено в поле и весь день стояло при оружии, ожидая выступления врагов, но те, как увидели наших в боевой готовности, то только рассматривали их со

стен и отложили битву. Стало быть, на закате греки отошли к кораблям. Но едва забрезжил следующий день, троянцы, полагая, что греки еще не подготовились, вооруженные вылетают из ворот и кидаются в атаку с той же наглостью, что проявили уже и раньше и, обступив вал, яростно мечут копья, которые летят скорее часто, чем метко, поскольку наши расположились как раз так, чтобы избежать этих попаданий. И вот, почти весь день бросая таким образом копья, варвары порядком устали, и когда наши заметили, что пыл их поutih, тотчас предприняли в одном месте вылазку и, напав на левой фланге, опрокидывают их и обращают в бегство, а вскоре и в другом месте варвары, уже очевидно не способные к сопротивлению, без всякого труда были обращены в бегство.

14. И многие варвары, когда кинулись позорно, словно и не воины, были затоптаны наступавшими и в конце концов рассеяны, в том числе Асий из Гиртака и Пилей с Гиппофоем, – они были из Лариссы, а Асий царствовал в Сесте. В этот день Диомед захватил 12 пленников, Аякс – 40, попались в плен Ис и Эвандр, сыновья Приама. Из числа греков в этой битве были убиты Гуней, кифийский царь, а также был ранен наш вождь Идомений.

Когда же трояне, выступив в город, заперли ворота, и наступление закончилось, наши снимают с павших врагов доспехи, а потом тащат их трупы к реке и сбрасывают их туда, в отместку за надругательство варваров над Патроклом, а после этого по очереди отдают Ахиллу захваченных в плен. Он же, обильно окропив вином прах, останки собирает в урну, приняв в душе решение увезти их в родную землю, если жребий пошлет ему гибель, чтобы его покрыла могила общая с тем, кто был ему всего дороже.

И вот Ахилл приказывает всех, кого к нему привели – и даже сыновей Приама – отвести к погребальному костру и зарезать побли-

зости от праха Патрокла, как бы в заупокойную жертву его тени. Тела царевичей он оставляет на растерзание псам и клянется, что будет спать на голой земле, пока виновник его скорби не заплатит ему за это своей кровью.

15. Проходит несколько дней, как вдруг доходит сообщение, что Гектор в сопровождении небольшой свиты отправился встречать Пентесилею, царицу амазонок, которая пришла на помощь Приаму, не ясно – за плату или из желания повоевать, ведь это воинственное и потому непобедимое для соседей племя славится среди смертных блеском своего оружия.

И вот Ахилл и с ним несколько надежных сотоварищей быстро отправляются в засаду. Опредив врага, считавшего себя в безопасности, он окружает его в момент, когда тот начинал переправу через реку. Вот так, внезапным нападением, он и убивает царевича Гектора и всех его спутников, не подозревавших о расставленных им сетях. Отрубив руки одному из захваченных сыновей Приама, Ахилл отправляет его в город сообщить о том, что произошло, а сам, страшно распаленный убийством ненавистнейшего врага и своим горем, стаскивает с Гектора доспехи и, связав ему ноги, привязывает тело к своей колеснице, затем всходит на нее сам и приказывает Автомедонту хлестнуть коней. Он стал гнать свою колесницу по полю, туда, где его как можно лучше было бы видно, и неся, всем на удивление, влача врага своего по земле – вид казни, не слыханный доселе и достойный сожаления.

16. Когда в Трое с высоты стен увидели доспехи Гектора, которые по приказу царя греки вынесли врагам на глаза, и сын Приама, посланный Ахиллом вслед, рассказал, как было дело, по всему городу поднялся такой крик и плач, что наши, издеваясь, говорили, будто он заставляет птиц падать с неба на землю. Городские ворота немедленно были закрыты.

Облик всего царства страшно омрачился, и город принял вид скорбный и похоронный. Как и бывает при подобных известиях, люди то в страхе сбегались куда-то в одно место, то устремлялись без явной причины в разные стороны, то в отчаянии дружно били себя в грудь, то неожиданно по всему городу водворялось безмолвие. В такой обстановке многие думали о самом страшном – что ночью греки ворвутся внутрь городских стен и перережут весь город, ничего уже не боясь после гибели такого вождя. Некоторые выдавали за уже совершенную истину, будто Ахилл переманил на свою сторону войско, которое пришло к Приаму под началом Пентесилеи, и, наконец, все вокруг враждебно, все против Трои, а силы все надломлены, и после гибели Гектора больше нет никакой надежды на спасение, потому что он один из всех в этом государстве, хоть и с переменным успехом, всегда сражался с тысячами врагов и их вождями, и у него, чья воинская слава была известна среди всех племен, телесные силы, однако, никогда не брали верх над разумом.

17. После того, как Ахилл вернулся к кораблям и выставил на всеобщее обозрение труп Гектора, в стане греков скорбь о Патрокле, только что владевшая всеми, сменяется полным ликованием по поводу гибели опасного врага. И тогда все дружно принимают решение устроить состязание, чтобы почтить этими играми Патрокла, потому что страх перед врагами теперь прошел. Тем не менее воины, не принимающие участия в соревнованиях, а собравшиеся как зрители, должны были быть при оружии и готовыми к бою, на тот случай, если враг, хоть дела его плохи, все же по своей привычке к коварству совершит нападение.

Ахиллес приказывает выставить награды победителям, которые он счел наиболее ценными, и, когда не оставалось уже больше никаких приготовлений, приглашает царей воссесть, и сам садится по середине, занимая среди них более высокое положение. На играх

этих тогда победителем в ристалищах на квадригах был объявлен Эвмел, награду за двуконную упряжку получил Диомед, а на втором месте после него – Менелай.

18. Для состязания в стрельбе из лука – а в этом искусстве всех превосходили Мерион и Улисс – воздвигаются два мета, между ними натягивается закрепленная на верхушках тончайшая нить, и к ней стеблем новым привязывают голубку, и в нее нужно было попасть. Все остальные участники старались впустую, а вот Улисс и Мерион в цель попали. Когда все стали выражать им свое восхищение, Филоктет заявляет, что попадет своей стрелой не то, что в голубку, а в то, чем она привязана. Тут все цари стали удивляться трудности такой задачи, но Филоктет доказал, что подтверждает свои слова, причем помогло ему не везение, а искусство – стебель был разорван, и голубка при общих восторгах упала вниз. Мерион и Улисс взяли выставленные на это состязание награды, а Филоктета Ахилл одарил вдвое большим подарком.

19. В беге на длинное расстояние блеснул как победитель Аякс, Оилеев сын, а вторым после него был Полипет. Победил в беге на двойное расстояние Махаон, в одинарном – Эврипил, в прыжках – Тлеподем, в метании диска – Антилох. Награда за состязание в борьбе так и оставалась неприсужденной, потому что Аякс, ухватив Улисса за пояс, поверг его на землю, но Улисс, падая, так обвился вокруг ног Аякса, что тот, почти уже став победителем, сам рухнул на землю, не в силах сделать шага.

В кулачном бою и в других видах состязаний на руках пальма первенства досталась Аяксу Теламониду, а в беге с оружием всех одолел Диомед. И вот, когда все награды за состязание были разыграны, наиболее почетный подарок Ахилл вручает Агамемнону, затем Не-

сторю, третьему – Идоменею, после них Подалирию и Махаону, а затем уже и всем остальным вождям сообразно их заслугам и в заключение – сотоварищам тех, кто погиб на войне, им он поручает также, чтобы они отвезли останки погибших в бою домой, близким, когда придет время.

Когда же состязания и раздача наград подошли к концу, уже наступил вечер, и все разошлись по своим палаткам.

20. А Приам, едва забрезжил свет, облачившись в жалкую, траурную одежду – ведь скорбь не оставила ему ни царственной гордости, ни вообще никаких примет его славы и звания – пришел к Ахиллу с лицом и жестах молящего, и с ним пришла Андромаха, не менее жалкая, чем он. Она была совершенно обезображена скорбью и держала перед собой сыновей Астианакта – его еще называли Скамандрием – и Лаодаманта, совсем еще маленьких, чтобы присоединить свою мольбу к мольбам Приама, который, согбенный горем и старостью, опирался на плечи своей дочери Поликсены. За ними следовали повозки, груженные золотом, серебром, драгоценными одеждами, а трояне со стен провожали взглядом царя и его посольство.

При виде Приама среди греков внезапно воцарилось изумленное молчание, и тут же после этого цари, горя нетерпением узнать причину его появления, выходят ему навстречу. Приам же, увидев, что они направляются к нему, падает ниц и посыпает голову прахом и грязью, а затем обращается к ним с мольбой, чтобы они сжалились над его участью, пошли бы просить вместе с ним Ахилла.

Нестор жалеет его, видя его возраст и зная его судьбу, но Улисс обращает к нему злые слова, напоминая ему, что он сам говорил послам в Трое до начала войны.

Когда же об этом сообщили Ахиллу, он приказал позвать Приама, а сам сидел, прижимая к груди урну с прахом Патрокла.

21. И вот, когда наши цари входят вместе с Приамом, царь, обняв колени Ахилла, говорит: «Не ты причина моего бедствия, но какой-то из богов, кто вместо жалости к последним дням моей жизни ввергает меня в такие печали, губя и терзая скорбью о моих сыновьях. Они, по молодости своей, полагаясь на царское звание, всегда выполняли свои прихоти и уготовили, наконец, себе и мне погибель. Кто же усомнится, что старость у молодости не в почете. Поэтому если моя смерть удержит остальных от позорных преступлений, то, если это нужно, я сам отдаю себя смертной казни, я, у кого вместе с последним дыханием ты унесешь и все печали, и горести, которые сейчас подавляют меня так, что я являю для смертных пример самого несчастного человека. Я весь перед тобой, я ничего не прошу, и если тебе будет угодно, бери меня пленником под стражу. Ничего у меня не остается от былого счастья, ведь со смертью Гектора рухнуло все. Но если же я уже достаточно заплатил всей Греции кровью моих сыновей и моими собственными бедами, сжался над моими летами и, помня о богах, обрати свою душу к милосердию, уступи этим младенцам, молящим не о жизни их родителя, а об его трупе! Да войдет в твое сердце воспоминание о твоём собственном отце, у кого все заботы, все бессонные ночи – о тебе и твоём благополучии! Пусть хоть у него исполнятся все обеты, да проведет он свою старость совсем не так, как я!»

22. Но пока старец произносил эти слова, он стал понемногу терять чувства, он обмяк телом, а затем и голос пресекся. И это столь жалостное зрелище у всех, кто при этом присутствовал, вызвало душевную боль. Тогда Андромаха простерла перед Ахиллом малютку Гектора и со скорбными рыданиями стала молить, чтобы ей позволили хотя бы взглянуть на труп супруга. Во время этой горестной

сцены Феникс стал уговаривать Приама прийти в себя и подняться. Царь же, еще слабо опомнившись, поднялся на колени и, терзая свою голову руками, возопил: «Ну, где же, где оно теперь, прославившее греков справедливое милосердие? Или оно не обращается только на одного Приама!»»

23. И вот, когда все уже были глубоко взволнованы, Ахилл стал говорить Приаму, что ему подобало еще вначале удержать своих сыновей от преступления, которое они совершили, а не становиться вследствие своего попустительства его соучастником. Ведь десять лет назад старость еще не столь отягчала его, чтобы его дети с ним совсем не считались, однако их сердцами настолько овладела жажда чужого богатства – ведь вовсе не ради одной-единственной женщины, нет, но позарившись на богатства Атрея Пелопея, они совершили это совершенно незаконное похищение. В высшей степени справедливо, что они и понесли за это столь страшное наказание, а может, и еще большее. Ведь до сего времени греки следовали благородному закону войны – с кем бы не воевали – предавать для погребения тех, кого они убили в бою. Гектор же, напротив, попрал всякую меру человеческого поведения, дерзнул похитить труп Патрокла из битвы, конечно, чтобы осквернить его труп и надругаться над ним. За это необходимо было дать, как урок в пример другим, такое наказание, чтобы греки и за ними и остальные народы, помня, каково за это мщение, соблюдали обычаи человеческих отношений. Ведь не просто ради Елены или Менелая войско, покинув свои края и малых детей, вдали от дома, залитое собственной и вражеской кровью, претерпевает все превратности войны, а потому, что оно желает знать, кому будет принадлежать высшая власть – эллинам или варварам, хотя защита женщины – вполне законное основание для начала войны. Ведь насколько радуются своему грабежу похитители чужого достояния, настолько оскорблены те, кто потерял свое.

В добавление к этому Ахилл упрекнул Приама еще во многом бесчестном и отвратительном и заверил его, что когда Илион будет взят, он сам потребует его крови в первую очередь за все, что произошло, потому что ему, Ахиллу, лишенному отечества и родителей, пришлось потерять еще и Патрокла – великую отраду в его одиночестве.

24. После этого он поднялся, чтобы пойти посоветоваться с вождями, о которых уже было сказано. Мнение всех было единодушным – ему все принесенное принять, а бездыханное тело выдать. Поскольку на этом и порешили, то вожди разошлись по своим шатрам. Когда Ахилл вернулся к себе, Поликсена, обняв его колени, объявляет, что добровольно отдает себя ему в рабство в ответ на выдачу трупа. Столь расстроившись этой сценой, юноша, только что пылавший ненавистью к Приаму и его царству, насилу удерживает слезы при воспоминании об отце и своем сыне. Он протягивает руки, поднимает Поликсену, перед этим поручив Фениксу позаботиться о Приаме, царь же говорит, что не отступится от своей скорби и всех обступающих его бедствий. Тогда Ахилл заявляет, что удовлетворит его желание не раньше, чем тот, переменяв свое одеяние на более достойное, вкусит с ним вместе пищи. И тогда царь, опасаясь, как бы своим отказом не испортил то, на что Ахилл, по-видимому, соглашается, решает, что делать нечего и нужно выполнять все, что ему прикажут.

25. И вот с его волос стряхнули прах, и весь он был омыт; тотчас получает приглашение к столу. После того, как все насытились, Ахилл обращается к Приаму с такой речью: «А теперь скажи мне, Приам, какова же все-таки здесь причина, почему же, при том, что ваши военные силы день ото дня слабеют, а беды все нагнетаются и накапливаются, вы все-таки считаете нужным держать у себя Елену, вместо того чтобы изгнать ее, как заразу, виновницу всех ваших бед. Ведь вы должны понимать, что она предает отчизну, родителей и, что всего недостойнее, – священных братьев? Ведь они, прокляв ее поступок, не

выступили с нами в поход, и это потому, что они не намерены добиваться возвращения на родину той, о ком они даже слышать не хотят, что она жива-здорова. А вы, стало быть, не выгнали ту, что на горе всем – и вы это понимаете – вошла в ваш город? Не выпроводили ее с проклятиями за стены? А что же старцы, сыновей которых ежедневно уносит война? Неужели у них не было предчувствия, что она станет причиной стольких смятений? Стало быть, божество настолько похитило у вас ум, что в таком большом городе не нашлось никого, кто, скорбя о судьбе гибнущей отчизны, не отвел общую гибель, уничтожив эту женщину? Впрочем, труп-то я тебе отдам, уважая твои года и просьбы этих людей, я никогда не стану совершать того, что вызывает осуждение как низость по отношению к врагам».

26. В ответ на это Приам, вновь разразившись жалостными рыданиями, сказал, что бедствия обрушиваются на людей не без воли богов, и для каждого смертного бог – причина и добра, и зла; человеку не дано быть счастливым, и даже когда он, казалось бы, блаженствует, на него обращается чья-нибудь злая сила и вражда. Вот он сам – из всех царей он считался самым счастливым, потому что произвел от разных матерей пятьдесят сыновей, и было так до черного дня рождения на свет Александра, избежать сего было невозможно, хотя боги и послали ему предзнаменование – ведь Гекуба, когда вынашивала сей плод, увидела во сне, будто родила факел, пламя которого пожгло Иду и, быстро распространившись, обратило в пепел храмы богов, уничтожив в конце концов весь город, но дома Антенора и Анхиза остались при этом целыми и невредимыми. Когда она рассказала свой сон, предсказатели дали ему истолкование – сразу убить только что родившийся плод. Гекуба же, по женской жалостливости, тайно передала его на воспитание пастухам на Иду. А когда он стал взрослым и это открылось, убить его мог уже только самый что ни на есть свирепый враг – так прекрасен, так хорош был этот юноша.

И вот, когда он уже был женат на Эноне, на него вдруг напала охота повидать дальние земли и царства. Во время этого путешествия он и увел Елену, а все граждане, как по внушению некоего божества, приняли ее с невероятной радостью, хотя и понимали, что могут из-за нее лишиться сына или какого-нибудь другого родственника, и только Антенор был против с самого начала, он, человек мудрейший и в военных, и в мирских делах, как только Александр вернулся, отрешил от родимых пенатов своего сына Главка, который был его спутником. Для себя же – продолжал Приам – он считает самым желанным теперь, когда все рушится, наступление конца его жизни, который бы избавил его от забот и бремени правления, – мучит его только мысль о Гекубе и дочерях – ведь когда их родина погибнет, они как пленницы попадут во власть какого-нибудь надменного господина.

27. После этого Приам велит вытащить и положить перед юношей все, что он привез для выкупа сына. Ахилл же распоряжается взять только то, что было золота и серебра, ну и кое-что из одежды, что ему понравилось, остальное же, собрав вместе, дарит Поликсене и выдает тело Гектора. Получив его, царь, благодарный за полученную возможность его похоронить, а может быть, и стремясь обеспечить безопасность дочери, если Троя будет взята, обняв колени Ахилла, просит его принять и оставить у себя Поликсену. Юноша отвечает, что об этом он будет говорить с ним в другом месте и в другое время, а сейчас велит ему возвращаться. И вот Приам, получив тело Гектора и положив его на повозку, вместе со своей свитой возвращается в Трою.

Книга четвертая

1. После того, как троянам стало известно, что царь осуществил свое дело и вместе со свитой вернулся целым и невредимым, все, удивляясь, стали превозносить благочестие Греции – кто же мог надеяться на выкуп трупа, ведь всякий, прекрасно помня, что Елену послам не вернули, полагали, что и царь, и его сопровождающие будут захвачены греками. При виде же тела Гектора все граждане и союзники сбежались и подняли плач, стали разрывать себе волосы, царапать лица, потому что во всем этом множестве людей не было ни одного, кто после гибели Гектора продолжал бы питать надежды на лучшее – Гектор же славился среди народов своими воинскими подвигами, а в мирное время он блистал своей скромностью, и ею был славен не меньше, чем своими иными достоинствами. Гектора между тем похоронили невдалеке от могильного холма древнего царя Ила, затем, подняв величайший плач, совершают погребальный обряд до конца, и женщины рыдают вместе с Гекубой, троянские мужи воздымают вопли, плачут, наконец, союзные войска. На десять дней было установлено перемирие, и вот, не ведя военных действий, с восхода и до самого вечера трояне непрерывно совершали обряды, предаваясь скорбному делу траура.

2. В эти же самые дни прибывает Пентесилея, о которой мы уже упоминали, с большим войском, составленным из амазонок и соседних с ними племен. Когда она узнала, что Гектор убит, то смерть его так сильно поразила ее, что она сразу захотела вернуться домой, однако, соблазнившись предложенным Александром большим количеством золота и серебра, решила тут же вступить в войну. Прошло несколько дней, и она выстраивает свои войска к бою. При этом она выступает отдельно от троянцев, полагаясь только на своих воительниц. На правом фланге она ставит стрелков, на левом – пехоту, а в центр помещает конницу – и там же помещается сама. Наши выходят

в сражение так, что против ее стрелков становятся Менелай, Улисс и Тевкр с Мерионом, против пехоты – оба Аякса, Диомед, Агамемнон, Тлеподем и Аскалаф с Иалменом, а против ее конницы – Ахилл с другими вождями. Вот при таком построении войска вступили в бой. Тем временем Аяксы со своими соратниками избивают стоявших против них пехотинцев, а противящихся толкают щитами и вскоре, смяв, убивают, и не прекращают натиска, пока не уничтожена вся пехота.

3. Ахилл, настигнув Пентесилею среди отряда всадников, поражает ее копьем и стаскивает ее, тяжело раненую, за волосы с коня столь же легко, как если бы это была простая женщина. Увидев это, враги, сочтя, что нет никакой надежды на оружие, положились на бегство. Однако ворота города были заперты, и наши, преследуя, перебили и тех, кого из боя спасло бегство. Впрочем, от убийства женщин они удерживались, щадя их пол. После того, как, перебив всех врагов, все как победители отходили назад, они отправились посмотреть на Пентесилею, еще полуживую, и дивились ее смелости. Вскоре, собравшись воедино, приняли решение, если она еще в чувствах, бросить ее в реку или отдать на растерзание собакам за то, что она дерзнула преступить границы природы своего пола. Ахилл хотел, чтобы она была убита и похоронена, но ему воспрепятствовал Диомед. Узнав у окружающих, что по их мнению следует сделать, он, по всеобщему согласию, бросил ее в Скамандр, оттащив за ноги, дабы воздать ей наказание за ее крайнюю отчаянность и безумство. Вот так, царица амазонок, погубив свое войско, с которым она пришла на подмогу Приаму, в конце концов сама явила зрелище, достойное своих нравов.

4. На следующий день прибывает сын Тифона и Авроры Мемнон, а с ним – полчища индов и эфиопов. Он собрал воедино много тысяч разнообразно вооруженных воинов, чем превзошел даже ожидания и обеты Приама относительно себя – ведь вся местность вокруг Трои, куда хватало глаз, была заполнена людьми, конями, всюду блистали

знамена. Всех этих воинов Мемнон привел к Трое от хребтов Кавказа, а другое, не менее многочисленное войско он под предводительством и началом Фала отправил морем. На Родосе они пристали к берегу и, когда поняли, что остров этот в союзе с Грецией, опасаясь, как бы узнав об их отношениях, им не сожгли бы корабли, они там задерживаются и размещаются в богатых городах Камире и Иалисе. Вскоре после этого родосцы ставят в вину Фалу, что он идет на помощь Александру, который его оскорбил, незадолго до этого разрушив Сидон, его родной город. В войске возникли беспокойные настроения еще и оттого, что родосцы заявляли, что те, кто защищает столь позорное деяние, кажутся ничем не отличающимися от варваров. Говорили они и многое другое, что могло разжечь волнение в простых воинах и заставить их перейти на их сторону. И усилия оказались не напрасными, поскольку финикийцы, которых в войске было очень много, возбужденные разговорами родосцев или стремлением захватить себе богатства, которые они с собой взяли, убивают Фалу, забросав его камнями, а сами расходятся по вышеназванным городам, разделив между собой золото и прочую добычу.

5. Тем временем войско Мемнона стало лагерем на открытых местах – ведь внутри городских стен разместить такое множество народа не было возможности, и все стали упражняться в военном деле, каждый народ – согласно своему обычаю. Даже один и тот же вид военного искусства оказывался не простым и для всех одинаковым, но сообразно с местными обычаями у всех народов по-разному, и стрелы с копьями были сделаны по-разному, и щиты, и шлемы, многообразие которых придавало войску еще более устрашающий вид в битве. Так прошло несколько дней, и каждый боец уже жаждал боя, когда, наконец, по сигналу, с рассветом войско вывели для сражения – вместе с ними были троянцы и их союзники, расквартированные внутри городских стен. Греки же, со своей стороны, тоже построенные в боевой порядок, некоторое время пережидали, некоторую

слабость влили в души их страх перед неведомым и огромным войском. И вот, когда оба войска сошлись на расстоянии полета копья, варвары со страшным разноязыким криком ринулись, как лавины, вперед, а наши довольно бодро, поддерживая друг друга, встретили их натиск. После того, как ряды были пополнены и порядок восстановлен, обе рати стали метать копья и стрелы, и пало с обеих сторон множество воинов, и конца этому не было. К тому же Мемнон, несясь на колеснице, в сопровождении сильнейших храбрецов напал на центр греков, разя и уничтожая все, встречающееся ему на пути. И вот уже погибло много наших – тогда вожди уступают победу противникам, понимая, что судьба этого боя отвернулась от нас и не остается никакого спасения, кроме бегства. В этот день, возможно, и корабли бы были уничтожены огнем, если бы ночь, неся спасение терпящим беду нашим, не положила конец наступлению врагов. Вот каковы были опытность и мощь Мемнона, и вот как неблагоприятно пошли наши дела.

б. Когда все стихло, греки, приведенные в замешательство и расстройство, потеряв уверенность в исходе дела, всю ночь хоронили тех, кого потеряли в бою. Затем они собрались посоветоваться о предстоящем сражении с Мемноном, и было решено по жребию избрать имя вождя, который вступит с ним в бой. Тогда Агамемнон устраняет из жеребьевки Менелая, Улисса и Идомея; остальные же тянут жребий, и выпадает он Аяксу Теламониду – о чем тот в душе молился. Таким образом, остаток ночи они, подкрепив тело пищей, проводят уже спокойно. А на рассвете, вооруженные и построенные в боевой порядок, выступают в бой. Мемнон и с ним все троянцы тоже не мешкают. Итак, обе стороны выстраивают рати, и битва начинается. Как всегда в таком большом бою, у обоих противников во множестве падают воины и замертво, и раненые покидают поле боя. Был убит в этом сражении и сын Нестора Антилох, случайно попавшийся Мемнону. Вскоре же после этого Аякс, выбрав

подходящий момент, выступает из строя, становится между ратями и вызывает царя на бой, перед этим попросив Улисса и Идоменея, чтобы они прикрывали его от остальных врагов.

Мемнон, со своей стороны видя, что к нему направляется Аякс, соскочив с колесницы, вступает с ним в бой – а оба строя стоят в великом страхе и в нетерпеливом ожидании; наконец, Аякс с невероятной силой копьем пробивает его щит и, налегая всей своей тяжестью и упираясь изо всех сил, толкает его и валит на бок. Тут налетают спутники Мемнона, стремясь отогнать от него Аякса, и тогда Ахилл, видя, что варвары вмешались, идет на них и пронзает своим копьем закрытое щитом тело врага.

7. Итак, Мемнон, вопреки ожиданиям, все же был убит, настроение у врагов меняется, а у греков возрастает уверенность. И вот, когда эфиопы повернулись к тылу, наши налетают на них и многих уничтожают. Тогда был убит Полидамас – он захотел возобновить сражение, и его окружили и убили, – Аякс нанес ему удар в низ живота. Главк, сын Антенора, став против Диомеда, пал от копья Агамемнона.

Тогда можно было наблюдать, как трояне с эфиопами мчали через все поле без всякого порядка, без команды, их было так много, и они так мчались, что сами себе мешали, спотыкались, падали, и их тотчас затаптывали без узды носившиеся кони. Греки же, воспрянув духом, преследовали их, разили спотыкавшихся, разгоняли и пронзали их, утративших всякий бранный пыл. Все поля вокруг городских стен были залиты кровью, все места, где были враги, полнились трупами и оружием. В этом бою погибли Арет и Эхемон – сыновья Приама, их убил Улисс. Дриокс, Биас и Коритон были убиты Идоменеем, от Аякса Оилида пали Илионей и Филенор, от Диомеда – Телест; второй Аякс убил Антифона, Агава, Агафона и Клавка, Ахилл – Асте-

ропея. И битва сия кончилась не раньше, чем греки, наконец, почувствовали, что насытились ею и устали.

8. Когда наши возвратились в свой лагерь, трояне послали к ним послов с просьбой предать погребению павших в битве. И обе стороны, собрав своих, предали их огню и похоронили по отеческому обычаю – Мемнона же сожгли отдельно от прочих, останки его положили в урну и отправляют с близкими царя в родную землю. Греки же, хорошо убрав тело Антилоха и совершив полагающиеся обряды, передают его Нестору и умоляют его встретить удар судьбы и несчастье войны со стойкостью духа. И вот, в конце концов, большую часть ночи они, подкрепив тело вином и пищей, на пиру прославляют до небес Аякса и Ахилла.

В Трое, когда похороны кончились, царила уже не скорбь по Мемнону, но страх за исход всего дела и отчаяние, ведь надежды, которые еще оставались, уносили и гибель Сарпедона, и последовавшая вскоре за ней смерть Гектора. Теперь же не существовало и того последнего, что судьба давала им в лице Мемнона. Когда навалилось сразу столько бедствий, они, конечно, потеряли уже всякую надежду встать на ноги.

9. Но через несколько дней греки снова во всеоружии вышли в поле, вызывая троян в бой, если они на то осмелятся. Александр как вождь вместе с оставшимися в живых братьями выстраивает воинов и ведет против наших. Однако варвары расстроили ряды и кинулись в бегство еще прежде, чем строй столкнулся со строем, рати схватились в бою или стали метать копья и стрелы. Множество троян было перебито и брошено в реку, потому что отовсюду их теснили враги, отрезав возможность бегства. В плен попали также Ликаон и Троил, сыновья Приама. Ахилл повелел вывести их на средину и зарезать, негодуя на Приама из-за того, что он все еще не прислал к нему никого по тому делу, о котором они уговорились. Когда все это увидели

трояне, они подняли скорбный вопль и, горестно рыдая, стали оплакивать участь Троила, ведь возраст его был еще совершенно незрелый, он был еще совсем мальчик и рос, достойный любви всех за свою скромность и чистоту, и особенно за свою красоту.

10. Проходит несколько дней. Наступает праздник Аполлона Тимбрейского, и перемирие прекращает военные действия. Оба войска принимаются за совершение жертвоприношений, и в это время Приам, выбрав подходящий момент, посылает к Ахиллу Идея с поручением насчет Поликсены. Но Ахилл в роще, сторонясь от других, разговаривал с Идеем об этом деле, и встреча их стала известна у кораблей, и возникло подозрение, что вождь склонен к измене, которое, в конце концов, вызвало негодование, поскольку окончательно подтвердило возникшие еще до этого, но не имевшие большого хождения слухи о его предательстве. И вот, чтобы успокоить взбудораженных воинов, Аякс, Диомед и Улисс отправляются в рощу и останавливаются перед храмом, поджидая Ахилла, чтобы обо всем ему рассказать и предостеречь его против того, чтобы впредь тайно о чем-либо разговаривать с врагами.

11. Тем временем Александр, вместе с Деифобом подстроив ловушку, опоясанный кинжалом, входит в храм, где был Ахилл, якобы как поручитель во всем том, что обещал Приам, подходит и становится напротив нашего вождя у алтаря, чтобы враг его не разгадал обмана. Затем, выждав момент, Деифоб сжимает в объятьях юношу, безоружного, поскольку он ничего враждебного не опасался в святилище Аполлона, якобы для поцелуя и поздравления с заключенным договором, а на самом деле, чтобы он не оторвался и не вырвался, – Александр же с мечом наголо нападает на врага и пронзает его двойным ударом – и в правый, и в левый бок. Видя, что Ахилл обессилен от ран, оба кидаются в сторону, противоположную той, откуда пришли, и бегом несутся в город, совершив столь огромное дело, превзошедшее все упования.

Увидев их, Улисс сказал: «Что-то неспроста они выскочили из храма, такие возбужденные и дрожащие». Они пошли в рощу и, все осмотрев, нашли распростертого на земле Ахилла, истекающего кровью, но все еще живого. «Вот оно, сбылось предсказание тебе, что нет смертного, способного победить тебя доблестью, теперь ясно, что подвели тебя легкомыслие и безрассудство», – воскликнул Аякс. На это Ахилл с последним вздохом проговорил: «Я ради Поликсены попал в ловушку, и Александр с Деифобом меня взяли хитростью». С глубоким стоном вожди приникают обнять испускающего дух Ахилла и в последнем поцелуе выражают свою любовь. Затем, уже бездыханного, Ахилла Аякс поднимает на плечи и выносит из рощи.

12. Заметив их, трояне скопом кидаются из ворот, стремясь отнять Ахилла и утащить его в город, должно быть, в жажде надругаться над его трупом по своему обыкновению. Со своей стороны, греки, узнав о случившемся, выхватив оружие, несутся против них, и вот уже выведены в поля все войска, а вскоре возгорается бой. Аякс, передав тело Ахилла своим спутникам, убивает попавшего ему под руку первым брата Гекубы Азия, а вслед за ним многих, кого только мог достигнуть копьем, в числе их оказались Наст и Амфимах, владыки Карии. Вожди Аякс Оилеев и Сфенел, действуя вместе, тоже многих убили или обратили в бегство. И троянцы, ряды которых были полностью расстроены, и надежды на сопротивление уже не оставалось, врассыпную бросились к воротам, понимая, что спасением им может служить только городская стена. Поэтому огромное множество народа было уничтожено нашими и во время преследования.

13. Когда же ворота захлопнулись, положив конец этому убийству, греки понесли Ахилла к кораблям. Однако при том, что все вожди оплакивали гибель столь великого мужа, большинство воинов им не сочувствовало и не выражало подобающей событию

скорби, потому что у всех засело в памяти, как у Ахилла возникали планы предать войско. Впрочем, с его смертью они лишились лучшего украшения войска и основной надежды, раз этому выдающемуся воителю пришлось встретить не почетную смерть, но погибнуть при иных, даже темных обстоятельствах.

И вот поскорее с Иды приносят множество древесины и сооружают погребальный костер на том же месте, где некогда сжигали Патрокла. Затем кладут тело на костер и, поднеся огонь, совершают подобающие погребальные обряды по настоянию, главным образом, Аякса, и они длятся непрерывно три дня, пока останки не собрали в урну. Аякс один горевал об Ахиллесе так, как это почти не пристало мужу, ведь он любил Ахилла больше всех, почитал его с самым верным чувством долга, поскольку он был и ближайшим его другом, и родство соединяло их, а в особенности потому, что Ахилл доблестью своей превосходил всех.

14. Троянцы же, наоборот, радовались, все поздравляли друг друга с тем, что убит столь страшный враг; они до небес восхваляли военную хитрость Александра и то, что он хоть и с помощью засады, выполнил то, на что не дерзал в бою. Тем временем к Приаму неожиданно прибывает вестник с сообщением, что из Мезии идет Эврипил, сын Телефа, – этого царя Приам ранее приглашал прийти, обещая большие награды, а в последнее время укрепил его решение еще и обещанием выдать за него Кассандру.

Среди многих превосходных вещей, которые Приам послал Эврипилу, была и виноградная лоза, сделанная из золота и поэтому ставшая весьма достопримечательной среди народов.

И вот Эврипил, прославленный своей доблестью, с большим количеством мезийских и кетерийских легионов с великой радостью был встречен троянами и снова вселил в варваров надежду на лучшее.

15. Тем временем греки, положив в урну останки Ахилла и соединив их с останками Патрокла, похоронили их на Сигее. Могильный холм должны были соорудить местные жители на средства Аякса, негодовавшего на греков из-за того, что они не выразили скорби, соответственной потери столь великого героя. И вот, в то же время, когда курган был уже сооружен, прибывает Пирр, которого еще называли Неоптолемом, он был рожден Ахиллом от Деидамии, дочери царя Ликомеда. Узнав, как встретил смерть его отец, он утверждает, что племя мирмидонцев – самое смелое и славное и своей доблестью, и умением воевать, затем, оставив Феникса наблюдать за окончанием работ, сам идет к кораблям и является в отцовский шатер, где встречает Гипподамию, хранительницу имущества Ахилла. Едва в лагере стало известно о его прибытии, все вожди тотчас спешат собраться, они утешают его, умоляя сохранять спокойствие духа. Он вежливо отвечает им и говорит, что хорошо знает, что все, происходящее по воле божества, следует выносить мужественно, что сверх назначенного роком жить не дано никому, и что для сильных и смелых старость позорна и отвратительна, тогда как для слабых и невоинственных весьма желанна. Для него же самого, говорит он, скорбь несколько облегчается тем, что Ахилл был убит не в сражении, не в свете боя – ведь теперь его никто не превзойдет в доблести – ни из нынешних, ни из прежних героев, за исключением одного Геракла. Кроме того, Неоптолем добавил, что в наше время единственный достойный муж – это тот, чьими руками подобает повергнуть Трою, и он сам ничуть не отказывается довести вместе со всеми присутствующими до конца то, что не успел завершить его отец.

16. Неоптолем закончил свою речь, и в собрании было объявлено, что завтра предстоит сражение. Когда настает время, как всегда, идут к Агамемнону на пир, и в том числе Аякс с Неоптолемом, Диомед, Улисс, и все занимают за едой свои обычные места. Во время пира юноше рассказывают о множестве подвигов отца и, вспоминая его

доблесть, превозносят его похвалами. Все это доставляет Пирру немалую радость, и он, зажженный рвением, отвечает, что всеми силами постарается не посрамить заслуг своего отца. Потом все расходятся на покой по своим палаткам. А на следующий день, лишь рассвело, юноша выходит из лагеря и встречает Диомеда с Улиссом. Поздоровавшись с ними, он спросил, как дела, и они сообщили ему, что выступление откладывается на два дня, чтобы его воины пришли в себя, поскольку они после долгого морского путешествия сильно ослабели и еще твердо на ногах не стоят, а нужно, чтобы бой они вели в свою обычную силу.

17. Итак, по их предложению был установлен двухдневный перерыв, по прошествии которых все вожди и цари выстраивают свои войска в боевой порядок и отправляются в битву. Неоптолем с ними, он, командуя центром, поставил вокруг себя своих мирмидонцев и Аякса, которого чтит как отца, в силу их родства. Трояне страшно перепугались, главным образом потому, что когда у них самих с каждым днем вспомогательные войска все убывали, против них появилось новое войско с вышеуказанными вождями. Но все же они берутся за оружие, побуждаемые Эврипилом. Он, вместе с царевичами, выводит свое войско, объединенное с троянским, из городских ворот. В боевом строю он занимает самый центр. На этот раз впервые при готовящемся сражении Эней остался внутри городских стен, потому что он предал Александра проклятию за его преступление, совершенное по отношению к Аполлону, святыни которого сам почитал с особым рвением. И вот, когда прозвучал сигнал начинать бой, вступать в рукопашную схватку и сражаться со страшной силой, с обеих сторон гибнет множество народу. Эврипил наталкивается на Пенелея, валит его копьем и умерщвляет, затем с еще большим свирепством кидается на Нирея и тут же убивает его ударом в затылок. Вот он уже смял первый ряд и врывается в центр.

Но тут Неоптолем, прознав об этом, летит к нему для рукопашной схватки и, сбросив врага с колесницы и сам соскочив со своей, стремительно пронзает его мечом насмерть. Труп его быстро подхватывают и уносят к кораблям по приказу Неоптолема. Как только все это увидели варвары, у которых на Эврипила была вся надежда, они без всякого порядка, без командиров покинули сражение и полетели к стенам города, и тогда их во множестве перебили во время бегства.

18. Таким образом, разбив врагов, греки возвращаются к кораблям, и по решению совета останки Эврипила, после сожжения помещенные в урну, отсылают к его отцу, в память о его благодеяниях и дружбе. Нирея и Пенелея тоже предали огню их соратники, каждого свои. На другой же день от Хриса становится известно, что у него в храме находится сын Приама Гелен, перебежавший сюда из-за преступления Александра. Туда были тотчас же посланы Диомед и Улисс, и Гелен уверяет им себя, предварительно попросив себе какую-нибудь небольшую область, где бы смог провести остаток своих дней вдалеке от людей. Затем его приводят к кораблям, где он принял участие в собрании, он объяснил, а до этого многое рассказал. Отчизну же и родителей он, по его словам, оставил не из страха смерти, а заставило его это сделать то, что от троян отворотились боги – ведь Александр осквернил их святилище, а вынести это не в состоянии ни он сам, ни Эней, который живет у Антенора и своего престарелого отца, боясь гнева греков, к которым бы хотел перейти, как молящий, после того, как узнал из оракула Гелена об угрожающей Трое беде. Наши тут же захотели узнать эти тайны, но Хрис подал Гелену знак, чтобы он хранил молчание и увел его вместе с собой. Затем, все узнав у Гелена, Хрис докладывает то, что от него услышал, грекам и кроме прочего сообщает время падения Трои и то, что случится это с помощью Энея и Антенора. Тогда все вспомнили и то, что вещал Калхас, и отметили, что все полностью совпадает.

19. На следующий же день, когда обе рати вышли на поле боя, троянское войско во множестве несло потери, но в основном за счет гибели союзников. И вот, когда напор наших все усиливался, и всем уже хотелось поскорее закончить этот бой, был дан условный знак, чтобы два вождя вышли навстречу друг другу и в поединке решили судьбу сражения. И тут Филоктет выступает вперед и делает вызов Александру на единоборство в стрельбе из лука, если у того хватит смелости. Тогда, по согласию сторон, Улисс и Деифоб устанавливают расстояние для поединка. Первым пускает стрелу Александр – она летит мимо цели, и тотчас стреляет Филоктет – он пронзает врагу левую руку, тот испускает страшный крик от боли, а Филоктет в этот же миг пробивает ему правый глаз, а когда Александр уже кинулся бежать, третьей стрелой пробивает ему обе ноги и, наконец, добивает, уже в конец изнемогшего. Филоктет ведь был вооружен стрелами Геракла, которые герой окунул в кровь гидры, и они вонзались в тело, принося неминуемую смерть.

20. Увидев это все варвары, что было сил бросаются вперед, чтобы вырвать тело Александра, и хоть Филоктет поубивал многих из них, все-таки добиваются своего и уносят труп в город. Аякс же Теламонид, преследуя тогда бегущих, подошел к самым воротам. Врагов было убито несметное количество, поскольку все они так торопились, опережая других, проникнуть в ворота, что, столпившись, забивали вход и сами себе мешали. Многие трояне, избегнувшие гибели, забравшись на стены, стали сбрасывать вниз, на щит Аякса, собранные отовсюду всевозможные камни и ссыпать груды земли, чтобы отгонять врага. Но выдающийся муж, хотя все и сверх всякой меры затрудняло ему бой, все это стряхивал со своего щита и вел наступление не менее бурно. Наконец, Филоктет своими стрелами разгоняет тех, кто был на стене, и при этом многих убивает. В других местах боя дела шли не хуже. И в этот день стены врагов были бы

разбиты и разрушены, если бы наступление ночи не помешало нашим закончить начатое. Они отошли к кораблям, довольные подвигами Филоктета и преисполнившись в душе твердых надежд на будущее, Аякс выражает ему великое одобрение и всячески прославляет. И когда на рассвете следующего дня он с другими вождями выходит в бой, то навел на врагов такой страх, что они едва чувствовали себя защищенными городскими стенами.

21. Тем временем Неоптолем после того, как виновник смерти его отца понес наказание, начинает обряд оплакивания Ахилла у могильного кургана. Он вместе с Фениксом и всем войском мирмидонян возлагает на могилу свои срезанные волосы и проводит там ночи.

В то же самое время сыновья Антимаха, о котором мы уже говорили, близко связанные с семейством Приама, приходят к Гелену и умоляют его восстановить дружественные отношения с своими; но, ничего не добившись, уходят и на полпути к дому встречаются Диомеда и второго Аякса, которые хватают их и ведут к кораблям, и те сообщают, кто они такие и зачем приходили. Но греки, прекрасно помня, что их отец против послов говорил и что собирался сделать, приказывают передать их простым воинам, чтобы те, выведя их на обозрение варваров, забросали их камнями.

Тем временем через другие городские ворота близкие Александра несут его труп к Эноне, которая была его женой до Елены, чтобы там его похоронить. И говорят, что Энона при виде тела Александра была так потрясена, что, от горя потеряв рассудок, впала в беспамятство, и душа ее постепенно покинула ее. Так ее и схоронили в одной могиле с Александром.

22. И вот, когда враги троянцев все сильнее и сильнее наступали на городские стены, а у них самих уже не хватает сил и нет больше

надежды спастись за стенами, то все знатные люди города поднимают восстание против Приама и царевичей. И наконец, призвав Энея и сыновей Антенора, они между собой принимают решение отвести к Менелая Елену вместе со всем, что было увезено. Когда Деифоб узнает об этом, он уводит Елену к себе и вступает с нею в брак. Однако Приам все же явился в собрание, выслушав много упреков, обращенных к нему Энеем, в конце концов по решению совета велит Антенору отправляться к грекам с поручением о прекращении войны. Антенор с городской стены дает знак, что идет посольство, и когда наши отходят, является к кораблям. Наши оказывают ему дружественный прием и его полное благорасположение, и искренность по отношению к грекам получает подтверждение, особенно в лице Нестора, который свидетельствует, что Антенор благодаря своей мудрости и помощи своих сыновей спас Менелая, когда против него строили козни троянцы. За это Антенору обещают много хорошего после разрушения Трои и призывают его измыслить что-нибудь достойное памяти, чтобы помочь своим друзьям против вероломцев. Тогда, поведя долгую речь, Антенор рассказал, что владыки Трои всегда несли наказание от боже-ства за свои дурные решения. Сюда он отнес знаменитую историю о вероломстве Лаомедонта по отношению к Гераклу и последовавшее за этим разрушение царства. Вот в это время и был поставлен на царство по просьбе Гесионы Приам, который, будучи еще малолетним, к деяниям Лаомедонта не имел отношения. Однако он с тех еще пор вел себя неблагоприятно и зло, привык донимать всех несправедливостью и кровавыми преследованиями; он скуп по отношению к своему достоянию и алчен до чужого, и по примеру старика и сыновья его заражены этим, как дурной болезнью, не могут удержаться ни от людского, ни от божеского достояния. И душой он, Антенор, всегда с ними рознился, хотя и происходит от одной с Приамом ветви, родственной и грекам. Ведь Гесиона, дочь Даная, породила Электру, от которой произошел Дардан, сочетавшийся с

Олизоной, дочерью Финея, породив Эрихтония, который стал отцом Троса, родителя Ила, Ганимеда и Клеоместры. Клеоместра породила Ассарака, Ассарак же – Каписа, отца Анхиза. От Ила, в свою очередь, родились Тифон и Лаомедонт, от Лаомедонта – Гипетаон, Клипий, Ламп, Тимоэт, Буколион и Приам. Он же, Антенор, родился тоже от вышеупомянутой Клеоместры и Эсиета. Приам, однако, растоптал все законы и обычаи родства и направил свою надменность и ненависть прежде всего против своих. Окончив свою речь, Антенор, поскольку он был послан старейшинами как посол мирных переговоров, требует, чтобы греки назначили из числа своих тех, с кем он будет вести столь важное дело. Для этого избирают Агамемнона, Идомею, Улисса и Диомеда, и они-то тайно от всех остальных обсуждают план предательства. Ими было также решено, что если Эней захочет остаться верным грекам, уступить ему часть добычи, и весь дом его оставить в целости. Антенору же они назначают половину богатств Приама и царскую власть для того из его сыновей, кого он сам назначит. Когда же они сочли, что все уже договорено, Антенора отпускают в город, чтобы он говорил своим совершенно не то, о чем они на деле говорили, и, в частности, сказал бы, что греки готовят дар Минерве, что они с радостью прекратят войну и вернуться домой, когда вернут себе Елену и получат золото.

Вот так обделав дело, Антенор возвращается в Трою; а с ним и Талфибий, чтобы придать всему большую убедительность.

Книга пятая

Когда Антенор и Талфибий вступили в город, весь народ и союзники со всех ног сбегаются, горя желанием узнать, как же прошли переговоры у греков. Но Антенор откладывает свое сообщение на завтра и, распустив собравшихся, удаляется. Затем следует пир, на котором присутствовал и Талфибий, и Антенор во время него поучал своих сыновей, чтобы они в жизни ничем не дорожили так, как дружбой с греками, существующей с древнейших времен, а также выражал восхищение честностью, верностью и неподкупностью греческих вождей. Окончив пир, все пошли на покой. С рассветом все уже стояли в собрании и ждали, наконец, услышать, предвидится ли конец стольким бедам, и тогда туда является вместе с Талфибием Антенор и чуть позже Эней, затем и Приам с оставшимися в живых царевичами. Наконец, Антенор получил приказание рассказать все, что он слышал у греков, и стал говорить следующее: «Тяжкой, о вожди троянские и вы, наши союзники, тяжелой оказалась для нас война с Грецией, но еще тяжелее, еще мучительнее то, что из-за женщины стали нашими врагами люди, нам наиболее дружественные, которые происходят от Пелопса, тем самым даже по нашим законам связаны с нами родством. Ведь если вкратце коснуться минувших бед, то было ли время, когда наше государство, пригнетенное несчастьями, из них выбиралось для спокойной жизни? Разве у нас смолкали стенания, разве убавлялись беды у наших союзников? Было ли, чтобы мы не теряли на войне родителей, близких, наконец, сыновей? Чтобы исчислить горе других, начну с себя – что я пережил с моим сыном Главком? Гибель его хоть и горька для меня, но не принесла столько боли, сколько я испытал, когда он присоединился к Александру и поступил в его распоряжение для похищения Елены. Но довольно о прошлом – теперь нужно подумать, как спастись в будущем, что для этого предпринять. Греческие мужи – блюстители верности и правды, первые – по доброжелательности и любезности. Это может засвидетельствовать Приам, который, в самый разгар раздоров, все-

таки принес дар их милосердия. Да и все дело они вели так, что оно склонилось к войне не раньше, чем они испытали наши козни на своем посольстве. В этом же деле – я говорю сейчас то, что чувствую, – зачинщиками были Приам и его сыновья, в числе которых был и Антимах, который только что потерял своих детей и тем самым понес расплату за свою несправедливость. И все это ради Елены, ради той самой женщины, которую и сами греки уже не жаждут получить обратно. Так что же, стало быть, нам удерживать у себя эту женщину, из-за которой уже не осталось ни народа, ни племени, которое не только перестало быть нам друзьями, но стали враждебными нашему царству! Так неужели же мы не будем сами просить и умолять, чтобы они ее взяли обратно? Неужели не приложим всех сил, чтобы убоготворить тех, столько раз понесших от нас оскорбление? Неужели не постараемся во имя будущего благополучия помириться с такими мужами? Я сам, во всяком случае, удалюсь отсюда и пойду подальше, я не стану больше находиться среди зла, в котором мы живем. Было время, когда жить в этом городе стало отрадно – друзья, союзники, благополучие близких, наконец, безупречная отчизна, – все это держалось до сего дня. И напротив – сегодня что из всего этого осталось без ущерба или вообще осталось у нас? Для меня непереносимо оставаться здесь вместе с теми, чьими стараниями для меня вместе с гибелью отчизны погибло все. Ведь мы потеряли даже тех, кого взял рок в битве, но враги дали похоронить, однако после того, как алтари и храмы богов столь преступно были осквернены человеческой кровью, – потеря еще большая, ведь может ли быть еще больше потеря, чем после гибели самых дорогих людей потерять и их могилы? Так вот, чтобы этого не случилось, теперь думайте, как спастись. Родину нужно выкупать золотом и всеми возможными ценностями. Много в нашем городе богатых домов, и давайте решим – каждый по своим возможностям пусть внесет и общий взнос, и потом мы предложим врагам за свою жизнь все то, что и так будет их достоянием, если мы погибнем. Даже убранство храмов, если будет необходимо, отдадим за спасение родины. Пусть Приам в одиночестве сторожит себе свои

богатства, пусть ценит их выше, чем своих сограждан, пусть хоть лежит на том, что захватил одновременно с похищением Елены и пусть смотрит, до какого предела думает пользоваться несчастьями отчизны. А мы побеждены. Это сделали наши беды».

3. И когда он говорил все это и еще многое другое, все разом заплакали, простирая руки к небу, стали и по отдельности, и все дружно между собой умолять Приама положить конец бедствиям, раз все складывается так ужасно, и, наконец, единодушно закричали, что родину нужно выкупать. В ответ на это Приам, жалобно рыдая и терзая свою голову, стал говорить, что он стал ненавистен не только богам, но и согражданам сделался врагом, ведь теперь не найти у него больше ни друга, ни родича, ни, наконец, гражданина, который бы не стонал от своих бедствий. А ведь он сам хотел – и не только сейчас, а даже пока были живы Александр и Гектор, чтобы переговоры начались. Но раз уж никому не дано вернуть прошлое, надо думать о настоящем и позаботиться о будущем. Сам он дает на выкуп отечества все возможности, какими располагает. Дело это поручает Антенору. Сам же, раз он стал ненавистен своим согражданам, удаляется с глаз долой, соглашаясь со всеми теми решениями, которые без него примут.

4. Царь удаляется, и тогда принимается решение, чтобы Антенор снова отправился к грекам, чтобы точно узнать их требования, а Эней, если хочет, присоединился бы к Антенору. На том и порешив, разошлись. И вот примерно в полночь к Антенору тайно является Елена. Она подозревает, что ее отдадут Менелаю, и поэтому боится гнева за то, что бросила свой дом. Она умоляет Антенора, чтобы он, когда будет вести переговоры с греками, среди прочего упомянул и о ней и замолвил бы за нее слово. Ведь, как выясняется, после смерти Александра в Трое ей все стало ненавистно, а желанно только возвращение к своим. С рассветом те, кому это было приказано, отправляются к кораблям, и в присутствии всех объявляют решение граждан. Далее они с самым естественным видом удаляются для

уединенной беседы с теми же, с кем и раньше, чтобы окончательно утвердить то, что требовало время. И там, когда были обсуждены важные государственные дела, троянские послы сообщили также и о том, что хотела Елена, умоляя для нее прощения, и в итоге твердо уславливаются об измене. Затем, когда подошло время, они возвращаются в Троию и с ними – Улисс и Диомед, Аякса же уговорил не ходить Эней, потому что столь мощный муж мог сделать жертвой козней – ведь варвары боялись его не меньше, чем Ахилла. И вот, когда в Трое увидели вождей греков, все граждане воспряли духом в надежде, что настает конец войне и раздорам. Срочно собирается совет, и в присутствии наших вождей принимается решение первым делом изгнать Антимаха из всей Фригии, вероятно, как виновника всего зла. Затем уже начинаются переговоры об условиях мира.

5. В это время вдруг на Пергаме, где стоял царский дворец Приама, слышится грохот и страшный крик. Все, кто был на совете, в волнении кидаются наружу, полагая, что царевичи, как обычно, подстроили какое-то коварство. Поэтому все поскорее удаляются в храм Минервы. Но очень вскоре с холма кремля спускаются люди и сообщают, что от обвала комнаты погибли сыновья Александра и Елены – их звали Буном, Корит и Идей. Поэтому заседание откладывается, наши вожди идут к Антенору, там они пируют и проводят ночь. Кроме того, от Антенора нашим становится известно, что некогда троянам был дан оракул – если Палладий из храма Минервы вынести за пределы стен – это будет на великую гибель государства. Ведь это древнейшее изваяние упало с неба в ту пору, когда Ил, воздвигая храм Минервы, уже почти доверху покрыл крышу. И тут, на еще не готовую кровлю, так и встало, заняв свое место, это изваяние, сделанное из дерева. Тогда все наши стали уговаривать Антенора, чтобы он в этом деле всячески постарался, и он ответил, что выполнит то, чего они хотят. Затем Антенор предупредил наших, что в собрании при всех он будет выступать против того, что они станут требовать, будет создавать им затруднения, чтобы у варваров не возникло никаких подозрений. На

том и порешив, на рассвете Антенор и другие виднейшие лица города идут к Приаму, а наши возвращаются к кораблям.

6. И вот на третий день, уже после того, как над погибшими мальчиками совершили установленные обряды, является Идей и призывает уже указанных греческих вождей в собрание. В их присутствии Панф и другие, с чьим мнением особенно считались, много говорили и доказывали, что столь безрассудно и напрасно творимые дела происходили без их участия, потому что царевицы с ними не считались, соединить усилия не было возможности, вот они и действовали по чужой указке. Не по своей воле они подняли оружие против греков, потому что всякий, кто живет под чужой властью, должен ждать указания власть предержащего, а затем выполнять его. Вот почему будет делом вполне правомерным, если бы греки простили тех, кто всегда был за мир, и пощадили их. Да и трояне уже достаточно поплатились за свои необузданные действия.

Затем, когда много было произнесено речей с той, и с другой стороны, наконец, начали вести переговоры о способе возмещения. Тут Диомед высказал желание получить в течение 10 лет 5 тыс. талантов золота и столько же серебра, и в добавление 100000 мер зерна. Возцарилось молчание, и Антенор от имени всех заявил, что они поступают по отношению к ним не по обычаю греков, а как варвары, ведь требование это непомерно, и оно выявляет, что они под предлогом мира готовят войну. Даже в прежние-то времена, когда город не был истощен наймом вспомогательных войск, у него не было такого количества золота и серебра. Так что если греки захотят оставаться твердыми в своей алчности, троянам остается одно – запереть ворота, зажечь храмы богов и внутри их искать, наконец, и себе конца вместе с концом отечества. На это Диомед сказал: «Мы прибыли сюда из Аргоса не затем, чтобы любоваться вашим городом, а затем, чтобы с вами воевать, поэтому если вашей душе угодно воевать – греки готовы, если же, как ты говоришь, вы предадите Илион огню –

мы мешать не станем, ведь у греков, испытавших от вас оскорбления, цель-то и есть отомстить своим врагам». Тогда Панф стал просить перенести обсуждение на следующий день. С этим наши уходят к Антенору, а оттуда – в храм Минервы.

7. Тем временем становится известно о великих предзнаменованиях, происходивших при священнодействиях – когда на алтаре было положено то, что обычно кладется в таких случаях, поднесенный огонь не схватил и не истребил этого, как бывало раньше, но отверг их. Это привело в волнение простой народ, и он устремился к алтарю Аполлона, чтобы узнать, можно ли верить этому предвещанию. А там, когда они положили внутренности жертвенных животных туда, где огонь был уже разведен, внезапно все, что было на жертвеннике, упало на землю, словно его сбросили. При виде этого все были поражены и объаты ужасом, как вдруг с громким плеском крыльев спускается орел, хватая часть внутренностей и, тотчас взлетев, направляется к кораблям греков, и там отпускает добычу. И варвары поняли, что это уже не отдаленное и неясное предзнаменование, а знак, явно предвещающий гибель. А Улисс и Диомед в это время, делая вид, что не понимают, что происходит, прогуливались по форуму, осматривали и расхваливали прекрасные сооружения этого города. У кораблей же все воодушевились таким предзнаменованием, и Калхас ободрил всех, сказав, что следует надеяться на лучшее, ведь скоро они будут хозяевами всего, что есть в Трое.

8. Но Гекуба, узнав обо всем, отправляется молить богов, особенно Минерву и Аполлона, и несет им и множество даров, и отборных жертвенных животных. Но когда жертвы были положены на алтаре, при сожжении их точно так же огонь стал гаснуть и вдруг пропал совсем. Среди этих тревожных событий Кассандра, исполненная вдохновения, велит принести жертвы на могилу Гектора, потому что боги отвергают жертвы из-за недавнего преступления против Аполлона. Таким образом, как было велено, заколотых быков

несут на место погребального костра Гектора, и все сгорает, едва лишь был поднесен огонь. Оттуда все разошлись по домам.

В ту же ночь Антенор тайком приходит в храм Минервы. Там он, долго упрашивая и к уговорам примешивая угрозы, убеждает Феано, которая была жрицей храма, чтобы она передала Палладий ему, обещая ей за это великую награду. Закончив это дело, он приходит к нашим и вручает им обещанное; они же, как следует его закутав, чтобы никто его не узнал, через близких и верных людей посылают Палладий на повозке к палатке Улисса.

На рассвете, когда сенат снова был созван, и наши туда явились, Антенор, сделав вид, что опасается гнева греков, просит прощения за то, что слишком резко говорил с ними, защищая свое отечество. Тогда Улисс сказал ему, что их это не волнует, и они не сердятся, но беспокоит то, что конца переговорам что-то нет, тем более что скоро кончится подходящее для плавания время года. Тогда, обменявшись многими речами, стороны кончают дело в конце концов на двух тысячах талантов золота и столько же – серебра. Греки возвращаются к кораблям, чтобы сообщить это своим. Там, собрав вождей, рассказывают все, что было сказано и сделано. Возвещают, что с помощью Антенора унесен и Палладий. После этого, по общему решению, это дело узнает и все войско.

9. По этой причине все выносят решение принести Минерве самый почетный дар. Для этого приглашают Гелена; он по порядку рассказывает обо всем, что было сделано тайно от него, так, словно сам при этом присутствовал, и добавляет, что делам троянским пришел конец, поскольку то, на чем держался город, был Палладий, а когда он унесен, гибель неминуема. Гелен сказал еще, что дар Минерве должен быть для троян роковым – это будет деревянный конь огромной величины, и из-за его размеров стены должны будут разобрать, и здесь должен послужить и постараться Антенор.

Затем Гелен, вспомнив своего родителя Приама и оставшихся в живых братьев, издал горестный вопль и упал, распростертый в беспомощности от горя.

Тогда Пирр поднял его, привел в чувство и приставил к нему сторожей, опасаясь, как бы через него врагам не стало известно о том, что готовили. Гелен это понял и призвал Пирра быть спокойным и за него, и за тайны, ведь после гибели своей родины он будет жить вместе с ними в Греции еще долгие времена. И вот, по слову Гелена, Эпей и Аякс Оилид доставили много древесины, подходящей для такого дела.

10. Тем временем десять избранных вождей идут в Трою скреплять договор, это – Диомед, Улисс, Идомоней, Аякс Теламонид, Нестор, Мерион, Фоант, Филоктет, Неоптолем и Эвмел. Увидев их на форуме, народ возликовал, надеясь, что настает конец бедствиям. И многие сами дружелюбно подходили к тем, кто им встречался, приветствовали, поздравляли, целовали их.

Тогда Приам стал просить греков за Гелена, с добрыми пожеланиями вверяет им Гелена, своего самого дорогого и наиболее из всех за свою мудрость любимого сына.

Затем, когда сочли, что подходящее время наступило, трояне от имени государства устраивают пир в честь вождей и заключения мира, и на нем Антенор всячески угождал грекам и вообще всячески выражал радушие.

С наступлением нового дня все старейшины сошлись в храме Минервы, и Антенор сообщает им, что греки прислали посольство из десяти мужей для наблюдения за выполнением условий заключенного мира. И когда все приняли решение пригласить их на собрание, обе

стороны обменялись рукопожатиями и договорились, что на следующий день в центре поля, на глазах у всех установить алтарь, и на нем подтвердить верность договору, совершив клятвенные обряды.

Когда все это было сделано, Диомед и Улисс стали клясться, что будут твердо держаться того, о чем договорились с Антенором, и призывают в свидетели этого Юпитера высочайшего, Мать-Землю, Солнце, Луну и Океан. Затем они рассекли пополам жертвенное животное, приведенное туда для этого дела, и положили одну ее часть в сторону солнца, а другую – в сторону кораблей, и прошли между ними. Антенор в тех же выражениях подтверждает все, о чем они договорились. Совершив таким образом это дело, все расходятся. Варвары превозносят Антенора высочайшими похвалами, когда он подходил, отдельные граждане выражали ему почтение, как богу, ведь все считали, что он один – творец этого мира и восстановления дружбы с греками.

Итак, с этого времени война везде утихла, и обе стороны дружелюбно встречались везде, где хотели – и греки у троянцев, и троянцы у кораблей.

Тем временем все союзники варваров, которые еще уцелели в боях, как только договор был заключен, радуясь наступлению мира, отправились восвояси, не дождавшись даже наград за свои столь великие труды и тяготы, возможно, потому что опасались, как бы варвары не нарушили договора.

11. Тем временем у кораблей, как того требовал Гелен, стали сооружать из досок коня, и строителем его был Эпей.

Высоко подняв его, к концам его ног он приделал колеса, чтобы его легче было тащить. Все говорили, что этот конь будет принесен Минерве как великий дар.

В Трое в это же время под наблюдением Антенора и Энея, с большим усердием в храме Минервы собирали нужное количество золота и серебра. Греки же, когда узнали, что союзные войска распущены, стали еще более миролюбивы и дружелюбны, поэтому никто из варваров не был убит, никто не получил ранения, и поэтому враги тем более пребывали вне всяких подозрений в их враждебности.

Наконец, искусно построенного и собранного коня греки двигают к стенам города, предупредив предварительно троян, чтобы они приняли его с благоговением, как святыню, посвященную Минерве. Поэтому огромная толпа народа с великой радостью и жертвоприношениями принимает сей дар и придвигает его поближе к стенам. И после того, как они понимают, что пройти через ворота размеры сооружения не позволяют, они принимают решение разрушить верхнюю часть стен, и не было ни одного человека, кто бы советовал поступить иначе, таково было рвение. И вот так эти стены, как говорят, творение Нептуна и великое сооружение Аполлона, выдержавшие столько лет, безо всяких колебаний были разрушены руками граждан. Когда же уже большая часть сооружения была развалена, греки преднамеренно нарочно запротестовали, утверждая, что не допустят, чтобы конь был введен внутрь городских стен до тех пор, пока они не получат установленное количество золота и серебра.

И вот работы остановились, стены остались полуразобранными, а Улисс повел всех мастеров троянского государства на починку кораблей.

Когда весь флот был приведен в порядок, все корабли оснащены и выкуп уплачен, наши велят троянам заканчивать начатое. И те, разрушив до основания часть стен, с шутками и весельем ввели коня, причем мужчины и женщины состязались между собой, кому его тащить.

12. Греки же, погрузив все на корабли, подожгли все палатки и удалились на Сигей, и там провели ночь в ожидании. Потом, когда вино и сон победили варваров, охотно предавшихся им от радости и чувства безопасности мирного времени, греки бесшумно подплыли к Трое, ориентируясь на знак, который подавал им Синон, потихоньку выставивший огонь на возвышенном месте.

И как только все вошли в город, они распределили между собой части города и по сигналу со страшной силой стали уничтожать всех, кто попадался, убивать на улицах и в домах, не разбирая священных мест, стараясь перебить врагов прежде, чем они успеют взять оружие или что попадет, чтобы защититься. И не было передышки в резне и убийствах, и дети, и родители погибали друг у друга на глазах, те, кто видели это – страшно кричали, но скоро и сами после того, как наблюдали убийство своих самых дорогих, тоже погибали самым жалким образом. Тут же по всему городу были устроены поджоги, правда, перед домами Антенора и Энея была выставлена охрана. Приам, узнав, что случилось, кинулся бежать к алтарю Зевса Привратного, многие тоже побежали в храмы других богов, в том числе и Кассандра побежала в храм Минервы, но враги позорно убивали их, беззащитных людей, кто только попадался им в руки, и на рассвете подступили к дому, где жила Елена. Тут Менелай убил Деифоба, который взял себе Елену в жены после смерти Александра, как мы об этом уже раньше говорили. Менелай сначала обрезал ему уши и отсек руки, вырвал ноздри, изуродовал и растерзал все тело, и только потом убил.

Неоптолем перерезал горло Приаму, охватившему руками алтарь, – без всякой жалости к его летам и уважения к сану. Аякс Оилид увел Кассандру в плен из храма Минервы.

13. Когда варвары вот так были истреблены вместе со своим городом, греки стали думать, как поступить с теми, кто у алтарей богов умолял о спасении жизни, и все решили, что их надо, силой от них

оторвав, умертвить, вот какое злобное чувство мщения за обиды, стремление уничтожить само имя троянцев на всех нашло. И вот все, кто сумел избежать мучительной смерти в предыдущую ночь, были схвачены, и всех их, трепещущих, перерезали, как овец.

После этого, как это водится на войне, пошло разграбление храмов и полусгоревших домов, и продолжалось оно много дней, равно как и охота за теми, кто мог еще избежать гибели.

Тогда же были установлены места, куда складывали изделия из золота и серебра, и другие – для ценной одежды.

Когда же наступило насыщение троянской кровью, а пожары сравняли город с землей, греки начали из добычи выплачивать военную службу, сначала раздавая пленниц и детей-мальчиков, пока не способных к ношению оружия. Из них первым делом без жребия Менелай получает Елену, потом по совету Улисса Неоптолем берет Поликсену, чтобы принести ее в заупокойную жертву Ахиллу. Кассандру отдают Агамемнону после того, как он, не в силах скрывать, что покорен ее красотой, не удержался и открыто выразил свое страстное пожелание; Этру и Климену получили Демофоон и Анамас.

Всех остальных делили по жребию, и Неоптолему досталась Андромаха, и когда это выпало ему, то к ней еще добавили ее сыновей из уважения к такому вождю; Улиссу досталась Гекуба.

Так для этих женщин, доселе знатных, началось их рабство.

Все прочие воины получили по жребию свою долю или из добычи, или из пленников, сообразно своим заслугам.

14. Тем временем среди вождей разгорелся жаркий спор из-за Палладия, Аякс Теламонид требовал его себе в награду за все, что он с таким рвением и мужеством сделал для всех и каждого, и почти

все поэтому, чтобы не обижать такого заслуженного мужа, чье неусыпное попечение о войне и славные дела все прекрасно помнили, согласились уступить ему, и только Диомед и Улисс одни из всех воспротивились этому, потому что считали, что Палладий был унесен их стараниями. На это Аякс возразил, что не их труд и смелость совершили это дело, а унес его Антенор из соображений взаимной дружбы. Тогда Диомед вышел из спора, уступая из уважения перед его заслугами. Таким образом, с Аяксом спорил один Улисс, и они, прикладывая все усилия, каждый со своей стороны требовали Палладий как награду своим усилиям, при этом Улисса поддерживали Агамемнон и Менелай из-за того, что благодаря ему незадолго до этого была оставлена жизнь Елене. Дело в том, что когда Илион был взят, Аякс, поскольку из-за этой женщины все испытали столько бед и страданий, вначале приказал, чтобы ее убили в первую очередь. Многие одобрили решение Аякса, но Менелай, все еще питающий супружескую любовь, стал уговаривать всех по отдельности и в конце концов добился при вмешательстве Улисса того, что Елену живую и невредимую передали ему. Таким образом, на суд были вынесены заслуги обоих, и вот при том, что война была рядом и кругом шумели во множестве враждебные народы, эти двое, нисколько не посчитавшись с мнением сильнейших мужей, презрев и выдающиеся подвиги Аякса, и его раздачу всему войску хлеба, который он добыл во Фракии, передают Палладий Улиссу.

15. И вот все вожди разделились на две партии – одни, помня подвиги Аякса, полагали, что никто не должен быть ему предпочтен, и другие, которые возражали против столь достойного мужа из-за своей симпатии к Улиссу.

Аякс же, полный негодования и весь охваченный обидой, при всех во всеуслышание заявил, что те, кто его оскорбил, заплатят за это кровью. Поэтому Улисс, Агамемнон и Менелай усилили свою охрану и приняли все меры, чтобы быть в большей безопасности. Когда насту-

пила ночь, все разошлись, в один голос понося каждого царя, и Менелая, и Агамемнона, и не сдерживая проклятий, поскольку у них похоть и страсть к женщине всегда брала вверх над воинским долгом.

Наутро они находят Аякса мертвым, и когда стали искать причину смерти, увидели, что убит он мечом.

Тут среди вождей и войска начинается огромное волнение, и затем уже разрастается восстание, как это было уже прежде, когда из-за козней этих двух пришлось оплакивать Паламеда, мужа мудрейшего и в военных, и в мирных делах, прославленного во многих битвах.

Поэтому вышеуказанные цари в страхе, как бы войско не собралось силы, остаются со своим ближайшим окружением, запершись у себя и вооружившись.

Неоптолем, достав бревна, сжигает Аякса, останки его помещает в золотую урну и принимает меры, чтобы в короткий срок соорудили курган, посвященный столь славному мужу.

Если бы все это случилось до захвата Илиона, то, конечно, дела врагов были бы в лучшем положении и можно было бы вообще сомневаться в исходе дела.

Улисс, опасаясь, как бы войско в гневе не применило силу, тайно бежит в Исмар, и Палладий, таким образом, остается у Диомеда.

16. После бегства Улисса Гекуба, чтобы смерть освободила ее от рабства, принялась всячески поносить греческое войско и призывать на него всевозможные проклятия. Воины, разозлившись, убили ее, закидав камнями. Могилу ее сооружают близ Абидоса и называют ее «Собачьей» могилой из-за беспощадной и бесстыдной ее брани.

В то же время Кассандра, исполнившись божественным духом,

пророчествует Агамемнону множество бед: близкие строят против него козни и уже тайно подготовили его убийство. Кроме этого, предсказывает всему войску несчастливое и погибельное путешествие домой.

Аntenор между тем вместе со своими близкими стали умолять греков оставить гнев, подумать об общих делах, ведь время, благоприятное для плавания, уже поджидает. Кроме того, он приглашает всех вождей к себе на пир и там всех по отдельности одаряет весьма богатыми подарками.

Греки тут уговаривают Энея плыть в Грецию вместе с ними – ведь там у него будет право и власть на царство наравне с другими вождями.

Неоптолем дарует Гелену сыновей Гектора, а другие вожди – столько золота и серебра, сколько кто счел нужным. Затем, после совещания, принимается решение в течение трех дней всем народом справлять погребальные обряды Аяксу. Когда этот срок истек, все цари возлагают на его могилу срезанную прядь волос. И после этого все стали оскорбительно обращаться с Агамемноном и его братом и называть их не Атридами, а Плисфенцами, то есть безродными.

Это, а также стремление удалиться и тем успокоить ненависть войска к себе, вынуждает их просить, чтобы им позволили подобру-поздорову убраться с глаз долой. И со всеобщего согласия первыми отплывают, низвергнутые и отторгнутые вождями. А сыновья Аякса – Эантид от Главки и Эврисак от Текмессы, были отданы Тевкру.

17. После этого греки в страхе, как бы из-за их промедления приход зимы, которая уже надвигалась, не отрезал им возможность плавания, спускают на воду корабли и оснащают их веслами

и всем другим, необходимым для мореходства. И вот они отплывают вместе со всем тем, что каждый из них за много лет стяжал себе в добычу.

Эней остается в Трое. После отплытия греков он приходит ко всем жителям Дардана и ближайшего острова и просит, чтобы его с Антенором изгнали из царства.

Антенор узнает, что о нем уже все стало известно, и когда он, не закончив своих дел, возвращается в Трою, его туда не пускают. Это вынуждает его со всем своим отеческим достоянием отплыть от Трои. Пройдя мимо многих варварских племен, он достиг Адриатического моря. Там он и его спутники основали город, назвав его Коркира Мелена. Когда до троян дошли слухи, что Антенор стал царем, все, кто уцелел во время ночного побоища, стекаются к нему туда, и вскоре собралось огромное количество народа, – вот какова была любовь к Антенору и слава его мудрости. Первый же, кто заключил с ним союз дружбы, был Энидей, царь кебренов.

Я, Диктис Кноссеянин, спутник Идоменея, в меру того, насколько я мог проследить и понять среди разноязыкого множества племен, написал все это здесь пуническими письменами, переданными нам от Кадма и Даная. Пусть это не вызывает удивления – ведь как греки говорят на различных наречиях, так и мы, жители хоть и одного острова, пользуемся не единым языком, но различными и смешанными.

Я, стало быть, предал памяти то, что случилось на войне с греками и варварами, зная все это и по большей части испытав на себе. Об Антеноре и его царстве я сообщил то, что слышал.

А теперь я хочу рассказать о возвращении наших.

Книга шестая

1. После того, как все, что каждый стяжал во время войны, было погружено, все поднялись на корабли и, снявшись с якорей, отправились в путь. С кормы дул попутный ветер, и в несколько дней они достигли Эгейского моря, но тут пошли ливни, вызвавшие шторм на море, и наши, разбросанные кто-куда, претерпели много бедствий.

Так, локрские корабли, команды которых из-за бури не могли выполнять своих обязанностей, полностью утратили порядок и в конце концов были не то сожжены, не то разбиты молнией. Царь локров Аякс, а с ним и другие пытались вплавь спастись после кораблекрушения, и, держась на воде с помощью досок или других плавучих предметов, они добрались до Эвбеи, но тут все погибли, прибитые валами к херадийским скалам. Это Навплий, узнав, что произошло, горя мстостью за Паламеда, ночью поднял там огонь, заставляя их направиться прямо на эти скалы, будто в безопасную гавань.

2. Тем временем сын Навплия Эакс, брат Паламеда, при вести, что греки направляются восвояси, приходит в Аргос и с помощью известий восстанавливает против мужей Эгиалу и Клитемнестру, сообщая, что они ведут с собой из Трои жен, которым оказывают перед ними предпочтение. Было добавлено к этому и другое, что еще больше разожгло против мужей их женский дух, по природе легко поддающийся убеждению.

В итоге Эгиала при помощи граждан непустила в город Диомеда, когда он пришел.

А Клитемнестра, приспешником которой был ее любовник Эгист, коварно принимает Агамемнона и убивает его. Тут же выйдя за любовника замуж, она рождает от него Эригону.

Между тем, Талфибий, вырвав из рук Эгиста Ореста, сына Агамемнона, пересылает его к Идоменею, который тогда был возле Коринфа. Туда же собираются Диомед, изгнанный из своего царства, и Тевкр, не допущенный на Саламин Теламоном из-за того, что он не защитил своего брата, окруженного кознями.

Афиняне тем временем приняли в город Менесфея вместе с Эфрой, дочерью Тезея и Климены, а Демофоон и Акамас остались за воротами.

И вот многие ахейцы, которым удалось уцелеть после бури на море и козней сограждан, собрались в Коринфе и выработывают план, как, соединившись вместе, поочередно нападать войной на отдельные царства, чтобы открыть себе возвращение домой. Однако против этого решительно восстал Нестор, который стал убеждать их сначала попробовать снова добиться расположения сограждан и не допускать, чтобы из-за их заговора вся Греция подверглась разорению во внутренних раздорах. И вскоре после этого Диомед узнает, что в Этолии Ойнея просто замучили самыми разнообразными поборами те, кто в его отсутствие опустошал набегами его царство.

Диомед отправляется туда и всех, виновников такого безобразия, каких нашел, он перебил, чем навел на окрестные земли страх, и после этого был с легкостью принят своими согражданами.

По всей Греции пошла молва, что все области принимают своих царей, потому что те, кто воевал под Троей, столь доблестны, что ни у кого нет достаточных сил, чтобы им сопротивляться.

И таким образом, мы тоже с нашим царем Идоменеем возвращаемся на Крит, в нашу родную землю, а граждане встречают нас с величайшей радостью и торжественностью.

3. Когда Орест вышел из детского возраста и стал выполнять обязанности взрослого мужа, он обратился к Идоменею с просьбой, чтобы тот послал с этого острова вместе с ним как можно больше людей, поскольку он хочет плыть в Афины. Когда нужное число спутников было собрано, он явился в Афины и попросил там помощи против Эгисфа. Затем Орест отправился к оракулу и получил там ответ, гласящий, что ему нужно убить свою мать и вместе с ней Эгисфа, и тогда он сможет вернуть себе отцовскую власть.

Вооруженный таким повелением божества, он с вышеупомянутым отрядом идет к Строфию. Это был царь фокейцев, дочь которого была просватана за Эгисфа. Он был в большом негодовании, что тот, презрев первый брак, женился на Клитемнестре и убил царя всех Агамемнона, поэтому сам предложил Оресту помощь против злейших своих врагов. Таким образом, составив заговор, они с большим отрядом приходят в Микены и тут же – Эгисф был в отлучке – сначала убивают Клитемнестру и многих из ее окружения, кто посмел оказать им сопротивление. И затем, узнав, что Эгисф возвращается, устраивают ему засаду и убивают и его.

В аргивском народе возникает раскол, потому что разные люди хотели разного, и в конце концов он разделяется на части. В это же время на Крит пристаёт корабль Менелая, и тут он узнает все об Агамемноне и его царстве.

4. Когда распространяется весть о прибытии Елены, со всего острова многие мужчины и женщины стекаются посмотреть на ту, ради которой почти весь мир вел войну.

Менелай же между тем сообщает, что изгнанный из своего отечества Тевкр основал на Кипре город под названием Саламин. О Египте он рассказывает много удивительного и говорит, что его

кормчему Канопу, погибшему от укуса змеи, был сооружен великолепный памятник.

Потом, когда настало подходящее время, он поплыл в Микены. Там он развивает деятельность против Ореста. Но в конце концов отказывается от задуманного дела, когда встречает отпор у большого числа граждан. Тогда принимают решение, чтобы дело о совершенном Орестом преступлении было рассмотрено у афинян, где суд Ареопага славился своей великой строгостью. Дело там слушается, и юноша получает оправдание.

Эригона, которая произошла на свет от Эгисфа, когда узнала, что брат ее оправдан, сраженная необоримой тоской, повесилась.

После того, как Орест, освобожденный от вины матереубийцы, прошел все очистительные обряды, которые принято совершать, дабы предать забвению такого рода преступление, Менесфей отправляет его в Микены, где к нему переходит царская власть.

Проходит некоторое время и по приглашению Идомenea Орест приезжает на Крит, а вскоре после него прибывает и Менелай. Тогда Орест предьявляет своему дяде много серьезных упреков за то, что когда он был и без того в трудном положении ввиду разногласий у народа, тот еще и сам строил ему козни. Но в конце концов благодаря вмешательству Идомenea они снова дружески друг к другу расположились и отправились в Лакедемон. И там Менелай, как они и договорились, выдал замуж за Ореста Гермionу.

5. В это время на Крит причалил Одиссей с двумя нанятыми им за плату финикийскими кораблями, ведь свои он потерял вместе со всеми спутниками, какие у него были под Троей, вследствие враждеб-

ных действий Теламона, мстившего виновнику гибели своего сына, так что сам Одиссей насилу избежал смерти.

Идоменей стал расспрашивать Одиссея, по каким же причинам он впал в такое бедственное положение, и тот стал рассказывать о своих блужданиях с самого начала. Из Трои он приплыл в Исмар и там взял большую добычу и поплыл дальше. Потом он пристал к земле лотофагов и после тяжелых испытаний приплыл в Сицилию, где претерпел много недостойного от рук братьев Киклопа и Лестеригона, и, наконец, потерял по вине их сыновей Антифата и Полифема большинство своих спутников. Полифем поимел к нему сострадание и принял его в число своих друзей, а Одиссей воспылил к дочери царя Арены, союзника Полифема, и пытался ее похитить. Дело открылось, отец вмешался, и девица была уведена силой, а Одиссей был изгнан и через острова Эола прибыл сначала к Кирке, а оттуда к Калипсо – обе они были царицами островов, и обе они задерживали приезжающих, всячески обольщая и соблазняя гостей, чтобы склонить к любви с собой. Высвободившись оттуда, он прибыл в такое место, где было возможно по совершении определенных обрядов узнать от душ умерших будущее. После этого море прибило его к скалам Сирен, но он освободился от них благодаря своей хитрости. Наконец, он попал между Сциллою и Харибдой, море там крайне свирепствует и обычно поглощает все, что сюда попадает – тут он потерял большинство своих кораблей с сотоварищами. Вместе же с теми, кто уцелел, он попал в руки финикийцам, которые промышляют по морям грабежом, но остался жив благодаря их милосердию. И вот, наконец, согласно своему желанию, он получил от нашего царя два корабля и был отослан к царю Феаков Алкиною, одаренный богатой добычей.

6. Там его с радушием принимали много дней ввиду прославленности его имени; там же он узнает, что за Пенелопу сватаются три-

дцать знатных мужей из разных мест – с Закинфа, Эхинадибия, Левкаты и Итаки.

Тогда Одиссей после долгих просьб убедил царя отправиться вместе с ним, чтобы отомстить за оскорбление своего брака.

Прибыв на место, Одиссей некоторое время скрывался, Телемаху же сообщают о деле, которое собираются сделать. Они все тайно пришли в дом Улисса, застали там женихов, которые перепились и объелись за пиром, напали на них и перебили их всех.

Затем по городу распространяется известие о возвращении Улисса. Народ радостно и с большим расположением принимает Улисса, а Улисс узнает все, что делалось у него в доме, – и одних по заслугам награждает, других карает. О Пенелопе и ее скромности слава была самая лучшая. Вскоре по просьбе и уговорам Улисса дочь Алкиноя Навзикая выходит замуж за Телемаха. Тем временем на Крите умирает наш вождь Идомений, а царство передает в наследство Мериону. И Лаэрт умер, когда прошло три года после возвращения его сына. У Телемаха и Навзикаи родился сын, которого Улисс назвал Птолипортом.

7. Пока все это происходит на Итаке, в стране Молоссов Неоптолем чинит свои разбитые бурей корабли. Узнав же, что Акаст сверг с престола Пелея, он отправляется оттуда мстить за обиды, причиненные его деду, предварительно послав на разведку своих вернейших людей Хрисиппа и Арата, которых в тех местах никто не знал. От Ассандра, человека, не чужого Пелею, они узнают все, что там делалось и то, что Пелею Акаст готовит гибель. Сам же Ассандр, избегая преследований тирана, питал к Пелею сочувствие и настолько хорошо знал жизнь этого семейства, что среди прочего рассказал Арату и Хрисиппу даже историю свадьбы Пелея с Фетидой, дочерью Хирона. Так вот, именно тогда многие цари, отовсюду приглашенные в дом Хи-

рона, прославляли на пиру новобрачную, воздавая ей великие хвалы, словно богине, а отца ее величали Нереем, ее же – Нереидой; каждого из присутствующих на пиру царей, если он отличился в пляске или пении, называли Аполлоном или Либером, а многих женщин величали Музами. Вот почему эту свадьбу и назвали пиром богов.

8. Так вот, когда они, то есть Хрисипп и Арат, узнали все, что хотели, они возвращаются к царю и все по порядку ему рассказывают, и их рассказ побуждает Неоптолема снарядить флот и взойти на корабль самому, хотя и море не благоприятствовало, и местные жители удерживали его от этого. Затем, поскольку зима бушевала, он, очень усталый, был пригнан к берегу Сепиад, названному так из-за того, что скалы затрудняли подступ, и здесь Неоптолем потерял почти все корабли, насили и сам спасся вместе с теми, кто был с ним на одном судне. Тут он обрел Пелея, своего деда, который прятался в глубокой, мрачной пещере; и, спасшийся от насилий и козней Акаста, старец, тоскуя о внуке, постоянно следил за теми, кто плывет по морю – вдруг кто-нибудь пристанет. И вот Неоптолем, разузнав, как обстоят дела с его домом и достоянием, стал придумывать нападение на врагов, как вдруг случайно он узнает, что в эти места прибыли поохотиться сыновья Акаста Меланипп и Плисфен. Тогда Неоптолем переодевается, принимая облик юноши из Йолка и попадает им навстречу, и сообщает о своей гибели, весьма для них желанной. Поэтому они приглашают его на охоту, во время которой он, заметив, что Меланипп отошел в сторону, убил его, а вскоре убил, выследив, и его брата. На поиски братьев отправился их верный брат помладше Кинирас – он тоже попался в руки юноши, сообщил ему, что сюда вскоре прибывает Акаст, и тоже был убит.

9. Тут Неоптолем переодевается во фригийскую одежду, как будто он – сын Приама Местор, который, будучи пленником, приплыл сюда вместе с Пирром, и выходит навстречу Акасту – ему он

называет себя и сообщает, что Неоптолем, утомившись во время плавания, спит в пещере. Акаст приходит в волнение, страстно желая поскорее уничтожить своего главного врага, он кидается к пещере, но у самого входа его задерживает Фетида – поняв, в чем дело, она пришла сюда искать Пелея.

Тут уж Акасту перечисляют все его злодеяния, совершенные против дома Ахилла в нарушение всех божественных законов. Тут уж ему все поставлено в упрек, но в заключение Пелей освобождает Акаста из рук внука, убедив Неоптолема, что это – дело прошлое и кровью за него мстить не нужно. Тогда Акаст, видя, что он, против всех ожиданий, освобожден, на месте сам передает Неоптолему всю царскую власть. И юноша, получив престол, является в город вместе с дедом, Фетидой и всеми, кто плыл с ним на корабле. В городе народ и все, кто там под его властью обитали в окрестностях, встречают его благо-склонно и радостно, и вскоре он сумел укрепить их любовь к себе.

10. Я запомнил все это со слов Неоптолема, который пригласил меня к себе, когда брал в жены Гермиону, дочь Менелая. От него же мне стала известна и участь останков Мемнона – оказывается, его кости были переданы на Пафосе тем, кто были у Мемнона в дружине, предводительствуемой Паллантом – они плыли морем, но задержались на Пафосе, когда вождь погиб, а добычу ограбили. Туда же, на Пафос, отправилась искать тело брата и Гимера, которую некоторые по имени матери называют Гемерой. Она нашла тело брата и узнала все о пропавшей добыче и, пожелав заполучить и то, и другое, при вмешательстве финикийцев, которых было в войске множество, добилась и всего имущества, и отдельно останков брата, и, перевозносимая за свои родственные чувства, отплыла в Финикию, увозя с собой урну. Затем она попала в область этой страны, называемую Фаллиотис, похоронила там останки брата, после чего неожиданно исчезла. На этот счет существует троякое мнение – она могла уйти от людских глаз

вместе с матерью Гимерой – дневным светом – при заходе солнца; могла и умереть, не вынеся скорби по смерти брата, могла и быть убитой местными жителями, захотевшими захватить то, что было при ней. Вот что я узнал от Неоптолема о Мемноне и его сестре.

11. После этого я отправился на Крит, а через год по поручению государства я и со мной еще двое прибыли к оракулу Аполлона, чтобы просить избавления от бедствий. Дело в том, что безо всякой видимой причины на наш остров напала такая сила саранчи, что весь урожай, бывший на полях, был ею истреблен.

Итак, в ответ на наши долгие просьбы и мольбы был дан ответ, что с помощью божества эти животные будут уничтожены, а остров вскоре вновь наполнится урожаем. После этого мы захотели отплыть, но все, кто были в Дельфах не пускали нас, потому что время было неподходящее и опасное. Однако Иксей и Ликофрон, которые вместе со мной ходили вопрошать оракул, отнеслись к предостережениям с презрением и отплыли на корабле, и вот примерно на полпути они погибли, пораженные ударом молнии. Правда, тем же ударом молнии вся сила этого зла, как было предсказано, была истреблена и потоплена в море, а весь остров снова покрылся плодами.

12. Одновременно с этими событиями Неоптолем, укрепив свой брак с Гермией, отправился к Аполлону принести свое благодарение за то, что он покарал Александра, виновника смерти его отца, а дома он оставил Андромуху с ее сыном Лаодамантом, что был единственным уцелевшим из сыновей Гектора. Гермия же, когда муж уехал, полностью предалась душевной скорби – вынести соперницу-пленницу она не могла и послала за своим отцом Менелаем. На него она изливает жалобы, что муж предпочитает ей пленницу, и убеждает его убить сына Гектора. Но Андромуха узнает об этом и спасается от грозящего ей насилия с помощью народа – жалея о ее

злосчастной судьбе, люди сами преследуют Менелая бранью и еле удерживаются, чтобы его не убить.

13. Тем временем сюда прибывает Орест; узнает, что происходит и уговаривает Менелая, чтобы он исполнил до конца то, что задумал, а сам в злобе, что Неоптолем перехватил у него брак с Гермией, собирается приготовить Неоптолему западню, когда он вернется. Прежде всего он посылает самых своих верных людей в Дельфы, чтобы они подкараулили возвращение Неоптолема.

Менелай же, узнав об этом, отбывает в Спарту, желая избежать участия в таком злодеянии. Однако посланцы Ореста возвращаются и сообщают, что Неоптолема в Дельфах нет. Тогда Орест сам отправляется его искать и возвращается на следующий же день, и, как говорили в народе, сделав свое дело. Через несколько дней распространяется слух, что Неоптолем убит из-за козней Ореста. И сей юноша, когда известие об Неоптолеме подтвердилось, удаляется в Микены, получив Гермию, которая и раньше была просватана за него. Тем временем Пелей и Фетида, услышав о гибели внука, отправляются на поиски и узнают, что он погребен в Дельфах. Там они совершают установленные обычаем погребальные обряды и узнают, что погиб он в таких местах, где Ореста и не видели. В народе этому не верят, настолько прочно у всех в душе укрепилось мнение о кознях Ореста. Фетида же, узнав, что Гермия соединилась с Орестом, отправила ожидавшую ребенка Андромаху в страну Молоссов, чтобы избежать козней Ореста и его жены, направленных на истребление потомства Неоптолема.

14. В это время Улисс пребывает в страхе из-за частых предзнаменований и зловещих снов и созывает к себе отовсюду наиболее опытных толкователей. Им он сообщает, что, помимо прочего, ему весьма часто являлось некое видение, выходило оно всегда из одного

и того же места, красотой лица нечеловеческой, ближе к божественной. Он, пылая страстью, тянется с объятиями, но видение человеческим голосом говорит, что их соединение будет преступно, так как они одной крови и одного рода – ведь если это произойдет, один из них будет причиной гибели другого. Тут Улисса охватила еще большая страсть, и ему еще больше захотелось узнать причину всего этого, как вдруг из моря явилась некая фигура, по приказу [первого видения] бросилась на него и отделила их друг от друга.

Все толкователи в один голос заявили, что дело идет о грозящей гибели и добавили, что ему следует остерегаться своего сына. И вот, когда в душу отца проникло подозрение, Телемаха отослали в поля, что были в Кефалении, и к тому же окружили его самой верной стражей. Улисс же удалился в другие места, скрытые и дальние, и, как мог, силился избежать действия этих слов.

15. Тем временем Телегон, которого родила на свет от Улисса Кирка и воспитала на острове Эе, когда вырос, отправился на поиски своего отца и прибыл на Итаку, и в руках он нес такое особое копье, у которого к наконечнику была приделана кость морского ската. Возможно, это был отличительный знак острова, на котором он родился. Узнав, где обретается Улисс, он к нему явился. Но сторожа на поле не пустили его к отцу. Он настаивает, его отталкивают, он начинает кричать, что не дать ему обнять отца – недостойный поступок. Сторожа, думая, что это Телемах пришел, чтобы произвести насильственные действия над царем, тем более оказывают ему сопротивление, тем более что никто не знает, что Улисс имеет второго сына.

Юноша, когда видит, что его оттесняют все более решительно и даже применяют силу, с горя убивает много стражников или выводит из строя, нанося тяжелые ранения. Об этом становится известно Улиссу, и он, полагая, что юноша подослан Телемахом, пускает в Те-

легона копье, которое всегда для защиты носил с собой. Юноша как-то сумел уклониться от этого удара и сам метнул свое знаменитое копье в родителя, и своими глазами лицезрел, как оно, злосчастное, нанесло рану. От удара Улисс упал и проговорил, что поздравляет себя с такой участью и сознается, что это прекрасно, что чужой человек, убив его, освободил тем самым его дорогого Телемаха от греха отцеубийства. Собрав последние силы, он спросил юношу, кто же он такой и откуда родом, что посмел убить столь знаменитого и в военное, и в мирное время сына Лаэрта Улисса.

Тогда Телегон, узнав, что это его отец, стал рвать на голове волосы и рыдать невероятно жалобно из-за того, что сам принес гибель своему отцу. Он открыл Улиссу, как тот и хотел, свое имя, имя матери и название острова, на котором родился, и потом даже показал знак на копье. И Улисс понял смысл предсказания о конце жизни, данного толкователями, – ведь ранил его тот, о ком он меньше всего помышлял.

Через три дня он умер, уже пожилой, однако и в преклонных годах отнюдь не лишенный сил.

МАКСИМ ГРЕК
ГРЕЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Максим Грек

Надпись на драгоценной гробнице патриарха Нифонта II

- 1 Ярче камней драгоценных и серебра, и злата – свеченье,
Что излучает божественный Нифонт, священник верховный,
3 Бога великий слуга, что, землю оставив, вознесся.
Нягое, князь бессарабский, почтил его урной бесценной,
Нягое, Мезов владыка, воитель прекрасный и смелый,
6 Даром доставил своим вовек нерушимую славу.
Радуйся Ты, о великий Отец – береги, сохраняя,
Сей монастырь, вознося за него постоянно молитвы,
9 Князю-владыке, молю, о блаженный, даруй, пока жив он,
Необоримую силу и здравье, а землю покинет –
Ты посели его сам в божественных домах Олимпа.

Я, золотая гробница, храню, что ценнее, чем золото –
Нифонт покоится здесь, иерей Византии верховный.

Кир Максима Триволиса

- Нифонт здесь лежит, иерей Византии верховный,
Даром апостольским он кротко и славно сиял,
3 На колесницу взойдя добродетелей, равный пророку
Илии – он поднялся к светлым чертогам небес.

Мануилу великому ритору и философу монах Максим

- 1 В песнях великого ритора – благоухание мира –
Дети и Муз, и Харит, Мудрости чада они!
- 3 Дар от Муз – благозвучность, слова – от Харит многощедрых,
Мудрость же в дар принесла силу уметь убеждать.
Долгими песни не будут, о муж, но и в этом немногом
- 6 Ты оцени, восхитясь, мужество силы его!
Хочешь узнать, кто он и откуда? Зовут Мануилом,
- 8 Город родной его Истм – там и отчизна и дом.

Его же

Ласковый Иоахим, приветливый и милосердный,
Он, кто был патриархом в Византии широкостволном,
В мае, в день восьмой, на праздник Рожденного Громом
Принял последнюю почесть из рук воеводы Радула.

ИСААК КОМНИН

МОЛИТВА БОГОМАТЕРИ

В водовороты бед меня кидает шторм,
О Госпожа, о Мать Всесоздателя,
Гвоздями обездвижен безнадежности,
Со всех сторон в полнейшей безысходности,
5 На мне клеймо от прегрешений множества,
И множество ошибок и грехов моих
Разят меня, скитальца, обступив кругом,
Толкают разом в понт меня рокочущий,
Несут со страшным свистом, погружая вглубь.
10 О страшные порывы бури бедственной,
Что вырвали меня из отчей гавани,
И я один, лишенный милой родины.
Но в эту бурю трижды всеужасную
Тебя молю о помощи, Владычица,
15 Вседобрая, всеславная, всеильная,
Ты, властью Сына своего могучая –
Ведь руки твои обнимают с нежностью
И благородно держат Всесоздателя.
О Материнство, Искупленье страшное,
20 И я робею, плачу и стенаю я
Пред той, что есть само нам утешение.
О, защити меня в моих злосчастиях,
Ведь знала ты чужбину и скитания.
Молю: к Престолу Судии Всезрящего

Молитва Богородице

25 Сама веди меня и помоги, молю,
Найти освобождение от грехов моих
В тот миг, как наши души в потрясении
Поймут, что час настал суда последнего,
И порознь встали агнцы, порознь козлища,
30 И Тартара отверста пасть ужасная.
О Всесвятая Мати, сжался, смилуйся!
Всю жизнь свою я слезы лил потоками!
Даруй свое заступничество скорое
Пред Сыном, я молю с благоговением –
35 В твоих объятьях Он ликует радостно.
Прими мой дар – души стихотворение,
О Матерь Бога Слова, о Всезрящая!
Скорбя и горько плача, говорю с тобой –
Несчастный Исаак, молитель скорбный твой,
40 Сын Алексея, сын царя Авзонии,
Всебедственный среди трагедий жизненных.

**ТОЛКОВАНИЕ СНОВ НИКИФОРА,
ПАТРИАРХА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
ПО АЛФАВИТУ В ЯМБАХ**

1	Смири сначала страсти и живот уйми, Из глаз исторгни слёзы с вздыханием И, руки простирая к Богу Господу, Всем сердцем вознеси к нему моления,
5	Коль хочешь отойти ко сну, как должно то, И скоро ты тогда увидишь явственно Окутанные тенью сновидения. Они обманут, если чрево полное, А чистого хватил чрез меру – ждут тебя
10	И мрак забот, и умопомрачение.
11	Орла увидел – знай: то – вестник Господа.
12	Петух приснился – сновидение верное.
13	Горячий хлеб вкусить – к заболеванию.
14(2)	Схватить пчелу – в надежде разувериться.
15(3)	Шевелишься с трудом – твой путь к несчастью.
16	С царем беседа – дело бесполезное.
17	Обняться с милым другом – к наилучшему.
18(1)	Увидеть угли – значит, вражды происки.
19(4)	В восторге быть – увидеть землю дальнюю.
20	Ты книгу держишь – знай: получишь почести.
21(9)	Раскаты грома – это речи ангелов.
22	Идти во стан врагов – сулит падение.

- 23(8) Есть виноград – жди ливня с наводнением.
24 Тащить тяжёлый груз – сулит бесславие.
25 Идти по черепкам – не потерпеть ущерб.
26 В глубокой яме быть – сулит ужасное.
27 Тебя целует царь – то значит почести.
28(14) Себя увидеть старцем – будут почести.
29(12) А молоко – к расстройству вражьих замыслов.
30(36) Есть сладкое – изведать горе горькое.
31(13) Во сне смеёшься – встанешь, опечалишься.
32 Во сне женился – знай, что жизнь изменится.
33 Во сне проснуться – сновиденье сбудется.
34 Подарки получать – жди скорой выгоды.
35 Того, кто снится, имя раскрывает нрав.
36 Собака укусила – жди обиды злой.
37 Дом обвалился – знай: его лишишься ты.
38(16) Зловоние – считай, что к неприятностям.
39 Дамасского поестъ – к заболеванию.
40 Письмо получишь ты, где буквы красные –
41 Так это или к чести, или к гибели.
42(19) С врагом застолье – значит, примирение.
43(18) Грязь означает, что душа нечистая.
44(21) Приснится быть в собраньи – обвинений жди.
45 Во сне увидеть евнуха – отличнейше!
46 Змея, что прочь ползет, – то гибель недругов.
47(17) Тебе кадят – так знай, что это горький сон.
48 Гранаты есть во сне – к борьбе с болезнями.
49 Во сне глаза большие – будут прибыли.
50(22) Коль пояс развязался – быстро путь пройдешь.
51(23) Приснился гвоздь – страшись укола вражьего.
52 Красивая прическа снится к почести.
53 Во сне скончаться – от забот избавиться.
54 Приснился бык – дурное дело сделаешь.

55(24)	Улыбчивое море видеть – к счастью.
56	Поел латука – жди болезнь телесную.
57	Сломалась палка – дело плохо кончится.
58	Упали двери – ждать ущерб хозяевам.
59	Есть рыбу предвещает нехорошее.
60	Конь снится вороной всегда к несчастью.
61(27)	Во сне с коня упасть – сулит падение.
62	В болото провалиться – жди души болезнь.
63	Измаилиты схватят – мысли: к лучшему.
64(34)	Плоды оливы видеть – это к счастью.
65	Держать ключи – к единству и согласию.
66(39)	Собачий лай – то шум, врагами поднятый.
67(37)	Попал в навоз – так жди ущерба всякого.
68	Вороны снятся – знай, что это демоны.
69	Горящую свечу держать – ко счастью.
70	Елей, что с головы течет – прекрасный сон. *Есть мясо – нехороший сон для каждого.
71	Кто носит цепь, тот близко от опасности!
72	А срубленное дерево – к гибели. *Порублен лес – мужей порубят, стало быть.
73	Меч выхватить – добиться блага всякого.
74	Пасть волчья означает речи глупые.
75(43)	Прекрасный сон – увидеть тело белое.
76	Льва видеть – предвещает войско вражее,
77	А белый цвет волос – поступки честные.
78(18)	Приснится мышь – и наяву появится.
79(47)	Обнять родную мать – вот это добрый сон!
80	Живописует меч сражение скорое.
81(55)	Увидеть жемчуг – слезы лить обильные.
82	Лик черный обещает беды долгие.
83	Огромный великан – к заболеванию.
84	Взять яблоко – к любовным наслаждениям.

- 85(50) Увидел мертвых – дело твое дохлое.
86 Засохшие деревья – труд впустую твой.
87(61) Елей приснится – бед избежешь всяческих.
88(62) Убил змею – считай, с врагом разделался.
89 Змея на ложе снится к благоденствию.
90(58) Черпнул вина – получишь неприятности.
91(60) На гору лезть – в делах нужны усилия.
92 Сесть на осла – быть в трудных обстоятельствах.
93 Свой дом в огне увидеть – очень славный сон.
94 А дом в дыму – уж лучше бы не снился нам!
95 Коль зубы выпадают – нехороший сон.
96 Зуб вырвать и назад приставить накрепко
97 Сулит прибыток с радостью неожиданною,
98 А спишь во сне – ты сны толкуешь правильно.
99(75) Увидел пурпур – жди заболевания.
100 Туманные виденья – к тревоблениям.
101(70) Отрезанные ноги – в путь нельзя идти.
102 Большие стопы – значит, горе всякое.
103 Сандалии носить – знай: ты в опасности.
104(65) Голубки снятся – это значит: к радости.
105(67) Источник светлый – прочь от сердца горести!
106(66) Сесть на скалу – твои надежды верные.
107 Упала башня – рухнут власть имущие,
108 А небо рухнет – ничего хорошего.
109 Во сне полеты обещают почести,
110 А куропатку схватишь – власть над женщиной.
111 Чеснок и лук – печаль и огорчение.
112 Шьют в доме – опасайся отравления.
113(74) Носить одежду черную – не к доброму.
114 Бела одежда – дело славно кончится.
115 Быть в пурпуре – болезнь приносит долгую.
*Одеться в пурпур – хворь приносит долгую.

- 116(78) За воробьем гоняться – к неприятностям.
117(79) Колонну держишь – жди от Бога милости.
118(80) Меч расколол – к врагов уничтожению.
119(10) Есть фиги предвещает речи праздные.
120(81) Осиный рой являет вражды происки,
121 А черви скажут точно – вражды происки.
122 Съесть сепию сулит болезни долгие.
123 Землетрясение значит смуту, заговор.
124 Себя богатым видеть – к обнищанию.
125(84) Стричь волосы – виденье презлосчастное.
*А выпадают волосы к опасности.
126 А быть слепым – знай: это – наилучший сон!
127 Услышал гимны – жди войны с соседями.
128(91) Приснился заяц – путь держать – к несчастью.
129(94) Маяк увидел – все дела устроятся.
130(93) Морской прибой – порядок дел нарушится.
131 Вши означают нравы твоих родичей.
132 Ты слышал голоса – так сон твой сбудется.
133(98) Слетает снег во сне – несет вражду тебе.
134(96) Мыть руки – означает – спали тяготы.
135(97) Хитон порвался – значит, груз забот долой.
136 Хитон укажет черный на постыдный нрав.
137 Забот потемки сны рождают ложные.
138 Увидел блох – ты с недругами встретишься.
139 Сны лживые идут из чрева полного,
140 Сны лживые вино рождает крепкое.
141 Варить яйцо, в руках держать – к печальному,
142 Вареное же съесть – к богатству всякому!

GAUDEAMUS

Веселись и радуйся
Молодости милой!
Минет резвость юная,
Минет старость трудная,
Всех возьмет могила!

Жизнь у нас короткая,
Ей дана преграда.
Смерть, не мешкая, придет,
Как разбойник загребет,
Никому пощады!

Где же все, что раньше нас
В мире обретались?
В небо к вышним поднимись,
В преисподнюю спустись?
Вот где оказались!

Слава вам, наставники!
Слава академии!
Славься всяк, кто с нами – свой,
Славься, член ее любой,
Век пребудь в цветеньи!

Слава и республике
И ее правителям!
Нашему содружеству,
Меценатов дружеству,
Нашим покровителям!

Gaudeamus

Слава нежным девушкам,
Легким и красивым,
 Но и женам – не худа!
 Добрым, ласковым – хвала
Им, трудолюбивым!

Прочь, тоска и горести,
Велики и малы!
 Сгинь, диавол, сгинь во мрак!
 Сгинь, любой антибурсак!
Сгиньте, зубоскалы!

АЙХЕНДОРФ

МИМО

И старого дерева больше нет –
А я на него взбирался.
Цветочным морем оттуда мне
Солнечный луг казался.

И леса нет, что прежде шумел.
С высот горы ниспускаясь,
Где после свиданья я вскачь летел,
Новой песней переполняюсь.

И нет тебя, о глубокий дол,
Где встарь паслись косули,
И мы ночами – о, сколько раз!
С тобою друг к другу льнули...

Нет! Древо и лес, и дол живут!
Мир юн не удержи́мо!
Стар ты. И все, что ты прежде любил,
Теперь уже – мимо, мимо.

ОРФИЧЕСКАЯ АРГОНАВТИКА

- Царь, в чьей власти Пифон, дальновержец и прорицатель⁴,
Острые кручи Парнаса достались тебе во владенье –
Гимн – твоему совершенству! А ты одари меня славой,
Сердце мое надели вещающим истину гласом,
5 Дабы пропел я для смертных, по свету рассыпанных густо,
Звонкую песнь по велениям Музы с пектидой премудрой.
Лиры творец! Мой дух побуждает тебе, сладкопевец,
Ныне поведать о том, чего не рассказывал прежде, –
В пору, как Вакх с Аполлоном-владыкой меня поразили
10 Жалом, и я издавал в содроганье вводящие звуки,
Что, словно стрелы, разили, и так я указывал смертным
Средства достичь очищения, а мистам – священные действия.
Первым я хаос воспел, первобытного мрака неволю,
Хроноса пел – от него на его бороздах бесконечных
15 Вышний Эфир родился и Эрот двуприродный, всезрящий,
Ночи бессмертной отец – его называли Фанетом
Смертные люди потом, ведь и впрямь появился он первым.
- Пел я могучих потомков Бримо, и пел я гигантов
Темное дело – они ведь с небес злосчастное семя
20 Пролили встарь – от него и смертных род зародился,
Ныне рассеянный всюду по шири земли беспредельной.
Пел я служенье Пэана и Зевса у Матери в рабстве,
Что средь Кибеловых гор она на него возложила
Из-за рожденной Кронионом Ферсефонеи-девицы.
25 Пел, как Загрей был растерзан – немало о том было речи –
Пел я и действий Корибантов Идейских великую силу,
Пел о скитаньях Деметры, скорбящей по дочери милой,

⁴ Перевод выполнен по изданию Orphica: Accedunt Procli Hymni, Hymni Magici, Hymnus in Isim Aliaque Eiusmodi Carmina, Eugenius Abel, Lipsiae-Pragae, 1885.

Орфическая Аргонавтика

- Как Фесмофорой была, я пел о подарках Кабирос
И об оракулах Ночи про Вакха, о неизреченных,
30 Лемнос божественный пел и приморскую Самофракию,
Пел я обрывистый Кипр, Афродиту я пел, Адонайю
И Праксидики ночные обряды, Афины Арейской,
Пел и египетский плач, и святыя Осирису жертвы,
Ты от меня научился путям прорицания многим,
35 Что говорят нам и птицы, и звери, и внутренность чрева,
Помнишь, что души, объятые сном, в сновиденьях неложных
Могут давать предсказанья, которые сбудутся точно.
Знаменья я научил толковать и звезд продвиженье,
Я научил, как достичь очищенья – спасения смертных,
40 Как умолять подобает богов на великую пользу.
Много поведал тебе из того, что узнал и увидел
В пору, как ногу занес я на мрачные тропы Аида,
С нашей кифарой премудрой, гонимый любовью к супруге.
- Я рассказал тебе все и о тайнах священных Египта
45 В пору, как в Мемфисе я побывал, в дивном Аписа граде,
Да и в других городах, что Нил обрамляют собою.
Все без утайки и верно тебе рассказал я от сердца.
Ныне же то острие, что меня язвило незримо,
Тело покинув мое, вознеслось на широкое небо.
50 Слушай же песню теперь, которую прежде таил я.

Вариант:

- 19* Злые дела – ведь они с небес злосчастное семя
20* Пролили встарь, от него-то и род людей народился,
Смертных, что ныне уже по всей земле беспредельной,
Пел я и Зевса пестуний, и Зевса у Матери в рабстве,
Что средь Кибелиных гор она на него возложила
Из-за рожденной Кронионом Ферсефонеи-девицы.

- 25* Пел я о славном терзании Геракла, о жертвах священных
Иды служителей, пел Корибантов безмерную силу,
Пел о скитаниях Деметры, скорбящей по дочери милой,
Пел, как законы давала она, о подарках Кабиров,
Пел об оракулах Ночи, о Вакхе – о неизреченных,
- 30* Пел я божественный Лемнос, приморскую Саморфакию,
Пел я обрывистый Кипр, Афродиту я пел, Адонайю,
Действа в честь Праксидики ночные, Афины Арейской,
Плачи египтян, святые Осирису пел возлиянья.
Пел я о множестве разных путей в прорицаниях искусстве,
- 35* Что предвещают и звери, и птицы, и внутренность чрева.
Пел я, как души, объятые сном, в сновиденьях неложных,
Могут давать предсказания верные; пел и о том я,
Знаменья как толковать, объяснил я и звезд продвижение.
Пел я, как можно достичь очищения – спасения смертным.
- 40* Пел, как богов умолять на великую пользу для смертных.
Много тебе я поведал того, что узнал и увидел,
В пору, как ногу занес на мрачные тропы Аида
С нашей кифарой премудрой, вослед за супругой любимой.
- 45* Так же я свету явил, вступивши в божественный Мемфис,
Тайны святые его, посетил я Аписа грады,
Все города, что Нил многоречный собой окружает.
Все я поведал неложно, вещая от самого сердца.
Ныне же прочь отлетело могучее жгучее жало,
Тело покинув мое, вознеслось на широкое небо.
- 50* Слушай же песню мою, которая прежде таилась.
- 51 Некогда к высям Пиэрии, что среди гор Лейбетрийских,
Прибыл Язон – героев и полубогов предводитель,

Орфическая Аргонавтика

- В помощь меня приглашая себе в путешествии дальнем,
Чтобы отправиться на корабле к неизвестным народам,
55 Племени злomu, негостеприимному; правил над ними
Царь Ээт – само порожденье высокого Солнца.
Пелий же царь опасался оракула – как бы обратно
Царскую власть Эсониды рука себе не вернула.
Вот злоковарно Язону и выдумал он порученье.
60 Он приказал золотое руно привезти из Колхиды
В землю прекрасных полей Фессалии. Тот же, услышав,
Длани простер и воззвал к богине владычице Гере,
Ибо ее меж бессмертных богов почитал он особо.
Гера моленьям вняла и немало о нем взволновалась,
65 Ведь среди смертных людей она возлюбила Язона,
Нежно пеклась о герое могучем, потомке Эсона.
Гера зовет Тритогену и ей отдает порученье –
Прежде всего изготовить корабль из крепкого бука.
Вскоре, готовый, он на воду вышел на веслах сосновых,
70 Первый свой путь совершая соленою влажной дорогой.

Стихи перевода 71–91 утрачены.

- 92 «Ты ведь один среди смертных, кто смог через мрак непроглядный
В самые недра земли, в ее сокровенные корни
Вникнув, туда заглянуть и назад невредимым вернуться.
95 Вот отчего мы и просим – приди, помоги нам, минийцам,
Славу стяжать средь людей, что в грядущем на свет народятся».
Я на Язону речь ответил такими словами:
«Эх, Эзонид! И зачем ты меня на сие подбиваешь!
Мне ль на подмогу тебе и минийцам пускаться в Колхиду
100 На корабле крепкозданном в волнах винноцветного моря!
Хватит с меня испытаний! Достаточно мне было тягот
В пору, как я обходил бескрайнюю землю и грады,

- Смертных обрядам уча, и в Египте, и в Ливии жаркой.
Матерь меня, одержимого богом, спасла от скитаний,
105 Прочь унесла меня, к дому, чтоб старился здесь на покое.
Впрочем, нельзя избежать того, что Судьба предрешила.
Слышу веление Мойр! Да не выкажу я небреженья
Дщерям Гикесия-Зевса Мольбам. Итак – я решился!
Двинусь я с вами в поход, с героями-полубогами».
- 110 Вспрянув, покинул я тотчас приют мой – родную пещеру,
Взяв и формингу мою, устремился к героям минийцам.
Быстрые ноги меня понесли к Пагасейскому берегу.
Там, на берегу песчаном Анавра, близ узкого устья,
Славный собрался отряд из миниев, воев отборных.
- 115 Как увидали они, что к ним я шаги направляю,
Все поспешили навстречу – и каждый был рад мне сердечно,
Были беседы потом и расспросы мужей благородных,
Первым же я увидел боговидную силу Геракла –
Зевсу Крониду на свет его породила Алкмена,
- 120 С ним сочетавшись в те ночи тройные, когда не вставало
Жаркое солнце три дня, но царили сплошные потемки.
Тифис там был Агниад, корабля протяженного кормчий,
Он явился, покинув теспийцев края, где граница
Возле Пермиссовых вод по теченью с сифейским народом,
- 125 Тифис прекрасно искусством владел многотрудным и хитрым,
Правил корабль среди бури ревущей при молнии всплесках.
Видел я конника Кастора и Полидевка, и Мопса –
Вижу – вот – Полидевк, вот Кастор, коней укротитель,
Мопс Титаретский. Ампику его родила Арегонис,
- 130 С ним сочетавшись в любви под листвой хаонийского дуба.
Встретился мне и Пелей Эакид, рожденный Эгиной,
Он над долопами правил во Фтии, земле плодородной.

- Я и тройное потомство Гермеса преславное видел –
Первый сын – Эфалид, дитя Эвполемии славной
135 (Дщерь Мирмидона его родила в Алопе скалистой).
Двух же других – Эхиона с Эритом – на свет породила
Нимфа, Менетова дочь Лаотоя – ведь с ней сочетался
Аргоубийца с лозой золотою, владыка Киллены.
Корон Алекторид, быков пожиратель, явился,
140 Следом Ификл, что род свой прекрасный ведет от Филака,
Также и Бут Энеад, златомечному Фебу подобный,
Также и Канф Абантид сюда с Эвбеи добрался,
Горькая доля его – обрести конец свой в походе,
В дальнем Ливийском краю, возвращенья домой не изведав.
145 Прибыл, покинув потоки Эсепа, Фалер, сын Алкоона,
Он основал в свое время Гиртону, город приморский.
С ним же явился Ифит, приходился он сыном Навболу,
Властвовал он над Фокидой и башнями славной Танагрой.
Прибыли три Абантида – весьма непорочные мужи –
150 Их – Лаодока, Талая с Ареем – Перо породила.
Прибыл и Амфидамас – послал его мощный родитель,
И по веленью Алея пошел он, покинув Тегею.
Многопшеничную Бранхия землю Эргин покидает,
Край, где твердыни Милета под мощной защитой башен.
155 Там, где струится Меандр, причудливо воды несущий.
Периклимен появился Нелид, покинув Паллену,
Город богатый водою Липакс и болотами полный –
Бросив родной Калидон, Мелеагр стремительный прибыл,
Розоволокотной матери сын от Ойнея, Алфеи.
- 160 Озеро Атракеиду покинул и родич Алфеи,
Братец Ификл – Мелеагр ему всех был на свете дороже,
Он ведь его воспитал и на славное дело наставил.
Прибыл и Астерион, праславного отпрыск Комета,
Из Пиресии, где он обитал у вод Апиданы,

- 165 В море впадает она, когда с Пенеем сольется.
Бросив залив Бебеиды, что возле течения Пенея,
И Мелибеи прекрасной, – и Эвридамас появился,
Также пришел Полифем, Элата славное чадо.
Он средь героев сиял красотой и силой могучей.
- 170 Прибыл и отпрыск героя Кенея – о нем сообщают,
Будто погиб он, когда лапифы с кентаврами бились –
Те его били, повыврав с корнями и ели, и сосны,
Он же удары встречал, нисколько не дрогнув в коленях,
Так и загнали его, ударяя, живого под зеилу.
- 175 Прибыл туда и Адмет из Фер – у него в услуженьи
Некогда сам Пеан отбывал наказание от Зевса –
Из-за того, что киклопов сгубил он своими стрелами,
Мстя за Асклепия-сына. И Эврителион, сын Ира
Акторионова, прибыл туда, Опонт свой покинув.
- 180 Ид и Линкей были с ним. Линкей, единственный смертный,
Кто обладал сверхъестественным зреньем – видел он четко
И сквозь дальний эфир, проникал и в подводные глубины,
Видел и корни земли, и Плутоновых пропастей недра.
Следом за ними пришел Теламон – для Эака рожденный
- 185 Девой Эгиной – Асоп знаменитый ее был родитель –
На Саламина морском берегу, на камешках гладких.
Идм многомощный пришел – считался он сыном Абанта,
Вправду же Феб Аполлон зачал его с Антианейрой,
Дщерью Феретия, – было то возле течения Амфриса.
- 190 Сын родился, и Феб подарил ему дар прорицанья,
Дабы он людям вещал, о чем с мольбой его спросят.
С ними пришел и Меноит, Опонт свой родимый покинув,
Миниям был он сосед. Пришел Оилей многославный,
Также Флиас знаменитый – его породила для Вакха,
- 195 С богом возлегши, прекрасная нимфа на бреге Асопа.
Был безупречен Флиас, и собою хорош, и разумен.

- Прибыл Кефей из Аркадии, прибыл оттуда с Кефеем
Также Анкей – сопричислиться к сонму героев отправил
Старый родитель его, дабы плыл он к Эвксинскому Понту.
200 Сильные плечи свои не укутывал хленом сей старец –
Все-то его облекала мохнатая шкура медведя.
Навплий явился туда, Амимоны любимое чадо,
Энносигею великому мать его породила.
Доблестен сын был и видом своим подобен бессмертным.
205 Мыс Мелеатский покинув, Евфем Тенарийский явился,
В морем омытых Ферапнах он жил, а вслед за Евфемом
Прибыл Анкей Плевронийский, столь сведущий в ходе созвездий.
Видел он также движенье планет, блуждающих в небе,
Знал настоящее он и в будущем все видел ясно.
210 Прибыл потом Палемоний, считавшийся отпрыском Лерна,
Хром на обе ноги. Приволакивал их по земле он,
Вот почему и считали его порождением Гефеста.
Прибыл с Алфея берегов, покинув град Писатиды,
Авгий, сын самого огненосного Солнца-светила,
215 Прибыли два близнеца – Амфион и славный Астерий,
Оба они беспорочны, воители славные оба
(Милую землю отчизны Пеллены оставили братья).
Также Бореева двойня явилась, прекрасные чада,
Матерью их Орифия была, Эрехтеева дочь,
220 С богом объятья сплела и у Иллиса в свет их явила.
Оба, как ветер, умели летать Бореевы дети,
Зет с Калаисом, и всем своим видом равнялись бессмертным.
Пелия чадо, Акаст, и тот из Фер появился,

С радостью он поспешил на Арго-корабле прокатиться
225 К Фасису в Понте Эвксинском, с героями вместе поехать.
С ним – и прекраснейший Гилл, товарищ юный Геракла,
Равного богу – у отрока щеки пушком покрывались,

- Мальчиком был он еще – Гераклу большая отрада.
Вот кто тогда пришел к кораблю в отряд мореходный.
- 230 Слышались всюду приветствия, все меж собой говорили,
Ужин готовили вместе, и чинно за трапезой рядом
Много гостей разместилось. Едой и питьем усладившись,
В жажде скорее за дело приняться, все быстро поднялись
И устремились туда, в глубокий песок наступая,
- 235 Где помещался на бреге корабль, над песком возвышаясь.
Видят герои Арго – и всех берет восхищенье.
Тут строитель его придумал, как на воду нужно
Судно спускать – настелили настил, к корме же канаты
Арг привязал и, работой гордясь, призывает героев
- 240 Дружно теперь приналечь, и все на зов устремились,
Сняли доспехи и крепкие лямки на торсы надели,
Силы свои напрягли, чтобы Арго-корабль поскорее,
На воду выйдя, поплыл среди волн, говорливых и быстрых.
Судно же, весом огромным вдавившись в песок, увязало,
- 245 Травы морские, его оплетая, держали на месте.
Как ни старались герои, но Арго им не был послушен.
- Дрогнул душою Язон – на меня оглянулся с надеждой,
Может, хоть я моей песнью вдохну в них опять дерзновенье,
Дабы вскипела, как встарь, в изнемогших могучая сила.
- 250 Без промедления я беру в свои руки формингу –
Стройную прелесть мелодии, петой мне матерью милой,
В песню вливаю – и вот что из груди моей вылетает:
«О, бесподобная кровь минийская славных героев!
Ну же, рваните ремни, напрягите тугие канаты
- 255 Махом единым! Упритесь же намертво в землю ногами
И, оттолкнувшись от пяток, усилием дружным и мощным
Сдвиньте корабль и, ликуя, влеките на чистую воду.
Ты же, Арго, что сделан из дуба, сколочен из сосен,
Слушайся песни моей, как встарь тебе доводилось,

- 260 В пору, как я чаровал древеса на склонах лесистых,
Камни и те подчинял! И ты ниспустился, покинув
Горные кручи под песню мою. Отправляйся же ныне
К морю по тропам Парфении, к Фасису вплавь устремляйся,
Гласу кифары и дивному голосу песни покорствуй!»
- 265 Рек я. И гулом ответил мне брус томарийский дубовый
(Арг по велению Паллады его поместил среди прочих),
Черный корабль мастера – Арго сдвигается с места,
Быстро скользит по настилу, что стал будто ровной дорогой
Дну корабля, и настил под Арго разлетается в щепки.
- 270 Вот уже в море корабль, и волны, сверкавшие ярко,
Смыли и траву, и песок – взвеселилось сердце Язона,

Вспрыгнул на палубу Арг, и Тифис немедленно следом.
Сносят герои на борт, что собрали себе на дорогу,
Ставят и мачту, и парус, потом укрепляют кормило,
275 Крепко его привязав и стянув тугими ремнями.
После и весла с обеих сторон по бортам размещают,
Тифис и Арг призывают взойти на корабль и дружину,
Сели, и к ним обращает Язон крылатое слово:
«Сонм безупречных царей! Внемлите! Душе не на радость
280 Вас под началом иметь, ведь все вы меня превосходней.
Думаю, следует вам самим над собою назначить
Главного в деле, вождя, кого изберете душою.
Он да решает, приказы дает, выходить ли нам в море,
Или к земле приставать, отправляться ли к племени Колхов,
285 Или к народам иным. Вас много – и все вы герои!
Многие могут гордиться, что корень их рода бессмертен,
Равно мы все устремились на подвиг, лишь славы взыскуя,
Мнение мое таково: считаю владыку Геракла
Лучшим, сильнейшим из всех – и сами вы знаете это!»

- 290 Молвил. Одобрили все – голоса понеслись отовсюду –
Быть Гераклу Алкиду главою дружины минийцев –
Всех далеко позади оставляло его совершенство.
Сам же разумный владыка Геракл не послушался, зная
Замысел Геры – всемерно прославить Эзонова сына,
295 Дабы великую славу себе он в потомках оставил.
Рек дружине Геракл: «Язон начальником будет
Всем гребцам – а их пятьдесят – и на суше, и в море!»
Все согласились с большим одобреньем с приказом Геракла,
Тотчас признали Язона вождем и начальником дружно.
300 Гелий на быстрых конях рассекал эфир бесконечный.
Тут замыслил Язон, что всем нам следует вместе
Клятвой союз закрепить, присягая на верность друг другу,
И договор соблюдать всегда нерушимо и твердо.
Тотчас тогда, о Мусей, о чадо Антиофема,
305 Мне повелел поскорей подготовить все для обряда.
Сучьев сухих тогда я собрал от крепкого дуба,
На берег их положил, куда волна не доходит,
Сверху – дары для богов, обернув в новосотканный пеплос,
После быка-вожака, мычавшего зычно, большого
310 Я заколол, живому подняв ему морду повыше.
Кровь полилася потоком, костер орошая. На сердце
Я положил, преломив, как должно, кусочки лепешки,
Чистое масло возлил, а сверху – овечьего млека.
После велел, чтобы жертву герои кольцом окружили,
315 Каждый чтоб тронул копьем и мечом о большой рукоятке
Внутренность жертвы, а шкуры – коснулись своими руками.
Я на средину поставил тогда сосуд с кикеоном –
Смесь жизнедарной муки, подарка Деметры-богини,
С кровью быка и соленой морской водою – непросто
320 Это питье изготовить, но я это сделал умело.
Всем повелел я надеть венки из зеленой оливы,

Орфическая Аргонавтика

- Тут, кикеоном наполнив златую фиалу, героев
Собственноручно я стал обносить, и каждый пригубил,
Каждый из славных царей отведал напиток священный.
- 325 Дал я Язону приказ сосновым факелом ярким
Быстро костер запалить – взметнулось священное пламя,
Вот тогда я простер свои руки в ту сторону, где простиралось
Многошумливое море, и вот что из уст излетело:
- «Вы, Океана владыки и волн соленого моря!
330 Вы, о блаженные боги глубин, и вы, что храните
Берег песчаный морской и галькою гладкой покрытый.
Крайняя Тефа волна! Но первым зову я Неряя,
Бога древнейшего, с ним – пятьдесят его дочерей прекрас-
ных,
Рыбой обильную, синюю, без берегов Амфитриту.
- 335 Кличу Протея и Форка, и мощного силой Тритона,
Кличу я Ветры и вас я зову, золотистые Ауры,
Дальние звезды зову и Ночи мрак непроглядный,
Кличу я Гелия блеск, обгоняющий ход колесницы,
Даймонов кличу морских и родственных нашим героям,
- 340 Кличу прибрежных, речных и в устьях близ моря живущих,
Кличу тебя, о Кронид, колебатель земли Черновласый,
Выйди с морскою волной и будь свидетелем клятвы:
Мы да будем всегда надежной опорой Язону,
Верно и рьяно мы вместе свершим его подвиг тяжелый,
- 345 А уцелев, разойдемся потом по домам своим каждый.
Кто договор наш преступит, о клятве своей не заботясь,
Будьте свидетелем вы, о Эринии, зла наказанье,
Также и Дика, о ты, кто блюдет и права, и законы».
- Так я сказал – и герои кивнули в согласие разом –
350 Подали знак и руками, что клятву свою подтверждают.
После того, как мы поклялись по святому обряду,

- Все по порядку пошли чередой в просторное чрево
Судна, оружье сложили под скамьи и сели на весла.
Тифис тогда повелел привязывать крепко веревкой
355 Лестницу-трап, поднимать паруса и отчаливать в море.
- Гера, супруга Зевеса, послала и ветер попутный,
Он засвистел – и Арго устремился намеченным курсом.
Так, во весь дух, напрягли свои руки, налегши на весла,
Неутомимо цари, и резал безбрежное море
360 Надвое носом Арго, белоснежную пену взбивая,
Вот, наконец, на востоке у вод Океана-потока
Мрак приоткрыл нам Рассвет, и следом летит Эригена,
Сладостный свет разливая и людям, и сонму бессмертных.
Тут показались пещеры и кручи, где ветер гуляет,
365 Густо поросшей лесами горы Пелиона на берегу.
Тифис обеими держит руками кормило с усилием –
Чтобы помедленней волны морские Арго рассекала.
Вскоре ко берегу они подошли и трап деревянный
Вниз опустили за борт с корабля, лишь в гавань вступили.
370 Все мореходцы на сушу сошли – от трудов поразмяться,
Тут Пелей, укротитель коней, обращает к ним слово:
«Други, вы видите, там, на высокой горе, посредине
Есть пещера – и в ней кентавр Хирон обитает,
Самый почтенный и праведный он из рода кентавров,
375 Что населяли Фолою и Пинда отвесные кручи.
Суд он вершит справедливо, врачует болезни умело,
И по кифаре он Фебовой может ударить порою,
Может заставить звучать черепаху – формингу Гермеса,
Всем, кто окрест живет, отправляет он правосудье.
380 Даже Фетида сама среброногая нашего сына,
Милое чадо, недавно рожденное, в нежных объятьях
На Пелеон принесла и кентавру Хирону вручила,

- Дабы с любовью взрастил он его и умело наставил.
Страсть, как хочу я сейчас взглянуть на любимого сына!
- 385 Милые други, прошу, пойдете поближе к пещере,
Глянем на сына, каков он, и что его нрав украшает!» –
Молвил и первым пошел, а мы устремилися следом.
Вот и вступили мы в сумрак пещеры, жилище кентавра.
Там, на скромной подстилке, к могучей скале притулившись,
- 390 Сам он, огромный, лежал, протянув свои быстрые ноги –
(То были ноги коня, и ходил он, как конь, на копытах)
Рядом с кентавром стоял и сын Фетиды с Пелеем,
Мальчик на лире играл, ублажая Хиронову душу.
Видит кентавр знаменитых царей, поднимается с ложа,
- 395 Радостно встретить выходит и каждого мужа целует,
Тотчас о пире давай хлопотать – выносит кувшины,
Сенники на пол кладет, набитые листьями туго,
Всех приглашает возлечь и ставит на блюдах нехитрых
Вдосталь свинины куски и мяса быстрых оленей.
- 400 Щедро медовым вином оделяет гостей по порядку.
После, едой и питьем сполна удовольствовав душу,
Разом в ладони всплеснули герои, меня побуждая
Посостязаться с Хироном в кифаре далеkozвучащей.
Не соглашался я петь – и стыд мне мешал, и почтенье –
- 405 Где это видано – младший берется тягаться со старшим!
Все же пришлось согласиться, раз сам Хирон, наш хозяин,
Просит меня (против воли) вступить при всех в состязанье
В песенном нашем искусстве – ведь он в песнопениях мастер.
Первым Хирон принимает пектиду прекрасной работы –
- 410 Мальчик Ахилл подает ее наставнику в руки –
Песнь он заводит о том, как кентавры, могучие духом,
Бились с лапифами и погибали по их беззаконью,
Спел и о том, как кентавры с Гераклом затеяли ссору,
Силе вина покорившись, и страшно дрались на Фолое.

- 415 Спел, и я от него принимаю формингу, и звонко
С уст полилась моих песня могучим медовым потоком.
Начал я с гимна о хаосе темном и древнем, в котором
Все элементы сплелись, но потом, наконец, разделил он
Небо, возникла земля – и суша, и корни морские.
- 420 Также древнейший Эрот премудрый, в себе совершенный.
Все, что явилось на свет, отделил он одно от другого.
Пел я и Кроноса злого, и пел, как власть утвердилась
Зевса, что тешит перуном себя, над бессмертными всеми.
Пел я и младших блаженных богов рожденье и участь,
- 425 Пел Диониса, Бримо, пел злые деянья Гигантов,
Разноплеменных людей слабосильных воспел появленье.
Песня моя вылетала за темные своды пещеры –
Вширь далеко разливалось звучанье моей черепахи,
Слышали их и лесистые кручи высот пелионских –
- 430 Звонкая песнь до высоких дубов донеслась, и деревья,
Корни изъев из земли, потянулись к жилищу Хирона.
Скалы запели в ответ мне, а дикие звери, под песню
Робко столпившись, стояли у самого входа в пещеру.
Птицы слетелись и сели в кружок перед домом кентавра,
- 435 Страх победили совсем, позабыли о собственных гнездах.
Видя все это, кентавр восхитился, захопал в ладоши,
В землю копытом бия. Но вдруг появляется Тифис –
Он с кораблем оставался – и всех побуждает минийцев
Быстро к Арго возвращаться. Я пенье, конечно, закончил.

Утрачен перевод стихов 440–475.

- 476 Впрочем, зачем тебе этот рассказ откровенный и долгий.
Как удивленья достойна лемниянок мать Эротов,
Киприс, подвигла на ложе к мужам с превеликою страстью,
А Гипсипилу Язон покорила обольщеньем любовным.

- 480 Все себе пару нашли и поход наш совсем позабыли б,
Если бы я не совлек с них дурман отвращающей песней,
Чарам ее подчинясь, на черный корабль воротились,
Снова желая грести, соскучась по делу морскому.
Утренний ветер попутный понес нас вперед к Геллеспонту,
485 Мощный Зефир, и вскоре проплыли мы близкий Абидос,
Иду, Дардании край, Питиею оставили справа,
Абарниаду, Перкоту, где земли хлебами богаты –
Их орошает Эзеп своей серебристой водою.
Быстро вперед продвигался Арго по волнам говорливым,
490 К берегу пока не причалил песчаному – то повеленье
Кормчего Тифиса было и славного сына Эзона.
В честь совоокой Афины дружина отважных миинийцев,
Якорный камень огромный подняв, положила на берегу.
Там артакийских ключей прекрасные воды обильно
495 Нимфы вокруг разливают, поэтому дивную гавань
Этот залив представляет для тех, кто плавает к Геллеспонту,
Самую ясную тишь и спокойные мирные воды.
Здесь кораблям не нужны якоря, что изогнуты славно,
В пору, как зимние ветры их гонят сюда на стоянку.
- 500 Мы приготовили тут же, на берегу, и пищу, и ложе.
Только легли пировать – герой появляется Кизик,
Он над долопами царствовал, этим народом окрестным,
Отпрыск Энея, его породила богиня средь женщин,
Дочь Эвсора Энета, прекрасноланитная мать.
505 Гостеприимством миинийцев почтил – для пира заклали
Жирных баранов и диких свиней, и быков круторогих,
Красного выдал вина на дорогу и хлеба в избытке,
Хлены, подстилки он им подарил, чтоб забрали с собою,
Новые, тканые крепко, хитоны героям он вынес.
510 А у себя принимал их, ровесников, с полным радушьем,

- День напролет провели они вместе на пире веселом.
В пору, когда погрузился Титан в Океановы струи,
В звездном хитоне Луна привела темноту в ее блесках,
Вдруг нагрянули мужи, любители драк, что на кручах
515 Северных гор обитали, свирепы, грубы, точно звери,
Мощью подобны Титанам чудовищным или Гигантам,
Шестеро рук у любого на каждом плече шевелилось.
Вовремя их заприметив, цари устремились в битву,
Быстро доспехи надел. Шестируким оружием служили
520 Целые сосны и ели, и, пользуясь мраком туманным,
Двинулись в бой на минийцев они, но, не дрогнув нисколько,
Сын многомогущий Зевеса легко перебил нападавших,
Стрелы меча. Но случайно сразил он и Кизика насмерть,
Вовсе того не желая, а словно его кто попутал.
525 Кизика участь свершилась – погиб он от длани Геракла.
Вскоре миинийцы затем на долбленный корабль поднялися,
Тифис кричит им с кормы, чтоб трап поскорей поднимали,
Стали канаты снимать – да никак отвязать их не могут,
Нерасторжимым узлом они держат корабль на причале.
530 Тут удивленье взяло беспорочного Тифиса – молча
Он выпускает кормило из рук, управление оставив –
Раз не надеется на воду выйти. Но это свершался
Реи на миниев гнев за Кизика, павшего мертвым.
В пору, как ночи тропу пройдя уже до середины,
535 Стали далекие звезды нырять в Океановы струи,
Сон глубочайший смежил, наконец, и кормчему вежды.
Крепко уснул он, и вот ему снится: богиня Афина
Встала пред ним – несомненно, она, по надежным приметам,
И возгласила божественным словом, к нему обращаясь:
540 «Ты, Агниад, почиваешь, сражен сновидением сладким.
Сон метрвецкий сковал тебе вежды? А ну, поднимайся!

- Тотчас героям вели идти на безветренный берег,
Быстро покинув корабль – хозяин ваш гостеприимный
Мертвым лежит на песке – совершите его погребенье –
545 Рея всематерь велит – богам подземным воздайте
Жертвы и все возлиянья и горькие слезы пролейте,
Гостеприимство и стол уважая – то долг ваш священный,
Кизика ночью во мраке Геракл убил по ошибке,
Вот отчего и волнуется Рея, и гневом пылает.
550 Вы же, как должно почтивши умершего гостеприимца,
Сразу взойдите на гору Дидим к престолу Богини.
Там возносите вы Дщери Земли святыя моления.
Только тогда вы продолжите путь, отрешивши канаты!»
Молвив, богиня умчалась стрелою, что пущена в небо.
- 555 Оцепенение тяжкого сна рассеялось тут же.
Прянул он быстро с кормы и стал всех будить он скорее.
Спали они, притулившись, кто где, у высокого борта.
Тифис с волнением в душе про свой сон героям поведал.
Все они тут же вскочили и кинулись с борта на берег.
560 Правя златыми вожжами, во мраке восток приоткрыла
Эос, и тотчас по небу начал Рассвет разливаться.
Тут герои минийцы увидели Кизика тело
Все в крови и в пыли, среди трупов других его воев,
Все обступили царя, герои его окружили.
565 Кизика мы положили под доски, что тесаны гладко,
Сверху насыпали холм и соорудили могилу.
- 570 Быстро поленья собрав, подземных богов ублажили –
Вырыли яму и черные жертвы сожгли в искупленье.
Кизика душу я стал умягчать – свершил возлиянья,

- Брызгал водой с молоком, кропил медовую влагу –
Жертву творил я и в гимнах моих непреложно и верно,
575 К милому другу склонял, прославляя в моих песнопеньях.
Тут Эзонид предложил погребальные игры устроить.
Выставил он и награды для тех, кто победу стяжает
(С Лемноса вывез он их, то были дары Гипсипилы):
Кубок двойной за победу в борьбе Анкей получает,
580 Емкий и сплошь золотой. Пелею, сильнейшему в беге –
Ног быстрота отличала его – достался в награду
Пурпурный плащ преискусной работы богини Афины,
А за панкратий Геракл кратер получил – весь в узорах
Из серебра, а Кастор стяжал после конных ристаний
585 Чистого золота бляхи, чтоб конскую сбрую украсить.
Дивный ковер Полидевк, знаток кулачного боя,
Вынес, победу стяжав. Да и сам без даров не остался
- Отпрыск Эзона за то, что, изогнутый лук натянувши,
Выпустил метко стрелу, отдаленную цель поражая.
590 Дали минийцы ему, дабы был он почтен от дружины,
Дивно сплетенный венок из листьев священной оливы.
Принял и я от Язоновых рук за мои песнопенья
Пару сандалий, приделаны были к ним крылья золотые.
Кончились игры. А весть о смерти царя достигает
595 Дома его и касается слуха жены новобрачной.
Грудь расцарапав, пронзительный плач она в скорби исторгла,
Петлю на шею надела и душу свою испустила.
Матерь-Земля, ее слезы впитав, родник исторгает,
Вечно теперь он журчит серебристою светлою влагой.
600 Клитой назвали родник в ее память живущие рядом.
В памяти крепко держа, что Тифиса сон возвестил им,
Двинулись в горы цари, на священные выси Дидима,
Там возлиянья и жертвы свершили, моля, чтоб склонилась

- К милости древняя Рея, и гнев ее душу оставил.
605 С ними я вместе пошел и форминга, конечно, со мною.
Арг с нами двинулся в путь, корабль ненадолго оставив,
Он большую сосну, оплетенную дикой лозою,
Острым железом срубил и, ветки стесав, изготовил
Брус, и богини кумир сотворил с величайшим искусством,
610 Дабы стояли святыни для новых людских поколений.
После и дом из красивых камней для владычицы сделал.
Ревностно мужи минийцы (особенно отпрыск Эзона)
Стали из гладких камней алтарь возводить, а построив,
Прямо на нем заклали быка, сотворив возлиянье.
615 Все совершили прекрасно – и Рея, вкусив, взвеселилась,

Мне же герои велели прославить ее величаньем,
Дабы, склонясь на мольбу, нам возврат подарила желанный,
Так, ублажив и мольбами, и жертвами Рею-богиню,
Вниз мы пошли к кораблю, и Тифис, вернувшись на место,
620 Отдал приказ, чтобы все на скамьи свои водрузились,
Все занимают места и снова берутся за весла,
Тут без труда развязались узлы причальных канатов,
И от земли оторвался корабль при ветре попутном –
Рея в венце башневидном его нам с Дидима послала.
625 На корабле в ее честь ей мы жертвенный пир учиняем
И порешаем построить богине алтарь для потомков.
Место святое назвали мы – «Храм отпустившей богини»,
Ибо по Реиной воле тогда мы отчалили в море.
Вот паруса, наконец, наполнились ветром, надулись,
630 Волны соленого моря под килем вскипали глубоко.
Мы миновали тогда побережье пределов Мисийских,
Вскоре и устье оставили сзади уже Риндакида.
Тут мы вошли в прекрасную гавань, где берег песчаный
Принял корабль на стоянку. Канаты на руку мотая,

- 635 Тут паруса мы свернули, ремнями вокруг обвязавши,
После же трап опустили на землю и вышли на берег,
Сильно нуждаясь в еде и воде. А кругом воздымались
Кручи Агрантовых гор – высочайшие острые скалы.
Тут в лесистую чащу Геракл поспешил углубиться.
- 640 Лук прихватил он с собою, а с ним и трезубые стрелы.
Он на охоту пошел добыть для товарищей ужин –
Иль кабана, иль телицу, иль козочку, а за Гераклом
Гилл потихоньку сошел с корабля и за ним устремился,
Сбившись с тропинки петлявшей, в лесу он совсем заблудился
- 645 И на пещеру набрел – там жили озерные нимфы.
Те, приметив, как шел он, красою бессмертным подобный,
Им завладели, к себе притащив, у себя задержали –
С ними обрел он бессмертье и старости злой не изведал.
- В пору, как солнце полнеба уже проскакало с конями,
650 Ветра дыханье с горы ударило в парус блестящий.
Тифис зовет всех на борт, велит со стоянки сниматься.
Кормчему следуют все. Полифем Элатид поскорее
Влез на большую скалу и зовет к отправленью Геракла.
Но не ответил Геракл. Иное судьба порешила.
- 655 Не было воли всевышней Геракловой силе великой
Фасиса тока достичь, реки, чье течение прекрасно,
Вместе с дружиной героев добраться до Фасиса брега.
С новой зарей пристали герои к злосчастному берегу,
К бебриков наглых земле – Амик был владыкой над ними.
- 660 Зевса всезрящего строгий закон не блюли они вовсе –
Вот что творили они – если кто из окрестных соседей
К берегу их приставал и вступал к ним на двор и в жилище,
Должен был с ними сразиться в кулачном бою, в поединке.
Оного злого Амика герой Полидевк уничтожил,

- 665 Голову быстро тугими ремнями разбил он злодею.
Медью оружия бибриков толпы сразили другие.
Прочь мы отплыли на веслах, когда ж одолела усталость,
Мы поднялись через устье реки и на берегу удобном
Вечером лагерь разбили, и начали ужин готовить.
- 670 Жил здесь Финей, женатый злосчастно. В порыве безумья
Двух сыновей он родных ослепил и бросил на скалах
В пищу зверям – до того был женою своей околдован.
- Славного бога Борей сыны их вернули обратно,
Зрячими сделав опять, но отцу их Финею – напротив,
- 675 Кару тягчайшую дали – лишили глаза его света.
После же мощный Борей, налетев вихревыми смерчами,
Поднял Финей с земли и унес в Бистонийские чащи.
Там-то Финей нашли и страшная Кара, и Участь.
Агенорида покинув, выходим в открытое море,
- 680 Правим корабль, плывем, но вдруг перед нами возникли
Черные скалы – о них давно уже мне говорила
Мать моя Каллиопа, что здесь неминуемо будет
Встретить большую опасность, что трудно без помощи свыше
Страшных трудов миновать и погибели – скалы ведь эти
- 685 Мчатся навстречу друг другу, гонимые шквалами ветра
В бурных шипящих валах, и сшибаются с силой безмерной,
Грохот ужасный по морю несется, вздымается в небо,
Рев издает и пучина морская, валы разбивая,
Волны клокочут, кипят, и стонет бескрайнее море.
- 690 Все это я предсказал Агниаду Тифису точно,
Дабы он знал, опасаясь, куда ему следует править.
Кормчий рассказу внимал, и сердце его холодело,
Хоть и таил он свой страх от героев, но сам-то не ведал,
Что тут и делать ему. И тогда по велению Геры

- 695 Дочь совоокая Зевса Афина нам цаплю послала.
Птица кружится над верхнею мачтой и вдруг устремилась
К скалам, что шли друг на друга, и прямо меж них понеслася.
Миг – и сомкнулися скалы, но цапля уже проскочила,
Самый лишь кончик хвоста у птицы они отхватили.
- 700 Скалы сомкнулись, но птицу проворную и не поймали.
Тифис за птицей следил, как она уцелеть исхитрилась,
Тотчас героям он знак подает, а они, догадавшись,
Мощно по быстрым волнам ударяют, налегши на весла.
- Я же запел – и попали под чары моих песнопений
- 705 Скалы крутые – они расступились, вода закипела,
Водный проход уступили Арго бродячие скалы,
Нашей кифаре покорствуя, звукам ее чудотворным.
Киль корабля говорящий едва проскользнул в Кианеях,
Узкий пролив миновав, как тотчас бродячие скалы
- 710 Корень пустили до дна и навеки незыблемо встали.
Вот и сбылось, что издревле тяжкие Мойры соткали.
Мы же, избегнув удачно погибели горькой, приплыли
К черному берегу Ребы-реки и вошли в ее устье.
Остров там Тинеида большой, близ него протекает
- 715 Тембрий, что рыбой богат, в берегах, изобильно цветущих,
Там и Сангарий течет и в Эвксинские воды впадает.
Мы, налегая на весла, идем и подходим ко берегу
Возле течения Лика-реки, и встаем на стоянку.
Царствовал в этих краях соименный потоку владыка,
- 720 Лик, и прием оказал он героям минийцам отменный.
Ночи и дни напролет за пирами мы с ним проводили.
Здесь же, у Лика, настигла Судьбина двух славных героев –
Идмона, сына Айола, и кормчего Тифиса тоже.
Идмон погиб от внезапной болезни, а кормчий наш вепрем

725 Диким убит был. Оставив холмы погребальные, дальше
Двинулись мы по пучине седой, кораблем управленье
Вверив Анкею – ведь все полагали, он опытен в деле,
Знает до тонкостей все и умом, и уменьем украшен.
Принял он в руки кормило и курс на реку Парфений
730 Взял – а еще эту реку иные зовут Каллихором.

Я ведь тебе, о Мусей, рассказывал прежде об этом.
Вот выдающийся мыс обошли, а теперь мы выходим
К берегу земли Пафлагонской. Ее миновав, полетело
Наше Арго по пучине, достигнув Карамбиса-мыса,
735 Где Фермодонт протекает, и Галис струится потоком,
Мощные воды свои вливая в широкое море.
Северней курса Арго обширные области были
Края Темискры пространного, там же Дойанта равнины.
Там города Амазонок, что диких коней укрощают,
740 Там же халибы живут – тибарены и с ними бехиры,
И моссинеев народ на тех обитает просторах.
Слева подплыв, пристаем в краю, где племя макреев
С мариандинами рядом живет, а к северу длинный
Есть перешеек, и там издалека виднеются кручи
745 Горной гряды, что широкую гавань кольцом окружила,
Высится Синдис-гора и луг простирается пышный.
Там Аракса могучий поток реки многомощной –
Танаис в нем истоки берет, Фермодонт и Фасис.
Славные там племена хениохов, абасов и колхов,
750 Эти места миновав, обходим глубокие порты,
Уры, ассиры, хиндены, солимы живут, харандеи,
Мимо филиров, напатов и частых селений сапиров,
Рядом бизиры живут и сигинны, где гостю не рады.
А на рассвете Арго, при дыханьи попутного ветра,

- 755 В миг, как бескрайнему миру является Эос, приплыло
К Фасиса устью, на западе моря, что к гостю сурово.
Тут раздается Анкеев приказ, чтобы мы побыстрее
Стали спускать паруса, убирали и рею, и мачту,
Парус свернули скорее и все налегли бы на весла.
- 760 Сделано – вот мы врываем в речное спокойное устье.
- 765 Видим – корону из стен неприступных твердыни Ээта,
Вот показалась и роцца, а в роцце – руно золотое,
Ярко сверкая, висело на ветке могучего дуба.
Стала дружина готовить, что нужно. Язону же в душу
Вникла забота, как быть, думал он, и что делать,
- 770 Дабы пытаться смягчить Ээта любезною речью.
Вот обратился он к сонму минийцев, друзей вопрошая,
Как поступить – одному ли к Ээту ему отправляться,
Или с героями вместе, немедленно битву затеяв.
И порешили минийцы к Ээту отправиться вместе.
- 775 Белолокотная Гера-богиня и страх, и сомненье
В душу решила вселить, чтоб свершилось, что Айса судила.
Тотчас она повелела, чтоб гибельный Сон устремился
К дому Ээта и душу его поразил словно громом,
Страх небывалый вселив. Вот и снится, что к деве Медее,
- 780 Дщери его, что растил он, лелеял в своем мегароне,
Прямо в объятья ее звезда с ослепительным блеском
С неба слетает – и дева, ликуя своею душою,
С нежностью в пеплос ее завернула, к себе прижимая,
И понесла ее к Фасиса водам с могучим теченьем.
- 785 Миг – и звезда потекла по воде, похищая девицу,
И понеслась по просторам Негостеприимного Моря.

- Вспрянул владыка от сна, увидев предвестие злое,
Страх ледящим кольцом стянул его сердце – вскочил он
С ложа, прислужников кликнул и отдал приказ – поскорее
790 Быстрых готовить коней – которых особо любил он –
Их в колесницу запрячь и, придя к прекрасному берегу
Фасиса водоворотного, с местными нимфами вместе
Души героев, что там обитают, смягчить, ублаживши.
Царь дочерей вызывает из благовонных покоев,
795 Фрикса вдову, Халкиопу с детьми и вторую, Медею,
Нежную, скромную деву, сиявшую редкой красою.
Их призывает владыка отправиться вместе с собою.
(Сын же Ээта, Апсирт не в городе жил, а отдельно).
Царь с дочерьми поднялся на златую свою колесницу,
800 Быстро несли его по полю кони, а после вдоль берега,
Что камышом весь зарос, к местам, где святому потоку
Он и мольбы возносил, и жертвы богатые правил.
К этим-то самым местам Арго как раз и пристало!
- 805 Глянул Ээт на корабль – и видит, что столько героев
Дружным отрядом сидят, подобные видом бессмертным;
Свет источая сиянья – столь сильно блистали доспехи.
А среди всех благородный Язон выделяется ярко,
(Это ведь Гера почтила его – и возвысила ростом,
810 И красотой облекла, и влила необоримую силу).
- Ближе подъехал Ээт, и они разглядели друг друга.
Тут и Язон, и минийцы от ужаса просто застыли –
Царь в колеснице пред ними сиял, словно Гелиос в небе –
Блеском слепящим пылали его золотые одежды,
815 Прямо как солнца лучи зубцы на короне сверкали
Ярким огнем, а скипетр в руке был перуну подобен!
Рядом с обеих сторон и царские дщери стояли –

- Слава и гордость отца. Владыка приблизился к берегу,
Страшный взгляд исподлобья метнул на прибывшее судно,
820 И раздался из глубин его груди свирепейший голос,
Ужас вселяя в сердца, прогремел он раскатами грома:
«Кто вы, откуда, и что за нужда вас ведет, говорите!
Чем поживиться надеясь, пришли в Китеидскую землю?
Будто вам все нипочем, вы и власти моей не страшитесь!
825 Вас не пугает и колхов народ, управляемый мною?
Колхов, кого и Арей, сотрясатель копья, не осилит –
Столь они грозны в бою, столь мощно умеют сражаться?» –
Так он сказал, а герои на это спокойно молчали.
Вот, наконец, почтенная Гера богиня вливает
830 Смелость в Язона, и он отвечает не менее громко:
«Нет, не разбойники мы, не бродяги какие лихие,
Мы не из тех, кто на море бесстыдно людей притесняет,
Для пропитанья на всех нападая и грабя бесчестно,
Дерзкое дело вершит – а ведь многие так поступают!
835 Нет! Это сын Посейдона по имени Пелий, мой дядя,
Одноутробный родителя брат мне подвиг придумал –
Без золотого руна обратно домой не являться,
Но раздобыть и к нему в Иолк богозданный доставить.
Мы – не безвестные родом – мы дети богов и героев.
840 В деле сражений и сечи и мы кое-что понимаем.
Правда, к тебе мы пришли как просители, гости. Так лучше». .
Рек Эзонид. А в царя, словно смерч, поднимается ярость.
Он на героев глядит тяжелым, убийственным взглядом,
Ибо в уме уж соткал против них смертельную хитрость.
845 Выждав изрядно, такое к минийцам он слово промолвил:
«Если пришли вы с войной против колхов, любезных Арюю,
Если надеетесь вы, сокрушив, одолеть наших воев,
Дабы добычей поять без усилий руно золотое,
Им завладеть, а потом восвояси домой удалиться, –

- 850 Если дерзнете, хоть вас и немного, на дело такое –
Ждет вас награда – погибель! И сам я корабль раскрошу ваш.
Если же внемлете мне – а это вам будет полезней! –
То выбирайте – кто лучший из вас, кто царственный самый,
Дам я задачу ему – коль исполнит он подвиг великий –
855 Значит, руно заберет – такова моя будет награда», –
Молвил и кликнул коням, и на них устремился обратно.
Скорбь охватила минийцев, и все омрачились душою,
Вспомнив, что нету Геракла, что он им уже не поможет
Колхов воинственных племя унять и буйство Арея.
860 Ну, а теперь, о Мусей, тебе я поведаю бегло,
Что претерпели минийцы несчастные, что совершили.
После того, как Арг пришел из чертогов Ээта,
Славный копейщик, его родила Халкиопа от Фрикса –
В пору, как он на баране верхом доплыл до Колхиды –
865 Дочери грозно Ээт приказал сочетаться с ним браком.
Этот-то Арг, из чертогов явившись царя, возвестил им
Все, что минийцам замыслил Ээт на зло и погибель.
Я, о Мусей, расскажу, как несчастная в браке Медея,
Дева-волшебница, стала послушною чарам Язона,
870 (Геры то замысел был) – ведь в сердце девицы вселила
Сладкую страсть Киферея-кормилица – мать Эрота,
Вглубь ей вонзилась стрела, что пустила Эриния метко.

Утрачены переводы стихов 873–921.

- В центре же рощи просторной стоит, высоко поднимаясь,
Дуба огромного ствол, широчайшие ветви раскинув.
Там-то на ветке могучей руно и висит золотое.
925 Зорко его стережет чудовище – змей исполинский,
Страшный – в словах не сказать! Чешуя золотая пылает,
Кольца бессчетные ствол обвивают и службу несет он,

Зевса подземного чудище-змей, руно охраняя,
Сна он не знает совсем и руно стережет неусыпно,
930 Страшно вращая глаза со стальным, немигающим взором.
Мы понимаем теперь, что сбывается все непреложно,
Что говорила столь точно Медея о будущем скором –
Так все и было – и змей, и Гекаты Мунихии стража –
Все мы надеждой зажглись, что не будет наш труд бесполезным,
935 Всем захотелось немедля богиню склонить приношеньем,
К страшному змею скорей подступить, руно золотое
Взять у него и вернуться домой, в родную отчизну.
Тотчас же Мопс – прорицания дар подсказал ему это –
Начал героям внушать, что следует им обратиться
940 Прямо ко мне, на коленях молить совершить это дело –
И Артемиду склонить, и дракона смирить заклинаньем.
Все окружили меня, умоляя. А я Эзониду
Тотчас велел с собою позвать Диоскуров могучих –
Кастора, ко́ней грозу, и добрый кулак – Полидевка.
945 Также и Мопс Ампикид отправился с нами на подвиг.
Вместе со мною, отдельно от них, пошла и Медея.
Вот, наконец, мы достигли пределов священной ограды.
Выкопал я треугольную яму средь ровного места,
Взял я обрубки ствола можжевельника, взял и сухие
950 Ветки колючего кедра и тополя, слезного древа,
Все это вместе сложил и костер разложил среди ямы.
Да и Медея, что сведуща в этом, дала мне немало,
Взяв из заветной шкатулки своей, благовонной, священной.
Я под покровом скорее фигурки слепил для заклатья,
955 Их положил на костер, а сверху я в жертву подземным
Трех щенков заколол, совершенно черных, без пятен,
С кровью их я смешал халкантон и струтий, а после
Кнека немного добавил и псиллий, на вид неприятный.
Также ахнусу туда положил и халкимон тоже.

Орфическая Аргонавтика

- 960 Всем этим внутренность жертвы наполнив, кладу их на сучья,
Их же кишки я с водою плеснул в соседнюю яму,
В черный наряд облачась и звонкою медью бряцая,
Стал я с мольбою взывать – и тотчас же вняли молитве,
Пропасти мрачных пустот разрывая, наверх устремились
- 965 Вмиг Аллекто с Тисифоной и светлая с ними Мегера,
Факелы сжавши в руках, озаренные светом кровавым.
Разом огонь запылал – как громом костер огласился,
Пар, за клубясь, повалил, и все затянулося дымом.
- 970 Тут с языками огня поднялись из безвидного царства
Страшные, жуткие, злые, на коих взглянуть невозможно,
Тело одной было сплошь из железа – ее называют
Те, кто в земле обитают, Пандорой. А с ней и другая,
В обликах разных, о трех головах – о, не знать ее лучше! –
- 975 Тартара дочь, Геката – над левым плечом возвышалась
С гривой густой лошадиная морда, над правым – собачья
С бешеным взором – в середине росла голова как у зверя.
Обе, Пандора с Гекатой, над вырытой ямой кружили,
С ними носились, беснуясь, свирепые Керы-богини,
- 980 Вдруг Артемида, хранящая стражу, из рук выпускает
Факел на землю – а очи ее устремляются в небо.
Вой подняла ее свита, собаки, и вмиг разрешились
Скрепцы замков – показалась сама заповедная роща

Утрачены переводы стихов 984–1019.

- 1020 Видят минийцы руно – и в своем ликованьи великом
Длани воздели к богам, чье владенье – широкое небо,
И любовались, дивясь, на руно. Но Ээт уже вскоре
Знал, услышав от служанок, о том, что Медея сбежала,
Тотчас Апсирта призвал, приказал поднимать ополченье

- 1025 И за сестрою, родной по отцу, отправляться в погоню.
Брат поспешил и близ устья реки, на стоянке героев,
Вскоре себе на беду настиг эту страшную деву.
Ночь в одеянии звездном уже полпути миновала
В час, как Медеи любовь, одержимая Керами злыми,
1030 Кровь леденящим обманом сгубила Апсирта ужасно.
Там зарубили его, и мертвого юноши тело
Бросили в воды реки быстротечной у самого устья.
Бурным потоком его подхватило, и волны морские
К острову вскоре прибили, что после был назван «Апсиртов».
1035 Но от всезрящего Зевса и Правды ничто не сокрылось.

- Мы поднялись на корабль и снялись поскорее с причала,
Принялись спешно грести, взрывая веслами воду,
Сияясь идти побыстрей, но пошли не вперед, как хотели,
К Понту, обильному рыбой, в широкое Фасиса устье –
1040 Нет! Понесло нас назад течение все дальше и выше,
Неотвратно влекло – миновали мы грады Колхиды,
Курсом неверным идя. Вот уж мрак опустился глубокий,
Мы же гребем по реке, неразумные, между полями,
Что заселяют по двум берегам буономы и гимны,
1045 Сельский народ аркиеи, живут здесь и керкетикеи,
В тех же местах обитают и синды, свирепое племя.
Средь Харандийских долин обиталище их и стоянки
Возле отрогов Кавказа за узкой грядой Эритии.
Вот просияла с востока Заря, желанная смертным,
1050 Мы же причалили к острову – густо порос он травойю.
Здесь разделяются надвое воды реки – это Фасис
И тихосруйный Сарангес – но воды их не судоходны.
Воды Сарангес несет в Меотиду, он к морю стремится,
По заболоченной, полной травы земле протекая.
1055 Мы продолжаем грести, день и ночь налегая на весла,
Сутки – и дня половину, и вот мы выходим к Боспору,

Эту стоячую воду, обширно входящую в сушу,
Древле Титан-быкокрад верхом на быке исполинском
Вброд перешел – и тем открыл по воде переправу.

- 1060 Мы же усталые, в изнеможеньи от длительной гребли,
Прибыли прежде всего к меотам в хитонах роскошных,
Далее жили гелоны, еще – савроматы и геты,
Там – аримаспы, арсопы, гилеев народ и кекрюфы –
Все племена, что вокруг Меотиды болот обитали,
- 1065 Были богаты скотом, выпасая большие отары.
Нам же бессмертные боги послали тяжелые беды,
И очутились мы там, где, со дна поднимая, толкает
Воду пучина с чудовищным шумом на низменный берег,
Весь в бесконечных лесах, отвечающих гулом ужасным
- 1070 (Лес сей доходит до севера крайнего и Океана).
Вот в каковые края через устье Арго залетело,
Девять дней и ночей мы терпели ужасные муки,
Много суровых племен, неприветливых, мы миновали,
Северных пактов народ, задиристых лелиев диких,
- 1075 Лучников скифов, что верные слуги владыки Арея,
Тавров, что режут людей и кровавые жертвы приносят
В честь Мунихии – ведь кровь человечья кратер ее полнит.
Гипербореев прошли мы, номадов, каспийское племя.
А на десятой заре, просиявшей на небе для смертных,
- 1080 Мы подошли к проливам Рипея, и Арго проворно
Через пролив неширокий понесся вперед, и попал он
В часть Океана, что носит название Гиперборейской
Или Кронийской, но также зовут ее «Мертвое море».
Да, и не чаяли б мы спастись от гибели страшной,
- 1085 Если бы твердой рукой не правил бы мощно кормило,
Крепко на гладкий руль опираясь при натиске моря,
Наш Анкей, ведя наш корабль близ правого берега,

- Обе руки напрягая, заставляя покорствовать судно.
Так мы упорно гребли, пока не иссякли в нас силы,
1090 Руки весло не держали, и мы, угнетенные сердцем,
Бросили весла и лица свои, залитые потом,
Стали рукой отирать, а голод терзал нас нещадно.
Прыгает за борт Анкей и всех остальных побуждает,
Ласковым словом своим обратившись, – герои воспряли,
1095 Взяли витые канаты и прыгнули с борта, спустивши
Быстрые ноги свои на мелкое место, и скоро
Судно они привязали витыми канатами крепко.
После же Арг и Анкей с высокой кормы корабельной
Длинные мечут веревки, концы их герои хватают –
1100 И потащили корабль, по берегу идя, упираясь.
Морем бродившее судно послушно пошло с ними вместе,
Влажную режа дорогу вдоль берега о камушках гладких,
Здесь не волнуются волны, и ветер не воет, не свищет,
Здесь под созвездьем Гелики, за крайней волною Тефии
1105 Море недвижно лежит, и всегда оно немо и глухо.
В пору, когда седьмая заря просияла для смертных,
Прибыли мы в пределы Макробиев, долго живущих,
Племя блаженных людей, во всем изобилие имущих,
Многие годы живет, ни болезней не зная, ни горя.
1110 Месяц у них, как столетье, всего же дается на свете
Сроком в двенадцать таких хилиад, этих месяцев долгих.
В пору, как срок подойдет, что для жизни их свыше отпущен,
В сладостном сне обретают они своей жизни кончину.
Нет им нужды никакой о пище иметь попеченье,
1115 Травы, что всюду растут всегда изобильно, их кормят.
Жажду они утоляют росой амвросийскою дивной,
Все молодой красотой они как ровесники блещут,
Мягким спокойствием светятся лица и старых, и малых.
Все – и отцы, и потомки – в умах своих, равно и в душах,

- 1120 Честное мыслят одно, и слова их всегда без обмана.
Вот мы их край миновали, все так же по суше шагая,
Арго ведя по воде, и так постепенно добрались
До киммерийцев, единственных в свете, кому не известно,
Как в небесах разливается Солнца тепло и сиянье.
- 1125 Видеть восход не дает им Рипей и Кальпия темя,
Свет же полуденный им заслоняет гигантская Флегра,
И заходящего Солнца лучей не дано им увидеть –
Альпы, покрытые вечно туманом, их видеть мешают.
Вот и живет это племя всегда среди мрака потемок.
- 1130 От киммерийцев мы снова пешком отправляемся дальше.
Вот и обрывистый мыс и брег, не знающий ветра.
В этих местах протекает река о глубоких воронках –
То Ахеронт, клокоча, златоносные воды проносит,
Через ледяные места серебро его вод протекает,
- 1135 И принимают их черные глубы большого болота.
По берегам же высокой реки зеленеют деревья,
Мощные, пышно они разрослись, а на них неизменно
Ночью и днем изобилье плодов, так что клонятся ветви.
Рядом – низина богатой земли Гермиии-града.
- 1140 Улицы славной застройки высокие стены закрыли.
В этих местах обитает людей справедливейших племя.
Там опочивших кладут на ладью – и ее отпускают,
Души покойных ее направляют меж гладких утесов
- Плыть по проливу вперед, к Ахеронту – а там уже близко
- 1145 И некрушимые Ада врата, и народ сновидений.
К этим местам мы приблизились, к этому страшному граду,
Близко подплыли в своем заблуждении – и точно погибли б,
Если б Анкей не взошел на корабль, а взойдя, не велел бы
Нашей усталой дружине скорей на корму подниматься.
- 1150 Там, обращаясь к друзьям, сказал он сердечное слово:
«Други, снесите сей труд! Ведь я уповаю неложно –

- Худшего нет впереди – вон уже поднимается, вижу,
Ветер попутный Зефир – и тому доказательство – волны.
Волны, что стал Океан посылать на берег песчаный.
- 1155 Значит, скорей паруса поднимайте на мачте высокой,
Быстро крепите канаты с обеих сторон, и умело
Их вы сверните, закинув на палубу с каждого борта».
Мы – за работу, как вдруг раздается из самого чрева
Нашего судна неслыханный глас Томарийского дуба –
- 1160 Руки Паллады самой поместили сей брус среди сруба.
Глас провещал (а мы в изумленьи при том цепенели):
«Горе мне! Лучше о черные скалы мне было б разбиться,
В море Негостеприимном, средь волн, бушевавших свирепо,
Чем бесполезно носиться по воле царей бестолковых,
- 1165 Путь совершая бесславный – ведь вечно Эриния будет
Вслед неотвязно лететь из-за родственной крови Апсирта,
Он ведь убит – и она вам беду будет слать за бедою.
Ныне могу я добычею стать погибели страшной,
Если продвинусь еще к Гирнисии-острову ближе –
- 1170 Слушайте! Если сейчас вы меня не направите быстро,
Мыс обогнувши священный, к заливу меж сушей и морем,
Я в атлантический кинусь простор беспредельного моря!»
Смолк поразительный глас. И сердце минийцев упало,
Страх охватил их, что вот, настает их конец неизбежный
- 1175 Из-за Язона любви – и в умные головы тотчас
Мысль залетает – не лучше б немедленно во искупленье
Гнева Эриний Медею, познавшую брак несчастливый,
Выбросить прямо за борт, дабы стала добычею рыбам.
Так бы и было, но славный Язон, разгадав эти мысли,
- 1180 Каждого стал горячо умолять и порыв удержал их.
Вещему гласу Арго покоряясь, воссели герои
Быстро по скамьям своим и к веслам припали ретиво.

- Взялся Алкей за кормило – а он был умелец великий –
И обогнули Гирниду. Но вскоре, однако, им в спину
1185 Страшная буря дохнула своим ледящим дыханьем,
Парус надув, – и корабль полетел по вздыбленной влаге.
Вот уж в двенадцатый раз взошла над пучиной Денница –
Нас же носило, и мы на спасенье надежду теряли,
И не узнали бы мы никогда, где нас буря болтает,
1190 Если бы зоркий Линкей не завидел, что близки пределы
Вод Океана, спокойно текущих, а там он приметил
Остров, сосновою рощей покрытый, с большими домами.
То был Деметры-владычицы остров, туманом сокрытый.
Мудрый Мусей мой, ты это сказанье о местности слышал.
1195 Там Персефона когда-то цветы для букета срывала,
Сестры ее обманули, покинули в роще просторной,
Тут-то на деву Плутей и напал – по демона воле –
Он, черногривых коней запрягатель, ее похищает,
Вмиг улетаю по глади бесплодной широкого моря.
1200 Вот я и понял, и высказал всем, что нельзя приближаться
К берегу острова нам, к его блестящим постройкам,
Где никогда не причаливал прежде корабль человека,
Гавани нет никакой, кораблям для стоянки пригодной,
Но обрывается в море скалой он крутой, неприступной,
1205 А на вершине скалы шум идет от деревьев плодоносных.
Я говорил – и слова мои с верою приняты были.
Внял им Анкей, черноносого судна правитель умелый,
Влево он руль повернул, и судно свой курс поменяло,
Прямо уже не летело, а вправо слегка уклонилось.
1210 Третий день наступил – мы пришли во владения Кирки –
Остров был дивный, пустой, окруженный морской волною.
С сердцем тяжелым подходим на веслах ко берегу морскому,
К скалам корабль прикрепляем. Язон с него сходит, с собою
Взяв в дорогу немногих друзей, любимых особо,

- 1215 Все они жаждут узнать, какой же народ обитает
В этой обширной земле, что за нравы у них и правленье.
Тотчас идущим героям навстречу тогда устремилась
Дева, родная сестра Ээта, надменного сердцем,
Кирка – Гелия дочь – ведь так ее называли
- 1220 Мать Астеропа и Гиперион – светозарный родитель.
Кирка навстречу им шла – и всех изумленье объяло,
Лишь увидали ее – ведь с ее головы поднимались
Волосы, прямо как Солнца лучи огневые стояли,
Свет исходило лицо и сверкало, огнем полыхая.
- 1225 Смотрит она на Медею – а та покрывалом закрылась,
Стыд ее нудит от Киркиных взоров лицо свое прятать –
Бледность зеленая лик покрывала от муки сердечной.
Жаль ее стало, и Кирка такое промолвила слово:
«Ах ты, злосчастливая, вот как тебя наградила Киприда!
- 1230 Вижу – не скрывать от меня все то, что вы сотворили,
С чем на мой остров пришли – но ко мне вы явились напрасно
Из-за отца старика и злодейски убитого брата,

Стало быть, думаю я, что нет вам дороги, в отчизну
Вам не вернуться, пока преступления скверна не смыта.
- 1235 Сей очищенья обряд лишь премудрость Орфеева может
Вам сотворить, коль достигнете вы побережья Малей,
Строго молчанье храня в нечестивой преступности вашей.
И не молитесь меня, в мой дом вам доступ заказан,
Столь велика злодеяния грязь, что вас покрывает,
- 1240 Все же я вам благомыслию и дам на дорогу припасы,
Сладкого вышлю вина и хлеба, и мяса побольше».
Молвив, назад улетела, глядим, а на палубе нашей
Полная всякой еды и питья появилась посуда,
Нам, поспешающим в путь, и ветер повеял попутный,

- 1245 С посвистом звонким, и мы открепили канаты и крепы.
Вот, разрезая волну, мы достигли Тартесского устья,
Вот, наконец, у Геракловых стали столбов на стоянку.
- Возле святынь Диониса-владыки мы ночь оставались,
Там, на мысу – ведь душа уже подкрепиться просила.
- 1250 Лишь занялось на востоке зари светоносной сиянье –
Снова за весла мы взялись, по светлой воде ударяя,
Вот миновали Сардонские глубы, заливы латинян
И острова авдонийцев, Тирренской земли побережье,
Вот в Лилибейский мы входим пролив, где гулкие волны,
- 1255 И достигаем Тринакрию – остров с тремя языками,
Тут задержал нас огонь Энкеладов, что пышет из Этны –
Силимся плыть – но пучина под носом Арго закипает,
Это Харибда из пропастей дна поднимает со свистом
Гору бурлящей воды, и встает она паруса выше,
- 1260 Держит на месте корабль, вперед его не пускает,
Ходу назад не дает, и Арго так и мечется кругом,
Двигаясь краем несущего гибель ужасного места.
Так бы, пожалуй, мы вскоре на дно погрузились морское,
Если б не дочь почтенная старца морского, Фетида –
- 1265 Ей захотелось супруга, Пелея могучего, видеть.
Из глубины поднялася она и явила нам милость –
Гибель от нас отвела и от хляби спасла смертоносной.
Дальше поплыли, и вот – впереди, совсем недалеко,
В море скала с неприступной вершиной – высокие склоны
- 1270 В гладких пещерах сбегают с высот и врываются в море.
Волны, сверкая, о них разбиваются с плеском и гулом,
Девы сидят на скале и поют – колдовские напевы
Слух покоряют людской, обо всем позабыть заставляя.
Слышат минийцы Сирен – и душа в наслаждении тает,
- 1275 Жаждет она одного – только слушать и слушать. Немного –
И не проплыли бы мы мимо них – ведь уж бросили весла,

- Кормчий Анкей на утес неприступный повел было судно –
Если бы я поскорее не взял в свои руки формингу
И с голосами Сирен не сплел моей матери песню,
1280 Звонко мой гимн загремел, заглушив колдовское звучанье.
Пел я о том, как спор завели о конях вихроногих
Зевс, громыхатель с высот, с владыкою Энносигеем.
Как, осерчав на Дия Отца, Черновласый ударил
В твердь Ликаонскую страшно трезубцем златым, и тотчас же
1285 Вся раскрошилась она, разнеслась по бескрайнему морю
Суша – осколки назвали: Сардиния, Кипр и Эвбея.
Пел я и пел, а на снежном утесе дивились Сирены.
Так поразились они, что и пенье свое прекратили.
Флейту бросает одна, черепаху швыряет другая,
1290 Страшно вскричали они – к ним срок подступил беспощадной
Смерти, реченной судьбой – и кинулись с кручи родимой
В глуби соленого моря, и там их тела превратились
В камень, и злая краса опасными скалами стала.
Лишь удалось кораблю избежать погибели верной,
1295 В море он вышел, и быстрые ветры наполнили парус,
Вскоре его приведя на остров цветущий Керкиру,
А населяли его феаки – народ, наипаче
Прочих умелый в делах мореходных, сильнейший на веслах.
- Власть над народом феаков была у царя Алкиноя,
1300 Муж справедливейший правил, блюдя и закон, и порядок.
Встали мы на причал и начали жертвы готовить
Зевсу всезрящему и Аполлону, блюстителю берега.
Вдруг замечаем – несется сюда, налегая на весла,
Флот необорный Ээта – и нет кораблям его счета.
1305 Колхи плывут, харандеи, солимы и с ними ассирсы,
Все они алчут минийцев, чтоб снова Медея вернулась,
Встав пред очами Ээта отца, и сполна заплатила

- Пеню за страшную скверну ужасного братоубийства.
Только вошли они в гавань, заполнив ее до отказа,
1310 Тотчас же к дому царя свое высылают посольство;
Тут у Медеи совсем подкосились колена от страха,
Вся побледнела она – а что, как ее поневоле
Царь феакийцев домой отошлет, как откроет злодейства.
Но не судила тому еще Мойра свершиться, покуда
1315 Не приведет ее к Пелию в дом Язон на погибель
Дому сему и на злую беду самому властелину.
Вот доложили послы Ээтову страшную просьбу
Слуху царя Алкиноя и розоворукой Ареты.
Тотчас же царь отвечает, что деву преступную можно
1320 С крепкого взять корабля и отцу на расправу отправить.
- Тут пожалела Арета, царица преславная, деву.
Мужа желая смягчить, она ему нежно сказала:
«Дело недоброе, брачные узы насильственно рушить,
Ложа супругов лишать, их факел любви угашая.
- 1325 Страшный вздымается гнев в Дионее тогда Афродите,
И на мужей, и на жен, на всех, кто такое замыслит.
Впрочем, быть может, она прибыла к нам нетронутой девой,
Ну, так тогда пусть и едет к отцу, в поселение колхов.
Если же брачные клятвы дала и на ложе законном
1330 Девства лишилась – то пусть со своим остается супругом!»
Молвила. Слово ее пришлось Алкиною по сердцу.
Он согласился, чтоб дело решилось по слову Ареты.
И не укрылось от миниев это решение – ведь Гера,
Облик служанки приняв, что задумала, то и свершила.
1335 На корабле появившись, вождям обо всем сообщила.
Стали тогда на корме поскорее мы ложе готовить,
Брачное ложе Медеи. Мы палубу мягко устлали,

- Сверху – руно золотое, а после, его окружая,
Шкуры развесили бычьи на копьях, щиты прикрепили,
1340 Дабы уважить и стыд, и таинство брачного дела –
И распростилась с девичества цветом несчастная в браке
Дева Медея, и свадьба ее не была достославной.
Вот наступила пора пред владыкою стать непорочным
Колхам и миниям – две стороны свое дело сказали.
1345 Суд же царя был таков: достается Медея Язону!
Мы поскорее тогда корабль отрешаем от берега –
И полетело на веслах Арго, наш корабль многопетый,
По Ампракийского водам залива свой путь пролагая.
Что мне сейчас говорить, о Мусей мой, рожденный богиней,
1350 Как пострадал я с минийцами вместе от бури близ Сирты,

Как удалось нам спастись среди страшных скитаний по морю,
Сколько мы приняли мук и когда на Крит занесло нас,
Медный там жил исполин, что и трех гигантов огромней,
Он никому не давал проникнуть в Критскую гавань,
1355 Как не погибли едва мы средь тяжкого грохота моря,
В пору как черные тучи внезапно корабль поглотили –
Были уверены мы, что нарвется на черные скалы
Быстрый корабль в непроглядности сей – но Пэан-дальновержец
Близок к нам был, как всегда – и с Делоса круч посылает
1360 Нам стрелу, и она средь Спорад звездой просияла.
Остров же тот Анафей назвали впоследствии люди.
Многое мы претерпели, а все же нельзя еще было
Морю Язона на брег отпустить искупить преступленье,
Злобная Мойра тянула назад – то не без причины
1365 Гневался Гиперион – но, достигнув на веслах Малей
Берега – по Кирки совету, – решили свершить очищенье,
Смыть и проклятье Ээта, и гнев справедливый Эриний.

Орфическая Аргонавтика

- Там совершил я тогда очищенья святыя обряды,
Всех освятил я минийцев – и Энносигей-земледержец
1370 Дал вожделенный возврат нам домой, к родителям милым.
Вместе поплыли тогда герои в Иолк благоданный,
Я же направил свой путь к Тенару, где ветры гуляют,
Справить обряды и жертвы преславному владыкам подземным,

Тем, кто держит ключи от пропастей царства умерших.
1375 Все совершив, во Фракию славную я устремился,
В область лебетров, в свою я родимую землю вернулся,
В ту я святую пещеру вступил, где меня породила
Матерь моя на ложе великого духом Эагра.

ГОРАЦИЙ

Пышность не терплю – к персам ее, мальчик!
Не хочу венков, оплетенных лыком,
Больше не смотри, где еще осталась
Поздняя роза,

Не трудись искать – ничего не надо,
Только мирт – тебе он приличен, мальчик,
Да и мне, ведь кров для моей попойки –
Лозы густые.

Carmina I, XXXVIII

О ты, с кем рядом в Брутовом воинстве
Не раз в лицо глядел я погибели –
Не ты ль, квирит, подарен снова
Отчим богам и родному небу?

Помпей, мой первый друг, не с тобою ли
Тягучий день крушили за чистым мы
В венках на волосах душистых –
Их пропитал малабатр сирийский.

Филиппы, друг мой, я пережил с тобой,
Когда бесславно щит свой оставил я,
И наша сломленная доблесть
Грянулась оземь лицом позорно.

Hor. Carmina I, XXXVIII, Hor. Carmina II, VII, Hor. Carmina II, XIV, Hor. Carmina IV, I

Но я из боя дланью Меркурия
Сквозь строй врагов, окутанный облаком,
Был унесен – тебя же снова
Битвы прибой затянул, прихлынув.

Но ныне Зевсу мы отдадим обет –
Сей пир, за нашу встречу обещанный!
Приляг под лавр мой, и кувшинам,
Ждавшим тебя, не дадим пощады!

И массик пусть, даруя забвение,
Бокалы полнит легкие – лей елей
Из емких раковин! Эй, кто там –
Мирт, сельдерей на венки нам срежьте,

Да поживей! Кого Венера нам
Царем назначит? Я собираюсь пить
Как эдониец, и безумье
Сладостно мне, если друг мой принят!

Hor. Carmina II, VII

О, Постум, Постум! Быстро и крадучись
Уходят годы – как ни служи богам,
Не отдалишь морщин, не сдержишь
Старость и смерть, что в затылок дышат,

Хоть каждый день быков ты закалывай,
По триста в год, Плутону бесслезному,
Что Тития и Гериона
(Три его тела) пасет и держит

Гораций

Волной реки печальной, которую
Переплывем мы все, кто питается
Земли плодами – и неважно,
Царь ты сейчас иль поденщик бедный.

Напрасно в жаркой битве беречь себя,
Дрожать во время шторма на Адрии,
Напрасно за себя бояться
В пору, как осенью Австр подует, –

Мы все равно увидим блуждающий
Коцит ужасный, топкий и медленный,
Увидим Данаид, увидим
Сына Эолова труд, Сизифа.

Мы все оставим землю, жену и дом,
Деревья все, что холим заботливо,
Лишь кипарис пойдет незримо
Вслед господину, чей век недолог.

Наследник смело вскроет цекубское,
Тобой за ста замками хранимое,
И пол зальет вином бесценным,
Что лишь понтификам пить пристало.

4 ноября 1999 г.

Hor. Carmina II, XIV

Венус, ты же ушла давно!
Что, войною опять? О пощади, молю.
Я теперь уж не тот, что был
При Цинаре. Оставь, мать свирепая,
Купидонов все сладостных.
Мне уже пятьдесят – я очерствел и глух
К зовам нежным – иди туда,
Где с горячей мольбой ждут тебя юные.
Время самое в дом лететь
Павла Максима – правь ты лебедей туда,
В оперении пурпурном –
Если хочешь сжигать печень удобную.
Знатен он и хорош собой –
И не станет молчать в споре взволнованном,
Знаков службы твоей несет
Сотню он на себе – всем они видимы,
Посрамит он соперника,
Что силен перед ним только подарками,
Будешь в мраморе ты сиять
Близ лимона ствола возле албанских вод,
Там тебе благовония
Будут пышно кадить, там усладят тебя
Берекинскою лирою,
Песни будут звучать, будут свирели петь,
Дважды в день будут юноши
Имя славить твое – с ними и девушки
Будут белой ногой стучать
Оземь, славя тебя трижды, как Салии.
Мне ж ни мальчик, ни женщина,
Ни надежда обрести душу единую,
Больше счастья не даст,
Ни вино, ни венок из молодых цветов.

Гораций

Только что, Лигурин мой, что
Вдруг скупая слеза катится по щеке,
Что средь складных речей язык
Вдруг немеет, объят странным бессилием?
 А во сне я порой тебя
 То, поймав, обниму, то за тобой лечу
 По траве поля Марсова,
 То гонюсь по воде, за несговорчивым.

15–16 сентября 09 г.

Hor. Carmina IV, 1.

МАНУИЛ ФИЛ

ЭПИГРАММА НА ЛЮБОВНУЮ КНИГУ ПЛЕМЯННИКА АВТОКРАТОРА

Ума палата здесь средь сада разума ,
Его пиры, его уют и праздненства,
Но благородный брак повествования
Ни мирт, ни плющ не увенчает листьями.
5 Его венец – оружие, ум и мужество
Души, и упование безоглядное,
И смелость, что не ведает сомнения –
К венцу же книгу поведет достойнейший
Высокий ум, в речах крылатых опытный.
10 Создатель этой книги замечательной –
Сам ветвь на древе, что от корня царского,
Вспоенный влагой, сей породе свойственной,
Плодами тех же свойств преизобилует.
А ты, любезный друг, читай внимательно,
15 И главный смысл вещей тебе откроется.
Тебе покажет книга путь к прекрасному
И повлечет к нему с любовной силою.
И станет поученьем, воспитанием
Тебе рассказ, построенный талантливо.
20 А ум, с каким сплетен он, явно выкажет
Создателя-стратега, в деле мастера.
Добиться счастья хочешь – так на цель смотри,
Возьми уроком неудачи первые
И, не жалея сил, трудись настойчиво.

- 25 Не удалось? Ты духом пал, сбежать готов?
Само собой добро не обретается!
Храни себе, на ложе развалившийся,
И не мусоль бездарно эту книжицу,
В безделье бесполезном не трепи ее!
- 30 Нет, нужно рассмотреть со всем вниманием,
Как говорят, от печки, что за прелесть в ней.
И ты увидишь: вот, правитель царственный
Дал милым чадам испытанье странное –
(И я с тобой дивлюсь на волю отчую –)
- 35 Он власть решил отдать ценою подвигов
Тому, кто будет в сих трудах успешнейшим.
Увидишь ты, как младший сын властителя
Всем пылом сердца к битвам устремляется –
(Возьми его в пример: крепись в страданиях
- 40 И не робей при изначальных трудностях).
В ком крепок дух надеждой некрушимою –
Тому и пекла тесная безвыходность,
Просторный луг, тому и лев свирепейший –
Не беспокойство, пасть дракона наглая –
- 45 Не новость, а пустяк, и он идет себе
Вперед, и рушит грады неприятелей.
Читай еще, ведь дальше там такой рассказ!
Герой идет – и вдруг – ему навстречу лев!
Его он прямо тут же валит замертво.
- 50 Вот город – стражи страшные! Вскипает бой,
И стражу валит он, добыча – девушка!
Ее держал дракон цепями скованной –
Он с девушкой любовью сочетается
По склонности взаимной – и притом берет
- 55 Несметное богатство – камни, золото,
Такой вот брак справляет он блистательный.

Эпиграмма на любовную книгу племянника автократора

Трудов немало снес венчанный юноша,
И спасся он от бед с большой приятностью!
Град покорив, что чистым золотом полнился,
60 С любимой он предался наслаждениям,
Но вдруг в пещере мертвым оказался он –
Наслала это зло колдунья старая.
Ведь было у нее золотое яблоко,
Оно имело силу смертоносную.
65 Но ведьма утаила – в этом яблоке
Таилось и кипенье жизни некое –
И вот восстал из мертвых снова юноша!
Но снова наступают муки черные,
Опять несчастье – девушка похищена!
70 Царевич от злодея укрывается
И, чтобы вернуть себе жену свою,
Он, раздобыв себе одежды темные,
Бежит, в садах злодея укрывается
И кормится трудами огородника.
75 И вот весной собирает он букет из роз
И перстень свой золотой среди цветов кладет,
Как вестника живого и речистого,
Чтоб сообщить, что снова жив возлюбленный
Царевич, как пращой пускает яблоко
80 В гиганта, что его похитил девушку,
И, злом золатым уметив, умертвил его,
А девушку накрыл нежнейшим пеплосом –
Цветочным – злые чары тут же рухнули.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ О. В. СМЫКИ ЗА 1971–2020 ГОДЫ

2020 Иоанн Цец. До Гомера в журнале Аристей // *Agisteas: Вестник классической филологии и античной истории*. Т. 24. Москва: Изд-во ун-та Д. Пожарского, с. 189–203.

2020 «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере» (К. Манасси. Обзор истории, 4908) в сборнике *Nomo omnium horarum* // Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. Москва: Издательство ун-та Д. Пожарского, с. 516–520.

2020 Коллуф «Похищение Елены» (перевод) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды Исторического факультета МГУ. Т. 6. Москва: Индрик, с. 241–251.

2020 Памятник позднего эпоса – поэма Коллуфа «Похищение Елены» // Труды кафедры древних языков, серия: Труды Исторического факультета МГУ. Т. 6. Москва: Индрик, с. 239–241.

2020 Трифиодор «Илиона» (перевод) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды Исторического факультета МГУ. Т. 6. Москва: Индрик, с. 223–238.

2020 Трифиодор «Взятие Илиона» – памятник позднего греческого эпоса // Труды кафедры древних языков, серия: Труды Исторического факультета МГУ. Т. 6. Москва: Индрик, с. 222–223.

2017 Поэма Манасси Кир Константина о его поездке в Иерусалим. Перевод с древнегреческого в журнале Аристей // *Agisteas: Вестник классической филологии и античной истории*. Т. 15. Москва: Изд-во ун-та Д. Пожарского, с. 171–192.

2017 Поэма Манасси Кир Константина о его поездке в Иерусалим в журнале Аристей // *Agisteas: Вестник классической филологии и античной истории*. Т. 15. Москва: Изд-во ун-та Д. Пожарского, с. 161–170.

2016 «Музы» Алексея Комнина (перевод с древнегреческого) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. *Instrumenta studiorum*. Т. 83. Москва: Индрик, с. 245–256.

2016 «Музы» Алексея Комнина. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. *Instrumenta studiorum*. Т. 83. Москва: Индрик, с. 238–245.

2016 Арсений Монеувасийский. Мудрейшего и ученейшего Кир Мануила Фила стихи ямбические сочиненные для автократора Михаила Палеолога об

особенностях животных (перевод с латинского) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 268–270.

2016 Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 265–267.

2016 Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. Переводы с древнегреческого [Введение, 1 (об орлах), 2 (о грифе), 3 (о коршуне), 39 (о мартихоре)] // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 270–276.

2016 Константин Манасси. Жизнь Оппиана. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 257–262.

2016 Константин Манасси. Жизнь Оппиана (перевод с древнегреческого) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 262–264.

2016 Мануил Фил. Лев и собака (перевод с древнегреческого) // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 277–279.

2016 Николай Калликл. «На второе пришествие во дворце (как бы от лица Алексея Комнина)», перевод с древнегреческого // Труды кафедры древних языков, серия: Труды исторического факультета МГУ. Серия III. Instrumenta studiorum. Т. 83. Москва: Индрик, с. 241–241.

2015 Византийский поэт Мануил Фил (1270–1345). Из поэмы «О свойствах животных» (I, 80 ст.) «Об орлах» (перевод с древнегреческого) // Сборник *Arg docendi*. Искусство научить. К 90-летию латиниста Н.А. Фёдорова. Москва: Изд-во ПСТГУ, с. 218–224.

2015 Филострат Старший. Картины. Аррихион (перевод с древнегреческого) // Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней. Москва: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, с. 265–266.

2014 Клавдий Рутилий Намациан. Возвращение на родину. Перевод с латинского // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. № 3. Москва: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, с. 150–165.

2013 Квинт Смирнский. После Гомера. Погребальные игры в честь Ахилла (IV песнь, 61–595) (перевод с древнегреческого) // Олимпийские игры в по-

литике и культуре: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». 19 апреля 2013 г. Москва: Российский университет дружбы народов, с. 170–187.

2012 Из «Хроники» Константина Манассии. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков. Выпуск III, серия: Труды исторического факультета МГУ. Т. 53. Москва: Индрик, с. 228–239.

2012 Из «Хроники» Константина Манассии. Перевод с древнегреческого // Труды кафедры древних языков. Выпуск III, серия: Труды исторического факультета МГУ. Т. 53. Москва: Индрик, с. 239–246.

2012 Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. Перевод с древнегреческого // Труды кафедры древних языков. Выпуск III, серия: Труды исторического факультета МГУ. Т. 53. Москва: Индрик, с. 259–265.

2012 Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков. Выпуск III, серия: Труды исторического факультета МГУ. Т. 53. Москва: Индрик, с. 256–259.

2011 Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. Комментарий // *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ... и не только. Нине Владимировне Брагинской. Москва: РГГУ, с. 461.

2011 Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. Перевод с древнегреческого. В сборнике «*Orientalia et classica* // Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ... и не только. Нине Владимировне Брагинской». Москва: РГГУ, с. 458–460.

2010 Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору. Вступительная статья // Вопросы классической филологии. Выпуск XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи, серия: Вопросы классической филологии. Т. 15. Москва: Нике, с. 547–551.

2010 Мануил Фил. Славословие императору (перевод с древнегреческого) // Вопросы классической филологии. Выпуск XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ. Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи, серия: Вопросы классической филологии. Т. 15. Москва: Никея, с. 551–555.

2009 Мануил Фил. Стихи на разные темы. Вступительная статья // Труды кафедры древних языков. Выпуск II. *Opuscula cathedrae linguarum Antiquarum*. Москва: Индрик, с. 242–250.

2009 Мануил Фил. Стихи на разные темы. Перевод с древнегреческого «Гимны стихиям, или подражание Писиде», «Четыре эпитафии Андронику II», «О свойствах животных», «Переложение третьего псалма Давида» и др

и стихотворений по изданию Э. Миллера: II, 397–398, I, 33; I, 33 (2), I, 37; II, 260–279 // Труды кафедры древних языков. Выпуск II. *Opuscula cathedrae linguarum antiquarum* / Отв. ред. А.В. Подосинов. Москва: Индрик, с. 251–263.

2009 Сонник Мага Астрампсиха, 101 ст. Перевод с древнегреческого // «Сборник филологического факультета МГУ, *Vtriusque Linguae Grammaticorum Academiae Moscouiensis Elisabetanae Lomonosouiana Stationis Socii et Alumni*. Москва, 2009». URL: <http://www.philol.msu.ru/~classic/doc/sbornik--a-a-tachogodi.pdf>, с. 298–302.

2002 Арриан. Индия, перевод с древнегреческого // История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие / под ред. В.И. Кузищина. Москва: Высшая школа, с. 462–471.

2001 Manuel Philes as poeta doctus, XXe Congrès International des Études Byzantines, Collège de France – Sorbonne, 19–25 Aout 2001. Pre-Actes v. III, p. 47. Communications Libres. Paris.

2000 Мануил Фил, Поэтические произведения. Перевод с древнегреческого стихотворений по изданию Э. Миллера: II, 397; II, 198; II, 399; II, 279; II, 278; II, 400; I, 226; I, 376; II, 400–405; I, 213 // Труды кафедры древних языков. Сборник к 50-летию кафедры / Отв. ред. И. С. Чичуров. Москва, с. 246–255.

2000 Мануил Фил. Вступительная статья и примечания // Труды кафедры древних языков. Сборник к 50-летию кафедры / Отв. ред. И.С. Чичуров. Москва, с.241–245.

1999 Земледельческие обрядовые песни (1, 4, 5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1, 2, 4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, из других хоровых жанров (1, 2, 3), перевод с древнегреческого // Эллинские поэты VII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. Москва: Ладомир, с. 400–401, 401–405, 405–407, 409–411, 413–414.

1999 Каллимах. Причины, фр.1, О городах Сицилии, фр. 43, Могила Симионида, фр. 64; Аконтий и Кидиппа, фр. 67–74; фр. 178; Ямбы, фр. 191, 229; Гекала, фр. 384, перевод с древнегреческого // Эллинские поэты VII–II вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. Москва: Ладомир, с. 210–211, 292–294, 295–296, 298–301, 391.

1999 Эринна. Прялка. Перевод с древнегреческого // Эллинские поэты VII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв.ред. М. Л. Гаспаров. Москва: Ладомир, с. 206–207.

- 1993** Прокл. Гимны (все 7). Перевод с древнегреческого // Прокл. Первоосновы Теологии. Москва: Прогресс.
- 1990** Дион Хрисостом. Речи 21, 51, 53, 55. Перевод с древнегреческого // Античность в контексте современности. Москва: Изд. МГУ, с. 174–191.
- 1990** Софокл. Фрагменты 50, 54, 55, 159, 265, 284, 352. Перевод с древнегреческого // Софокл. Драмы. Москва: Наука, с. 386, 390, 391, 401, 412, 413, 423.
- 1990** Арриан. Индия. Перевод с древнегреческого // История и культура древней Индии. Москва: Восточная литература, с. 270–290.
- 1988** Орфические гимны (все 87). Перевод с древнегреческого // Античные гимны. Москва: Изд. МГУ, с. 174–267.
- 1988** Прокл. Гимны (все 7). Перевод с древнегреческого // Античные гимны. Москва: Изд. МГУ, с. 271–279.
- 1988** Синезий. Гимны (1, 4, 5). Перевод с древнегреческого // Античные Гимны. Москва: Изд. МГУ, с. 283–293.
- 1988** Греческая мелика: земледельческие обрядовые песни (1,4,5), походная песнь, застольные песни (1–27), гимны богам: Дионису (1,2,4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, другим богам (6); из других хороших жанров (1–3), любовная лирика (1), перевод с древнегреческого // Древнегреческая мелика. Москва: Книга, с. 391, 393, 394, 396–406, 411–414, 422–425, 427–428, 431–32, 436–439, 441–442.
- 1982** Рутилий Намациан. Возвращение на родину, перевод с латинского // Поздняя латинская поэзия. Москва: Художественная Литература, с. 283–302.
- 1980** Эпитеты Зевса в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Образ и слово. Москва: Изд. МГУ, с. 58–68.
- 1978** Менандр. Фрагменты. Перевод с древнегреческого // Менандр. Комедии. Фрагменты. Москва: Наука, с. 271–272, 288–350.
- 1978** Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею. Перевод с древнегреческого // Античные риторика. Москва: Изд. МГУ, с. 222–233.
- 1975** Замечания о каталоге в «Аргонавтике» // Вопросы классической филологии. Выпуск 6. Москва: Изд. МГУ, с.105–114.
- 1973** Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Выпуск 5. Москва: Изд-во МГУ, с. 108–123.
- 1971** О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Выпуск 3–4. Москва: Изд. МГУ, с. 344–364.

СОДЕРЖАНИЕ

Квинт Смирнский. После Гомера	3
Иоанн Цец. По Гомеру и После Гомера.....	283
Дарес Фригийский. Повесть о разрушении Трои	325
Диктис Критский. Дневник Троянской войны	361
Максим Грек. Греческие стихотворения	475
Исаак Комнин. Молитва Богородицы	478
Толкование снов Никифора, патриарха Константинопольского по алфавиту в ямбах	480
Gaudeamus	485
Айхендорф. Мимо	487
Орфическая Аргонавтика	488
Гораций. Hor. Carmina I, XXXVIII, Hor. Carmina II, VII, Hor. Carmina II, XIV, Hor. Carmina IV, I	530
Мануил Фил. Эпиграмма на любовную книгу племянника автократора	535
Список печатных работ О. В. Смыки	538

Ольга Викторовна Смыка

ЧЕРНОВИКИ ПЕРЕВОДОВ

Издатель *Леонид Янович*

Корректор *Иван Зыкин*
Верстка и оригинал-макет *Андрей Королев*
Обложка *Владимир Хананов*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 – книги, брошюры

Ассоциация Издательство «Новый Хронограф»
Контактный телефон +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации +7 (903) 669-69-09
E-mail: nhronograf@mail.ru
Информация об издательстве: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 19.08.2022
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Объем 34 усл.-печ. л.
Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в
АО «Т8 Издательские технологии»

ISBN 978-5-94881-535-0

9 785948 815350